О ВАЛЕРИАНЕ КУЙБЫШЕВЕ

Воспоминания,
очерки,
статьи

Проэкт устава рабочей красной гвардіи

Общія положенія

1. Красная гвардія ставит своей задачей:

а) защиту завоеваній революціи;

б) борьбу с контр-революціонными выступленіями;

в) охраненіе жизни, безопасности и имущества всѣх граждан без различія національности

г) и усиленіе охраны заводов от злоумышленных покушеній.

Выступленіе, дѣйствіе и формированіе красной гвардіи состоит в вѣдѣніи и под руководством Испол. Комитета Совета Рабочих Депутатов

Для непосредственного руководства дѣйствіями и формированіем Красной Гвардіи при Испол. Комитетѣ учреждается Штаб Красной Гвардіи, в состав которого входят: 1) десятники, а с роста гвардіи сотники или выбранные от десятников, 2) представители Испол. Комитета Совета Рабочих Депутатов по 1 от каждой политической партіи

О ВАЛЕРИАНЕ КУЙБЫШЕВЕ

Воспоминания, очерки, статьи

О ВАЛЕРИАНЕ КУЙБЫШЕВЕ

Воспоминания, очерки, статьи

Москва
Издательство
политической литературы
1984

66.61(2)8
О-11

Составитель
М. И. ВЛАДИМИРОВ

О Валериане Куйбышеве: Воспоминания, очерки,
О-11 статьи/Сост.: М. И. Владимиров.— М.: Политиздат,
1984.— 319 с., ил.

Книга посвящена выдающемуся советскому партийному и государственному деятелю Валериану Владимировичу Куйбышеву (1888—1935). Она рассказывает о жизненном пути профессионального революционера, соратника В. И. Ленина. Родные и близкие, друзья и современники Валериана Владимировича, другие авторы воссоздают картины его подпольной работы и пребывания в ссылках, вспоминают о неутомимой борьбе Куйбышева за установление Советской власти, о защите завоеваний революции, о том, как он, будучи на важнейших партийных и государственных постах, активно участвовал в социалистическом строительстве.

Книга рассчитана на массового читателя.

О $\frac{0902030000-327}{079(02)-84}$ **Заказ «Союзкниги»** **66.61(2)8**
3КП1(092)

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Коммунистической партии Советского Союза, история рождения и развития нашего государства неразрывно связаны с именем их основателя и руководителя Владимира Ильича Ленина, с именами людей, которые шли в первой шеренге борцов за социальное переустройство мира, за светлое будущее трудового народа.

В героические страницы прошедших десятилетий вписаны славные имена соратников В. И. Ленина, в том числе и Валериана Владимировича Куйбышева, выдающегося партийного и государственного деятеля. Ему и посвящен настоящий сборник воспоминаний, очерков и статей, авторами которых в большинстве своем выступают современники Валериана Владимировича.

Со страниц воспоминаний встают картины его детства — хотя и не обездоленного, но и не безмятежного. Воле — так звали Валериана в семье — прочили блестящую карьеру. Однако действительность царской России, режим самовластия с его вопиющим беззаконием, чудовищной несправедливостью по отношению к трудящимся, с его дикими контрастами и противоречиями вызывал гневный протест в душе молодого Куйбышева.

Еще учеником Омского кадетского корпуса Валериан Куйбышев приобщается к социал-демократическому движению и знакомится с марксистской литературой. Это позволяет ему понять классовый смысл происходящего вокруг. Решающую роль в формировании его марксистского мировоззрения, приверженности к революционному движению сыграли произведения Ленина, и в частности работа «Что делать?». Постепенно Куйбышев начинает втягиваться в выполнение поручений Омского комитета РСДРП и в 1904 году шестнадцатилетним юношей вступает в ряды партии большевиков, становится одним из активных ее членов.

С именем Куйбышева связана деятельность социал-демократических групп и организаций многих городов России.

«Жил в Сибири до 18 лет безвыездно,— напишет он впоследствии о себе.— В дальнейшем работал в партийных организациях Омска, Петропавловска, Каинска и Томска».

Активная революционная деятельность Куйбышева не остается незамеченной царской охранкой. 20 ноября 1906 года он подвергается первому аресту в числе 38 участников омской общегородской партийной конференции. После суда и ссылки под гласный надзор полиции Валериан Владимирович совершает побег и переходит на нелегальное положение.

Преследуемый царскими властями, он часто переезжает, меняет паспорта. Высокий, широкоплечий, обаятельный молодой человек с пышной шевелюрой и серо-голубыми глазами представляется Касаткиным, Кукушкиным, Соколовым. Ретивые служители монархического строя с беспокойством замечают его в Харькове, Вологде, Петербурге. Валериан Владимирович знакомится с такими уже опытными революционерами-подпольщиками, как А. С. Бубнов, В. М. Косарев, Я. М. Свердлов, В. Л. Шанцер (Марат). У них он учится профессиональным тонкостям революционной борьбы, перенимает опыт подпольной работы.

Революционная активность Куйбышева все больше и больше беспокоит блюстителей самодержавных порядков. 12 лет постоянных преследований и слежки, восемь арестов, четырехкратное пребывание в тюрьме и столько же — в ссылке. «Был 4 раза в сибирской ссылке (Каинск, Нарым, Иркутская губ. и Туруханский край)»,— отметит он позднее.

В 1916 году, совершив очередной побег из села Тутуры Верхоленского уезда Иркутской губернии, Валериан Куйбышев в марте приезжает в Самару. Энергично включившись в работу самарской партийной организации, он скоро оказывается в числе ее руководителей. При его активном участии расширяется партийная работа в районах и на предприятиях Самары, проводится общегородская партийная конференция, издаются антивоенные листовки и прокламации, готовится проведение Поволжской партийной конференции.

Арест и ссылка — последняя попытка царских властей расправиться с Куйбышевым — прерывают его работу, но ненадолго. 16 марта 1917 года, освобожденный Февральской революцией, он вместе с А. С. Бубновым возвращается в Самару, а уже 21 марта пленум Совета рабочих депутатов Самары избирает его председателем Совета. В начале апреля на общегородской партийной конференции В. В. Куйбышев избирается делегатом на VII Всероссийскую партийную конференцию. Здесь он впервые увидит и услышит Ленина.

Вдохновленный встречей с вождем революции и постановлениями конференции, преисполненный решимости к еще более энергичным действиям, Куйбышев возвращается в Самару. Он ведет бескомпромиссную, принципиальную борьбу с оппортунистами и оппозиционерами, твердо и неуклонно проводит в жизнь ленинские указания. Этому периоду посвящены страницы сборника, написанные А. С. Бубновым, М. С. Бешенковской, Г. Т. Кузьмичевым, М. Г. Логиновым и другими товарищами, близко знавшими Валериана Владимировича.

В октябрьские дни в Самаре Куйбышев проявляет свои недюжинные способности организатора. Неуемной энергией он увлекает окружающих, находится в гуще масс и зовет их к решительным действиям, направляет и координирует их усилия, делает все от него зависящее, чтобы подготовить трудящихся к последнему штурму. И, как бы подводя итог проделанной работы, он скажет позднее: «Можно с удовлетворением констатировать, что Самара в общей революционной борьбе занимала одно из первых мест. Несмотря на отдельные поражения, ошибки и трудности, самарская организация сумела успешно пробить дорогу к Октябрю, отметая с пути все силы, пытавшиеся задержать революционное шествие».

Первые послеоктябрьские годы. Куйбышев в рядах тех, кто неустанно работает, чтобы закрепить и развить завоевания социалистической революции, практически претворить в жизнь первые решения Коммунистической партии и Советского правительства. Вражеские силы развязывают гражданскую войну, и он — на передовых позициях.

В. К. Блюхер, Г. Д. Гай, П. А. Кобозев, Т. Р. Рыскулов, М. Н. Тухачевский, Ф. Ходжаев и другие военные и партийные руководители, участники гражданской войны рассказывают о В. В. Куйбышеве в этот трудный период, характеризуют его как незаурядного военного и политического деятеля, проявившего и личное мужество, самообладание в боях с врагами Советской власти.

Председатель Самарского ревкома В. В. Куйбышев возглавляет борьбу с атаманом Дутовым и организует оборону города от белочехов. В качестве члена Реввоенсовета 1-й, а затем 4-й армий принимает непосредственное участие в освобождении городов Поволжья от сил контрреволюции. В период борьбы с колчаковщиной он вместе с М. В. Фрунзе планирует и осуществляет боевые операции Южной группы войск Восточного фронта. Вместе с С. М. Кировым организует оборону Астрахани и исполняет обязанности командующего 11-й армией.

Назначенный членом Реввоенсовета Туркестанского фронта, В. В. Куйбышев по указанию В. И. Ленина вводится в состав Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. Вместе с М. В. Фрунзе, Ш. З. Элиавой и другими он проводит ленинскую национальную политику в районах Средней Азии, много делает для оздоровления и сплочения местных партийных организаций.

Все, кто знал Валериана Владимировича, кто встречался с ним в те бурные годы, отмечают его выдержку и стойкость, дарование военного и политического руководителя. Примечательным в этом отношении является разговор М. В. Фрунзе по прямому проводу с Ф. Ф. Новицким 19 ноября 1919 года. Отвечая на предложение последнего назначить В. В. Куйбышева заместителем командующего Туркфронтом, Михаил Васильевич сказал: «...я думал, что товарищ Куйбышев перегружен работой общего характера и не сможет целиком отдаться чисто военной работе, но если это не так и если туркестанские условия требуют передачи командования в руки политического деятеля, то я бы остановился на кандидатуре товарища Куйбышева».

Валериана Владимировича отличало умение работать с людьми, организовать, сплотить и мобилизовать их на выполнение самых сложных задач. Необычайная чуткость, способность быстро и правильно разобраться во всех тонкостях взаимоотношений в условиях многонационального Туркестана, тактичность, личная простота и доступность, сочетаемые с требовательностью и принципиальностью, снискали ему глубокое уважение и большой авторитет среди трудящихся. Эти качества позволили ему успешно выполнить в 1920 году и благородную миссию полномочного представителя РСФСР в Бухарской Народной Советской Республике, где, по выражению Ленина, «наша политика за этот год одержала крупные успехи» [1].

С окончанием гражданской войны Куйбышев по решению ЦК РКП(б) откомандировывается в распоряжение ВЦСПС, и с этого момента начинается новый этап в его жизни, этап становления его как крупного партийного и государственного деятеля под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина и в личном общении с ним.

В. И. Ленин высоко ценил партийные качества Валериана Владимировича, его искренность и самоотдачу, трудолюбие. Владимир Ильич помогал Куйбышеву осваивать сложные формы и методы борьбы на новом фронте — хозяйствен-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 132.

ном. Для Куйбышева В. И. Ленин был «символом... упорства, настойчивости, умения в любых самых тяжелых условиях осуществлять задуманное, добиваться своего».

Напряженная, подчас вконец изматывающая, но плодотворная творческая деятельность В. В. Куйбышева на ответственных партийных и государственных постах, на важнейших участках хозяйственного строительства раскрывается в воспоминаниях И. М. Губкина, С. С. Каменева, Я. Х. Петерса, Г. И. Петровского, Ш. З. Элиавы, Е. М. Ярославского и других участников исторической битвы за социализм.

Член Президиума ВЦСПС, заведующий экономическим отделом ВЦСПС, член Президиума ВСНХ, Куйбышев много трудится над восстановлением промышленности и ликвидацией топливного кризиса, над активизацией творческой инициативы профсоюзов и превращением их в школу управления, школу хозяйничанья, школу коммунизма. Назначенный начальником Главного управления электротехнической промышленности, он становится одним из деятельных участников практического осуществления ленинского плана электрификации страны.

X съезд РКП(б) по рекомендации Ленина избирает Куйбышева кандидатом в члены ЦК. На XI съезде он вводится в его состав и затем избирается секретарем и членом Оргбюро ЦК. XII съезд партии выдвигает Куйбышева в состав ЦКК, затем он становится ее председателем. Вскоре Президиум ВЦИК назначает его народным комиссаром Рабоче-Крестьянской инспекции. Валериан Владимирович — первый председатель объединенного органа ЦКК — РКИ.

Делегат последующих съездов, член ЦК, а с декабря 1927 года член Политбюро ЦК ВКП(б), В. В. Куйбышев проводит колоссальную работу по обеспечению руководящей роли партии в решении задач социалистического строительства, борется за твердое и последовательное выполнение заветов великого Ленина, отстаивает чистоту марксизма-ленинизма. До конца дней своих он остается верным и непоколебимым коммунистом-ленинцем.

Именно в эту замечательную пору расцвета творческих сил Куйбышева мне посчастливилось познакомиться с ним и потом длительное время работать рядом. Все мы были тогда молоды, полны силы, энергии и энтузиазма. Но и нас, в общем-то умеющих вести дело, не считаясь ни со временем, ни с усталостью, порой просто поражала одержимость Куйбышева в работе, его способность охватывать огромный круг проблем, жизненно важных вопросов и принимать по ним ответственные решения и конкретные меры. Валериан Влади-

мирович был не только талантливым руководителем и организатором, но и теоретиком. Об этом, к сожалению, мало говорится в приводимых воспоминаниях. Как очевидцу и современнику Куйбышева, мне хотелось бы подчеркнуть, что он внес вклад в теоретическую разработку проблем построения социалистического общества. В частности, это сыграло заметную роль при разработке первого пятилетнего плана, которую возглавлял Куйбышев как председатель ВСНХ.

В длительной и кропотливой работе по составлению, а затем и по выполнению основных заданий первой пятилетки проявляются многогранные дарования Валериана Владимировича. Смелость и решительность, непоколебимая вера в успех начатого дела, глубокое понимание стоящих задач сочетались в нем с умением пойти на обоснованный риск, с готовностью взять на себя ответственность за принятое решение, со способностью видеть перспективу развития.

Ранее лишь периодически участвуя в заседаниях Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны, В. В. Куйбышев теперь постоянно работает в этих органах, становится заместителем председателя и с 1934 года — первым заместителем председателя СНК и СТО СССР. Все чаще и чаще заседания высших органов государственного управления проходят под председательством Куйбышева, на них обсуждаются важнейшие вопросы политического, народнохозяйственного и оборонного значения.

Большой опыт руководства и планирования социалистической экономики позволяет Куйбышеву успешно и с присущей ему энергией выполнять с ноября 1930 года обязанности председателя Госплана СССР. Назначение Валериана Владимировича на этот пост было дальнейшим шагом партии по реализации ленинского указания о необходимости повышения компетенции и авторитета Госплана. Владимир Ильич, высказывая свое мнение о руководителе этого органа, писал: «Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей» [1]. Именно такими качествами и обладал Куйбышев.

XVII съезд партии — последний съезд, в работе которого Валериан Владимирович принимал участие. По его докладу съезд подвел итоги проделанного и утвердил план второго пятилетия — план завершения технической реконструкции всего народного хозяйства.

Решением съезда на Куйбышева возлагаются обязанности

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 350.

председателя Комиссии советского контроля. Огромный, накопленный годами практический опыт по совершенствованию структуры органов государственного аппарата помогает ему ликвидировать параллелизм и дублирование при организации работы КСК, налаживании контроля и проверки исполнения, добиться высокой эффективности в действиях контролирующих органов, привлечь к этому делу широкие слои трудящихся, главным образом молодежь. И здесь, как и прежде, Валериан Владимирович являет собой пример собранности и организованности, трудолюбия и усердия, деловитости и компетентности в решении сложных государственных вопросов.

Организаторские способности и прекрасные человеческие качества Куйбышева ярко и наглядно проявились в эпопее спасения челюскинцев. Как председатель правительственной комиссии Валериан Владимирович действовал целеустремленно, оперативно, и это при сохранении обычного распорядка дня работы в Совнаркоме, СТО, Политбюро, КСК. Никто бы, наверное, не смог точно ответить на вопрос: когда он отдыхает и отдыхает ли вообще?

Профессиональный революционер, крупный партийный руководитель, талантливый государственный деятель, Куйбышев был в то же время простым в обращении с людьми, очень доступным им, общительным и обаятельным. Быть человеком, жить во имя человека —что может быть более прекраснее и возвышеннее! Именно к этой мысли подводит читателя четвертый раздел настоящего сборника. Души прекрасные порывы революционера, гражданина, сына своего народа были целиком и без остатка отданы великому делу служения людям.

Несмотря на суровые испытания, выпавшие на его долю, он сохранил и пронес через годы лиричность души, способность остро переживать вместе с товарищами их успехи и огорчения, любовь ко всему хорошему и доброму.

В не столь уж частые часы отдыха Валериан Владимирович проявлял неистощимую фантазию, жизнерадостность и поразительную увлеченность. Об этих и многих других его замечательных чертах вспоминают, например, его сестра Г. В. Куйбышева, брат Н. В. Куйбышев, жена О. А. Лежава, сын В. В. Куйбышев, академик И. П. Бардин, видные деятели партии и государства Ю. Ахунбабаев, С. С. Лобов, В. Я. Чубарь.

25 января 1935 года в 14 часов 30 минут перестало биться сердце человека, который, как отмечал в те траурные дни Центральный Комитет ВКП(б), «был образцом пролетарского революционера, последовательного ленинца, непримири-

мого к врагам партии и рабочего класса, и самоотверженного борца за дело коммунизма». Вся страна остро и глубоко переживала тяжелую утрату.

Он скончался на боевом посту в расцвете творческих сил, полный новых, еще более грандиозных замыслов. Но его дела, его думы остались в кипении пятилеток, в разработке планов развития народного хозяйства СССР. Он жив биением пульса Волховстроя, Днепрогэса, Магнитки, Кузбасса и других гигантов социалистической индустрии тех лет, которые по праву считал и своими детищами.

Именем Валериана Владимировича Куйбышева названы города и поселки, районы, площади и улицы, предприятия и учебные заведения. Образ пламенного большевика-ленинца запечатлен в произведениях советских писателей, поэтов. Память о нем и в сердцах тех, кто знал его лично, и в сердцах всех советских людей.

И. М. Гронский,
член КПСС с 1918 г.

В РЯДАХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им.

В. И. Ленин

Е. В. КУЙБЫШЕВА

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

С одной стороны длинная, бесконечно длинная степь обнимает город Кокчетав Акмолинской области (теперешний Казахстан), а с другой — возвышаются горы со скалами и глубокими ущельями.

Степь и горы соединяются большим зеркальным озером — Копа.

Дно у озера глубокое, песчаное, на берегу камешки, как на берегу моря.

В Кокчетаве несколько улиц без тротуаров, с природной песчаной мостовой, через которую пробивается мягкая зеленая травка, несколько двухэтажных домов и один, на европейский лад, каменный магазин с большими зеркальными окнами и даже с коврами на лестнице. Две площади — Мещанская и Казачья — тоже не мощеные, а покрытые мелкими камешками и песком.

Грязи в Кокчетаве никогда не бывает. После сильного проливного дождя потекут по колеям прозрачные ручейки, пожурчат и скроются в песчаной почве.

Было в Кокчетаве две церкви, две школы, татарская мечеть и казарма местной воинской команды.

В Кокчетаве «отдыхали» от пограничной «тяжелой работы» в Туркестане и в других восточных местностях казачьи полки.

Совсем маленьким ребенком Валериан был привезен из Омска[1] в Кокчетав, куда получил назначение начальником воинской команды его отец, Владимир Яковлевич Куйбышев.

Мать Валериана, Юлия Николаевна, поступила учительницей в казачью школу.

Если приехать в Кокчетав и спросить первых встречных старожилов о Куйбышевых, они расскажут о том, как Юлия Николаевна и Владимир Яковлевич многих вывели в люди,

[1] Валериан Владимирович Куйбышев родился 25 мая (6 июня) 1888 г. в городе Омске.

подготовили детей бедняков в среднее учебное заведение и отправляли их учиться в Петропавловск, изыскивая для этого средства устройством спектаклей и вечеров, в которых принимала участие вся семья, а также и школьники.

Ими же был организован народный дом и вечерняя воскресная школа.

Они вели занятия в вечерней школе, а также знакомили население с новинками литературы — Толстым, Чеховым, Горьким.

Дом, в котором жила семья, был небольшой, одноэтажный, деревянный, окруженный со всех сторон деревьями: березами, черемухой и ветлами.

Весной дом утопал в цветущей черемухе, а летом в саду было много всевозможных цветов, которые выращивала мама.

Она обычно говорила:

— Цветы любить надо, они чувствуют, когда к ним хорошо относятся, когда за ними с любовью ухаживают. Они, как дети.

Цветов было так много, что с приближением зимы в сад устраивалось целое паломничество горожан. Редкая семья не наделялась на зиму цветами из сада Куйбышевых.

Зимой дом заносило со всех сторон огромными сугробами снега и старые, высокие березы виднелись только своими верхушками и казались кустарниками на снежных горах.

Не только богатства, но и среднего достатка в семье не было. Заработок отца и матери давал возможность только безбедно жить и вести хозяйство и воспитывать детей, которых в семье было восемь человек.

Одежда и обувь всегда переходили от старшего к среднему, а потом к младшему. Все это тщательно перешивалось, переделывалось по нескольку раз.

Обстановка в доме была самая обыкновенная, простая. Поддерживалась чистота и аккуратность. Мамино рукоделие украшало все уголки дома, создавая уют.

Рукоделием мама занималась в каждую свободную минуту, хотя этих минут у нее было очень мало. Приходя из школы, она занималась с уже ожидавшими ее учениками, хозяйство велось тоже под непосредственным ее руководством.

Никто никогда не видел маму без работы.

А в длинные зимние вечера рукодельничали все: мальчики вырезывали, рисовали, девочки вышивали, вязали, самые маленькие делали разные фигурки из размоченного гороха, скрепляя их спичками, а старшие по очереди читали вслух.

Рукоделию приходили учиться посторонние. В гостиной всегда стояли пяльцы, на которых вышивались скатерти,

для чего выписывался особый берлинский гарус разных цветов.

Зимой не все дети бывали дома. Старшие — Толя, Надя и Воля — уезжали учиться в Омск. Они не приезжали даже на рождественские каникулы: нужно было ехать 280 верст на лошадях по степной снежной местности.

Накануне рождества зажигалась для детей елка.

Игрушки для елки сохранялись из года в год, прибавлялись только сделанные самими детьми из серебряной и золотой бумаги.

Кругом елки веселились и танцевали дети под папину игру на гитаре, а мама сидела в кресле и плакала, что нет здесь Толи, Нади и Воли.

Мама вообще часто плакала: нет писем — слезы, пришло письмо — пока оно распечатывается — слезы, прочтет — если даже нет ничего печального — опять слезы.

Нас всегда это пугало, мы окружали маму, утешали ее и боялись, что она умрет от разрыва сердца.

В обычные зимние дни в доме была тишина. Дети рано ложились спать, а отец и мать долго читали вслух литературные новинки, которые в изобилии выписывали. На огонек приходили соседи, и чтение продолжалось далеко за полночь.

Летом было совсем другое. Весело, радостно.

Приезжали старшие, привозили с собой товарищей, и дом оглашался веселыми молодыми голосами, смехом, устраивались шумные игры, гулянье по горам, катание верхом.

Родители поддерживали веселье и никогда не омрачали его разговорами о нужде.

Летом дом привлекал к себе всю молодежь города — гимназисток и кадетов, приезжавших на каникулы в Кокчетав. Мы редко куда-нибудь ходили в гости, все веселье всегда проходило у нас.

В нашей семье все дети были здоровые и дышали жизнерадостностью, только Валериан был болезненный и задумчивый мальчик. По состоянию здоровья он приезжал на пасхальные каникулы и больше уже все лето не уезжал. Его поили кумысом, заставляли больше спать, гулять.

Валериан — Воля, как звали его в семье,— учился хорошо и его переводили без экзаменов из класса в класс.

В нашей семье был еще брат Миша, которого застрелил товарищ, играя ружьем. Мише и его товарищу в то время было по 14 лет.

В противоположность Воле Миша был здоровый, шаловливый мальчик и фантазер.

Однажды Миша таинственно сообщил Воле, что он слышал разговор мамы с папой, из которого понял, что Воля не наш, а что его взяли у нищих.

Миша сказал это и забыл, а на Волю сообщение Миши произвело большое впечатление. Он стал чаще уединяться, грустить, плакать по ночам и даже собирался бежать разыскивать своих нищих родителей.

Ему было легко поверить Мишиной шутке, так как часто знакомые говорили, что он ни на кого из семьи не похож.

Ночью услышал отец, что Воля плачет. Пришел к нему и стал спрашивать — о чем?

Воля долго не говорил, отец настаивал.

— Зачем вы скрываете от меня, что я не ваш сын? Где мои родители?

Долго отец уговаривал его, что это неправда, что это очередная Мишина выдумка...

Привели Мишу. Тот тоже старался убедить Волю, что он пошутил, он не думал, что Воля поверит ему.

Уже совсем большим, Воля говорил, что Мишина шутка произвела на него очень сильное впечатление, она положила слой грусти на все его детство.

На малейшую несправедливость со стороны близких он обижался, и ему казалось, что к нему несправедливы потому, что он чужой и что его не любят.

У него была манера сидеть молча, устремив взгляд в одну точку. Глаза его делались еще больше, лицо вытягивалось. А иногда, заложив руки в карманы брюк, он ходил по комнате и вдруг остановится перед стеной, как бы рассуждая: что же делать, стена мешает, и стоит, пока его не окликнет кто-нибудь. Дети смеялись, а мама сердилась на его рассеянность...

Позже он мечтал быть Суворовым. Много читал о подвигах этого полководца, любил играть в войну.

Подражая Суворову, он спал на досках, сбросив матрац, мылся весь холодной водой, делал гимнастику.

Воспитывая в себе храбрость, он старался ее воспитать и в нас очень интересным методом: заставлял нас идти в совершенно темную комнату и залезать под кровать, причем двери плотно запирались, а под кроватью находилась какая-нибудь вещь, которую нужно было принести ему в доказательство того, что был под кроватью.

Дрожа всем телом от страха, но боясь навлечь недовольство Воли и прослыть трусами, мы лезли, приносили спрятанный предмет. Чем дольше просидишь в темной комнате под кроватью, тем выше получаешь отметку за храбрость.

Тогда Воля нам казался очень взрослым, а сейчас мне ясно рисуется его совсем детское лицо и детские проказы.

Мы очень любили гулять с Волей по горам. Он всегда придумывал что-нибудь интересное, устраивал какую-нибудь страшную игру с приключениями.

Как-то раз он нас спасал от змеи.

Гуляя в горах, мы в ужасе бросились от ползущей в нашем направлении змеи. Воля с гордым видом двинулся на нее. Вероятно, в это время он воображал себя Суворовым, змею — целым полчищем врагов. Он храбро наступил на хвост змеи и быстро схватил ее в руки. Мы торжествовали, видя Волину храбрость, но... крик ужаса, и змея брошена, а «Суворов» держится за ужаленный палец.

Палец быстро синел и распухал, мы очень испугались, но нашелся среди нас один мальчик, который перевязал очень туго веревочкой палец выше больного места, чтобы опухоль не шла дальше...

Печальные мы возвращались домой. Наш «Суворов» всю дорогу молчал и только перед самым домом сказал:

— Только маме не говорите, а то она скажет, что змея ядовитая...

Он не боялся за последствия, но боялся огорчить маму.

Все обошлось благополучно, змея оказалась неядовитой.

Как-то раз играли в крокет на поляне около нашего дома, а на противоположной поляне паслись гуси. У них были маленькие желтые гусята. Гуси в это время очень сердиты, особенно гусаки.

Шар от крокета закатился в самую гущу гусиного стада. Гуси насторожились, вытянули шеи. Никто не решался идти за шаром. И вот Воля опять проявил свою храбрость. Высоко подняв над головой крокетный молоток, он двинулся на гусей. Гуси тревожно окружили его, шипели, щелкали языками, тянулись к нему, но он смел и ловок. Шар у него в руках, и он торжественно несет его к играющим. Мы аплодируем, а папа смеется:

— Ведь он у нас Суворов...

Потом мы — как ни странно, и старшие дети — увлеклись игрой в «моды». Из модных журналов вырезывали человеческие фигуры и играли ими, как живыми действующими лицами. Они у нас совершали кругосветное путешествие, терпели крушение, снежные заносы, голод, нищету...

Мы так увлекались, что скоро вместо вырезанных фигурок действующими лицами становились сами. Перевертывали столы, стулья, натягивали простыни, скатерти и «плыли по

океану». Наше увлечение заходило так далеко, что все нам казалось действительностью.

Вот Надя осталась на берегу, она не успела сесть на корабль, она плачет по-настоящему, мы все волнуемся, а капитан (Миша) ни за что не хочет послать за ней шлюпку. На все наши просьбы и угрозы — капитан непреклонен.

Воля колеблется. Он всегда во всех играх был спасителем, и это у него получалось без уговора с кем-нибудь, а по своей инициативе. Жалость к Наде победила Волины колебания, и он бросается в «волны бушующего океана». Мы суетимся, бросаем спасательный круг, бегаем по палубе, вызывая недовольство у капитана.

Надя, утомленная и промокшая, на борту корабля. Мы заботливо окружаем ее, приводим в сознание, растираем ей руки, ноги. Воля победоносно смотрит на нас, стряхивает с себя воду, сушится у огня, и мы продолжаем свой путь, выражая благодарность Воле и совершенно серьезно сердясь на капитана Мишу. Плывем до нового приключения, до новой опасности.

Игры у нас протекали без заранее обдуманного плана, импровизацией. Так же мы устраивали спектакли и цирковые представления.

Во дворе под навесом у нас были сделаны трапеции, кольца, шесты, лестница для гимнастических упражнений. Здесь и происходили цирковые представления. К участию в представлениях привлекались соседние мальчики, исполнялись довольно сложные акробатические номера. Зрителями был весь «цвет» кокчетавской интеллигенции.

Часто вся семья уезжала на целый день в горы или в лес, захватив с собой самовар и провизию. Мы, конечно, опять устраивали игры. Разыскивали заблудившихся путешественников, спускались с каменных скал по веревочной лестнице, перекидывали мосты через пропасти. Опять увлекались, опять превращали все в действительность: страдали за заблудившихся и радовались благополучному исходу игры.

Воля очень любил пение и музыку. Он хорошо подбирал все слышанные мелодии на мандолине, но голосом не мог передать ни одного мотива. Он это знал и, когда пели хором, говорил:

— А я буду держать паузу...

Как-то раз у нас на парадном крыльце пела девушка. Мотив ее песенки был печален. Она пела о несчастной сироте, которой некому пожаловаться на свою одинокую жизнь...

Воля, слушая пение, тайно украсил шляпу девушки цветами и незаметно положил ее рядом с ней. Так он всегда вы-

ражал певцу или музыканту какое-нибудь, хотя бы маленькое, внимание.

На другой день он играл на мандолине этот грустный мотив и сложил слова:

Слушайте, товарищи, песенку мою,
Эту песнь сложил ведь я про судьбу свою,
Эта песня вырвалась из души, как стон...
Как-то, братцы, видел я страшный-страшный сон:
Будто бы остался я в свете одинок,
И никто мне ласковых слов сказать не мог...

И совсем печально заканчивал песню:

Но не сон то, братцы, я вам рассказал,
Всю, всю правду истину от души сказал...

У него еще были печальные стихи, написанные в ранней юности, но он их тщательно прятал от всех.

Лет в 12—13 Воля уже не производил впечатления больного мальчика, но большие серо-голубые глаза его были попрежнему печальны.

* * *

Валериану было 14 лет, когда он выполнил первое задание партии.

Однажды в воинской команде у папы были разбросаны прокламации.

Откуда они появились? Кто посмел?

Отгадать было нетрудно. Каждая прокламация была свернута в трубочку и, чтобы не развертывалась, перевязана гарусом. Тем самым гарусом, который был только у нашей мамы. Весь город знал его.

Маленький революционер был плохо знаком с конспирацией.

За обедом отец был мрачен и говорил о молокососах, которых надо бить за то, что они портят солдат...

Воля сидел, опустив голову над тарелкой.

— Это ты? — стараясь не смотреть на Волю, спросил отец.

— Да, я,— тихо, но твердо ответил Воля, тоже избегая встречаться глазами с папой.

Отец шумно отодвинул стул, бросил салфетку и ушел из-за стола.

Обед прекратился, никто не мог есть. Произошло что-то страшное, если рассердился всегда ласковый и спокойный папа.

Теперь было ясно, почему часто, несмотря на погоду и позднее время, мальчики, даже и младшие, уходили из дома,

нарушая строгий мамин режим. Я помню, как Воля и Миша стояли, наказанные, в углу за то, что поздно пришли домой, а мы, младшие, контрабандой таскали им конфеты и пирожки.

Оказалось, что Воля под видом игры в Суворова устроил в горах, среди скал, крепость для нелегальщины.

Его «суворовское» войско было воспитано в строгой дисциплине, и никто никогда не выдал места крепости и не похитил хранимой нелегальщины.

Мама была очень религиозна, и мы каждое воскресенье ходили в церковь. Воля часто оставался дома, ссылаясь на нездоровье, а когда бывал, то мама печально говорила:

— Папа и Воля лба не перекрестят...

Приезжая из старших классов корпуса домой, Воля вел себя уже серьезно. К нам относился с нежностью и лаской, но уже редко устраивал игры. Он много читал, уединяясь в глухом уголке сада.

К ужасу мамы, Воля вел беседы с денщиками (солдаты прислуживали у нас дома), давал им читать книги.

— Разве тебя учат в корпусе дружить с денщиками? Какой же ты будешь офицер, если твой денщик тебя не будет слушать...

— Денщик такой же человек, как и я, почему я не могу с ним по-человечески разговаривать? — отвечал Воля.

Я помню бурный разговор мамы с Волей, который произошел после того, как мама услышала, что Воля говорит денщику «вы».

— Воля балует денщика,— жаловалась мама папе.— Ну разве он поймет вежливое обращение на «вы»?

После каждого такого разговора Воля еще больше углублялся в себя, уходил один в горы и все читал, читал и читал... Но с денщиками продолжал говорить по-товарищески, здоровался с ними за руку и говорил им «вы», конечно каждый раз вызывая бурю маминого негодования.

Нам казалось, что Воля не любит маму. Мы, девочки, часто обсуждали этот вопрос и страшно боялись, что это действительно так.

Мама в нашей семье занимала центральное место, она была значительно строже папы, мы часто обижались на ее замечания, но уважали и любили ее. Поэтому, когда возникали разногласия между мамой и Волей, мы одинаково мучились за маму и Волю.

Из кадетского корпуса Воля прислал нам стихотворение, которое убедило нас, что хотя он с мамой и ссорится, но все же маму любит, и мы успокоились...

К нам приезжали два маминых брата, они были исключены из училища «за бунтарство». Один из них сыграл большую роль в революционной жизни Валериана.

Я помню, что, когда приезжали мамины братья, между ними и мамой возникали споры. В чем была суть этих споров, я тогда не понимала, но мы все чувствовали, что дяди вносят в наш дом что-то странное, что нарушает покой нашей семьи.

Валериан был очень дружен с ними, уходил гулять, читал, спорил — это доставляло маме много неприятностей.

В кадетском корпусе учились почти все дети монархистов. Воля среди них не мог найти себе товарища и был очень одинок, тем более что уже в старших классах он был связан с революционной организацией.

Дома и в кадетском корпусе Воле приходилось быть конспиративным. Это создавало у него порой тяжелое настроение, заставляло быть осторожным и уединяться.

В 1905 году Валериан написал протест против январских расстрелов для того, чтобы присоединиться к протесту питерских рабочих.

Он услышал, как два кадета высказывались вслух против расстрела, и обратился к ним, чтобы они тоже подписали протест. Они подписали. Листок с протестом пошел по рукам всех кадетов. Один ярый, махровый монархист подошел к Валериану и сказал, чтобы он не позорил корпус, а разорвал протест и отказался от своих слов.

Воля действовал открыто и твердо. Он сказал, что протест не порвет и отказываться от своих слов не будет.

— Тогда мы с тобой будем говорить иначе,— пригрозил ему монархист.

Было организовано совещание. Собрались в спальне, куда не пустили Валериана. Он сидел одиноко в классе и ожидал приговора. Много за это время передумал, переволновался шестнадцатилетний революционер-подпольщик, но твердо решил держаться своей идеи и не уступать монархистам.

Шумная толпа совещавшихся кадетов окружила Валериана и потребовала отказаться от протеста и разорвать его.

Воля стоял на своем:

— И не подумаю рвать и отказываться...

— Бойкот, бойкот! Мы объявим тебе бойкот,— выли вокруг него монархисты.

Валериан не сдался. Протест с его одинокой подписью был послан в Питер.

Бойкотом не кончилось. Корпусное начальство, конечно, всполошилось, был произведен обыск в книгах Валериана.

Нашли сочинение Энгельса и «Письма» Лаврова. Начались объяснения, разговоры... И только то, что Валериан был первым учеником, и то, что не была доказана его принадлежность к революционной организации и его постоянное поведение не внушало подозрений, и, конечно, вмешательство отца спасли Валериана от исключения из корпуса, а может быть, и от ареста.

С трудом закончил Валериан кадетский корпус. Трудно было ему, связанному уже с партией [1], подчиняться корпусной дисциплине.

Учился он отлично, но по закону божьему отказывался отвечать, вел споры со священником. За это его хотели выпустить из корпуса без отметки по закону божьему — с таким аттестатом нельзя было бы продолжать учение.

И только потому, что у него по всем предметам были отличные отметки, ему натянули переводной балл по закону божьему.

После окончания кадетского корпуса Валериан наотрез отказался идти в военное училище.

Опять было много споров с мамой, ее слез, увещеваний отца, но Валериан настоял на своем: осенью он поехал в Питер и поступил в военно-медицинскую академию. Скоро в академии произошла забастовка, и Валериан, как участник забастовки, был исключен.

Из Петербурга он поехал в Омск для работы в омской организации и скоро был арестован.

* * *

Это было в 1906 году.

Валериан был избран в состав Омского комитета. На него была возложена пропагандистская работа и работа в кружках.

Из областного центра была получена директива избрать делегата на общегородскую конференцию. А общегородская конференция должна была выбрать делегата уже на всероссийский партийный съезд, который затем состоялся в 1907 году в Лондоне [2].

В то время как происходила конференция, вбежал товарищ и предупредил, что дом окружен полицией и казаками.

---

[1] В. В. Куйбышев вступил в ряды РСДРП в 1904 г.

[2] Имеется в виду V съезд РСДРП, который проходил в Лондоне с 30 апреля (13 мая) по 19 мая (1 июня) 1907 г. От омской партийной организации делегатом на съезде был *Попов Константин Андреевич* (1876—1949) — член КПСС с 1906 г., советский историк, в рабочем движении с 1899 г., один из руководителей борьбы за Советскую власть в Сибири.

И правда, не успели еще скрыть следы проходившей конференции, как вломилась полиция и за ней — казаки.

— Руки вверх!.. Будем стрелять!..

Всех, не обыскивая, вывели на улицу и под охраной полиции и казаков увели в участок, а оттуда в тюрьму.

Обыск в доме, где происходила конференция, производили в отсутствие арестованных, а также и хозяина квартиры, который тоже был арестован.

Среди арестованных, которых было 38 человек, находились два юриста, которые уже не в первый раз подвергались аресту. Остальные почти все были молодежь.

Арестованных посадили в одну камеру, и они стали обдумывать, как будут вести себя при допросе на суде.

Решили, что будут отвечать одной и той же фразой:

— Я представителям царского суда никаких показаний давать не буду.

Так и отвечали.

Оказалось, исправнику было донесено, что собралась вооруженная организация экспроприаторов. Ожидая встретить сильное сопротивление, он послал полицию и казаков для их ареста.

Выяснилось, что военный суд отказывался вести дело, не найдя в нем попытки к вооруженному восстанию, но полиция настаивала.

Содержались все арестованные сравнительно свободно. На свидания к ним приходили не только родные, но и друзья, которые приносили им сведения о работе организации. Однажды даже удалось в комнате, где происходило свидание, провести выборы делегата, которого не удалось выбрать на общегородской конференции.

Я помню большую-большую комнату, где происходили свидания. Было очень шумно и весело, совсем не походило, что здесь происходит свидание с арестованными. Воля тоже был очень весел, много шутил и знакомил нас со своими товарищами.

Все же, идя домой, я и моя сестра Женя горько плакали и послали родителям телеграмму: «Воля предан военно-полевому суду». Военно-полевой суд редко миловал. Его приговор был суров: расстрел. Отец, получив телеграмму, прискакал в Омск.

Когда сообщили брату, что его на свидание вызывает отец, он думал, что сейчас начнутся упреки, слезы, увещевания. И решил идти на все, даже на разрыв с семьей.

И каково же было его удивление, когда вместо упреков отец бросился к нему с радостными восклицаниями:

— Как я рад, как я рад... слава богу...

Он обнимал Валериана, целовал, ощупывая его, как бы проверяя, действительно ли это Валериан.

Валериан недоумевал, чему рад отец.

Оказывается, что отец только здесь, в тюрьме, узнал, что суд будет не полевой, а просто военный, он понял, что телеграмма была неверно составлена.

Настал суд. Все 38 человек стойко держали себя на допросе и на суде. По опросу свидетелей арестованные юристы поняли, что при обыске ничего особенно компрометирующего не было найдено. Но все же были найдены печать организации, резолюция конференции и несколько прокламаций.

Когда разрешили говорить подсудимым, один из юристов спросил у околоточного, куда делись десять рублей и брюки одного из арестованных?

Полиция возмущена этим вопросом, а суд настаивает на ответе. Оказалось, что деньги переходили из рук в руки и наконец исчезли, как и брюки. Гомерический смех на скамье подсудимых. Суд еле сдерживает улыбки.

Потом выясняется, что из оружия при обыске был найден... перочинный нож. Опять хохот. Вот так вооруженное нападение!

Слово берет другой юрист, который выдал себя за портного. Выступив с обличительной речью против полиции, он указал на то, что обыск в доме, где собралось 38 человек, происходил без свидетелей, а следовательно, все, что было найдено при обыске, было подброшено самой полицией.

Суд с напряженным вниманием слушал. Брат говорил, что он никогда больше не слышал такого блестящего оратора. Недаром его партийная кличка была Марат [1].

Когда суд удалился на совещание, всех арестованных привели в общую комнату. Арестованные юристы удивились тому, как проходит суд, они говорили, что чувствуется большая симпатия суда к арестованным, а между судом и полицией нелады.

В комнату, где были все арестованные, вошел прокурор и спросил у Марата, правда ли, что он портной. Получив утвердительный ответ, он сказал, что ему за всю его многолетнюю практику не приходилось встречать такого оратора.

---

[1] *Шанцер Виргилий Леонович* (1867—1911) — деятель российского революционного движения с 1887 г. В революцию 1905—1907 гг.— один из руководителей Московского комитета и подготовки Декабрьского вооруженного восстания. С 1907 г. кандидат в члены ЦК РСДРП.

Вместо ожидаемого приговора — по крайней мере четыре года каторги — суд неожиданно вынес год тюремного заключения.

Возвратясь из суда в темную камеру, Валериан был страшно огорчен:

— Уж или совершенная свобода, или каторга, а то вдруг — год тюремного заключения...

— Молодость, молодость говорит в тебе,— смеялись над ним юристы.

После тюрьмы Валериан поехал в Каинск, где отец был воинским начальником.

Отец после японской войны был переведен из Кокчетава сначала в Кузнецк на Алтае, а потом в Каинск Томской губернии.

Валериан продолжал быть в семье страшно конспиративным, он никогда ничего нам не рассказывал о своей работе, хотя очень хорошо относился к нам и мог бы сделать из нас помощников и единомышленников. Но так как от нас тщательно скрывали, за что арестовывался Валериан, он со своей стороны боялся причинить неприятность семье и тоже не посвящал нас ни во что. Мы знали, что Воля не верит в бога и «не признает царя», но не знали, нужна ли ему наша помощь. Относились мы к нему с большим уважением. Он был для нас всегда авторитетом.

Воспитываясь у религиозной матери, мы, все младшие дети, ложась спать, молились. Молитвы были шаблонные, стандартные, но после некоторого времени мы в свои молитвы включили новую:

— Дай бог, чтобы Толя, Надя и Воля верили в бога и признавали царя...

Мы думали, что исполнение этой молитвы спасет Волю и вернет в нашу семью то благополучие, которое было в детстве.

* * *

Все мои воспоминания о периоде юношеских лет Валериана сводятся к его арестам, ссылкам, свиданиям в тюрьме и к постоянной тревоге за него у нас в семье [1].

Живя в Каинске, Воля сейчас же нашел себе много товарищей среди политических ссыльных. У нас часто устраивались литературные вечера, споры, чтение, а под конец вечера пели хором революционные песни. Мама страшно

[1] Впоследствии В. В. Куйбышев писал о себе: «Жил в Сибири до 18 лет безвыездно. В дальнейшем работал в партийных организациях Омска, Петропавловска, Каинска и Томска. Был 4 раза в сибирской ссылке (Каинск, Нарым, Иркутская губ. и Туруханский край)».

нервничала, плотно закрывала окна и уверяла, что жандармы все время ходят около нашего дома. У нее развилась болезнь — мания преследования, она все время видела, что за ней следят полицейские или жандармы, даже в церкви ее не оставляли в покое их преследования.

Но ведь на самом деле страшно, что в квартире воинского начальника и вдруг собираются политические ссыльные, да еще поют запрещенные песни.

Помню, как-то я возвращалась домой из гимназии. Подойдя к нашему дому, я увидела, что он оцеплен полицией. Меня пропустили. В доме был ужасный беспорядок, какой может быть только после обыска. Воля стоял, прислонившись к решетке окна в папиной комнате... Вся его поза говорила: опять за решетку.

Увели жандармы Волю и Толю.

Обыск продолжался. Жандармы пошли в амбар. Я пошла за ними. В амбаре стояли корзины с книгами папиной библиотеки, а высоко на балках, у самой крыши, были две корзины с Волиными книгами.

Жандармы стали рыться в папиных книгах. Книги были пыльные, и жандармы ворчали, отряхивали с себя пыль, чистились и продолжали опять искать.

Наконец, они заметили Волины корзины. Я сказала, что там хранятся дела папиного управления, что подтвердил стоявший здесь же писарь из папиного управления, а я прибавила, что архив этот к тому же очень пыльный. Жандармы ушли.

Ночью мы с мамой принялись сжигать Волины книги. Я таскала их в дом, а мама сидела возле ярко горящей печки и кочергой мешала пылающую бумагу, чтобы она скорее прогорала.

Выбегая за новыми книгами, я смотрела на трубу, не летят ли хлопья горелой бумаги,— мама боялась, что по ним следившие за нашим домом жандармы могут понять, что мы сжигаем нелегальщину.

Свидание с Волей было через две решетки, между которыми шагал жандарм, но мне все же удалось сказать Воле, что мы с мамой все книги сожгли. Каково же было мое удивление, когда я увидела огорченное лицо брата:

— Что вы наделали! Я с таким трудом собирал эти книги. Ведь там был и «Капитал»...

Идя из тюрьмы, я была очень расстроена: мы так старались с мамой, не спали ночь, чтобы жандармы, если вернутся, ничего не могли найти и не страдал Валериан, а оказалось, что мы только огорчили его.

Помню, как опять Воля жил у нас в Каинске. К нему опять приходили политические ссыльные, он был всегда окружен товарищами, друзьями, но на этот раз Воля нервничал. Я это видела, когда он занимался со мной по математике и когда он начинал спорить с мамой о чем-нибудь...

Однажды Воля исчез. Мама страшно волновалась, отец, конечно, тоже. Только через несколько дней после исчезновения Воли была найдена его записка, которая выпала из-за картины.

Воля писал, что не может больше оставаться в Каинске, что его долг быть с товарищами по работе, просит не беспокоиться о нем... Отец записку повез исправнику. А Воля был уже в это время в Петербурге.

Впоследствии мы узнали, что побег Воли был согласован с отцом, что брат рассказал ему о своем ужасном состоянии вдали от работы, которую он должен вести. Отец помог ему бежать. Долго не находилась записка, потому что отец в волнении забыл, куда сам ее спрятал.

Это было в 1908 году. Приехав из Каинска в Петербург с паспортом на имя Андрея Степановича Соколова, Валериан стал искать связи с организацией. Неласково встретил Петербург Волю: трудно было найти уроки, чтобы безбедно пробиваться, а поэтому пришлось идти чернорабочим. Случайно нашлась работа на песчаном карьере — сбрасывать лопатой песок вниз, а оттуда его возили тачками. Работа была трудная, утомительная, но Валериан принципиально не брал из семьи денег, старался жить своим заработком...

Часто вспоминается один ужасный эпизод из жизни Валериана. Получили телеграмму, что Воля этапом едет через Каинск. Просит встретить. Он телеграмму послал случайно — выбросил ее из окна вагона стоящему на платформе совершенно незнакомому человеку.

Мама, Надя и я поехали на вокзал. Вот пришел поезд. В решетке окна — Воля. Он радостно улыбается нам. Уговаривает маму, чтобы она не плакала, ободряет ее, что уж не так ему плохо... Конвоир одергивает его, Валериан не обращает внимания — разговаривает с нами, опять замечание конвоира... и, когда трогается поезд, мы видим искаженное лицо Валериана и приклад конвоира... Надя в слезах бежит к железнодорожному жандарму, мама еле держится на ногах, а поезд уже далеко от станции.

— Зачем я сюда приехала! Что сделают с ним? — всю дорогу сквозь слезы говорила мама.

Когда Валериан жил у нас, он никогда не говорил, что его били в тюрьме,— он, видимо, не хотел огорчать родных.

Уже совсем недавно, вспоминая этот случай, он рассказал, что его тогда жестоко избили конвойные и надели на него кандалы.

Первые аресты трудно переносил Валериан. Он старался писать бодрые письма, но каждая строчка звучала у него грустью.

Когда получалось письмо с сообщением, что Воля едет в ссылку, все облегченно вздыхали. Ужасно было представлять нам Волю за решеткой. Ужасов этапов и ссылок мы не представляли и поэтому всегда радовались, что он не в тюрьме.

После каждого нового ареста мама печально говорила:

— Воля опять наделал делов...— И безнадежно махала рукой.

Это значило, что Воля опять в тюрьме.

— Девочка, не говори никому, что у тебя брат политический,— как-то неловко просил папа.

Нам запрещалось говорить о брате знакомым и в гимназии. Нас это очень оскорбляло, мы тайно гордились Валерианом, заучивали его стихотворения на память и декламировали их, как нелегальные.

Из Каинска отец был переведен в Тюмень. В этом же году он умер.

Воля любил отца. В этот приезд к нам в Тюмень он рассказывал нам про встречу с отцом в Петербурге.

Брат жил под чужим паспортом в бедном квартале на чердаке. Однажды, придя домой, он застал у себя отца. Странно было видеть подполковника в мундире, с орденами... на чердаке.

Воля стал уговаривать отца пойти в гостиницу и снять номер. Отец протестовал. Валериан доказывал ему, что неловко быть у поднадзорного человека, да еще подполковнику, да еще на чердаке. Ничто не помогало. Отец твердил:

— Если ты, мой сын, живешь тут, поживу и я...

Воля и потом часто рассказывал об этом случае и всегда подчеркивал:

— Подполковник — и вдруг на чердаке у нелегального сына.

В 1913 году я учительствовала в Тамбовской губернии в селе Лысые Горы. Мама и две сестры — Маруся и Галя — жили летом у меня в селе. К нам приехал Воля. На нем были ярко-красная рубаха, студенческая фуражка. Он рассказывал, что в этой рубашке он танцевал в каинском клубе со знакомыми девушками и вызывал ужас у их мамаш и представителей полиции.

Помню, что Воля приехал в разных ботинках. Денег у нас у всех, конечно, было очень мало. Мама получала маленькую пенсию после смерти отца, я — маленькое жалованье, а две младшие сестры еще не работали. На покупку новых ботинок не было денег, пришлось отдать чинить старые, а Воля в это время ходил в лаптях.

Красная рубашка, длинные вьющиеся волосы, опускающиеся почти до плеч, студенческая фуражка и в довершение всего — лапти... Портрет замечательный.

Но Волю это мало огорчало и смущало. Несмотря ни на что, и в селе нашлись у него друзья. В этом и в соседнем селе было много школьных работниц; кроме того, несколько студентов работало над анализом почвы. В общем, компания для прогулок собиралась порядочная и веселая.

Гуляли по окрестным лесам и оврагам. Воля опять был «душой общества», его все очень полюбили.

Но странный вид Валериана все же смутил покой пристава, и он при встрече со мной многозначительно подчеркнул, что сразу видно, что мой брат нигилист. А при другой встрече попросил меня, правда очень вежливо, уговорить брата надеть другую рубашку и снять лапти.

— Смущает он всех, вопросов много около него, да и около вас...

Нас, конечно, это нисколько не испугало, да к тому же и ботинки были уже готовы.

Я получила жалованье. Поехали мы с Волей в город, с нами поехала и Маруся. Пошли в магазин, купили новые ботинки, фуражку и черную накидку. В этот период многие носили летом не пальто, а накидки. Воля особенно был рад этой покупке, все время рассматривал накидку, заглядывал на свое отражение в окна магазинов...

— Кутить так кутить,— решили мы и вошли в польскую столовую пообедать.

Сидим. Обедаем, а Воля все как-то неспокоен.

— Что ты?

— Нет, ничего...

Через несколько минут чувствуется опять его неспокойное состояние.

Оказывается, он беспокоился, что кто-нибудь стащит из передней его накидку.

Мы много смеялись над его опасениями, он тоже смеялся, но объяснил причину: у него так давно не было новой вещи, купленной по вкусу, что ему будет очень жаль потерять ее.

В 1916 году я жила в Тамбове. Мне сказали, что меня кто-то спрашивает. Иду. Валериан... Я бросаюсь к нему. Он, целуя меня, шепчет:

— Я — Адамчик. Вот моя жена.

Воля с женой бежали из иркутской ссылки в Самару и приехали повидаться с родными.

Всего лишь несколько часов побыл у меня Воля. Ему нельзя было задерживаться. Он был очень ласков со мной, смеялся над моей дочкой, сидящей в ванночке, и говорил, что у него тоже скоро будет ребенок.

В Самаре брат стал работать на трубочном заводе, но скоро он и его жена были арестованы.

Брат пошел в ссылку, в Туруханский край, жена получила эту же ссылку, но так как она должна была родить, ее оставили в самарской тюрьме.

Сибирские огни, 1935,
№ 5, с. 117—132.

В. А. ЛЕДОВСКАЯ

В ГОДЫ УЧЕБЫ

С Валерианом Владимировичем Куйбышевым я познакомилась в 1903 году в Омске во время его учебы в кадетском корпусе. В этот город я приехала из Каинска и поступила учиться в гимназию. После смерти моего отца, отбывавшего ссылку в Каинске, передо мной остро встал вопрос, как продолжить учебу.

Однажды в гимназии я встретилась с восьмиклассницей Еленой Ревзон, вместе с которой приехала из Каинска. Она сказала, что у них возникла мысль организовать ученическую «коммуну», чтобы самим готовить пищу, убирать комнату. «Так будет не только дешевле,— добавила она,— но мы сможем и производить «читки». Под «читками» имелись в виду коллективные чтения литературы по общественным вопросам. Я, конечно, согласилась войти в «коммуну».

И вот мы четверо «коммунарок» — Елена Ревзон и ее сестра Ревекка, Надя Куйбышева и я — сняли комнату у одной старой женщины на Станичной улице вблизи железнодорожной ветки. Вокруг нашего маленького коллектива организовался кружок, который посещали учившиеся в Омске брат Нади Куйбышевой Воля (так все звали тогда Ва-

лериана Владимировича), Гриша Минский, Рая Бржезовская и Костя Ларин.

Вскоре комнату на Станичной нам пришлось покинуть. Как-то по пути из гимназии я встретила Валериана Куйбышева, который на ходу сказал мне: «Валя, из-за тебя всех вас гонят с квартиры...» Я удивилась и огорчилась, ничего не понимая. Дома же Елена Ревзон со смехом мне сказала, что хозяйка лишает нас комнаты, так как мы много льем воды. «Особенно недовольна тобой, говорит, что даже маленькая при умывании много тратит воды, хотя от этого красивее не станет».

Наши восьмиклассницы Елена и Надя через некоторое время нашли хорошую светлую комнату с отдельным ходом на Новой улице в доме почтового чиновника Лебедева. Здесь на «читку» однажды собрались все кружковцы. Горячо обсуждали различные легальные статьи, потом решили спеть «Дубинушку». Во время пения в дверях показалась хозяйка квартиры. Она осуждающе качала головой: «Ай да барышни! На что это похоже! Что это за песня — подвернем да выдернем...» Мы сначала замолкли, не понимая в чем дело, потом расхохотались.

В комнате нам снова отказали. Новую квартиру нашли на Сажинской улице против наплавного моста через Омь в польской семье Холево. Низ полукаменного дома занимали хозяева, а две комнаты верхнего этажа — мы. Здесь мы жили до конца учебного года.

С субботы на воскресенье сюда часто приходил Куйбышев и приводил своего младшего брата Колю. Они ночевали в столовой, а мы в дальней комнате — спальне. В этом доме нашими чтениями часто руководил дядя Куйбышевых А. Н. Гладышев, живший по соседству. Из прочитанных здесь книг помню «Эрфуртскую программу» Каутского, «Женщина и социализм» Бебеля, работу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Окончив гимназию, наши старшеклассницы уехали из Омска. Я же, вернувшись с каникул, опять остановилась у Холево. Они любили Валериана и всегда приглашали его на воскресные пирожки. В эту пору мы с ним нередко беседовали о продолжении учебы в высшем учебном заведении.

Как-то встретившись со мной, Валериан сказал, что он богат, и подбросил на ладони серебряный рубль, который можно было истратить на лакомства...

В затруднительных случаях Куйбышев всегда охотно приходил на помощь. За 5 рублей и стакан кофе с булочкой

для меня нашелся урок — я должна была репетировать первоклассницу...

Однажды он пришел в воскресенье утром и сообщил, что за Иртышом будет массовка. Ничего не сказав хозяевам, мы отправились на паром, потом шли полем и перелесками, в одном месте встретили маленькую группу товарищей, которые сидели с корзинами, бутылками и различной снедью, как будто на прогулке. Мы им сказали пароль и пошли дальше. На пути повстречался еще один такой пост, и вот мы уже на массовке. Там я увидела много знакомых студентов, гимназистов, гимназисток и рабочих. Начался митинг.

За Иртышом мы пробыли несколько часов. Возвращаясь обратно, еще издали увидели на берегу и на пароме полицейских и жандармов. К нам, запыхавшись, прибежал Валериан и сказал, что переезжать через реку на пароме нельзя. С ним я вышла к реке, где в кустах была спрятана лодка. Валериан усадил меня в нее вместе с двумя железнодорожниками, и мы поплыли вниз по течению. Рабочие предложили спеть «Вниз по матушке по Волге», и мы с песней доехали до железнодорожного поселка и там разошлись в разные стороны.

Солнце уже было низко, когда я пришла домой. Возле дома на лавочке сидел Валериан и ждал меня. «Не поссорились ли, что пришли порознь?» — спросила сестра хозяйки. Я ответила, что мы держали пари, какой путь короче. «Ах, Валя, Валя,— проиграли! Воля давно пришел и ждет вас»,— сказала она мне.

В один из дней ко мне из Каинска приехали студенты Пальшанский и Дубин вместе с братом сестер Ревзон Натаном. Они купили в Омске «Капитал» Маркса, работы Бебеля и другие книги, появившиеся в продаже после революции 1905 года. Вечером нагруженные пачками книг, перевязанных шнурками, они пошли на станцию, чтобы вернуться обратно в Каинск. Я им помогла донести книги до вокзала. Там все мы были арестованы и помещены в жандармской, находившейся в подвале вокзала.

Через несколько часов, после долгих разговоров, мне разрешили в сопровождении солдат сходить в станционный буфет, чтобы купить хлеба и колбасы. Солдат остался у дверей вокзала, а я вошла в помещение и там увидела хозяйку нашей квартиры. Она, не подозревая, что я арестована, бросилась ко мне и стала знакомить с тучным полковником, ее деверем. После этого я торопливо отозвала хозяйку в сторону, сообщила об аресте и попросила ее вынести из квар-

тиры кое-что из литературы, а также предупредить Валериана, если он зайдет.

Купив продукты, я вернулась в подвал, а утром нас под конвоем отправили в каталажку. Я шла и боялась, что встречу преподавателей, так как была в форменном платье и в шляпе со значком. Ночью, после допроса, меня направили к начальнику гимназии для удостоверения личности и через некоторое время освободили. Валериан был доволен, что история с этим арестом закончилась благополучно.

Встречалась я с Валерианом и в Каинске. Там наша семья жила в доме на отшибе, без соседей. Бывали у нас главным образом ссыльные. Приходил и Валериан. Мы познакомили его с многими ссыльными рабочими и студентами — с Егором Решетовым, Яковом Беляевым, Смотровым, Рожковым и другими. Через нашу маму передавались печатавшиеся в Томске прокламации, которые мы разносили на заводы Ерофеева, Мясникова и другие места. Имена товарищей, привозивших прокламации, хранились в строгой тайне.

У нас было довольно много книг и старых журналов, собранных отцом. Вместе с нами Валериан читал стихи и статьи, в которых обличались продажность духовенства и тунеядство богачей. Много раз читали «Русских женщин» Некрасова, дневник Короленко, письма ссыльных.

Как-то моя маленькая сестренка, игравшая на берегу Оми, забралась в непривязанную лодку, которую понесло вниз по течению. Сбежались люди. Все ахали, видя, что девочка может упасть в реку. У нас в семье все были хорошими пловцами. Я быстро бросилась в воду и поплыла. Сестренка стояла в лодке и не знала, что ей делать. «Сядь! Сядь!» — кричали ей с берега. Подплыв к сестренке, я усадила ее, а потом подогнала лодку к берегу.

Через несколько дней после этого случая к нам зашел Валериан и принес сплетенный из листьев веночек. «Как героя, награждаю тебя лавровым венком»,— сказал он шутя и сделал по этому случаю рисунок.

В. В. Куйбышев — выдающийся пролетарский революционер и мыслитель.
Томск, 1963, с. 139—143.

А. А. ИВАНОВА

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

...В 1911 году после полуторагодичного тюремного заключения и нескольких месяцев этапа с остановками во всех пересыльных тюрьмах по пути следования, где наш этап пополнялся арестантами, мы, наконец, прибыли в Томск. После небольшого «отдыха» в губернской тюрьме были направлены в распоряжение уездного исправника для дальнейшего следования в Нарым...

Нарым на вновь прибывших производил удручающее впечатление. Даже местные жители называли его «гиблым краем»...

Среди встречавших наш пароход была значительная группа большевиков во главе с Валерианом Владимировичем Куйбышевым. Он выделялся своей внешностью. Его открытое лицо, большие серые глаза с голубым оттенком, внимательно и изучающе глядевшие на собеседника, свидетельствовали о большой энергии и вызывали симпатию. Пока мы шли в кругу ссыльных по селению в поисках пристанища, товарищи, знакомя нас с предстоящей жизнью в ссылке, утешали: «Ничего, привыкните!»

Помню первый наш разговор с Валерианом Владимировичем. Узнав, что я не собираюсь долго оставаться в ссылке, он мне разъяснил условия побегов. Оказалось, что побег невозможен не только по техническим условиям, но и главным образом потому, что для побега необходимо согласие руководящего состава ссылки или той политической группы, к которой примыкает ссыльный. «Мы подходим к вопросам побегов материалистически,— сказал Валериан Владимирович.— Если хотите бежать, чтобы оказаться на воле, то в побеге вам никто никакой помощи не окажет. Другое дело, если хотите бежать для партийной работы. Но, чтобы вести партийную работу, нужна большая подготовка. Надо учиться, чтобы быть полезной партии».

Я же в ссылку приехала полуграмотной работницей, выполнявшей на воле лишь технические поручения партийной организации.

Таким образом, мое пылкое желание возможно скорее попасть на волю потерпело неудачу. Мне прямо было заявлено, что необходимо учиться, а потом уже, судя по результатам подготовленности, фракция, к которой я буду примыкать, решит вопрос о дальнейшем...

В Нарыме насчитывалось свыше 300 ссыльных с различ-

ными партийными направлениями, в преобладающем большинстве меньшевики, эсеры и анархисты. Большевики представляли сравнительно небольшую группу.

По рассказам ссыльных, до осени 1910 года среди них никаких политических споров, дискуссий не было. Жили дружно не только между собой, но и со стражниками, и главным образом с приставом Овсянниковым, который прикидывался либералом, и за совместным чаепитием и картишками у некоторых политических ссыльных завязывались с ним панибратские отношения. Такое положение грозило тем, что некоторые революционеры при такой обстановке становились обывателями... Полиции такое поведение их поднадзорных было на руку. Меньше забот, а главное — революционеры отходили от своих идеалов, политической борьбы...

Прибыла в ссылку значительная группа партийных работников-большевиков: В. В. Куйбышев, А. Ф. Иванов, А. В. Мандельштам (Одиссей), В. М. Косарев [1] и многие другие, поставившие себе целью спасти для революционного рабочего движения партийные кадры, отвлечь их от обывательской рутины, расстроить их дружбу с полицией, создать партийную организацию и одновременно улучшить бытовые условия товарищей.

Душой нового партийного направления ссылки стал Валериан Владимирович. Он взялся с присущей ему энергией преобразить ссылку. Личное обаяние, честность, правдивость и активное отношение к жизни создали ему исключительный авторитет среди всех слоев ссылки. Удачи ему сопутствовали во всех проводимых мероприятиях.

Обратились во все издательства с просьбой присылать выпускаемые ими газеты, журналы, книги, учебники. Успех был полный. Все редакции и издательства, включая «Новое время», «Россия», стали присылать бесплатно свои издания, а иногда поступали даже грузы с книгами для создания библиотеки. К моему приезду в библиотеке насчитывалось несколько тысяч книг и журналов. Организовали потребитель-

---

[1] *Иванов Аркадий Федорович* (1882—1918) — деятель российского революционного движения, член КПСС с 1903 г., участник революции 1905—1907 гг., борьбы за Советскую власть в Сибири, член Центросибири. Расстрелян белогвардейцами.

Мандельштам Александр Владимирович (1878—1929) — член КПСС с 1902 г., видный партийный работник, активный участник Октябрьской революции, в последующие годы на ответственной военно-политической и издательской работе.

Косарев Владимир Михайлович — см. настоящий сборник. Краткие сведения об авторах.

скую лавку, пекарню, столовую. Создали даже свою денежную систему (купоны в виде марок достоинством от одной копейки до рубля). У местных купцов Родюкова и Завадовского добились получения в кредит товаров на значительную сумму, без каких-либо процентных начислений...

Была организована касса взаимопомощи. У нас насчитывалось несколько десятков человек, получавших привилегированное пособие (имевшие высшее образование, студенты, происходившие из дворян, и другие) или получавших материальную поддержку от родных или от партийного Красного Креста. Товарищи путем отчислений вносили в кассу известный процент своих средств. Средства кассы шли на организацию побегов и главным образом на оказание помощи нуждавшимся, получавшим лишь кормовое пособие (5 руб. 90 коп., а позднее 6 руб. 10 коп. в месяц), которого не хватало на самые элементарные потребности жизни, так как одна квартирная плата обходилась в среднем около 3 рублей в месяц.

Кроме улучшения быта проводилась большая культурно-просветительная работа. По инициативе группы большевиков был организован театр. Помещение под театр дал нам местный купец. Это был не то большой сарай, не то огромная кладовая. Силами ссыльных помещение было приведено в годное для театра состояние. Из мешков соорудили декорации, а ссыльный Костя Фомин их разрисовал, с воли получили костюмы, грим и прочий реквизит. Были изучены и испробованы наши местные таланты. В результате был отобран ряд товарищей, оказавшихся способными играть, петь, декламировать.

Бывали случаи, когда привлекалась в качестве артистов и местная молодежь. Театр пользовался большой популярностью не только среди ссыльных, но и среди коренного населения. Постоянными посетителями спектаклей были пристав и стражники, совмещавшие любовь к искусству с долгом службы.

В дни спектаклей или концертов помещение театра бывало битком набито и не вмещало подчас всех желающих в него попасть. Ставились пьесы: «Власть тьмы» Толстого, «На дне» Горького, «Лес» Островского и ряд других. Кроме доморощенных артистов были у нас и артисты-профессионалы из числа ссыльных: Ястребов, певец Жилин.

Помимо легальных изданий, поступавших к нам в больших количествах, мы регулярно получали из-за границы непосредственно нелегальную литературу — «Пролетарий», «Социал-демократ» и другие издания, статьи из которых

размножались на папиросной бумаге под копирку и рассылались по остальным колониям Нарымского края.

Для поднятия идейно-политического уровня и общей грамотности основной массы ссыльных были организованы школы: партийная — по программе школ, в свое время созданных В. И. Лениным, Горьким и Луначарским на острове Капри и в Булони, и школа по общему образованию по программам общеобразовательных школ. В преподавателях у нас недостатка не было.

С контингентом учащихся бывало хуже. Одни старожилы ссылки от безделья обленились, отвыкли от дисциплины, а другие считали, что они уже все знают и учиться им нечему. Тут опять проявила инициативу большевистская группа во главе с Валерианом Владимировичем. После соответствующей обработки каждого, уклонявшегося от учебы, получалось так: хочешь не хочешь, а учиться надо обязательно, хотя и выглядело это дело так, что каждый шел на учебу сам.

Несколько месяцев спустя то ли благодаря полицейско-административной прыти «либерального» пристава Овсянникова, то ли потому, что томские жандармы сами дознались, но инициативная группа по созданию партийной школы во главе с Валерианом Владимировичем была в ноябре 1910 года арестована и отправлена в томскую тюрьму по обвинению в создании социал-демократической большевистской организации в Нарыме. Привлечены были по этому В. В. Куйбышев, Ф. И. Голощекин, А. Ф. Иванов, В. М. Косарев, А. Н. Асаткин, М. М. Васильев и другие [1].

В марте 1911 года группа арестованных была направле-

---

[1] *Голощекин Филипп Исаевич* (1876—1941) — советский партийный и государственный деятель, член КПСС с 1903 г. В 1912 г. избран членом ЦК РСДРП. В дни Октябрьской революции — член Петроградского ВРК, участник борьбы за Советскую власть на Урале, в Сибири, был делегатом ряда партийных съездов, избирался членом ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР.

Асаткин Александр Николаевич (1885—1937) — советский партийный деятель, член КПСС с 1904 г., участник революции 1905—1907 гг. и Октябрьской революции. После Октябрьской революции — на ответственной партийной работе: секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, Владимирского губкома ВКП(б), член ЦКК и ЦРК ВКП(б), делегат ряда партийных съездов.

Васильев Михаил Михайлович — член КПСС с 1903 г., активный участник революции 1905—1907 гг. Вел революционную работу в Томске, Кузбассе, Москве, Севастополе. После Октябрьской революции — на руководящей военно-политической, партийной и советской работе; военком Москвы, Крыма, начальник Высшего геодезического управления ВСНХ, торгпред СССР в Италии, зам. председателя Моссовета.

на для дальнейшего отбывания ссылки. Возвратившиеся товарищи с прежней энергией вновь занялись прерванной арестом работой по организации политической жизни ссылки; возобновили работу партийная и общеобразовательная школы. Тогда же был избран Исполнительный комитет в составе пяти человек, возглавляемый Валерианом Владимировичем. Был также выбран товарищеский суд, который разбирал дела нарушителей партийной этики...

В конце мая 1911 года в нарымскую ссылку прибыл Яков Михайлович Свердлов, который пользовался любовью и вниманием всей колонии ссыльных. В политической жизни ссылки стало еще более оживленно. Делались доклады, читались лекции и рефераты. На этой почве стали осложняться взаимоотношения между различными политическими течениями ссылки, особенно с меньшевиками и бундовцами.

1910—1911 годы ссылки проходили в обстановке тяжелой столыпинской реакции, наступившей в России после поражения революции 1905—1907 годов, что оказало свое влияние на менее устойчивые элементы ссылки, которые все более и более начали скатываться на путь ревизионизма и оппортунизма. На этой почве все более обострялась борьба большевиков с меньшевиками по вопросу о партии нового типа, способной организовать рабочий класс и трудовое крестьянство на свержение самодержавия и капитализма. Ссыльные меньшевики во главе с их лидером Предтеченским становились на путь ликвидаторства в отношении нашей нелегальной большевистской организации, тем самым отказывались от революционных задач, поставленных нашей партией. Ссыльные большевики во главе с товарищами Свердловым и Куйбышевым отстаивали марксистско-ленинские принципы понимания перспектив революционного движения в России, доказывали необходимость борьбы под руководством революционной партии, сочетания легальных и нелегальных форм борьбы, подчеркивали связь экономических и политических интересов рабочего класса.

Острые политические разногласия между большевиками и меньшевиками показали, что меньшевики, эсеры, анархисты тянут ту часть ссыльных, которая еще не была искушена в программных разногласиях, назад, к прежней жизни ссылки: к примиренческому отношению к местной полиции, к спокойной, бездумной, «развеселой» жизни. Чтобы спасти положение, большевики пришли к убеждению, что необходимо отмежеваться от немарксистских групп и создать свою крепкую большевистскую организацию. Это решение было вызвано еще и следующим обстоятельством: в том году со-

вершал турне по Нарымскому краю томский губернатор Гран с группой чиновников. Ознакомившись с положением политических ссыльных в крае, он нашел, что они пользуются недозволенными свободами, не соответствовавшими духу времени, и приказал закрыть все наши учреждения: столовую, потребительскую лавку, театр, библиотеку, установить над нами особое наблюдение, для чего увеличил даже штат стражников.

Большую тревогу вызвал разгром нашей библиотеки. Ведь посредством соответствующей литературы получала правильное марксистско-ленинское воспитание основная масса ссыльных. Решили раздать наш библиотечный фонд на хранение отдельным товарищам. Но кому? Исполнительный комитет, состоявший исключительно из большевиков, наметил хранителями книг большевиков. Меньшевики же требовали книги раздать им. Комитет с этим согласиться не мог. Споры разгорелись в больших масштабах, перекинувшись и на другие колонии края. С мест поступали от наших организаций требования изолироваться от меньшевиков.

Другим поводом к расколу ссылки был еще более важный, политически острый вопрос — отношение к усилившимся после приезда губернатора Грана репрессиям в отношении ссыльных. Меньшевики и другие предлагали приспособиться к создавшимся условиям, не обострять отношения с приставом и стражниками, терпимее относиться к частым и непрошеным визитам стражников на наши квартиры и т. д.

Большевики же предлагали революционными методами добиться прежних свобод: возбуждали общественное мнение, посылали статьи в легальную печать, не подчинялись распоряжениям полиции.

Жизнь подсказала, что по самым острым политическим мотивам необходимо отколоться от остальных групп и создать чисто большевистскую организацию.

Я прибыла в Нарым в самый острый момент, когда политические споры достигли своей кульминационной точки. Надо было примкнуть к какой-либо из политических групп. Мое мировоззрение тогда нельзя было считать революционно устойчивым в силу моей малограмотности.

Революционное самосознание, не подкрепленное теоретическими знаниями, не давало мне возможности разобраться в политических разногласиях. Случись бы так, что сразу же по приезде в Нарым я не попала бы в среду большевиков, я могла, конечно, поддаться и другим влияниям. Тут-то сказалось умелое, талантливое руководство большевиков Нарыма во главе с Валерианом Владимировичем. Помню один

из споров с меньшевиками, когда Валериан Владимирович бросил такую фразу: «Ни одного рабочего мы вам не отдадим, да и они сами к вам не пойдут!» Лицо Валериана Владимировича при этом изменилось, в голосе послышался металл и глаза приняли стальной оттенок. Тот, кто близко знал Валериана Владимировича, наверное, помнит особое свойство его глаз — меняться в зависимости от настроения.

А ведь я была работницей. До ареста я два года работала на фабрике, где заслужила доверие большевистской организации, поручавшей мне техническую работу по хранению и распространению нелегальной литературы в воинских частях, осуществление связи между приезжавшими в Выборг из Петербурга большевиками и другую.

Моя революционность заключалась в ненависти к самодержавию и фабрикантам. Когда же Валериан Владимирович меня спросил, к какой я партии принадлежу, я ответила, что беспартийная и не могу определить, какая партия лучше для рабочего класса: «Когда слушаю большевиков, мне кажется, что они правы, а когда эсеров — кажется, что правы они. Но думается мне, что эсеровская партия самая революционная потому, что она совершает террористические акты над злейшими врагами рабочего класса».

Немало было потрачено времени Валерианом Владимировичем, Аркадием Ивановым и другими большевиками, чтобы прочистить мои мозги и убить во мне ложный романтизм. Разговоры на политические темы, самое чуткое товарищеское отношение со стороны Валериана Владимировича и его группы сделали то, что к середине лета 1911 года к большевикам примкнули многие рабочие, подобные мне, ранее не определившиеся в политическом отношении; фракция большевиков стала основной политической организацией не только в Нарыме, но оказывала свое влияние на другие колонии края. Там, где находилось в колонии более 10 большевиков, были оформлены самостоятельные фракции, но Нарым являлся краевым центром организаций. Для обсуждения принципиальных вопросов созывались партийные конференции. Такая конференция состоялась летом 1911 года. На нее съехались делегаты всех колоний.

Наладилась связь с Центральным Комитетом партии, с партийными комитетами многих промышленных центров России и главным образом с Петербургским комитетом.

Я занималась в общеобразовательной школе. Валериан Владимирович преподавал историю и еще какой-то предмет, Аркадий Федорович Иванов — русский язык и арифметику, Александр Владимирович Мандельштам (Одиссей) — лите-

ратуру, Иван Яковлевич Жилин читал лекции по истории литературы и искусства, а приезжавший в Нарым, где была в ссылке его жена, профессор Павел Карлович Штернберг [1] (видный старый большевик) читал лекции по астрономии. Словом, по всем предметам у нас были весьма квалифицированные преподаватели. Занимались мы много, с большим упорством преодолевали нашу отсталость. К занятиям готовились серьезно, зная, сколько энергии и времени тратят на нас товарищи-преподаватели, плохую отметку получить было большим позором. Кроме учебы в школе мы слушали доклады, лекции, рефераты. Нашими лекторами были Я. М. Свердлов, В. В. Куйбышев, А. Ф. Иванов и другие. Когда по отношению к Якову Михайловичу Свердлову, в целях усиления репрессии, применили высылку из Нарыма в Максимкин Яр (на реке Кеть), доклады стал делать Франц Суховерхов [2].

Несмотря на грозное распоряжение губернатора Грана разгромить наши организации, до осени 1911 года продолжали функционировать театр, библиотека и столовая. Один или 2 раза в неделю ставились спектакли или устраивались концерты. Репертуары проходили строгую «цензуру» нашей фракции, но иногда и случались экспромтные номера.

Помню один концерт с обширнейшей программой: пением, танцами и декламацией. Пел Жилин Иван Яковлевич, старый большевик, сосланный в Нарым из Воронежа. У него был замечательный тенор, и все мы с упоением его слушали. Декламировались поэмы Верхарна. Валериан Владимирович декламировал Горького «Буревестник» и др. Мой одноделец, бывший редактор социал-демократической газеты в Выборге, Якобсон, примкнувший в ссылке к меньшевикам, вызвался декламировать стихи, кажется Бальмонта, и навел на всех уныние пессимистическим содержанием. Подняли крики: «Долой пессимизм!» Громче всех кричал Валериан Владимирович.

Ко всем прочим положительным качествам Валериана Владимировича он еще обладал редким свойством расшевелить всех и рассеять дурное настроение.

---

[1] *Штернберг Павел Карлович* (1865—1920) — советский астроном, деятель российского революционного движения, член КПСС с 1905 г. Один из руководителей Октябрьской революции в Москве, член Центрального штаба Красной гвардии. С 1918 г.— член РВС 2-й армии Восточного фронта. Профессор Московского университета, директор Московской обсерватории.

[2] *Суховерхов Франц Иванович* (1883—1918) — рабочий, один из руководителей борьбы за Советскую власть в Сибири (Омск, Томск). Член КПСС с 1903 г. Расстрелян белогвардейцами.

Воскресенье у нас было днем отдыха, а иногда мы прихватывали и будничный день и совершали прогулки в тайгу. Из одолженных у квартирохозяев ружей, якобы для того, чтобы пострелять дичь, мы учились стрелять в цель...

В начале 1912 года, главным образом по настоянию ссыльных, доказывавших, что пребывание Якова Михайловича Свердлова в Максимкином Яру губительно отражается на его здоровье, а также обращению самого Якова Михайловича к губернатору, ему был разрешен выезд в Нарым. Итак, в нашем полку прибыло, да и еще кто прибыл!

С закрытием наших бытовых учреждений наше материальное положение значительно ухудшилось, но мы не унывали: продолжали занятия, устраивали то у одного, то у другого товарища литературные вечера. Чаще всего такие вечера устраивались у Валериана Владимировича, так как у него была большая, по сравнению с другими, комната, которую он содержал довольно опрятно. Он даже сам мыл пол и стремился создать некоторый уют. Да и сам Валериан Владимирович был всегда подтянутый, аккуратный, сапоги с многочисленными заплатами блестели, начищенные ваксой.

Питались маленькой «коммуной». Готовили обеды по очереди. В нашу коммуну входили: В. В. Куйбышев, В. М. Косарев, И. Я. Жилин, М. М. Васильев и я с мужем — А. Ф. Ивановым. Другие товарищи также объединялись группами. Это создавало возможность сноснее питаться.

18 апреля 1912 года по старому стилю наша большевистская организация праздновала Первое мая. Организованно, с пением революционных песен и красными знаменами мы направились в лес, где на лужайке организовали митинг. Митинг открыл Валериан Владимирович и произнес большую вступительную речь о значении празднования Первого мая — праздника солидарности трудящихся всего мира, затем выступил А. В. Мандельштам и другие участники маевки. Нас обнаружили стражники и донесли по начальству, за что впоследствии была арестована большая группа ссыльных большевиков с Валерианом Владимировичем во главе. Но об этом ниже. С первым пароходом после наступления навигации в мае 1912 года уезжал из Нарыма Валериан Владимирович. Было предположено, что он будет призван на военную службу, так как его освобождали несколько раньше срока. В этом был убежден сам Валериан Владимирович, о чем свидетельствует полученная моим мужем, Аркадием Федоровичем, открытка, отправленная Валерианом Владимировичем 10 мая 1912 года (по старому стилю) из Томска,

содержащая следующие строки: «...ехал пароходом почти неделю, прожив здесь три дня, сегодня двигаюсь далее по направлению к солдатчине...»

Очень жаль было нам расставаться с таким обаятельным человеком, как Валериан Владимирович, являвшимся у нас душой всей нашей политической жизни и всех проводимых мероприятий, вместе с тем было радостно, что Валериан Владимирович едет на волю, где будет простор его таланту настоящего борца за дело освобождения рабочего класса.

Валериан Владимирович пребывал последние дни ссылки в явно приподнятом настроении, однако занятий с нами не прекращал до последнего дня. Напоследок сфотографировались всем нашим «классом». Вот-вот на горизонте должен был показаться дымок парохода, так как Обь уже очистилась ото льда. За три дня до того мы ночью проснулись от невероятного гула и треска. Оказалось, что накануне разбухшая река ночью вскрылась и с оглушающим шумом понесла огромные льдины.

Обь разлилась настолько, что выворачивала с корнем вековые деревья и своим стремительным потоком уносила даже береговые строения. Я впервые наблюдала такую жуткую и величественную картину.

Возбуждение товарищей неописуемо — ведь уходящие ледяные глыбы нас вновь свяжут с остальным миром, с которым два месяца были в разлуке; мы узнаем, что творится на белом свете, а может быть, первый пароход принесет нам свободу? Увы! Новости мы получили печальные: мы узнали о расстреле горнопромышленных рабочих на Лене [1]. Стало известно нам и о революционном подъеме в стране в связи с этими событиями.

Наконец наступили проводы Валериана Владимировича. Сколько нежных, дружеских пожеланий, напутственных слов, какие горячие поцелуи, крепкие объятия и еще пожеланий долго «сохраниться» на воле, встретиться вновь при социальной революции и т. д.

Провожала Валериана Владимировича не только вся колония, но и все население Нарыма, особенно местная молодежь, которая его также любила и уважала, так как немало он потрудился над повышением и ее культуры. На прощание

[1] Ленские золотые прииски. 4(17) апреля 1912 г. здесь произошел расстрел царскими войсками мирного шествия рабочих, протестовавших против ареста членов стачечного комитета. Убито 270 человек, ранено 250. Ленский расстрел послужил толчком к усилению революционного подъема в России; в стачках протеста и митингах участвовало около 300 тысяч человек.

Валериан Владимирович подарил мне свою любимую мандолину, предложив научиться играть по самоучителю. Хранила я этот подарок друга как реликвию долгие годы.

Со вторым пароходом, после установления навигации, приехали жандармы под водительством жандармского штабротмистра Томского губернского жандармского управления Кирпотенко, и мы, в числе 18 человек, были арестованы и направлены в томскую тюрьму. Уже в тюрьме я узнала, что и Валериан Владимирович арестован в Омске и препровожден этапом в томские арестантские роты по обвинению в организации маевки.

Точно не помню, сколько времени сидел он в тюрьме, но был выпущен до суда под залог. На воле Валериан Владимирович занимался уроками и почти все, что зарабатывал, отдавал нам — своим однодельцам. Он остался тем же чутким и хорошим товарищем...

Кроме того, он организовал нам помощь со стороны студентов Томского университета, где у него остались прежние связи и наладились новые. Валерианом Владимировичем же при помощи томской подпольной организации была организована наша защита на суде.

Суд над нами состоялся в марте 1913 года. Защищали томские светила — адвокаты Вологодский, Александровский, Ган, Гоштовт и Левин. В зале суда было очень много народа, и среди них томские студенты и либеральная профессура. Все мы чувствовали их дружеское отношение к себе. Наше дружное поведение на следствии и в суде и квалифицированная защита привели к тому, что нас всех оправдали. Валериан Владимирович вышел на свободу и отправился вновь мытарствовать по обширной земле Российской империи то на полулегальном, то на нелегальном положении, продолжая служение партии рабочего класса. Остальные товарищи, оправданные судом, были направлены для дальнейшего отбывания ссылки в Нарымском крае. Этапирован в Нарым был и мой муж, Аркадий Федорович Иванов.

Товарищи А. В. Мандельштам, И. С. Дмитриев и я были привлечены по второму делу и направлены из суда прямо в тюрьму. Неизвестно, сколько пришлось бы сидеть под новым следствием, если бы не Валериан Владимирович, который добился, чтобы меня выпустили под залог до суда. Деньги на залог достали студенты университета. Точно не помню сумму, но, кажется, внесено было более 500 рублей.

Вот он — Валериан! Какой пример чуткости, дружбы и товарищества. А ведь у него самого в то время было много хлопот и забот.

Таким же чутким и внимательным Валериан Владимирович был и к остальным товарищам, отправлявшимся за пару дней до того в Нарым.

Через несколько дней я явилась к исправнику и этапом была направлена в Нарымский край. Тепло мы простились с Валерианом Владимировичем на долгие годы.

В ссылке мы узнали, что товарищ прокурора Киц опротестовал перед Омской судебной палатой наш оправдательный приговор и нас ожидал новый процесс в Омске. Перед отъездом в Россию Валериан Владимирович позаботился о нашей защите в судебной палате. Он договорился об этом с присяжным поверенным социал-демократом Константином Андреевичем Поповым. Но дело затянулось, и помешала нас вновь судить Февральская революция...

Десять лет я не встречала Валериана Владимировича, но хорошо знала о его роли в нашей партии. В 1922 году, приехав из Сибири в Москву, я вновь встретилась с ним. Он в то время был секретарем Центрального Комитета нашей партии. С вокзала я ему позвонила по телефону. Он меня встретил и повез к себе домой. Жил он тогда с семьей в Деловом дворе, на площади Ногина, в паре комнатушек, однако он настоял, чтобы я у него остановилась. По случаю увеличения «населения» Валериан Владимирович принес... продовольственное подкрепление: два яйца, два кусочка сахару и несколько ломтиков хлеба. А я привезла ему из Сибири ценный подарок — фунт чая.

Последующие годы встречала Валериана Владимировича довольно часто. Он неизменно оставался самим собой: чутким, скромным и очень дорогим сердцу.

Тридцать лет своей жизни отдал Валериан Владимирович руководящей революционной работе в партии. Его жизнь — пример беззаветной преданности делу рабочего класса.

В. В. Куйбышев — выдающийся
пролетарский революционер
и мыслитель.
Томск, 1963, с. 149—166.

В. М. КОСАРЕВ

В ССЫЛКЕ

Летом 1910 года я встретился с товарищем Куйбышевым в ссылке в городе Нарыме.

До появления Валериана Владимировича группа большевиков, находившаяся в Нарыме, хотя и жила очень

дружно, но не чувствовала себя организацией. С приездом товарища Куйбышева группа большевиков превратилась в организованную партийную группу.

Сам я прибыл в ссылку почти прямо из партийной школы на Капри. После моего доклада о ней Валериан Владимирович стал настаивать на организации партийной школы и в ссылке для того, чтобы подготовить кадры для грядущей революции.

Школу мы организовали. Лекции читали Свердлов, Яковлева и Валериан Владимирович.

Но скоро мы увидели, что общих знаний у «курсантов» школы не хватает и это служит препятствием к дальнейшему изучению теоретических вопросов. Валериан Владимирович принялся за организацию общеобразовательного кружка, и сам вел в нем занятия. Условием для поступающих в кружок и школу мы ставили — по окончании школы побег и работа в подпольной организации. Каждую зиму мы организовывали не меньше 10 побегов.

Я жил с ним полтора года на одной квартире. Это был чуткий, отзывчивый товарищ, способный отдать последнее. У нас была столовая, театр, кооператив. Он серьезно относился к этим видам общественной жизни, принимал участие во всем и заражал нас всех веселостью и бодростью.

В 1911 году 18 апреля по старому стилю мы устроили первомайскую демонстрацию около города Нарыма. Нас арестовали и отправили снова в томскую тюрьму.

Я сидел в камере вместе с товарищем Куйбышевым. Он так умел загружать свой день и день окружающих, что почти не оставалось времени для того, чтобы тужить. Мы 2 раза в день делали гимнастику, играли в шахматы, читали, гуляли. Кроме того, Валериан Владимирович занимался со мной русским языком и арифметикой. Многие товарищи изучали языки. В общем, все, кто следовал примеру Валериана Владимировича, выходили из тюрьмы с крепкими нервами, с бодрым настроением. Так мы просидели девять месяцев до суда.

В 1923 году я был избран в ЦКК партии и пять лет работал под руководством товарища Куйбышева в ЦКК, где он нас учил беззаветной борьбе за единство партии.

Вечерняя Москва,
1935, 27 января.

М. Э. ШОЙХЕТ

ВСТРЕЧИ

В 1913 году Валериан Владимирович Куйбышев из Петербурга, где он жил на нелегальном положении и не смог установить партийных связей, приехал в Вологду. Я находилась в Вологде в ссылке. Мне хочется поделиться своими воспоминаниями о совместном кратковременном пребывании с Валерианом Владимировичем Куйбышевым.

Светлая память о Валериане Владимировиче в далекие годы подполья объясняется тем, что в облике этого замечательного большевика сочеталась изумительная задушевность с высокой идейностью и принципиальностью, со жгучей ненавистью к врагам рабочего класса, к врагам революции. Черты, характерные и свойственные всей славной плеяде большевиков, воспитанных и вдохновленных великим вождем нашей партии — Владимиром Ильичем Лениным.

В это время в Вологде отбывала ссылку Мария Ильинична Ульянова [1], которая жила со своей матерью Марией Александровной. С помощью Марии Ильиничны Валериан Владимирович был устроен на квартиру в семью, либерально относившуюся к революционерам. Материальное положение у Валериана Владимировича было очень тяжелым. Он был плохо одет, и поэтому двигаться в центр России было невозможно. Исключительная щепетильность не позволяла ему пользоваться материальной помощью ссыльных товарищей. За стол и квартиру Валериан Владимирович давал уроки детям семьи, в которой он жил, а за деньги — их товарищам по гимназии. На деньги за уроки Валериан Владимирович смог одеться и сбросить свой вконец изношенный костюм. Как раз к этому периоду относится мое знакомство с ним.

Оказывается, Мария Ильинична ему сообщила, что этажом ниже живет политическая ссыльная большевичка, но он не счел возможным явиться ко мне в рваном костюме. Я тоже была предупреждена Марией Ильиничной, что скоро со мной познакомится «один товарищ».

И вот однажды утром раздался стук в дверь и на пороге появился молодой человек, огромный, с львиной шевелюрой

---

[1] *Ульянова Мария Ильинична* (1878—1937) — советский партийный деятель, член КПСС с 1898 г. Младшая сестра В. И. Ленина. Участница революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917 г. в Петрограде. В 1917—1929 гг.— член редакции и ответственный секретарь «Правды», затем в ЦКК партии — НК РКИ, член Комиссии советского контроля, член ЦИК СССР.

и большими светло-серыми глазами. Поздоровавшись, он показал на свою обновку и заявил: «Вот теперь могу предстать пред ваши ясны очи!» Валериан Владимирович был одет в коричневую вельветовую спортивную куртку и черные брюки.

Мы сели за небольшой столик, стоявший возле окна, и сразу завязалась непринужденная беседа. Веселый и остроумный, Валериан Владимирович оказался замечательным собеседником, и со стороны могло показаться, что мы давно знаем друг друга.

Надо иметь в виду существенную разницу между нами: товарищ Куйбышев был высокообразованным человеком, а мне много не хватало в знаниях, в культуре. Однако он так умел себя держать, так живо и тактично вел беседу, что разницы между нами почти не чувствовалось. Мы очень быстро подружились и договорились, что будем вдвоем выходить гулять. С «барышней» не так подозрительно.

Стояла чудесная зима, под ногами поскрипывал снег... Мы о многом разговаривали: о предстоящей большой работе, делились воспоминаниями. Валериан Владимирович часто читал стихи, полные революционного пафоса. Экипировавшись и заработав деньги на дорогу, Валериан Владимирович уехал из Вологды.

Через некоторое время я получила от него открытку с изображением скульптурного портрета рабочего. Рабочий сидел на камне, мускулы его были расслаблены. Открытка называлась «Безработный». На обороте Валериан Владимирович написал: «Это мое нынешнее положение. Временами работаю грузчиком в порту».

Я долго сохраняла эту открытку как дорогую реликвию. В 1918 году, перед уходом с партизанским отрядом Блюхера [1], я зарыла ее вместе с другими документами в цинковом ящике в землю в поселке Богоявленском Уфимской губернии.

Эта реликвия примечательна тем, что она напоминала, как один из наших выдающихся государственных деятелей в царское время был безработным, голодал и время от времени должен был заниматься физическим трудом. Какая нужна была стойкость и вера в победу нашего великого дела, чтобы выдержать все испытания, выпавшие на долю большевикам-подпольщикам. Тюрьмы, ссылки, голод, холод — ничто не останавливало их на пути к великой цели. Таким был и Валериан Владимирович Куйбышев.

---

[1] *Блюхер Василий Константинович* — см. настоящий сборник, Краткие сведения об авторах.

У меня были еще встречи с товарищем Куйбышевым в 1922 — 1923 годах.

Я училась тогда в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова. Однажды я пошла в Московский комитет партии, который находился на Большой Дмитровке, 15 (ныне Пушкинская улица). Я только вошла в ворота, как оттуда выехала автомашина. В ней ехал Валериан Владимирович. Увидев меня, он остановил машину, попросил сесть с ним, чтобы во время пути поговорить со мной, узнать, как я живу, что делаю. Я села в машину, поговорили, но это показалось Валериану Владимировичу недостаточным, и он взял с меня слово, что я обязательно приду к нему в гости домой.

В то время он жил в Деловом дворе. Он очень радушно принял меня дома, а мне было очень неудобно отнимать время у такого занятого человека, отвлекать его от работы.

Эти короткие встречи оставили у меня неизгладимое впечатление и самые теплые, светлые воспоминания о Валериане Владимировиче Куйбышеве.

В. В. Куйбышев — выдающийся пролетарский революционер и мыслитель. Томск, 1963, с. 167—169.

С. К. КОРОТКОВ

ЗАБОТЛИВЫЙ ДРУГ, НЕПРИМИРИМЫЙ БОЛЬШЕВИК

На трубочном заводе работал некий Владимир. Кто он — точно не знаю, знаю только, что впоследствии его вместе с женой арестовали. И вот этот Владимир предупредил нас, что скоро на заводе появится товарищ с волнистыми волосами — пропуск ему уже обеспечен — и будет делать пробу и что ему надо оказать всяческое содействие. Посоветовавшись с товарищем Шверником [1], мы решили использовать с этой целью мастера Асеева.

[1] *Шверник Николай Михайлович* (1888—1970) — советский партийный и государственный деятель, Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1905 г. Участник революции 1905—1907 гг. и борьбы за Советскую власть в Самаре. После Октябрьской революции — нарком РКИ РСФСР, секретарь Ленинградского обкома и ЦК ВКП(б), Уральского обкома, 1-й секретарь ВЦСПС, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, СССР, председатель ВЦСПС, Комиссии партийного контроля, член ЦКК, ЦК партии, Оргбюро ЦК, член Президиума ЦК, депутат Верховного Совета СССР в 1937—1966 гг.

Действительно, на другой день утром в мастерскую явился человек с волнистой шевелюрой — это был Адамчик. Он подошел к мастеру, и тот его поставил на фрезерный, чрезвычайно сложный станок. Асеев первый показал пришедшему, как вставлять нарезку, затем Адамчику помогали Шверник, Булышкин и другие. И вот двухдюймовое американское сверло сделано блестяще, тем самым Адамчик выдержал испытание на первостепенного фрезеровщика. Он был принят на завод.

Товарищ Шверник сказал нам, что вновь поступивший — крупный партийный работник и с ним нужно держать связь. Я в то время был казначеем кассы взаимопомощи. Думаю, раз крупный работник, то надо его втянуть в работу нашей кассы. Кстати, у нас не было хорошо разработанного устава кассы. Поручить его разработку Шверник посоветовал Адамчику. С этой просьбой я и обратился к нему. Уговаривать не пришлось — он тут же согласился.

Уже на следующий день Адамчик принес устав. Вскоре мы его размножили на шапирографе и распространили. Впоследствии Адамчик помогал мне также составлять отчеты в денежных средствах.

Влияние Адамчика в мастерской и на заводе вообще было велико. Он как будто бы незримо присутствовал везде. Однажды у нас стихийно возникла забастовка. Наша организация не успела взять руководство ею в свои руки, получилась сумятица. Тогда выступил на сцену Адамчик. Он заставил нас собраться и обсудить вопрос о руководстве забастовкой. Мы выдвинули на этом совещании руководителем забастовочного комитета Федю Ермакова и придали забастовке более организованный характер. И когда на завод для улаживания конфликта приехал какой-то генерал, то с ним разговаривал Ермаков, а не случайные люди, пытавшиеся придать забастовке чисто экономический характер.

Как известно, участники Поволжской конференции большевиков «провалились» в первый же день. Часть участников была арестована, в том числе и я.

Как мы жили в тюрьме? Именно здесь с особой силой мы, и в частности я, почувствовали огромную волю Куйбышева, его заботу о нас. Помню, как-то я захандрил и пять дней не выходил на прогулку. Я был расстроен тем, что когда бывали свидания, то ко всем кто-нибудь приходил — родные, знакомые, а ко мне никто. Вдруг однажды открывается форточка, а в ней лохматая голова. Товарищ Куйбышев спрашивает:

— Почему не выходишь?

— Не хочу.

— Не имеешь права заставлять других о себе беспокоиться!

Я почувствовал, что действительно не имею права этого делать,— ведь товарищам и так туго приходится. И в то же время был растроган заботой В. В. Куйбышева.

В 1917 году я узнал Куйбышева еще ближе. Помню, 15 марта я вернулся в Самару и в тот же вечер участвовал в собрании, на котором были представлены эсеры, меньшевики и большевики. Основным докладчиком был Рамишвили — меньшевик. Он развивал ту мысль, что-де самодержавие свергнуто и основной спорный вопрос между большевиками и меньшевиками — вооруженным или невооруженным путем свергнуть правительство — разрешен. Под этим же лозунгом «объединения» прошло еще несколько собраний.

Когда в Самару приехал В. В. Куйбышев и узнал об этих собраниях, он крепко выругал нас. Немедленно под его руководством были организованы горком и райком партии. Через несколько дней в кино «Триумф» состоялся большой митинг. Выступали В. В. Куйбышев, А. С. Бубнов[1] и другие, давшие жестокий отпор тем, кто стирал грань между большевиками и меньшевиками, кто утверждал, что нет разногласий между ними.

Всем нам стало ясно, что пропасть между меньшевиками и большевиками не только не уменьшилась, но стала еще глубже.

Вскоре я переключился на профсоюзную работу. Был создан профсоюз металлистов, и мы стремились полностью обеспечить в нем большевистское влияние. Этого было нелегко добиться. Однако при выборах правления союза первым членом правления и председателем его был избран В. В. Куйбышев. Несмотря на то, что у него было много других обязанностей и он был очень занят, В. В. Куйбышев являлся на каждое заседание правления. Так продолжалось два месяца, до тех пор, пока из правления мы не вышибли последнего меньшевика. Только тогда В. В. Куйбышев сдал мне председательство, но и после этого помогал нам в работе. В частности, по его предложению союз расформировал военно-промышленные комитеты и взял в свое управление 23 мелких завода.

Очень важно отметить поведение В. В. Куйбышева, когда стала известна штрейкбрехерская роль Каменева, Зи-

[1] *Бубнов Андрей Сергеевич* — см. настоящий сборник. Краткие сведения об авторах.

ковьева и других в решающие дни захвата власти большевиками.

В то время в Самаре была созвана большевистская конференция для обсуждения вопроса: кто должен руководить властью — только ли одни большевики или вместе с другими партиями. По этому вопросу говорили многие и очень долго. В самом конце собрания выступил В. В. Куйбышев.

Никогда я не забуду этого выступления. Это была речь подлинного большевика-ленинца, для которого нет и не может быть двух мнений в политической борьбе, который непримирим к врагам и изменникам партии и рабочего класса. Эта речь была программной речью, определяющей задачи большевиков города на ближайшее время.

После Великой пролетарской революции я был назначен комиссаром Самаро-Златоустовской железной дороги. И я меньше всего ожидал, что В. В. Куйбышев заинтересуется работой дороги, но однажды он вызывает меня и спрашивает:

— Почему не подвозишь боеприпасы? Каждый день давай мне короткий отчет о работе дороги по телефону или запиской.

В Бугульме мы обнаружили, что командный состав местных воинских частей настроен явно контрреволюционно. В связи с этим я послал с нарочным письмо В. В. Куйбышеву, в котором просил вызвать к себе весь командный состав с докладом. Он прислал приказ — выехать командирам. Я дал им паровоз, вагоны — и они выехали, а на первом же разъезде мы их арестовали и отправили к В. В. Куйбышеву.

Когда части Красной Армии вернулись в Самару, я вновь стал комиссаром дороги, а В. В. Куйбышев — членом Реввоенсовета Южной группы войск Восточного фронта, где он работал вместе с М. В. Фрунзе [1].

В результате империалистической и гражданской войн народное хозяйство нашей страны, в том числе Поволжья, оказалось разрушенным до основания. Особенно большие

---

[1] *Фрунзе Михаил Васильевич* (1885—1925) — советский партийный, государственный и военный деятель, военный теоретик, член КПСС с 1904 г. В 1905 г. руководил Иваново-Вознесенской стачкой, участник Октябрьской революции. В годы гражданской войны командовал армией, группами войск, фронтами. В 1924—1925 гг.— заместитель председателя и председатель РВС СССР, зам. наркома и нарком по военным и морским делам, начальник Штаба РККА, член Совета Труда и Обороны, член ЦК, кандидат в члены Политбюро ЦК. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

затруднения переживала дорога. Не было ни денег, ни снабжения. Мне приходилось каждый раз обращаться за помощью к В. В. Куйбышеву. И надо было видеть, с каким огромным интересом и вниманием он относился к нуждам железнодорожного транспорта — этому главному нерву нашей великой Страны Советов.

Он заставлял финансовые органы снабжать дорогу средствами в первую очередь. Наряду с этим он предъявлял высокие требования и к нам — работникам дороги, следя каждый день за ее работой.

Я часто поражался тому огромному кругозору, размаху в работе, силе и способностям, какими обладал В. В. Куйбышев. Беспредельная преданность делу партии, делу пролетариата, его стиль работы, его непоколебимая вера в победу пролетарской революции всегда вдохновляли нас на борьбу за дело Ленина.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье.
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 95—98.

Г. Т. КУЗЬМИЧЕВ

НА ТРУБОЧНОМ ЗАВОДЕ

На трубочном заводе В. В. Куйбышев работал в качестве фрезеровщика на универсально-фрезерном станке.

В те времена на заводе кроме официального отдела кадров, или, как он тогда назывался, «стола найма и увольнения рабочей силы», существовал еще подпольный «отдел кадров». Этот «отдел» состоял из группы революционно настроенных, высококвалифицированных рабочих, задачей которых было подготовить для поступления на завод людей, нужных для революционной работы. Через этот подпольный «отдел кадров» товарищ Куйбышев и поступил к нам на завод.

В обычном порядке кадры готовились очень медленно. Подпольный же «отдел кадров» быстро превращал нужного товарища в рабочего высокой квалификации — токаря, слесаря, в зависимости от того, кто в данную минуту требовался. В момент приезда Куйбышева на заводе нужны были фрезеровщики. И вот товарищ Куйбышев на очень сложном универсально-фрезерном станке стал выполнять очень трудную пробу. Ему была оказана большая помощь. Новые товарищи обычно ломали много инструментов и приспособ-

лений, а также и самих изделий. Чтобы по поломке инструмента мастер цеха не узнал о действительном положении вещей, надо было иметь запасные инструменты и быстро ликвидировать неисправности в станке. Это быстро и точно делал подпольный «отдел кадров».

Товарищ Куйбышев, как и многие другие, немало хлопот доставил своим учителям. Но в то же время он выделялся своими способностями, которые и позволили ему значительно быстрее других освоиться с работой на универсальном станке.

После провала Поволжской конференции, когда я был арестован, жандармский полковник Познанский разложил передо мной фотографические карточки и предложил указать, кого я знаю. Он очень был удивлен тем, что я не знаю Адамчика, так как, по словам жандарма, этот Адамчик был известным человеком на заводе. Жандарм был прав, Адамчик был известным и уважаемым товарищем. В заводских уборных, где обыкновенно собирались рабочие, Куйбышев обсуждал с ними все вопросы, которые назревали. Повседневное общение с рабочими, его оценка и разъяснение политического положения в стране создали ему громадную популярность на заводе.

В дальнейшем мы совместно с товарищем Куйбышевым работали в городской думе в качестве гласных. Он возглавлял бюро большевистской фракции.

Если городская дума обсуждала далекие от жизни вопросы, то фракция большевиков разбирала вопросы совсем иного характера. Помню, как-то поздно вечером получили известие о событиях в Петрограде. Вся фракция во главе с Куйбышевым обсудила это сообщение и организовала ревком под председательством Валериана Владимировича Куйбышева.

Вскоре работа развернулась. Начали поступать сведения о действиях меньшевиков и эсеров. Товарищ Куйбышев руководил лично распределением людей.

Я работал на своем маленьком участке. Он меня с группой большевиков послал в типографию «Волжское слово», где печатались воззвания эсеров. Эти воззвания нужно было конфисковать, причем товарищ Куйбышев дал установку быть очень осторожным с рабочими и по возможности избегать излишней остроты положения. Несмотря на то, что рабочие типографии оказались не на нашей стороне, большинство из них было меньшевиками, мы выполнили поручение, конфисковали воззвания и задержали людей, которые их печатали.

Следующая встреча с Валерианом Владимировичем была очень короткая. Это было в те дни, когда меня привезли в числе первых раненых из-под Оренбурга. Товарищ Куйбышев пришел озабоченный, поговорил с каждым, воодушевлял нас. Забота его проявлялась не в словах, а в реальной помощи. В то время был саботаж со стороны врачей и почти всего медицинского персонала. Они решили не принимать раненых. Только после распоряжения Куйбышева больные были положены в лазарет. Он вызвал врачей и оставался среди раненых до тех пор, пока под его наблюдением сделали всем им перевязки.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье.
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 90—91.

И. И. НИКИТИН

РУКОВОДИТЕЛЬ И ТОВАРИЩ

С приходом В. В. Куйбышева на трубочный завод в 1916 году партийная работа оживилась.

Через Самару много в тот год проходило политических ссыльных и нелегальных. Был развернут скоро сбор средств для помощи им. Это проводилось очень осторожно, тайно и имело большое воспитательное значение. Активно участвуя в этой работе, мне встречаться с Куйбышевым, который руководил нами, приходилось изредка, так как он был на нелегальном положении и проводил всю работу через группу надежных товарищей. Выступал он только тогда, когда нужно было разрешить особо важный вопрос или разъяснить революционный тезис массам. Несмотря на тщательное соблюдение конспирации, Куйбышев все же в конце 1916 года был арестован и сослан.

Когда весной 1917 года В. В. Куйбышев возвратился из Сибири, рабочие трубочного завода выбрали его в Совет. Я тогда выбран был в завком завода. Часто приходилось слушать выступления В. В. Куйбышева на различных собраниях и особенно на заседаниях Совета. В то время в Советах большинство было за меньшевиками и эсерами. Лидеры их, Лепский, Кабцан, Фортунатов и другие, были опытными политическими противниками. Куйбышев был в Совете руководителем большевистской фракции. Спокойно и упорно боролся он за большинство в Совете. Его выступления были

ясны, просты и убедительны, они доходили до каждого рабочего.

Мне вспоминается, как Валериан Владимирович, стоя на сцене, начинает свою речь. В это время меньшевики с эсерами поднимают свист, стучат ногами, стульями, не давая ему произнести слова. Но Куйбышев брал своей настойчивостью: как только немного утихало, начинал говорить, разоблачая предательскую политику меньшевиков и эсеров.

После Великой пролетарской революции я получил личное распоряжение В. В. Куйбышева выехать в район для охраны бывших помещичьих хозяйств, перешедших к государству. Перед отъездом Валериан Владимирович подробно проинструктировал меня, как нужно разъяснять крестьянам весь вред стихийного разгрома бывших помещичьих, а теперь наших хозяйств. После выполнения поручения я отчитался перед В. В. Куйбышевым. И он опять подробно и внимательно расспрашивал о проделанной работе и о настроениях крестьян. Он не только приказывал, но учил, воспитывал, сам проверял исполнение.

Беспощаден и непримирим был Валериан Владимирович к нарушителям партийной дисциплины и советской законности. Например, мне вместе с Пановым было поручено арестовать одного видного работника, который самоснабжался, пользуясь своим служебным положением. И хотя испытывалась большая нужда в кадрах, все-таки он был снят со своего поста и заключен в тюрьму.

В 1918 году в мае на заседании губкома обсуждали телеграмму из центра о разоружении идущих чехословаков. Валериан Владимирович горячо настаивал на выполнении этой задачи. Были мобилизованы все силы. Мы, красногвардейцы с трубочного завода, перешли на казарменное положение. Я был тогда в конной разведке и следил за продвижением чехов к Самаре.

Перед отступлением В. В. Куйбышев, подробно проинструктировав, назначил меня комиссаром пароходов.

Будучи уже за пределами губернии, я узнал, что оставшиеся в Самаре семьи отступивших красногвардейцев бедствуют, и сказал об этом Валериану Владимировичу. Он, как всегда, чутко отнесся к моему сообщению и через подпольный комитет партии организовал пересылку средств.

В 1932 году для комиссии по делам бывших красногвардейцев и партизан мне нужны были документы. Через сына я обратился к Куйбышеву с просьбой заверить мое участие в Красной гвардии. Несмотря на свою перегруженность, Ва-

лериан Владимирович принял сына, выдал справку и подробно расспрашивал его обо мне.

Таков был Куйбышев — бесстрашный боец партии, руководитель рабочего класса и приветливый товарищ, друг.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье. 1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 111—112.

Я. Я. БАУЭР

ДУША САМАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

...Наступили первые числа февраля 1917 года. По ходу следствия нам стало ясно, что в ближайшие дни большинство из арестованных будет отправлено в административную ссылку. Мы с нетерпением ждали окончательного решения министерства внутренних дел. К предстоящему невольному путешествию готовились почти все. Мы и не представляли, что с приближением дня нашей отправки в ссылку приближается и день нашего освобождения, день свержения царского строя.

В начале февраля зашел ко мне в камеру тюремный надзиратель, велел собирать вещи и немедленно отправиться вниз. Там я встретил почти в полном сборе всю группу товарищей, между которыми был и Валериан Владимирович Куйбышев. Нам было предложено отправиться в полицейское управление Самары, где объявят распоряжение министерства внутренних дел.

Впервые за все время нахождения в тюрьме мы были в полном составе, в том числе и В. В. Куйбышев. Он уже не скрывал того, что он многих из нас знает, так как теперь были сняты установленные для него особые условия изоляции. В группе В. В. Куйбышев сразу занял руководящее место.

Под усиленным полицейским конвоем мы были отправлены в самарское городское полицейское управление, где, после оформления документов и проверки каждого из нас, было объявлено решение министерства внутренних дел.

После Февральской буржуазно-демократической революции я вернулся обратно в Самару. Куйбышева и остальных товарищей в Самаре еще не было, их приезда ждали в ближайшие же дни. Рабочие готовили как ему, так и всей группе торжественную встречу.

Когда стала точно известна дата приезда товарищей из ссылки, то в этот день на станцию Самара пришли со

знаменами рабочие почти всех заводов. Когда поезд подошел к станции, первым на платформе появился В. В. Куйбышев, а за ним вышли и остальные товарищи.

Его короткий призыв к дальнейшей борьбе прозвучал в этой первой встрече с рабочими Самары в новой обстановке с такой силой, что после этого не стало места колебаниям и сомнениям в успехе окончательной победы.

Вскоре после возвращения из ссылки, несмотря на то, что меньшевики с эсерами в Совете рабочих депутатов составляли большинство, В. В. Куйбышев был выбран председателем Совета — так велик был его авторитет среди рабочих уже в первые дни Февральской буржуазно-демократической революции.

Помимо большой руководящей организационной работы в Совете рабочих депутатов В. В. Куйбышев ежедневно разрешал множество других вопросов, поднимаемых рабочими.

Однажды в начале мая я как член Совета был вызван к В. В. Куйбышеву. В Самаре происходила забастовка рабочих на строительстве завода в Коптевом овраге. Рабочие предъявили администрации строительства требования о повышении заработной платы и о сокращении рабочего дня. В комитете «народной власти» меньшевики настаивали на применении силы для немедленной ликвидации забастовки. В. В. Куйбышев поставил этот вопрос по-другому: он настоял на том, чтобы все конкретные требования рабочих были рассмотрены на месте. Для этой цели была послана на строительство завода комиссия, в которую я вошел как представитель Совета. От В. В. Куйбышева я получил негласную директиву: добиться удовлетворения требований рабочих. Надо было убедить остальных членов комиссии в правильности требований рабочих. Это было выполнено, и требования рабочих были полностью удовлетворены.

Такой же конфликт пришлось... разбирать по предложению В. В. Куйбышева между администрацией, рабочими и служащими конторы «Зингер». Работники конторы обратились к В. В. Куйбышеву с просьбой поддержать их требование о повышении заработной платы... Появление представителей Совета в конторе серьезно повлияло на управляющего, и он быстро пошел на уступки, удовлетворив требования рабочих.

Сталкиваясь с В. В. Куйбышевым на практической работе в самых разнообразных условиях, я уже тогда подметил, как тщательно он изучал и проверял работников.

Во время занятия Самары белочехами часть самарских коммунистов находилась в Покровске, выполняя раз-

ные поручения Самарского ревкома и В. В. Куйбышева. Однажды к нам приехало несколько самарских коммунистов, бежавших из чехословацкого концентрационного лагеря в Омске. Среди них был и товарищ Рабин — начальник самарского штаба охраны, захваченный чехословаками в плен. Он рассказал о том, где находятся Масленников и другие товарищи, увезенные из Самары чехословаками, что им необходима денежная помощь и документы для того, чтобы и они могли бежать. Нужно было найти человека, который мог бы пробраться из Саратова до Омска и организовать необходимую помощь в побеге.

Мне было поручено найти такого человека. Я наметил ряд лиц, которые, по-моему, казались вполне подходящими для выполнения этого поручения. В. В. Куйбышев лично познакомился с каждым в отдельности и все кандидатуры отклонил. Лишь впоследствии он остановился на одном из членов партии. Это был Паспарне, старый подпольщик рижской большевистской организации, бежавший в 1915 году с фронта. Он имел хороший опыт конспирации, а по внешнему виду подходил к своей новой роли «помещика». Ему были вручены большая сумма денег, документ какого-то крупного землевладельца Саратовской губернии, куча облигаций, документы о землепользовании, одели его под среднего помещика, и он уехал.

О судьбе этого товарища мне не было известно до 1923 года, когда я получил от него письмо, в котором он сообщил, что в свое время благополучно добрался до цели и поручение Куйбышева выполнил.

О методах подбора людей Куйбышевым могу привести еще такой пример. После освобождения Самары от белочехов Валериан Владимирович снова стал председателем Самарского городского Совета. Горсовет подбирал людей на работу в отделы. В числе других нужно было подобрать народных судей, следователей и работников коллегии защитников. Для подбора этих людей была создана специальная комиссия, в которой председательствовал Куйбышев. Ни одного человека он не пропустил, не проверив его лично, не изучив его автобиографию, узнавал их грамотность, спрашивал каждого, как он думает работать, и т. д. Из большого списка представленных кандидатов он отсеял очень многих.

...При назначении членов Комиссии советского контроля уполномоченными и в самой Комиссии на разные должности он оставался верным своему методу подбора людей: всех лично просмотреть, с каждым поговорить, еще раз проверить.

Меня он знал с 1916 года. Вместе сидели в тюрьме, при нем я работал в ЦКК, и все же я должен был явиться к нему для беседы, причем разговор вели исключительно о новой работе, об областях, в которые он намеревался меня послать. Такой проверке подвергались и все остальные члены комиссии.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье. 1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 107—110.

М. С. БЕШЕНКОВСКАЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

На пути в туруханскую ссылку в 1917 году, когда самарский конвой сдал арестованных в ближайшую тюрьму, В. В. Куйбышев успел узнать, кто из конвоиров сочувствует политическим, и с одним из них прислал мне записку на квартиру. Эта записка произвела на всех нас, самарцев, оставшихся на свободе, огромное впечатление, она передавалась из рук в руки. В ней товарищ Куйбышев писал, что проводы, которые были устроены самарскими рабочими в день отправки арестованных в ссылку, являются ярким показателем роста классовой и политической сознательности масс, их готовности к борьбе. «Этот факт,— писал он,— знаменует собой приближение решительных схваток между трудом и капиталом. Наша победа близка».

Надо было обладать таким прозорливым умом, надо было так хорошо владеть марксистско-ленинским прогнозом, каким обладал В. В. Куйбышев, чтобы в таком как будто бы незначительном факте, как проводы рабочих, видеть решимость и волю пролетариата к решительной борьбе против царизма и против капитализма.

* * *

После Февральской буржуазно-демократической революции, когда В. В. Куйбышев, А. С. Бубнов и другие вернулись в Самару из ссылки, наша партийная организация развернула грандиозную работу. Руководители организации, особенно В. В. Куйбышев, были заняты по горло. Казалось, что в этой обстановке нельзя было и думать о минутах разумного, культурного развлечения. Но вскоре я убедилась в том, что товарищ Куйбышев умеет сочетать гигантскую работу большевика с культурным отдыхом.

В клубе коммунистов мы устраивали вечера, особенно часто после VII съезда партии [1]. На этих вечерах В. В. Куйбышев выделялся своей простотой, скромностью и вместе с тем веселостью, затейливостью. Эти вечера нами устраивались не для пустого препровождения времени, а в целях сближения с широкими кругами партийцев и воспитания их.

В тяжелой обстановке, когда белочехи временно утвердились в Самаре [2], когда силы нашей организации были разбиты, В. В. Куйбышев ни на минуту не терялся. В самые тяжелые моменты мы обращались к В. В. Куйбышеву за советами, мы знали, что он даст нам ясный, четкий, обоснованный ответ. От него мы уходили в бодром настроении, с верою в безусловную победу.

* * *

Валериан Владимирович был талантливым пропагандистом. Помню, когда умер Свердлов, я обратилась к В. В. Куйбышеву с предложением выступить с докладом о Свердлове, на что он согласился.

На большом партийном собрании В. В. Куйбышев дал яркую характеристику жизни и деятельности Свердлова. Я никогда не забуду его выступления, ибо он говорил о Свердлове не только как о крупнейшем революционере нашей эпохи, не только как о выдающемся большевике, соратнике Ленина, но он нарисовал все мельчайшие штрихи его характера, ибо лично знал его по совместному пребыванию в ссылке.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье.
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 92—93.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

ЛЕТОМ 1917 ГОДА

...Как только были получены первые вести о буржуазно-демократической революции в Петрограде, так сейчас же в Самаре собрался первый митинг в театре «Олимп».

Незабываемое зрелище...

[1] VII (Экстренный) съезд РКП(б) проходил 6—8 марта 1918 г. в Петрограде. В его работе с правом решающего голоса участвовал В. В. Куйбышев, делегированный на съезд 2-й Самарской губернской конференцией.

[2] 8 июня 1918 г. город Самара был захвачен частями восставшего чехословацкого корпуса.

На трибуну один за другим поднимаются представители профсоюзов, фабрик и воинских частей с заявлением о присоединении к революции, об активной поддержке революции. Единодушное требование освободить политических заключенных, в места ссылки летят приветственные телеграммы. Собравшиеся стоя, без шапок, с величайшим воодушевлением поют «Вы жертвою пали», «Марсельезу», «Варшавянку»...

Весна семнадцатого года.

С севера, из далекой Сибири на крыльях радости несутся лучшие передовые борцы за революцию, освобожденные волею миллионов. Возвращается в Самару и товарищ Куйбышев и сразу, как отважный пловец в волны, кидается в революционную работу.

А дела — непочатый угол.

Именитое самарское купечество, разбогатевшее на военных поставках, через рупор своей газеты «Волжский день» и либералы разных мастей, группирующиеся вокруг другой газеты — «Волжское слово», изо дня в день ведут разнузданную агитацию за продолжение войны до полной победы, за искоренение большевизма и пр.

Город был вздыблен политической борьбой.

Валериан Владимирович как председатель Совета возглавлял эту борьбу. Бурные заседания Совета всегда затягивались за полночь. Рабочий вопрос, помощь солдаткам и сиротам империалистической войны, конфликты с предпринимателями, налоги на буржуазию и т. п. На каждом из этих вопросов большевистская фракция Совета давала бой политическим противникам и часто выигрывала этот бой. В начале апреля по настоянию большевиков Совет принял постановление о введении на предприятиях восьмичасового рабочего дня. Через Совет, через свою газету, через своих низовых агитаторов и пропагандистов партия большевиков влияла на массу, разжигала в ней дух ярости и классовой ненависти к буржуазии и ее прихвостням — меньшевикам, эсерам, энесам и пр.

Но товарища Куйбышева, пламенного оратора и массовика, не могла удовлетворить борьба в стенах Совета. Он рвался в казармы, на предприятия.

Впервые я услышал Валериана Владимировича на большом митинге на трубочном заводе, где он за несколько месяцев до Февральской буржуазно-демократической революции работал у станка в 6-й мастерской и оттуда был взят охранкой.

Сперва выступали меньшевики и эсеры: Кабцан, Белов, Фортунатов, призывая к сотрудничеству с отечественной бур-

жуазией, поддержке Временного правительства, клеймя большевиков «немецкими шпионами», предателями и пр. Необходимо сказать, что за время войны на завод набилось немало лавочников и зажиточных мужичков, спасавшихся от мобилизации. Зашибая в тылу немалую деньгу, они были не против того, чтобы война продолжалась.

Но вот выступил Валериан Владимирович.

Вначале он говорил с большой сдержанностью, с оттенком сарказма, обрисовывая предательскую работу оборонцев, их роль в военно-промышленных комитетах, Государственной думе и т. д. Потом, все более и более горячась, он с вдохновением заговорил о грядущей победе пролетариата, о Ленине. Сверкающая ясность его призывов глубоко запала в сознание передовых рабочих. Самара выходила в первые ряды боевых провинциальных городов — Кронштадта, Царицына, Калуги, Саратова.

Митинги, собрания, заседания...

И днем и ночью в казармах, на заводах, в кинотеатрах, на базарах, на площади у памятника кипели споры, переливались толпы митингующих. Тема одна — текущий момент.

Все спешили наговориться за долгие годы молчания: солдат, рабочий, крестьянин, канцелярский служака, домашняя прислуга, вдова-солдатка, солдатская мать.

Митинги явились первой политической школой, масса росла не по дням, а по часам, и приказчик, еще вчера лобызавшийся с хозяином по случаю свержения царя, нынче предъявлял ему требования о прибавке жалованья, о вежливом обращении, о сокращении рабочего дня.

На митингах масса забитого и темного люда ощупью выискивала пути классового размежевания.

В то время товарищ Куйбышев был молод, неутомим, полон кипучей энергии. Впрочем, энергия не покидала его до последнего дня и часа жизни. Его можно было видеть тогда и на митинге в артиллерийских или шаховских казармах; неутомимо он вел борьбу с политическими противниками всех цветов и оттенков в стенах Совета; читал лекции и доклады для партактива; писал руководящие статьи, всегда бурные и литературно безукоризненные; вплотную руководил работой парторганизации, кстати сказать, весьма немногочисленной по сравнению с организациями соглашателей, но крепко спаянной железной дисциплиной и ясностью стоящих перед ней задач.

Комитет большевиков ютился в двух убогих комнатушках ресторана «Аквариум» на Самарской улице. Здесь же

помещалась и редакция нашей газеты «Приволжская правда», которую редактировали А. Х. Митрофанов и С. И. Дербина. В газете чуть ли не из номера в номер печатались полные боевого задора статьи Валериана Владимировича, не всегда, помнится, подписанные его именем.

Это был человек чрезвычайно скромный и исключительно работоспособный, до конца преданный революции.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье,
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 80—82.

П. П. ФРОЛОВ

В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Меньшевики, эсеры и им подобные контрреволюционные элементы развернули бешеную травлю большевиков. Создалась такая тяжелая обстановка, что большевики вынуждены были устроить нелегальное собрание на Красной Глинке, в лесу, и там обсудить вопрос о нашей дальнейшей тактике.

На этом собрании В. В. Куйбышев дал подробный анализ создавшегося положения и наметил план действий. Этот план в основном сводился к тому, чтобы немедленно пойти к солдатам в казармы, к рабочим на фабрики, заводы, на железную дорогу и рассказать им, в чем сущность контрреволюционных действий Временного правительства и роль меньшевиков и эсеров в авантюре Керенского, добиться от масс поддержки наших лозунгов и организовать Красную гвардию. Этот план В. В. Куйбышева был принят.

На следующий день были организованы собрания, митинги на фабриках, заводах, на железной дороге, в Аржановском саду и в других местах города. В результате острой борьбы с лакеями буржуазии и помещиков — меньшевиками и эсерами — большевики получили активную поддержку абсолютного большинства рабочих и солдат.

Горячая правдивая речь В. В. Куйбышева на солдатском митинге в Аржановском саду приковала внимание солдат, которых было там несколько тысяч. Возмущение солдат против Временного правительства и против эсеров и меньшевиков было настолько велико, что они готовы были тут же на месте учинить расправу над местными лидерами мелкобуржуазных партий.

Когда был поставлен вопрос о захвате власти рабочими и беднейшими крестьянами (октябрь 1917 г.), В. В. Куйбышев поручил Козырькову, Назарову (рабочим трубочного завода) и мне отправиться на телеграф и установить контроль над поступающими и отправляемыми телеграммами. Мы предъявили чиновникам свои мандаты за подписью В. В. Куйбышева — председателя революционного комитета — и при помощи отряда красногвардейцев заняли телеграф. Все телеграммы передавались В. В. Куйбышеву. В них сообщалось о вооруженном восстании петроградских рабочих и матросов Балтийского флота, об аресте Временного правительства, о бегстве Керенского и т. д.

Когда была получена шифрованная телеграмма о провозглашении Советской власти, о создании Совета Народных Комиссаров во главе с товарищем Лениным, В. В. Куйбышев предложил созвать экстренное заседание Совета, на котором огласил текст этой телеграммы.

Желающих попасть на заседание было столько, что президиум Совета решил перенести заседание в самое большое помещение города («Олимп»), но и там было тесно.

После выступления В. В. Куйбышева представители рабочих и солдат самарского гарнизона абсолютным большинством приняли его предложение об организации Советской власти в Самаре.

Так, под руководством... В. В. Куйбышева самарский пролетариат взял власть в свои руки. Но на этом борьба с контрреволюцией не закончилась.

Вспоминается время, когда на Самару наступали белочехи. Первая башня элеватора служила нашим наблюдательным пунктом, откуда Куйбышев [1], Галактионов [2] и другие наблюдали, как обстоит дело на линии боя.

Его бесстрашие, стойкость и беззаветная преданность делу рабочего класса вселяли в нас бодрость, и мы стремились отстоять город. Но контрреволюция тогда оказалась сильнее нас, и мы вынуждены были сдать Самару.

---

[1] 25 мая 1918 г. пленарное заседание Самарского губревкома в своем протоколе записало: «Председателем Губернского Революционного Комитета единогласно избирается тов. Куйбышев» (Партийный архив Куйбышевской области, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 22). Как председатель губревкома, В. В. Куйбышев был одним из руководителей обороны города.

[2] *Галактионов Алексей Петрович* (1888—1922) — рабочий-слесарь, член КПСС с 1906 г. В октябрьские дни в Самаре входил в состав губкома партии и ревкома, член штаба, затем политический комиссар дивизии. После освобождения Самары — председатель губисполкома, затем секретарь обкома партии в Казани. Погиб в авиационной катастрофе.

5 Заказ 4381

Впоследствии, под руководством нашей партийной организации во главе с В. В. Куйбышевым, враг был разбит и изгнан. В. В. Куйбышев опять встал во главе самарских большевиков, во главе Совета. Он, не покладая рук, ночью и днем работал над утверждением диктатуры пролетариата, над восстановлением народного хозяйства губернии, над уничтожением контрреволюции...

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье.
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 120—121.

А. С. БУБНОВ

ЕГО ВЫКОВАЛА НАША ПАРТИЯ

...В течение долгих лет — заместитель председателя Совнаркома Союза, первый председатель Центральной контрольной комиссии, председатель Высшего совета народного хозяйства в самые ответственные годы реконструктивного периода — Валериан Владимирович на всех этих постах умел твердо вести генеральную линию партии Ленина, ни на одну минуту не отступая от нее.

Вся его работа, все его деловые и личные отношения были неизменно озарены большой чуткостью и громадным вниманием, великой заботливостью к товарищам, с которыми он по роду своей деятельности встречался по самым разнообразным советским и партийным делам.

Одной из отличительных черт этого человека была чрезвычайная скромность, которая вместе с непримиримостью к врагам, настойчивостью и трудолюбием в работе характеризовала его во все периоды его жизни.

Таким он был на посту партийного руководителя и выдающегося советского деятеля, таким он был и в давние годы большевистского подполья.

Я помню Валериана Владимировича, когда он, бежав из сибирской ссылки, впервые пришел на мою квартиру в Харькове. Это было осенью 1913 года. Его прислали ко мне товарищи Яковлева и Любимов.

Куйбышев бежал из ссылки для того, чтобы снова взяться за большевистскую работу. Ему недолго пришлось пробыть в Харькове. Царская охранка его быстро арестовала и снова бросила в далекую сибирскую ссылку. Но и эта кратковременная встреча оставила во мне неизгладимое

воспоминание о Куйбышеве как о самоотверженном и беззаветно преданном партии революционере-большевике.

Второй раз, в годы подполья, мы встретились с товарищем Куйбышевым в Самаре. Это было весной 1916 года.

Революция надвигалась — это мы понимали и чувствовали тогда со всей отчетливостью и по мере сил и партийного разумения готовились к этому.

По приезде товарища Куйбышева в Самару нами было организовано партийное бюро по объединению большевистских организаций Нижнего Поволжья. Нашей целью было подготовить и созвать конференцию большевистских организаций от Нижнего до Астрахани.

В течение нескольких месяцев мы вели партийную работу в самой Самаре, организовывая рабочих трубочного завода и одновременно с этим устанавливая связи в крупнейших приволжских городах, нащупывая и разыскивая там своих людей, стремясь к их объединению в общем приволжском масштабе.

Здесь пришлось мне видеть товарища Куйбышева в качестве человека, который умел настойчиво и кропотливо вести мелкую организационную работу, борясь за проведение основной линии нашей партии.

В конце августа — начале сентября конференция была созвана в Самаре, но она была немедленно разгромлена царской охранкой. Мы все, в том числе и товарищ Куйбышев, на конференции и в течение нескольких недель после нее были арестованы и заключены в самарскую тюрьму.

После этого вместе с товарищем Куйбышевым мне пришлось этапным порядком проделать путь от Самары до Красноярска и от Красноярска до села Казаченского, где мы были примерно 8—9 марта 1917 года освобождены революционной властью.

По инициативе товарища Куйбышева мы немедленно помчались обратно. Сначала в Красноярск, затем в Самару.

В Самаре товарищ Куйбышев остался на работе, а мне пришлось отправиться в Москву.

С этого момента начинается ряд лет, в течение которых товарищ Куйбышев все силы, все свое умение, беззаветную преданность партии отдавал героической вооруженной борьбе против белых армий, начиная с ухода из Самары под натиском белочехов и кончая борьбой в качестве члена Ревсовета на Туркестанском фронте.

В первые же годы после окончания гражданской войны он выбирается на съезде партии секретарем Центрального

Комитета. С тех пор вся партия и вся наша страна знают товарища Куйбышева как выдающегося советского деятеля и партийного руководителя.

Этого человека выковала и закалила наша замечательная партия...

Правда, 1935, 26 января.

М. Г. ЛОГИНОВ

ОРГАНИЗАТОР БОЕВЫХ ОТРЯДОВ

Первая моя встреча с Валерианом Владимировичем Куйбышевым состоялась на Красной Глинке, где проходило собрание самарских большевиков, вторая — на губернской партийной конференции, на которой председателем был Валериан Владимирович. После этого Куйбышева я встречал в Самаре очень часто, много работал по его заданию и под его руководством.

Куйбышев всегда был бодрым, неутомимым большевиком-организатором. Он умел воодушевлять рабочих, внушать им веру в свои силы.

Помню, когда на трубочном заводе организовывался первый красногвардейский отряд, на собрании выступил с речью Валериан Владимирович.

На призыв товарища Куйбышева сотни рабочих взяли винтовки, организовали свой штаб. Первым руководителем его был рабочий завода А. В. Гавриленко, а я помощником.

Нашему штабу Валериан Владимирович давал повседневные задания. Когда с востока двигались вражеские полчища Дутова, а с запада возвращались с фронта вооруженные казаки, Валериан Владимирович вызвал меня к себе и дал распоряжение разоружать эшелоны. Для этого на перроне самарского вокзала мы расставили замаскированные пулеметы. С приходом эшелонов зазывали казаков в вокзал на митинг, а в это время красногвардейцы собирали в вагонах винтовки и другое оружие.

Октябрьский переворот в Самаре проходил под руководством В. В. Куйбышева. На партийном собрании, выступая с речью, товарищ Куйбышев указал на необходимость в первую очередь завладеть банком, телеграфом, почтой. Эту работу выполняли красногвардейцы. Мой отряд занял телеграф, другие — почту и банк.

На третий день после свержения правительства Керенского революционный комитет, руководимый В. В. Куйбышевым, заседал в Белом доме. Во время заседания вражеская рука сделала покушение на ревком — произошел взрыв в доме. Но это не сломило волю и энергию большевиков...

На следующий день после взрыва дома Валериан Владимирович вызвал меня и поручил организовать штаб охраны города. В отряде штаба было много рабочих трубочного завода.

Образ В. В. Куйбышева, великого революционера, чуткого большевика и товарища, на всю жизнь остался в моей памяти.

Волжская коммуна, 1939, 25 января.

С. И. ГРУЗДЕВ

ЗАХВАТ БАНКОВ В САМАРЕ

В Самаре после Октябрьской социалистической революции мне пришлось несколько дней быть помощником начальника Красной гвардии. Я назначал посты, раздавал патроны, винтовки, распределял людей. Однажды я расставил всех часовых, а у помещения бывшего Благородного собрания, где хранились большие ценности, реквизированные у капиталистов, я встал сам, так как некого было поставить. В. В. Куйбышев, проходя мимо, сказал, что я занимаюсь не своим делом.

— Будешь работать при ревкоме.

Ревком постановил захватить банки, но вооруженная охрана, поставленная старой администрацией, нас не пустила туда.

Тогда было решено собрать из всех воинских частей отдельные команды от 50 до 100 человек для захвата банков силой. Но для этого сначала надо было подготовить людей. В. В. Куйбышев поручил мне объехать воинские части, чтобы к утру собрать солдат. Он должен был разъяснить им, почему мы захватываем банки.

Мне дали мандат как комиссару военно-революционного комитета. В мандате говорилось, что мне разрешено хождение по городу во всякое время дня и ночи. Все организации, как военные, так и гражданские, должны были оказывать мне самое широкое содействие. Мне предстояло в каждой части разыскать дежурного по полку и заставить его расписаться, что к 7 часам утра он вышлет столько-то человек.

Часов в 6 утра я вернулся в ревком, где В. В. Куйбышев, ожидая меня, спал на стульях. Я разбудил его и доложил о проделанной работе, представив расписки из всех частей.

— Соберутся ли только? — усомнился он.

К утру в ревком каждая часть выслала людей, сколько было предписано. Куйбышев разъяснил, что революция требует от них сейчас, говорил о значении перехода банков в руки рабочего класса, и солдаты согласились занять банки. Каждой части дали комиссара и направили их по банкам. Так банки стали нашими.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье.
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 106.

ПО ЗОВУ ПАРТИИ

Раз ставши на революционный путь,
он шел этим путем до конца.

Е. М. Ярославский

П. А. КОБОЗЕВ

БЛЕСТЯЩИЙ ОРГАНИЗАТОР БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПОБЕД

Это было в конце 1917 года. Генерал Дутов восстал против Советской власти и начал грабить не только Оренбургскую, но и Самарскую губернии. Я был послан в Самару в помощь товарищам для совместной организации борьбы с Дутовым. Помню наше ночное заседание под председательством В. В. Куйбышева, на котором мы обсуждали вопрос, как реализовать план Ленина по борьбе с контрреволюционным оренбургским и уральским казачеством.

В. В. Куйбышев направил товарища Блюхера, тогда еще совсем юного помощника Герасимова [1], к Уфе и Челябинску во главе отряда самарских дружинников, с тем чтобы этот отряд стал ядром для формирования красных партизанских частей Южного Урала. Основная оперативная задача, данная В. В. Куйбышевым Блюхеру, была не позволить Дутову прорваться к сибирской магистрали, к которой он стремился с целью отрезать центры революции — Москву и Петроград — от сибирского и южноуральского хлеба. Другой отряд под общим моим командованием был направлен товарищем Куйбышевым в Бузулук для борьбы с Дутовым на Оренбургском фронте. В. В. Куйбышев, оставаясь в Самаре, взял на себя чрезвычайно тяжелую задачу — комплектовать, снабжать, снаряжать и вооружать не только мои отряды, но и отряды Блюхера, действовавшие в горах Южного Урала почти самостоятельно. Эта трудная задача В. В. Куйбышевым была выполнена.

Согласно директиве центра В. В. Куйбышев одновременно очень умело организовал разоружение казацко-солдатских эшелонов (демобилизованных фронтовиков), которые, не подчиняясь директивам Совета Народных Комиссаров, успели прорваться через Сызрань к Самаре, увезя с собой не только винтовки, но и пулеметы, орудия.

---

[1] *Герасимов Михаил Прокофьевич* (1889—1939) — самарский губернский военный комиссар. Впоследствии известный советский поэт. В 1917 г.— председатель Совета солдатских депутатов, в октябрьские дни — член ревкома.

На В. В. Куйбышева дополнительно легла также забота об организации отрядов из самарских рабочих как для защиты города, так и для отправки их в Бузулук и Оренбург. Сам же он все время поддерживал связь с фронтом и с центром, регулярно докладывая Ленину о положении дел и получая от него директивы и распоряжения.

* * *

В конце 1917 года начались ожесточенные бои на Оренбургском фронте. В тылу боевых действий — в Сызрани, Самаре, Бузулуке — скопились десятки тысяч демобилизованных фронтовиков, стремившихся во что бы то ни стало прорваться через фронт.

Это стремление демобилизованных очень искусно использовали наши враги — буржуазные и мелкобуржуазные партии: кадеты, меньшевики, эсеры, анархисты и пр., натравливая фронтовиков против нас, большевиков. Они организовали в Самаре, Бузулуке и других городах ряд восстаний и бунтов, направленных против Советов. Эти бунты вылились в форму черносотенных погромов, организованных «Земгором» и «Военпромом», переименовавшимися в учредиловские «комитеты спасения родины» от большевизма.

Самарскому комитету нашей партии во главе с В. В. Куйбышевым эти бунты причинили много хлопот. Товарищу Куйбышеву приходилось вести неустанную борьбу, но положение в Самаре создалось чрезвычайно тяжелое.

В связи с уходом всех рабочих отрядов на фронт погромщикам в Самаре удалось на несколько часов захватить власть в свои руки.

Несколько раньше ими был взорван дом ревкома (б. дом губернатора), где в это время шло заседание под председательством В. В. Куйбышева... Комната, в которой происходило заседание, повисла над взорванными стенами вестибюля и лестничной клетки.

Только хладнокровие, мужество и колоссальная сила воли В. В. Куйбышева спасли положение. По его приказу, спустя два часа, железнодорожные дружины участка Самара — Кинель прибыли в распоряжение Самарского партийного комитета, а через сутки самарская и иващенковская дружины коммунистов вернулись с фронта в Самару.

Порядок в городе был восстановлен. Дутов, потерпев поражение под Бузулуком и Оренбургом, отошел в Тургайские степи. Так трудящиеся Средней Волги под руководством большевиков во главе с крупнейшим и талантливейшим организатором В. В. Куйбышевым создали перелом как на фронте, так и в тылу.

* * *

Весна 1918 года. Недобитый нами атаман Дутов сумел вновь мобилизовать реакционное казачество. К моменту восстания чехословацкого корпуса Дутов вновь возглавил восстание казачества и начал наступать по направлению Оренбург — Самара. Особенно трудное положение создалось для Самары, находившейся между двух огней: с востока наступали казаки Дутова, а с запада — белочехи. Местные партийные и красногвардейские отряды во главе с В. В. Куйбышевым в течение двух недель мужественно отбивались от многочисленных внутренних и внешних врагов.

Красные отряды Оренбургского фронта, вырвавшись из дутовского кольца, под командой рабочего Зиновьева отступили в Актюбинск, где впоследствии объединились с Туркестанской армией. Блюхер и Каширин со своими отрядами, совершив блестящий поход, отступили на север и соединились с частями 3-й Красной армии. Самарцам во главе с Куйбышевым удалось после кровопролитных боев вырваться в район Симбирск — Сенгилей, где в это время сформировалась 1-я Красная армия.

В. В. Куйбышев получил от В. И. Ленина назначение — быть членом Реввоенсовета 1-й Красной армии. Благодаря его неисчерпаемой кипучей энергии основной наиболее мощной боевой единицей 1-й Красной армии стала Самаро-Симбирская дивизия, созданная из рабочих отрядов Самары и Симбирска. За блестящий выход из кольца белочехов и каппелевских банд эта дивизия после взятия родного города Ильича — Симбирска — получила от Свердлова первое Красное знамя. По ходатайству В. В. Куйбышева этой дивизии было присвоено звание Железной...

На 1-ю армию было возложено задание — освободить Симбирск, Сызрань, а на 4-ю армию — Самару. В течение двухнедельного сражения Железной дивизией были взяты Симбирск, Сенгилей, Ставрополь, Сызрань.

Замедлила движение только 4-я Красная армия. В силу этого товарищ Куйбышев поехал в Саратов, в район расположения 4-й армии.

Много энергии и сил вложил В. В. Куйбышев, поднимая боеспособность 4-й Красной армии, части которой скоро начали энергичное движение на Самару.

* * *

Когда 7 октября 1918 года В. В. Куйбышев и я приближались к Самаре, там уже шли арьергардные бои с разбитыми и отступающими войсками чехоучредиловцев. К вечеру того же дня Самара была взята частями 22-й дивизии Захарова, а утром 8 октября вошла в Самару Железная дивизия. Через день по обломкам взорванного моста мы вошли в Самару. Город был разукрашен красными флагами. Начальник гарнизона работал уже в своем штабе, когда мы пришли к нему. После радостной встречи он, смеясь, показал нам оставленную записку генерала Галкина (начальника штаба учредиловской армии): «Красные сволочи, мы скоро вернемся».

— Вряд ли! — улыбаясь, ответил В. В. Куйбышев...

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье.
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 174—177.

М. М. ХАТАЕВИЧ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГУБКОМА

Мне пришлось работать вместе с товарищем Куйбышевым под его руководством в памятные бурные дни 1918 года в Самаре. Он возглавлял тогда в качестве председателя губкома партии нашу Самарскую губернскую партийную организацию большевиков. Это были дни острой, напряженной борьбы, когда буржуазно-помещичья контрреволюция, поддерживаемая меньшевиками и эсерами, пыталась превратить Поволжье в плацдарм для выступления против Советской власти.

В эти дни перед захватом Самары белочехами Самарская губерния захлестывалась волной кулацко-эсеровских выступлений и разнузданной мелкобуржуазной стихии в лице левых эсеров-максималистов и анархистов. Со стороны Оренбурга и Уральска напирал казачий генерал Дутов.

В этой напряженной и сложной обстановке Самарская губернская большевистская организация, опираясь на передовых рабочих, особенно рабочих трубочного завода и железнодорожников, и на мощное, разраставшееся тогда движение деревенской бедноты, должна была проводить колоссальную работу по организации и укреплению Советской власти, созданию Красной гвардии и Красной Армии, по подавлению

контрреволюционной буржуазии и офицерства, разгрому кулацко-эсеровских выступлений; она должна была снабжать хлебом голодавшую Москву и другие промышленные советские центры молодой республики и т. д. и т. д. — и в лице товарища Куйбышева мы имели достойного руководителя.

Ему безгранично верили рабочие и беднота Самары и всей губернии.

Весной 1918 года в Самаре собрался губернский съезд Советов, на котором кулацко-меньшевистские элементы сблокировались с левыми эсерами и максималистами и таким образом сумели получить небольшой численный перевес. На этом съезде был избран состав губисполкома с большинством левых эсеров и максималистов вместе с перекрасившимися в левоэсеровский цвет махровыми правыми эсерами.

Товарищ Куйбышев уходит тогда на короткое время от работы в губисполкоме в Самарский горсовет.

Горсовет становится в те дни центром сосредоточения всех пролетарских революционных сил, поддерживающих центральное Советское правительство против эсеро-анархистского губисполкома.

17 мая 1918 года левоэсеровский губисполком возглавил восстание анархистских уголовных элементов против Советской власти. 18 мая это восстание, опиравшееся на сравнительно значительные вооруженные силы и всякого рода анархистские отряды, было полностью подавлено и разгромлено силами самарских большевиков и беспартийных рабочих, которые быстро явились на призыв партийной организации и встали под ружье для подавления контрреволюции.

Левоэсеровский президиум губисполкома был тогда частично арестован, частично разогнан, и товарищ Куйбышев вернулся к исполнению обязанностей председателя губисполкома.

Спустя каких-либо 10—12 дней после этого белочехи заняли Пензу и начали свое продвижение на Самару.

В эти боевые, тревожные дни товарищ Куйбышев руководил всей борьбой, крепко подхлестывал нас своей железной выдержкой, спокойствием и хладнокровием.

Обстановка тогда благоприятствовала панике, но около товарища Куйбышева ее не могло быть и не было.

Помню я прекрасно те сердечные, простые, товарищеские отношения, какие были между товарищем Куйбышевым и очень многими рядовыми самарскими коммунистами. Часто он появлялся в партийном клубе, где запросто разговаривал с приехавшими туда членами партии.

За эту товарищескую простоту его особенно любили рабочие трубочного завода, где он работал перед Февральской буржуазно-демократической революцией.

После освобождения Самары от белочехов и белоучредиловцев товарищ Куйбышев является одним из активных и главных организаторов борьбы с колчаковщиной, организатором обороны Самары и Поволжья от наступления Колчака, затем нашего наступления и разгрома колчаковщины...

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье. 1916—1919 гг. Куйбышев, 1936, с. 72—74.

Г. М. ЛЕПЛЕВСКИЙ

БОЕВЫЕ ДНИ

Впервые я познакомился с товарищем Куйбышевым в Самаре в дни самых ожесточенных схваток с врагами на многочисленных фронтах.

Мне живо помнится, как в губернском комитете партии, в муниципализированном доме Неклютина, в небольшом скромном кабинете меня встретил еще совсем молодой, полный юношеской жизнерадостности и сил, высокий, несколько сутулый в плечах, с шапкой густых каштановых волос над высоким лбом Валериан Владимирович. Предо мною был председатель губернского комитета партии.

Куйбышев только что вернулся из Москвы с 4-го Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов [1], ратифицировавшего Брест-Литовский мирный договор. Товарищ Куйбышев с первых же слов начал в чрезвычайно образной форме делиться со мною впечатлениями от съезда, от встреч с Лениным, Свердловым — этими замечательными вождями победившего в октябрьских боях рабочего класса.

...Прошло лишь несколько мирных недель после подписания Брест-Литовского договора. Враги не дремали. В Оренбургском крае началось восстание атамана Дутова и руководимых им банд. Была организована срочная помощь самарских пролетариев. Наскоро сколачивались рабочие дружины. Организацией вооруженной помощи оренбургским рабочим руководил товарищ Куйбышев.

В самой Самаре вспыхивает восстание отрядов Кудинского под руководством максималистов и левых эсеров. Оно было

[1] Четвертый Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов проходил в Москве с 14 по 16 марта 1918 г.

подавлено силами сознательных самарских рабочих под руководством Коммунистической партии. И в этом деле сказалась организующая рука товарища Куйбышева.

Но контрреволюция не унимается. Чехословацкие отряды, втянутые в авантюру белоэсеровскими и меньшевистскими бандами, наступают на Самару. Приходится впервые в широком масштабе организовывать военный отпор врагу. Ни военного опыта, ни специалистов этого дела, ни знаний, ни навыков ни у кого из нас тогда не было.

Наспех со всех сторон стягиваются рабочие отряды, и, насколько это представлялось возможным, организуется оборона одного из крупнейших пролетарских центров на Волге. Товарищ Куйбышев неустанно и неусыпно следит за делом организации отпора эсерам, меньшевикам, опиравшимся на чехословацкие отряды.

Известия, 1936, 25 января.

Н. И. КОРИЦКИЙ

МОЙ ПЕРВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

В начале лета 1918 года Валериан Владимирович был назначен политическим комиссаром формировавшейся на Средней Волге 1-й Революционной армии.

Почти одновременно и я был назначен начальником штаба этой армии. К этому времени и относится наша первая встреча и совместная работа с ним на Восточном фронте.

Вступая в исполнение своих обязанностей начальника штаба армии, я был в большом затруднении перед широтой размаха и сложностью этой работы, на которую поставила меня революция. За моей спиной были лишь тактический боевой опыт в империалистической войне и военная теоретическая подготовка старой царской школы.

Военная обстановка летом 1918 года была на Средней Волге чрезвычайно сложна. На широком пространстве были разбросаны отдельные красноармейские отряды, выполнявшие свою основную роль — укрепление Советской власти на местах, опрокидывая сопротивление местной контрреволюции. Наряду с этим, имея в авангарде белочехов и способствуя сосредоточению сил российской «отечественной» контрреволюции, Антанта подготовляла свой первый поход на Советскую республику.

Не помню, по какому случаю Валериан Владимирович ехал в вагоне штаба из Пензы в Инзу (место стоянки штаба

1-й армии). На моей рабочей карте, лежавшей на столе, были нанесены красным карандашом небольшими кружками отдельные отряды. Против них синим карандашом был обозначен противник. Самара была густо заштрихована синим, и под ней стоял флаг с надписью «Ком. 44». От Самары вверх по Волге, по ее обоим берегам, и на запад тянулись... стрелки.

Валериан Владимирович стал рассматривать карту. Я счел необходимым, как начальник штаба, доложить ему обстановку и высказать свои соображения. Он выслушал меня с большим вниманием. Помню, в своем докладе я особенно упирал на то, что почти все наши отряды действуют, не имея связи между собой и штабом, и что при таком условии управлять ими невозможно.

— Так вас волнует, что между отрядами нет связи? Это, конечно, плохо и ими тяжело управлять без связи. Но той связи, о которой вы думаете,— телефон, телеграф, летучая почта — в условиях действий... отрядов и достигнуть трудно. Ведь пришлось бы провода наводить через участки, занятые противником. Но напрасно вы думаете, что все эти отряды так уже абсолютно действуют без связи между собой и без управления.

И дальше Валериан Владимирович развернул передо мной четкую картину возникновения, развертывания и постепенного, по этапам, развития вооруженной борьбы. Он ярко выявил мне роль и задачи... отрядов, которые, действуя на местах каждый в отдельности, связаны между собой единством цели борьбы и управляются единым центром — большевистской партией, которая руководит всей борьбой не проводами и телефонами, а живой связью через тех своих членов, которые вливаются в эти отряды и в качестве рядовых бойцов и в качестве их начальников.

— Но теперь этап гражданской войны, когда можно опираться на отряды Красной гвардии, кончился. Нам нужна сильная армия, дисциплинированная, боеспособная, могущая противостоять не только белогвардейским силам, но и армиям капиталистических государств, столкновение с которыми для нас неизбежно. Над созданием такой армии и придется нам с вами поработать...

Под стук колес поезда с жадным интересом слушал я первую для себя политическую лекцию. Внимательно выслушивая кажущиеся мне теперь наивными вопросы, Валериан Владимирович терпеливо давал с исчерпывающей ясностью ответы, развивая все шире и глубже тему нашей беседы. Красочно, ярко он вскрыл передо мной всю серьезность классовой борьбы. Но особенно горячо говорил Валериан Влади-

мирович о партии, о Ленине. Говоря о партии, Валериан Владимирович оживлялся и вкладывал в простые слова столько любви, столько беспредельной веры в силу и мощь своей партии. Он говорил о партии в период подполья, говорил о товарищах, томившихся в царских тюрьмах, о гордо всходивших на плаху и скромно умалчивал о себе самом.

Эта первая наша беседа с Валерианом Владимировичем глубоко врезалась мне в память и служила мне путеводной звездой во всей последующей моей деятельности.

Началась напряженная работа по формированию резервных частей 1-й Революционной армии. В первую очередь создаются и развертываются центры управления — штаб армии и штабы дивизий. Первоначальный численный состав штаба армии и ее командования равнялся 6—10 лицам. Разработанные первые «временные» штаты штаба и управления предусматривали 372 человека, из них до 130 специалистов с военной подготовкой. Если же учесть потребность штабов дивизий и строевых частей, то нам для начала надо было до 500 человек командного состава.

Где их взять? Ждать присылки из центра пришлось бы долго. И вот Валериан Владимирович предпринимает смелый шаг (первый в Советской России): 15—17 июля объявляется мобилизация офицеров в Симбирске и вслед за тем, 19 июля, в Пензе. Это решение, предварительно обсуждавшееся в партийных организациях Симбирска и Пензы, вначале вызвало большое смущение. Во-первых, только что были ликвидированы муравьевская авантюра[1] и левоэсеровские попытки к восстанию. Эти события подорвали в массе бойцов веру в командиров, назначаемых сверху. Во-вторых, в среде бывшего офицерства Симбирска и Пензы были нередки случаи успешной вербовки их белочехами и агентурой самарской учредиловки. Меня лично после упомянутой выше лекции Валериана Владимировича больше всего смущало то, что офицерство в своем большинстве является слугами чужого, враждебного

---

[1] Муравьевский мятеж — контрреволюционное выступление главнокомандующего Восточным фронтом левого эсера М. А. Муравьева с отрядом около 1000 человек 10—11 июля 1918 г. Получив известие о левоэсеровском мятеже в Москве, Муравьев изменил Советской власти и поднял мятеж в Симбирске. Авантюристическое выступление Муравьева было быстро ликвидировано. Отряд, с которым он явился на заседание Симбирского губисполкома, был разоружен, а сам Муравьев убит в перестрелке, завязавшейся при его аресте. О подробностях этого мятежа В. В. Куйбышев сообщал в Москву телеграммой на имя председателя ВЦИК Я. М. Свердлова (см.: *Куйбышев В. В.* Избранные произведения. М., 1958, с. 86—87).

класса. Как же оно поведет в бой полки, роты, батальоны — армию пролетариата?

— Во-первых, у нас есть институт комиссаров[1], который, являясь представителем партии, будет зорко наблюдать за командиром; во-вторых, надо заставить их служить нам,— говорил товарищ Куйбышев.

Это «заставить» вызвало у меня вопрос к Валериану Владимировичу. Ведь заставить работать в банке, учреждении, на земляных работах — это одно, но вести в бой, под пулями — это другое.

Я получил четкий ответ:

— Заставить — это значит умело подойти к человеку, дать ему возможность осознать необходимость его работы на службу революции, воздействовать на его мировоззрение, перевоспитать его.

И я был неоднократно свидетелем коротких, «на ходу» бесед Валериана Владимировича с мобилизованными офицерами. Он говорил с группами, с отдельными лицами, и его подход к людям, его беседы не проходили бесследно. Многих Валериан Владимирович направил по верному пути, многих он заставил изменить в корне мировоззрение, из многих он сделал честных борцов, самоотверженно шедших в бой... 1-я армия за время своих боевых действий насчитывала единичные случаи измены и перебежек из среды командного состава.

Вслед за образованием кадров командного состава как костяка частей встал вопрос об укомплектовании армии младшим командным и рядовым составом. При разрешении этой проблемы в строительстве вооруженных сил приходилось непосредственно соприкасаться с массой крестьянства как главным ресурсом живой силы. Нужно было провести мобилизацию. Нужно было создать специальный мобилизационный армейский орган. Валериан Владимирович возлагает мобилизационную работу на учрежденный им политотдел армии, в составе которого создается специальный мощный мо-

[1] Важнейшим мероприятием Коммунистической партии и Советского правительства было введение в армии в начале апреля 1918 г. института военных комиссаров, законодательное оформление который получил 10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов. Комиссары контролировали работу военных специалистов, пресекали изменнические действия предателей, принимали активное участие в руководстве войсками, руководили партийно-политической работой, проявляли постоянную заботу о формировании, подготовке, снабжении войск и т. д. Институт военных комиссаров явился важнейшим инструментом в руках партии в борьбе за боеспособность армии, одним из решающих источников победы Красной Армии над интервентами и белогвардейцами.

билизационный подотдел. Основные кадры этого подотдела — политические инструктора, агитаторы, пропагандисты. Инструктируемые лично Валерианом Владимировичем, они густой сетью охватили весь район действий и тыловую полосу армии. Главнейшей задачей их работы было разъяснение существа Советской власти, пропаганда идей пролетарской революции, разъяснение значения для крестьянства роли рабочего класса как гегемона революции.

Работники мобилизационного подотдела организовали в деревнях органы Советской власти, вели широкую просветительную работу, устраивали первые избы-читальни. Сам Валериан Владимирович нередко выезжал в деревню, выступал перед крестьянами как рядовой пропагандист-агитатор. Он хорошо знал крестьянскую массу, ее нужды, ее психологию. Вспоминается случайный эпизод. Столовая штаба армии была в отдалении от станции Инза. Как-то раз мы сидели с Валерианом Владимировичем после обеда. Через поселок к нам подбегает какая-то крестьянка:

— Родимые, как вас звать-то, не знаю. Ваши намеднись ведро у меня взяли, так я насчет ведра к вам.

— Какое ведро? — задал я торопливый вопрос.

Валериан Владимирович, поддакивая, терпеливо выслушал длинную повесть о ведре.

— Какие-то красноармейцы зашли, попили молока, заплатили, жаловаться не могу,— продолжает крестьянка,— попросили ведро коней напоить, обещали сейчас же принести. А без ведра-то в хозяйстве как?

— Ну ладно, ладно, найдем тебе ведро.

— Уж ты сделай большую милость, а то, сам знаешь, без ведра-то как?

— Надо сказать, Николай Иванович, коменданту, чтобы вернули ей ведро. В крестьянском хозяйстве ведро — это ценность.

В результате комендант штаба ведро хозяйке отнес.

Мелкий факт, но он характерен тем, что показывает, как Валериан Владимирович — крупный государственный деятель — учитывал попутно с крупным, государственным и мелочь — ведро в крестьянском хозяйстве.

Неутомимой энергией, железной большевистской волей Валериан Владимирович сумел организовать крестьянскую массу вокруг партии, сумел привлечь ее на защиту революции. Трудящееся крестьянство шло под наши знамена, ставшие его родными боевыми знаменами. Число пополнений, прибывших в результате мобилизаций, намного превосходило запроектированные штабом цифры.

В конце июля 1918 года на участке армии создается тяжелое положение — Симбирск пал. Участь сводного отряда самаро-симбирских боевых дружин неизвестна. Левый фланг армии открыт. В штабе армии естественное в таких случаях волнение и напряжение. Валериан Владимирович своим хладнокровием, спокойствием оказывает на всех благотворное влияние. Он вникает во все распоряжения, дает указания, предотвращает мало-мальские признаки паники, растерянности. Под его твердым настойчивым руководством все начинают работать с усиленной четкостью.

Сводный отряд самаро-симбирских боевых дружин вышел на фланг армии. В то время командование армии формирует отдельный отряд под командованием Толстого и высылает его вперед на станцию Майна. Валериан Владимирович принимает в формировании отряда деятельное участие. Толстой оборудует бронеплощадку на угольных платформах, укрепляя их мешками с песком. Над этим работают рабочие инзенского депо железнодорожников. Валериан Владимирович среди них, засучив рукава, сбросив свою кожаную куртку, помогает втаскивать мешки на платформы. Работает весело, подбадривая других, показывая пример.

Ночью уехал в наряд к отряду. Говорю по проводу с Толстым:

— Где товарищ Куйбышев?

— В штабе отряда нет, он сейчас на боевом участке.

И так всегда, во всем впереди, в пример остальным.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье. 1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 160—164.

Т. Д. ГАЙ

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Несмотря на громадную работу по организации и политическому руководству 1-й армией, товарищ Куйбышев не забывал нас, своих самарцев, своих бойцов и ближайших соратников. Он часто посещал мои дружины и проводил в отрядах беседы на политические темы, воодушевляя и воспитывая нас. Он привозил с собой не только деньги и литературу, но и все, что только можно было достать для бойцов в Симбирске,— продовольствие, оружие и даже махорку, в которой мы, конечно, очень нуждались. Он участвовал вместе с нами в боях. Воспоминаниями о нескольких боевых эпизодах, в

которых В. В. Куйбышев принимал личное участие, я хочу поделиться с читателями.

Это было в конце июня 1918 года. Вверенные мне сводные отряды сражались с передовыми частями белогвардейского полка на фронте Климовка — Ольгино. Свежий батальон самарского белогвардейского полка имени Фортунатова, высадившись в Усолье, ночью напал на самарскую дружину Андронова. Дружина, потеряв 11 человек убитыми, отступила из деревни Климовки. Немедленно из Новодевичьего (где находился штаб) была послана на поддержку Андронову дружина Устинова. Товарищ Куйбышев в это время находился у меня в штабе. Он накануне приехал из Симбирска и привез нам деньги и снаряжение. Узнав о нападении белогвардейцев на Климовку, Куйбышев предложил мне выехать с ним на фронт. Шофер Гайдучек через несколько часов догнал наступающие дружины Устинова и Андронова. Взяв мой карабин, Куйбышев молча вышел из автомобиля и, встав во главе дружин, лично повел их в атаку. Загорелся бой.

Соединенными усилиями двух самарских красногвардейских дружин противник был опрокинут. Деревня Климовка вновь была нами взята. На опушке леса мы нашли обезображенные штыками трупы красноармейцев. Через день мы их торжественно похоронили в Климовке. На братской могиле В. В. Куйбышев выступил с горячей речью, призывающей дружинников к ненависти и мести. Как раз в это время на Волге показались белогвардейские вооруженные пароходы. Они двигались вверх по направлению к Климовке. Товарищ Куйбышев едва успел закончить свою речь, как с пароходов открыли по Климовке беглый артиллерийский и пулеметный огонь.

По личному распоряжению Куйбышева дружина Устинова, развернувшись в цепь, бегом бросилась на правый фланг, сам же Валериан Владимирович, взяв с собой меня, человек 15 пулеметчиков и три пулемета, кратчайшим путем повел нас к самому берегу Волги. Установив в кустах пулеметы, Куйбышев приказал готовиться к открытию огня по головному пароходу всеми тремя пулеметами. Он громко и четко указал дистанцию, прицел, поставил задачу каждому пулемету и скомандовал: «Огонь!»

Пулеметная трескотня смешалась с гулом артиллерийской канонады. Через 15 минут, когда каждый пулемет успел выпустить по три ленты, головной пароход белых, сильно накренившись вправо, повернулся и начал быстро уходить к противоположному берегу. По приказу Куйбышева огонь был

перенесен на второй пароход, который постигла та же участь. Наконец вооруженные пароходы, качаясь, стали поспешно направляться вниз. Товарищ Куйбышев очень жалел тогда, что у нас в Климовке не было артиллерии.

— Тогда ни один пароход не ушел бы отсюда,— сказал он улыбаясь, поздравляя пулеметчиков с успешным выполнением задачи.

В этом бою я еще раз убедился в том, что Куйбышев прекрасно знал не только политику, но также основы тактики и стрелкового дела.

В другой раз Валериан Владимирович приехал к нам в район стоянки батареи. Наша единственная Казанская батарея (три орудия) занимала высоты к северу от Новодевичьего, имея задачей не пропускать неприятельские пароходы вверх по Волге. В батарее у нас было два моряка, знакомых с речной и морской сигнализацией. Когда со стороны Самары появлялись пароходы, они поднимали сигнальные флажки, приказывая остановиться или подойти ближе. Те пароходы, которые при повторном предупреждении не выполняли приказа, обстреливались нашей батареей. Все пароходы, идущие снизу вверх, мы задерживали и после тщательного обыска пропускали в Симбирск. Это было вызвано тем, что белогвардейцы и белочехи не раз под видом мирных пассажиров направляли в наш тыл переодетых шпионов и офицеров.

В этот день по случаю приезда В. В. Куйбышева в Казанской батарее был митинг, после которого Валериан Владимирович лично раздал артиллеристам привезенные им из Симбирска подарки. Бойцы артиллерии радостно встретили его и попросили остаться до вечера. Товарищ Куйбышев согласился. После обеда (тут же на открытой позиции) мы расположились с ним на попонах, беседуя о предстоящих боевых задачах отрядов. Он высказывал сомнение относительно реальности плана наступления главкома Муравьева (вскоре нам изменившего).

— Поживем — увидим! — Едва произнес он эту фразу, как вблизи загрохотали наши орудия.

Я выскочил узнать, в чем дело. Прибежал командир батареи и доложил, что 20 минут назад из-за поворота Волги показались два парохода. После двукратного сигнала они продолжали двигаться, и артиллеристы открыли по ним огонь. Один из пароходов, выкинув белый флаг, остановился, другой быстро повернул обратно.

Товарищ Куйбышев приказал прекратить стрельбу. Мы немедленно поехали в Новодевичье и, сев там на быстроходный баркас «Алатырь», спустились вниз по Волге к пароходу.

На нем находилось до тысячи пассажиров, ехавших из Самары, Царицына и Саратова в Нижний. Так как Куйбышева узнали не только служащие парохода, но и многие из пассажиров, то они стали просить его дать разрешение на продолжение пути. Товарищ Куйбышев согласился пропустить пароход при условии строгой проверки всех пассажиров. По его приказанию все перешли на кормовую часть и поодиночке пропускались на вторую половину парохода. После детального осмотра у всех документов Куйбышев обнаружил 18 подозрительных лиц, которых на «Алатыре» привезли в мой штаб. По окончании следствия выяснилось, что все они белогвардейцы. При обыске пассажирского парохода мы при помощи матросов нашли 105 револьверов, 30 винтовок, ручной пулемет и несколько десятков ручных бомб. Все это мы записали в приход как трофеи.

Пароход, получив пропуск, исчез в речной дали.

Третий раз, когда В. В. Куйбышев опять был у нас в гостях, передовая разведка донесла, что снизу по Волге движется вверх неприятельский буксир с баржами. Полагая, что противник намерен высадить десант, мы на этот раз сели на вооруженный пароход «Дело Советов». Дальнейшие события этого дня Куйбышев описывает так:

«На буксир сели Гай, я и нужное количество артиллерийской прислуги, и мы с бешеной быстротой двинулись навстречу «противнику». И вдруг с нашим пароходом стало делаться что-то непонятное. Он начал вилять и в конце концов повернулся носом к берегу. Капитаном буксира был старый седой человек мрачного вида и, казалось нам, неохотно выполнявший роль капитана «боевого» судна. Товарищ Гай, разъяренный, подлетел к этому капитану и потребовал объяснения, почему мы не идем по намеченному направлению. Капитан, весь дрожа, заявил, что, очевидно, испортился руль. Объяснение было мало правдоподобно, почему именно сейчас вдруг испортился руль. Гай выхватил револьвер и, направляя его на капитана, приказал немедленно двинуться навстречу идущему буксиру. Однако дальнейшее поведение капитана поколебало уверенность в его предательстве. Он начал принимать на глазах у нас все меры, чтобы повернуть буксир, но безуспешно. Подозрительность Гая, однако, еще не пропала. Он схватил за руку капитана и потащил его к корме. Я пошел за ним, не понимая, что хочет делать Гай. Он бешено кричал что-то невразумительное, и было понятно только одно: если он убедится, что руль цел, то он тут же пристрелит капитана. Но как он мог убедиться в исправности руля? Мы подходили к корме, и не успел я сообразить, что хочет

делать Гай, как он быстро скинул с себя сапоги и, в чем был, нырнул в воду сзади парохода. Через несколько секунд, мокрый, схватившись за брошенную ему веревку и влезая на пароход, сказал, что руль действительно свернулся. Капитан был пощажен. Кстати, военные действия были излишни — приближавшаяся из Самары баржа из Астрахани, Саратова и Царицына везла огромную массу пассажиров. Был произведен обыск, ничего особенного мы не нашли, за исключением десятка подозрительных людей, которые были отправлены в ЧК...»

Вследствие измены главкома Муравьева в середине июля 1918 года со стороны Бугульмы в Симбирск ворвались белочехи. Одновременно с этим со стороны Сызрани наступали каппелевцы.

Только что сформированный штаб 1-й армии во главе с Куйбышевым и Тухачевским находился в это время на станции Инза. Мой отряд был окружен белочехами и каппелевцами в районе Сенгилея.

В течение целой недели происходили упорные кровопролитные бои. Враг хотел прижать нас к Волге и здесь окончательно уничтожить. Связи с внешним миром мы не имели. Со штабом армии ее также не было; мы даже не знали, где он находился.

24 июля 1918 года, прорвав окружавшие нас цепи белочехов и каппелевцев, мы ушли от врага, не оставив ему ничего. Очутившись вне опасности, я энергично приступил к поискам штаба армии. Он был в Инзе, и я наконец связался с ним по прямому проводу.

28 июля к нам на бронепоезде приехали руководители 1-й армии В. В. Куйбышев и М. Н. Тухачевский. Нашей радости не было границ. Этот день был большим праздником для бойцов.

Посланцы партии. Воспоминания.
М., 1967, с. 225—229.

П. И. ШАМШИН

СТРАНИЦЫ ЯРКОЙ ЖИЗНИ

Мне доводилось работать с В. В. Куйбышевым свыше десяти лет в различные периоды его деятельности. В этих заметках я хочу рассказать о нескольких эпизодах, относящихся главным образом к самарскому периоду его жизни. В то время мне приходилось неоднократно с ним встречаться.

В июне 1918 года, после занятия Самары белочехами, Самарский губревком эвакуировался в Симбирск[1]. Я в это время находился в Ставрополе на Волге, где вместе с чрезвычайным комиссаром по Ставропольскому уезду Чуйковым занимался эвакуацией имущества и местных учреждений. Довести эту работу до конца нам не удалось, так как белочехи на пароходах подошли к городу и заняли его. Я добрался до Сенгилея, а оттуда прибыл в Симбирск.

Пошел в ревком. В. В. Куйбышев сказал мне, что скоро кружным путем начнем пробираться к Покровску (ныне город Энгельс) Новоузенского уезда. Там будет местопребывание ревкома до освобождения Самары от белочехов.

Поскольку я был членом губисполкома от Новоузенского уезда, В. В. Куйбышев предложил мне направиться в Новоузенск, где кулаки и белоказаки подняли восстание против Советской власти. Мне была поставлена задача — организовать местные силы для его подавления. Было решено, что от Сенгилея я пройду через Батраки и Сызрань, чтобы ознакомиться с настроением рабочих этих городов.

Наш разговор с Валерианом Владимировичем происходил в салоне парохода, на котором размещался Самарский губревком. Подробно объясняя задачу, Куйбышев говорил, что сейчас самое важное в нашей работе, как можно быстрее ликвидировать кулацкие мятежи, не допуская их распространения, остановить белоказаков, сохранить Советы. Ни в коем случае нельзя допустить захвата ими хотя бы отдельных участков железной дороги Астрахань — Саратов и продвижения белоказаков к Волге.

Для всех этих операций нам требовалась большая военная сила, а ее-то, к сожалению, и не хватало. Значит, все наши усилия следовало направить на быстрейшую организацию добровольческих отрядов. Но они должны были создаваться из надежных, проверенных людей. Враг хитер и может специально подбросить к нам провокаторов и кулаков. Надо организовывать бедноту и опираться главным образом на нее. Советы укреплять авторитетными товарищами из местного населения. Ни в коем случае нельзя допускать никаких административных перегибов, чтобы не оттолкнуть от нас население, в том числе бедноту. Нужно действовать очень осторожно, тщательно обдумывать каждое мероприятие.

Подчеркнув серьезность и ответственность возлагаемой на меня задачи, Валериан Владимирович сказал, что наш долг —

---

[1] Об этом В. В. Куйбышев сообщал в СНК и ЦИК телеграммой на имя Я. М. Свердлова.

преодолеть все трудности, на то мы и большевики. Его советы принесли мне, еще неопытному конспиратору, большую пользу.

В это тяжелое время тревожно было у нас на душе. Но рядом с Валерианом Владимировичем мы твердо верили в силу народа, в нашу победу.

Как сейчас помню, после нашей беседы Куйбышев посмотрел вокруг — а в тот июньский день стояла чудесная погода — и, восхищенный изумительным волжским пейзажем, стал читать стихи. Должен сказать, что Валериан Владимирович был не только талантливым организатором и военачальником, но и неплохим поэтом. Свои стихи читал с необыкновенным воодушевлением. А как он пел! Как хорошо понимал музыку. Я всегда поражался его многогранной одаренности.

* * *

В июле 1919 года В. В. Куйбышев был послан партией в Астрахань, где в связи с успехами Деникина создалось крайне тяжелое положение.

Валериана Владимировича назначили членом Реввоенсовета Астраханской группы войск. Кроме того, ему временно пришлось выполнять и обязанности командующего 11-й армией, которая была создана на этом участке фронта.

В. В. Куйбышев часто выезжал на фронт и нередко принимал непосредственное участие в боях, попадая в опасные ситуации. Выручали его мужество, находчивость, умение владеть оружием.

Вспоминается такой интересный эпизод, не получивший отражения в нашей печати. В. В. Куйбышев получил донесение: к правому берегу Волги со стороны Кизлярской степи подошел отряд белогвардейцев. Резервами 11-я армия не располагала, а снимать войска с каких-то участков фронта было нельзя. И у Валериана Владимировича родилась идея ликвидировать этот отряд без применения вооруженной силы. Он решил послать к белогвардейцам своего парламентера с предложением о сдаче отряда.

Куйбышев вызвал старого коммуниста В. А. Тронина [1], известного ему еще по работе в Самаре, и посвятил его в свой план. Тот сел верхом на коня и один поскакал к белогвардейскому отряду.

---

[1] *Тронин Владимир Аркадьевич* (1888—1946) — учитель, член КПСС с 1917 г. После Октябрьской революции — губернский комиссар народного просвещения, летом 1918 г.— секретарь губревкома и член губкома партии. В годы гражданской войны был на военной работе, позже на партийной и советской.

Белые отвергли предложение о сдаче. Но за время пребывания в отряде Тронин успел подметить, что моральное состояние там исключительно плохое, дисциплина низкая, солдаты недовольны и озлоблены. Видно, им, измученным длительным переходом, уже все осточертело.

Тронин решил не торопиться с отъездом в обратную дорогу. Присел около своей лошади, достал хлеб с салом и стал закусывать. Мимо прошли два человека и шепнули, что им нужно поговорить, что будут ждать его чуть подальше, на дороге.

Закусив и немного отдохнув на виду у командования отряда, Тронин двинулся в путь. Проехав немногим больше километра, он встретил трех человек. Те сообщили ему, что сами они бедняки, стоят за Советскую власть, двое из них коммунисты, работают у белых по заданию партии. Отряд, сказали они, находится на грани полного развала, люди воевать не хотят. Но сдаваться боятся: много наслышались о том, что большевики беспощадно расстреливают пленных.

— Просим вас,— заявили представители отряда,— привезти нам листовки с заверением командования Красной Армии в том, что всем сдающимся в плен будет сохранена жизнь.

Тронин обещал выполнить их просьбу. Условились о времени и месте очередной встречи.

Вернувшись в Астрахань, Тронин доложил Куйбышеву о результатах поездки. Валериан Владимирович тут же написал нужную листовку. От имени командования 11-й армии он обещал солдатам, сложившим оружие, сохранить жизнь и даже принять в свои ряды, если они пожелают вместе сражаться за счастье трудового народа.

Куйбышев приказал немедленно отпечатать листовку. В назначенное время Тронин, перекинув через седло увесистый мешок, выехал к месту встречи. Там он и вручил кипы листовок ожидавшим его людям.

А дня через два к Астрахани под белым флагом подошел распропагандированный отряд с оружием и повозками. Более полутора тысяч человек сдались Красной Армии. Лишь небольшая кучка офицеров во главе с командиром скрылась в Кизлярских степях.

Так благодаря мудрости В. В. Куйбышева и смелости Тронина без выстрела, без кровопролития был обезврежен один из крупных белогвардейских отрядов.

Посланцы партии. Воспоминания.
М., 1967, с. 230—233.

В. К. БЛЮХЕР

ПОРУЧЕНИЕ ПАРТИИ

9 ноября 1917 года я был избран от гарнизона города членом Самарского военно-революционного комитета, председателем которого был В. В. Куйбышев.

После установления Советской власти в Самаре я был назначен помощником комиссара самарского гарнизона и начальником губернской охраны революционного порядка (орган по борьбе с контрреволюцией).

22 ноября 1917 года меня вызвали к председателю Самарского военно-революционного комитета В. В. Куйбышеву. Товарищ Куйбышев уделял много внимания организации вооруженных сил, созданию рабочих вооруженных отрядов, поэтому вызов меня к нему не удивил. Но как только товарищ Куйбышев начал говорить, я понял, что мой вызов в ревком на этот раз имеет особое значение. Товарищ Куйбышев внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Товарищ Блюхер! Ревком решил послать вас в качестве комиссара вооруженного отряда для освобождения Челябинска. Мы только что получили задание из ЦК от товарища Ленина и остановили свой выбор на вас. Поручение чрезвычайно ответственное, поэтому я хотел поговорить о нем с вами лично. Дутов, захватив Оренбург, отрезал Среднюю Азию от центра, сейчас дутовские отряды окружили Челябинск и тем самым создают угрозу движению продовольственных поездов на запад, к Москве и Петрограду. Центральный Комитет принимает меры к ликвидации челябинской пробки. Посылаются отряды из Петрограда и Урала. Нам поручено выделить не менее 500 человек с артиллерией из революционных полков и вновь созданных рабочих отрядов. Вы в качестве комиссара отряда должны обеспечить эту чрезвычайно важную операцию.

Это предложение было настолько неожиданным, что я растерялся. Но для меня было ясно, что отказываться от назначения неудобно, хотя справиться с такой большой задачей мне, рядовому солдату, казалось чрезвычайно трудным. Товарищ Куйбышев, заметив мое смущение, сказал:

— Ничего, поможем, держите только с нами связь. Выступить нужно через сутки. Подберите отряд, укрепите его солдатами-большевиками и двигайтесь.

С самарским отрядом я выступил в конце ноября 1917 года. Мог ли я тогда думать, что это поручение партии будет началом моей военной работы и навсегда свяжет меня с родной Красной Армией?

Блюхер В. К. Статьи и речи. М., 1963, с. 43.

В. Г. КЛЕМЕНТЬЕВ

ЗАБОТЛИВЫЙ ДРУГ

В декабре 1917 года, будучи начальником бузулукского гарнизона, я расформировывал расквартированные в городе 170-й и 244-й запасные пехотные полки старой армии и одновременно приступил к формированию красногвардейских отрядов. В связи с этим мне пришлось явиться в Самару, в военный отдел губисполкома. Кроме того, по указанию Бузулукского железнодорожного комитета партии большевиков в Самаре мне предстояло встретиться с В. В. Куйбышевым, о котором я очень много слышал, но лично знаком с ним еще не был.

Я быстро нашел особняк, в котором располагался губком, и без задержки был принят В. В. Куйбышевым. После того как я отрекомендовался, Валериан Владимирович улыбнулся и сказал:

— Слышал о вас. Хорошо, что вы в Бузулуке так оперативно создали отряды Красной гвардии.

Я с интересом разглядывал В. В. Куйбышева. Передо мной был еще молодой человек с пышной кудрявой шевелюрой, одетый в костюм рабочего: простые брюки, рубашка-косоворотка и пиджак. Держался он спокойно и уверенно.

Несмотря на сугубо гражданскую внешность, Валериан Владимирович проявил большую осведомленность в военных делах, и я как-то сразу почувствовал себя удивительно легко, будто мы были давно знакомы. Он вникал во все детали наших организационных трудностей. Я высказал ему обиду, свою и наших бузулукских работников, на то, что прибывший из центра отряд мичмана Павлова, на который очень рассчитывали, был направлен не на оренбургское направление, а на челябинское. Валериан Владимирович разъяснил, что под Челябинском возникли очень серьезные затруднения. В дальнейшей беседе он как бы раздвинул передо мной рамки военных действий, и я в большем масштабе увидел всю

ту беду, которую несли Советской республике контрреволюционеры. В то же время Валериан Владимирович убедительно показал мне возросшую силу рабочих отрядов, которые теперь не разрознены и им есть на что опереться.

Первая встреча с В. В. Куйбышевым имела для меня большое значение. С этого времени я постоянно чувствовал поддержку в работе не только от Бузулукского железнодорожного комитета партии большевиков, но и со стороны Самарского губкома, а свои действия и дела нашего уезда стал рассматривать не с точки зрения местных интересов, но постоянно соразмеряя их с общими задачами политической борьбы в стране.

Впоследствии при каждом приезде в Самару я старался повидать Валериана Владимировича и всегда убеждался, как важно было для меня такое общение, как много оно мне дает для работы в качестве начальника гарнизона.

Тем временем боевые действия приобретали все более широкий размах. В середине января 1918 года наши войска взяли Оренбург, но обстановка оставалась сложной. Атаман Дутов получал подкрепления от богатых казаков и буржуазии. Его материальные средства были намного богаче наших. Буржуазия усиливала сопротивление и другими формами борьбы. Она пустила в ход различные виды провокаций: распространение ложных слухов, настраивание красногвардейцев против командиров, которые будто бы «продались буржуям».

Враждебные элементы стали подбивать красногвардейцев на то, чтобы они требовали увеличения денежного довольствия, выдачи дополнительного комплекта обмундирования и т. п. Длительные митингования по каждому такому вопросу отнимали не только уйму времени, но и вносили дезорганизацию в жизнь отрядов. Приходилось много и долго разъяснять, что в настоящих условиях такие требования просто неосуществимы. И все же находились люди, которые не хотели с этим соглашаться.

В апреле 1918 года я обратился в коллегию Оренбургского губисполкома с докладом о необходимости укрепления революционной дисциплины и повышения ответственности за распространение ложных слухов. Коллегия одобрила мои предложения и поручила мне осуществление намеченных мероприятий.

Это имело неожиданные последствия. Я получил ряд предупреждений, что на меня готовится покушение. Мне показались они несерьезными. «Кого опасаться? — думал я.— Своего же брата солдата?»

И все же однажды произошло следующее. Рано утром, идя на работу, я увидел на улице небольшую цепочку солдат. Вначале подумал: идет подготовка к уличному бою, и с одобрением посмотрел на солдат. Внезапно они меня окружили. Однако командир их растерялся, а без его указаний красногвардейцы не решались что-либо со мной делать. «Куда его вести?» — спрашивали они командира. Тогда я сам распорядился, чтобы меня отвели в тюрьму: в данной ситуации это был наилучший выход.

Из тюрьмы я был освобожден Бузулукским железнодорожным комитетом партии и под охраной прибыл в Самару. В губкоме уже знали о случившемся и, учитывая обстановку, сочли нецелесообразным оставлять меня в Бузулуке. В. В. Куйбышев сказал, что мне нужно наладить военную работу в Новоузенском уезде. Я согласился выехать туда, тем более что это мои родные места.

— Но мы еще встретимся с вами и поработаем вместе,— сказал на прощание В. В. Куйбышев.

Нам действительно пришлось вскоре встретиться. Самара была занята белочехами, и Валериана Владимировича я увидел в Саратовском губкоме партии, где он согласовывал действия комиссариатов двух губерний. Затем я видел В. В. Куйбышева в штабе Особой армии, которая состояла из отрядов, действовавших на николаевском, уральском и александро-гайском направлениях.

Время было очень тревожное: произошло покушение на В. И. Ленина, активизировалась вся контрреволюционная мразь, голод душил молодую Республику Советов. Антанта готовила свои походы... В эти дни Валериан Владимирович неизменно сохранял большую выдержку, спокойную уверенность и распорядительность. Только взгляд у него стал острее да задумчивее лицо. Работал он очень много, меня всегда удивляло его постоянное бодрствование.

На базе отрядов Особой армии была создана 4-я армия, которая в начале октября 1918 года освободила Самару. Но в городе и окрестностях было неспокойно. Контрреволюционные элементы то и дело устраивали разные провокации. Требовалось постоянно оказывать помощь местным организациям, чтобы предотвратить напрасное кровопролитие. В. В. Куйбышев, как секретарь губкома, принимал нужные меры. Туда, где вспыхивали волнения, он посылал опытных большевиков, которые совместно с политработниками 4-й армии ликвидировали провокационные вспышки.

Особенно большую помощь Валериан Владимирович оказывал 4-й армии, а затем Южной группе армий Восточного

фронта со времени назначения его членом Реввоенсовета этого объединения [1]. В распоряжение политотдела армии он выделил замечательных членов партии, оставивших по себе добрую память. Я вспоминаю товарищей Черткова, Майорова и Мяги, которые в начале февраля 1919 года выступали перед повстанцами на уральском направлении и погибли геройской смертью.

Со времени назначения М. В. Фрунзе командующим 4-й армией, а впоследствии Южной группой и всем Восточным фронтом В. В. Куйбышев работал с ним в тесном контакте как член Реввоенсовета. Благодаря этому, думается мне, всегда принимались наиболее правильные в тех условиях решения, что обеспечивало успех борьбы с армиями Дутова и Колчака.

* * *

Осенью 1919 года В. В. Куйбышев был направлен в Туркестан [2]. Он был членом Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, образованной по решению Центрального Комитета партии. Кроме того, Валериан Владимирович наблюдал за деятельностью созданной М. В. Фрунзе комиссии, перед которой была поставлена задача реорганизовать местные военные силы и создать штаб войск Туркестана [3].

Обстановка в Туркестане была в то время очень сложной. Острая классовая борьба усугублялась межнациональной розныо, раздувавшейся в прошлом царизмом, а после Октябрьской революции — местными реакционными силами, получавшими поддержку из-за рубежа. Феодальная прослойка, духовенство, баи и манапы с неимоверным озлоблением боролись за сохранение своих привилегий. Ленинский лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения они использовали в сепаратистских целях.

---

[1] 8 апреля 1919 г. приказом Реввоенсовета республики В. В. Куйбышев был назначен членом Реввоенсовета Южной группы войск Восточного фронта.

[2] 8 октября 1919 г. В. И. Ленин подписал постановление ВЦИК и СНК о назначении Комиссии по делам Туркестана в составе Ш. З. Элиавы (председатель), М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Г. И. Бокия, Ф. И. Голощекина и Я. Э. Рудзутака, о ее главных задачах. 10 октября В. И. Ленин подписал мандаты членам Турккомиссии, в том числе и В. В. Куйбышеву (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1976, т. 7, с. 551, 555).

[3] 20 октября 1919 г. на первом заседании Турккомиссии было принято решение: «Как на члена Реввоенсовета, на тов. Куйбышева возложить в случае надобности и командование армиями в Туркестане» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 3). Это решение было закреплено приказом войскам Туркестанского фронта № 03733 от 23 октября за подписью М. В. Фрунзе и Ш. З. Элиавы.

Семья Куйбышевых.
Кокчетав, 1905 г.

В. В. Куйбышев — студент первого курса юридического факультета Томского университета. 1909 г.

В. В. Куйбышев (во втором ряду третий справа) среди слушателей кружка, которым он руководил в 1911—1912 гг. в Нарымской ссылке.

В. В. Куйбышев в Самаре.
1917 г.

В. В. Куйбышев в группе партийных работников. Самара, 1917—1918 гг.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая партия (Большевиков). Центральный Комитет.

№ 9302 Москва, 10 Октября 1919 г.

МАНДАТ.

Пред"явитель сего тов. Куйбышев является членом Туркестанской Комиссии Ц.К.Р.К.П./большевиков/.

Секретарь Ц.К. Елена Стасова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ и ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОЮЗОВ.

МАНДАТ № 77

Тов. В. В. Куйбышев, Россия действительно является делегатом на 1-й Международный Конгресс профессиональных и производственных союзов с правом **решающего** голоса.

Генеральный секретарь Межсовпрофа

1/VII 1921 г.

Москва

Workers of the World Unite.

The first International Congress of Trade and Industrial Unions.

CREDENTIALS № 77

This is to certify that comrade

is a delegate to the First International Congress of Trade and Industrial Unions entitled to a **decisive** vote

General Secretary of the Int. Council of Trade and Industrial Unions.

1/VII 1921 г.

Moscow

Мандат, удостоверяющий, что В. В. Куйбышев является членом Туркестанской Комиссии ЦК РКП(б). 1919 г.

Мандат на имя В. В. Куйбышева — делегата 1-го Международного конгресса профессиональных и производственных союзов. 1921 г.

С. М. Киров и В. В. Куйбышев среди бывших томских подпольщиков — делегатов XI съезда РКП(б). Москва, 1922 г.

В. В. Куйбышев
с группой сибиряков,
бывших подпольщиков,
на аэродроме во время
открытия воздушной линии
Москва — Берлин.
Москва, 1923 г.

В. В. Куйбышев среди рабочих г. Ярцева Смоленской области. 1924 г.

Режимная карта № 48

„Режимная карта прикладывается к партбилету и выполнение режима обязательно наравне с партобязанностями".

Выписка из постановления Полит.-Бюро.

1. Фамилия Куйбышев

Имя и отчество Валерьян Владимир.

2. Возраст 37

3. Семейное положение женат двое детей

4. Выполняемая работа Нар. Комисс. РКИ С.С.С.Р. – Председатель Ц.К.К. и зам. Предс. Совнаркома

1

5. Условия и продолжительность работы.

Работа начинается с 8 час. утра, в Наркомате до 5–6 час; после часового перерыва работа в Комиссиях и заседаниях до 10 ч., получасовой перерыв и работа дома до 1–2 ч. ночи.

2

Режимная карта В. В. Куйбышева. 1925 г.

В. В. Куйбышев и Н. М. Шверник в группе свердловских делегатов XV съезда ВКП(б). 1927 г.

В. В. Куйбышев перерезает ленту в момент пуска прядильно-ткацкой фабрики имени Лакина. г. Лакинск Владимирской области. 1927 г.

М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, С. М. Буденный в группе свердловчан — делегатов XIV Всероссийского и V Всесоюзного съездов Советов. Москва, 1929 г.

*В. В. Куйбышев
с группой
ученых и строителей
на Днепрострое.
1929 г.*

В. В. Куйбышев с сестрами Еленой Владимировной и Галиной Владимировной. 1933 г.

Членский билет В. В. Куйбышева — члена ЦК ВКП(б). 1934 г.

В. В. Куйбышев
с сыном Володей.
1933 г.

В. В. Куйбышев выступает с трибуны XVII съезда ВКП(б). Москва, 1934 г.

Председатель правительственной комиссии по спасению челюскинцев В. В. Куйбышев обходит строй почетного караула на перроне Белорусского вокзала в день их прибытия. Москва, 1934 г.

Г. К. Орджоникидзе
и В. В. Куйбышев
в президиуме
XVII съезда ВКП(б).
Москва, 1934 г.

В. В. Куйбышев
с женой Ольгой Андреевной.
30-е гг.

Что касается трудящихся, то они и приветствовали вступление в Туркестан Красной Армии и в то же время, подстрекаемые фанатичным духовенством, относились к ней настороженно и недоверчиво, готовые «каждое лыко» поставить ей «в строку».

Надо представить себе многослойное туркестанское общество первых лет революции, чтобы понять всю сложность деятельности М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева в тех условиях. Все еще значительную силу представляло русское колонизаторское чиновничество, нередко занимавшее видные посты и стоявшее над темной массой местного населения. Национальная буржуазия не уступала колонизаторскому чиновничеству в ненависти к «красной опасности» и запугивала крестьян религиозными проклятиями и ужасами большевизма. Связь Туркестана с Советской Россией была исключительно плохой. Железнодорожное сообщение находилось в катастрофическом состоянии: путь во многих местах был разрушен, топливо на станциях отсутствовало, поезда шли с черепашьей скоростью, подвергаясь нападению белых банд.

21 января 1920 года В. В. Куйбышев из Ташкента разговаривал по прямому проводу с М. В. Фрунзе, находившимся в Самаре. «Вы приблизительно знаете,— говорил В. В. Куйбышев,— политическую атмосферу Туркестана и наше здесь положение и потому поймете, что присылка одних учреждений, создающих пока квартирный и другие кризисы, вредно отражается на нашей работе. Переформирование Туркармии совершенно необходимо, смена гарнизона — все это задерживается благодаря отсутствию центральных войск.

Мы просим вас о скорейшем направлении сюда 1-го Татарского полка, который почему-то задерживается в Ак-Булаке, и с такой же экстренностью нам необходим Клементьевский отряд, затем скорее направить сюда бригаду 24-й, подтянуть полки 3-й кавалерийской дивизии и Башкирской кавалерийской бригады и оставшийся 3-й Татарский полк. Наличие военных сил, достаточных для занятия стратегических пунктов на персидской и афганской границах, вызывается крайними обстоятельствами».

Упоминаемый Клементьевский отряд прибыл спустя месяц, в двадцатых числах февраля 1920 года. Долгий путь в Туркестан отряд преодолел с боями, уничтожая белогвардейские засады, с трудом добывая топливо и воду для паровозов. Трудности долгого пути осложнялись массовыми заболеваниями тифом. Свалил он и меня. Но в Ташкент отряд прибыл в полной боевой готовности.

По выздоровлении я явился к командующему Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе, который приказал мне вступить в должность. От него я пошел к члену Реввоенсовета В. В. Куйбышеву, надеясь получить указания о работе на новом месте, в совершенно незнакомой мне обстановке.

Встретил меня Валериан Владимирович очень тепло и приветливо. Как близкий и заботливый друг, спросил о моем самочувствии, о здоровье членов семьи, затем стал интересоваться различными сторонами жизни отряда.

Крепко запомнилась мне эта беседа, особенно данная В. В. Куйбышевым характеристика местной обстановки со всеми ее противоречиями. Мы находились, как на вулкане. Межнациональная рознь, обостряясь, порой перерастала в вооруженные конфликты. В Фергане разрасталось басмаческое движение, получавшее материальную поддержку от зарубежных врагов Советского государства.

Не менее тревожная обстановка складывалась на северо-востоке нашего фронта, в Семиреченской области. Богатое казачество готовило вооруженное сопротивление Красной Армии, а в расположенных там наших частях оказалось немало кулацких элементов. Не были еще ликвидированы белогвардейские банды Анненкова, представлявшие серьезную угрозу.

Взятые в отдельности, все эти факты были мне известны. Как начальник фронтового отдельного отряда особого назначения, я получал соответствующую информацию. В. В. Куйбышев же в беседе со мной показал тенденции развития каждого явления. Сопоставив и связав их вместе, он дал точный анализ скрытым течениям, пестрый хаос окружающего получил ясное истолкование. Мне как командиру части это очень помогло в дальнейшей работе.

Прогнозы Валериана Владимировича оказались правильными: в Семиреченской области разразился мятеж, усилилось и басмачество. Но даже в этой тяжелой обстановке мы одержали победу благодаря героизму нашей армии и широкой поддержке со стороны трудовых масс. Важную роль сыграло и то, что во главе Туркестанского фронта находились талантливые военачальники, удивительно дополнявшие друг друга: Михаил Васильевич Фрунзе, Валериан Владимирович Куйбышев и Петр Ионович Баранов[1]. Это были коммунисты в самом высоком смысле этого слова.

---

[1] *Баранов Петр Ионович* (1892—1933) — советский военный деятель, член КПСС с 1912 г. В гражданскую войну — член РВС ряда армий и Туркестанского фронта, позже начальник бронесил, начальник ВВС РККА, член ЦКК, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР.

Особенно велика заслуга В. В. Куйбышева в подготовке и успешном проведении Бухарской операции [1]. Многие коммунисты Туркестана тогда еще не вполне ясно понимали ее значение. Надо было их убедить в том, что среди множества проблем Востока бухарская революция стала наиболее назревшей. Вопрос о ней горячо обсуждался на закрытых партийных собраниях. Выступления на них Валериана Владимировича были очень вескими и убедительными. Полагаю, что именно ему мы обязаны тем, что многочасовые д баты заканчивались без эксцессов, что постепенно узбекские и таджикские коммунисты осознали необходимость помочь бухарской революции и начали добровольно вступать в Красную Армию.

В период проведения революционной операции М. В. Фрунзе находился в Самарканде, а В. В. Куйбышев — в Ташкенте. Когда же эмират пал и установилась народно-революционная власть, когда возникло много неотложных дел по устройству новой жизни, тогда Валериан Владимирович прибыл в Бухару [2]. Как старший по партии товарищ, он стал нашим руководителем и советчиком. Мы обращались к нему со всеми сложными вопросами.

После завершения операции в Бухаре мне уже реже приходилось встречаться с Валерианом Владимировичем. Меня назначили командующим войсками Семиреченской области. В. В. Куйбышев стал секретарем ЦК РКП(б), а затем председателем ЦКК.

Рядом с Валерианом Владимировичем мне пришлось работать в течение пяти лет. Это были первые, трудные годы становления Советской власти. А в напряженной обстановке особенно ярко и полно проявляются индивидуальные особенности людей, раскрываются их душевные качества. В Куйбышеве мы всегда видели не только прозорливого, требовательного руководителя, но и заботливого друга.

Посланцы партии. Воспоминания.
М., 1967, с. 234—240.

---

[1] За проведение этой операции Бухарский ревком наградил В. В. Куйбышева серебряной шашкой и выдал ему свидетельство № 7311 от 5 сентября 1920 г.

[2] После провозглашения Бухарской Народной Советской Республики В. В. Куйбышев был направлен в Бухару в качестве полномочного представителя РСФСР при правительстве БНСР и уполномоченного ЦК РКП(б) и Коминтерна при ЦК БКП.

С. А. КАЛИНИН

НА ХЛЕБНОМ ФРОНТЕ

В Самару наш поезд прибыл в первых числах марта. На следующий день я представился председателю губернского комитета партии Валериану Владимировичу Куйбышеву. Он расспрашивал меня, как очевидца, о последних событиях в Петрограде и Москве, рассказывал о положении в губернии, обещал всяческое содействие в заготовке хлеба.

Это содействие Валериана Владимировича мы чувствовали буквально во всем. Он помог нам подобрать из местных коммунистов заготовителей хлеба, предоставил необходимые помещения. Под мануфактуру пришлось занять пустовавшие в то время склады американской компании по торговле сельскохозяйственными орудиями. Американский консул заявил протест, грозился жаловаться в Совнарком, но после разговора с В. В. Куйбышевым удовлетворился обещанием, что склады будут освобождены, как только Советская республика восстановит торговые связи с Северо-Американскими Соединенными Штатами.

...В конце марта или начале апреля в Самаре произошло событие, взволновавшее всю партийную организацию. В город неожиданно, без всякого предупреждения, прибыл эшелон балтийских моряков во главе с П. Е. Дыбенко [1]. Вначале мы обрадовались новому пополнению. Но в тот же день в губком пришла телеграмма за подписью М. Д. Бонч-Бруевича [2]. В телеграмме предлагалось немедленно задержать Дыбенко и препроводить в Москву за самовольное оставление вместе с отрядом боевой позиции под Нарвой.

Валериан Владимирович Куйбышев поручил мне доставить Дыбенко в губком.

— Нужно сделать это так, чтобы не было никаких эксцессов,— пояснил он.— Надо разобраться, в чем дело. Ды-

[1] *Дыбенко Павел Ефимович* (1889—1938) — советский военный деятель, член КПСС с 1912 г., матрос Балтийского флота. В 1917 г.— председатель Центробалта. В Октябрьской революции — член Петроградского ВРК и коллегии по военным и морским делам, в 1918 г.— нарком по морским делам. В гражданскую войну командовал группой войск, Крымской армией, начдив, позже командующий войсками ряда военных округов, член РВС СССР, ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР.

[2] *Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич* (1870—1956) — советский военачальник, генерал-лейтенант, доктор военных и технических наук. Брат В. Д. Бонч-Бруевича. После Октябрьской революции — начальник штаба Верховного главнокомандующего, председатель Высшего военного совета, работник Всероглавштаба и Полевого штаба РВС.

бенко — старый большевик, боевой матрос. Не верю, что он изменил Советской власти.

Договорились, что я пойду к Дыбенко один. Валериан Владимирович посоветовал оставить даже револьвер, идти безоружным. Расчет оказался правильным. Как только я появился на перроне вокзала, матросы взяли меня под стражу и, как «контру», привели в вагон Дыбенко.

За столом сидел богатырского сложения моряк в бушлате. Повернувшись ко мне, спросил:

— Кто вы такой?

— Начальник штаба Северных военно-революционных отрядов Калинин. Я к вам от товарища Куйбышева. Председатель губкома просит вас прибыть на совещание.

— Можете идти,— приказал он доставившим меня матросам, затем встал и поздоровался со мной за руку.

Я тогда еще не знал, что Павел Ефимович был председателем Центробалта, членом тройки Наркомвоенмора и первым наркомом по морским делам.

После того как мы остались вдвоем, он спросил:

— Ну как, очень сердится на меня Валериан Владимирович?

Я, не зная, как ответить на его вопрос, промолчал. Не повторил вопроса и Павел Ефимович. Так молча сидели минуты три-четыре. Потом Дыбенко встал, застегнул на все пуговицы бушлат, коротко сказал, словно отрубил:

— Пойдемте, товарищ Калинин.

В кабинете В. В. Куйбышева нас уже ждали. Собрались все члены губкома. Валериан Владимирович медленно, при общем молчании, встал из-за стола, встретил Дыбенко у двери, поздоровался с ним и, кивнув на стоявший возле окна стул, пригласил садиться. Потом так же медленно прошел на свое председательское место. Члены губкома ждали, что же будет дальше. Чувствовалась какая-то общая неловкость.

— Так с чего же начнем, товарищи? — прервал молчание Валериан Владимирович. И, не дождавшись ответа, продолжал: — Сделаем, пожалуй, так. Попросим товарища Дыбенко информировать нас о цели прибытия в Самару, о составе отряда.

Не знаю, было ли Павлу Ефимовичу известно о телеграмме Бонч-Бруевича. Скорее всего, председатель губкома успел сообщить о ней Дыбенко, когда здоровался с ним. Во всяком случае, свою информацию он начал с нападок на Бонч-Бруевича. Дескать, разве справедливо, что бывший царский генерал приказывает арестовать командира-большевика. Если бы арестовать его приказал Ленин, тогда другое дело. Партии,

Ленину он готов подчиниться безоговорочно и нести перед ними ответственность за свои действия.

После довольно продолжительного и бурного обмена мнениями выступил В. В. Куйбышев. Он сказал, что в отношении Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича Дыбенко не прав. Нельзя не доверять человеку, которому верит Владимир Ильич Ленин. Дыбенко должно быть известно, что М. Д. Бонч-Бруевич в числе первых из генералов царской армии перешел на сторону Советской власти, что его брат Владимир Дмитриевич — революционер, большевик, один из ближайших помощников В. И. Ленина. Теперь, когда создается регулярная Красная Армия, мы не можем обойтись без помощи перешедших на сторону Советской власти опытных военных специалистов старой армии. В Красной Армии должна быть железная дисциплина. Партизанщина и непослушание больше нетерпимы.

Валериан Владимирович посоветовал П. Е. Дыбенко немедленно вместе с отрядом отбыть по вызову Высшего военного совета в Москву.

Павел Ефимович дал слово, что поступит так, как советовал В. В. Куйбышев. И обещание свое выполнил.

Калинин С. А. Размышления о минувшем. М., 1963, с. 70—73.

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ

ДРУГ КРАСНОЙ АРМИИ

Валериан Владимирович понимал и любил военное дело и уже с Февральской революции начал активно готовить вооруженные силы пролетариата.

С мая месяца 1917 года В. В. Куйбышев, председатель Самарского СРиД [1], подготовляет организацию Красной гвардии.

В августе подготовка продолжается, а к осени формирование Красной гвардии в Самаре идет полным ходом. Валериан Владимирович лично составил устав Красной гвардии.

[1] СРиД — Совет рабочих и солдатских депутатов. 21 марта 1917 г. пленум Совета рабочих депутатов Самары избрал председателем Совета В. В. Куйбышева. После объединения Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов Объединенный Совет стал состоять из двух секций — рабочей и солдатской. Оставаясь председателем рабочей секции, В. В. Куйбышев вошел в состав объединенного Исполкома комитета.

В начале ноября В. В. Куйбышев организует ревком, председателем которого он и избирается, привлекает на сторону Советской власти местный гарнизон, обеспечивает власть Советов частями Красной гвардии и заявляет, что «всякие выступления помимо и без ведома ревкома будут считаться преступлением против революции».

После восстания белочехов в Пензе и Челябинске в мае 1918 года для самарского пролетариата создалось угрожающее положение. По получении сведений о занятии Сызрани В. В. Куйбышев, будучи тогда председателем Самарского губревкома, издал следующий приказ, который, между прочим, он не успел даже поставить на обсуждение ревкома: «В виду опасности, угрожающей революции со стороны контрреволюционных отрядов, занявших г. Сызрань, Самара объявляется на осадном положении».

Для борьбы с белочехами был создан боевой революционный штаб в составе В. В. Куйбышева, пом. главкома Урало-Оренбургского фронта Гузакова и коменданта Самары Кадомцева.

Белочешские войска, более многочисленные и организованные, начали с утра 7 июня наступление на Самару и выбили из нее красные части к утру следующего дня. Одним из последних В. В. Куйбышев оставил Самару и вместе с войсками отступил к Симбирску.

В начале июля Валериан Владимирович был назначен политическим комиссаром 1-й армии, которой в то время командовал я. С этого момента началась наша дружная совместная работа. Армия заканчивала последние мероприятия по подготовке наступления на Самару.

Положение Восточного фронта в это время было напряженное. В Москве подняли восстание левые эсеры. В Симбирске поднял восстание главком Восточного фронта Муравьев, что крайне дезорганизовало подготовлявшееся наступление 1-й армии.

Восстание Муравьева было быстро подавлено благодаря чрезвычайной энергии, проявленной Симбирской партийной организацией, руководимой товарищем Варейкисом [1].

Пользуясь дезорганизацией, внесенной восстанием Муравьева, белогвардейцы выбили наши части из Симбирска и заняли город.

---

[1] *Варейкис Иосиф Михайлович* (1894—1939) — советский партийный деятель, член КПСС с 1913 г. Участник установления Советской власти в Подольске. С 1918 г.— секретарь ряда областных и краевых комитетов партии. С 1923 г.— кандидат в члены ЦКК, с 1930 г.— член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Началась горячая работа по укреплению армии и новой подготовке наступления. В. В. Куйбышев принял самое энергичное участие в деле приведения армии в порядок, и надо сказать, что 1-я армия стала действительно первой армией в смысле ее организационной четкости, дисциплины и обученности.

Прежде всего надо было обеспечить отход частей Симбирской группы из-под Сенгилея. Одно время казалось, что она полностью окружена белыми. Однако ей удалось прорваться, и В. В. Куйбышев первым встречает ее на вновь организующемся фронте.

Проводя организационную работу по укреплению боеспособности 1-й армии, приходилось осуществить несколько мобилизаций в Симбирской и Пензенской губерниях. Впервые были мобилизованы офицеры царской армии. Последовательно призывались под красные знамена рабочие и крестьяне. Создавался обоз, мобилизовывались лошади.

Было создано несколько центров по формированию. В Пензе и Сердобске формировались боевые и запасные пехотные и артиллерийские части. На станции Воейково и в Кирсанове формировалась кавалерия.

Из Москвы в армию прибывали коммунисты и целая группа членов ВЦИК.

Развивался и сколачивался на практической работе аппарат армейского управления. Особенно высокую оценку со стороны Валериана Владимировича встречала работа ныне покойных товарищей Захарова И. Н. и Устичева.

Был создан аппарат снабжения и инспекция снабжения армии. В Сасове была образована крупная база снабжения.

Организовывались управления и средства военных сообщений, начальника инженеров и связи армии.

Во всей этой работе Валериан Владимирович своей энергией и громадным авторитетом сумел объединить усилия всех губернских партийных, профессиональных и советских организаций на территории действий 1-й армии.

На боевом фронте точно так же кипела горячая организационная работа. Разрозненные отряды сводились в полки, бригады и дивизии. Были созданы Пензенская (впоследствии 20-я), Инзенская (впоследствии 15-я) и Симбирская (впоследствии 24-я) стрелковые дивизии и отдельная Вольская группа.

Валериан Владимирович обладал обаянием организатора-большевика. Энергичный, строгий и вместе с тем приветливый и заботливый, он сумел сплотить дружный, работоспособный коллектив.

В годовщину создания 1-й армии В. В. Куйбышев в статье, присланной им в армейскую газету «Набат революции», следующими словами характеризует организационное строительство 1-й армии: «В славной борьбе с чехоучредиловскими войсками осенью 1918 года 1-й армии принадлежала бесспорно одна из первых ролей. Это она подорвала силу контрреволюционных полчищ в Симбирске и Сызрани, она закончила разгром учредиловки в Бугуруслане, Бузулуке и на путях к Верхнеуральску. Эти блестящие страницы в истории 1-й армии, походившие на триумфальное шествие, имеют свое происхождение. Не сразу с момента своего зарождения 1-я армия стала способной к битвам и победам».

И далее:

«Первый период — с разбросанными фронтами и путаными взаимоотношениями, но с большой тягой к централизованности. Этот неизбежный младенческий период развития всех Красных армий был богат отдельными проявлениями удали, отваги, а подчас и героизма; но, с другой стороны, он был богат и случаями беспричинной паники, стоверстных отступлений в одни сутки и т. д.

В итоге — неизбежное поражение и падение Симбирска.

Второй период — период строительства регулярной армии в малоблагоприятной обстановке, в результате которого созданы как организационные, так и материальные условия для боеспособной армии.

Третий период — период боевых успехов, период претворения в жизнь предварительной организационной работы. Инзенская и Пензенская дивизии стали представлять из себя могучую силу, прочную опору рабоче-крестьянской власти в борьбе с империализмом».

Успехи в организационном строительстве сказались в больших стратегических победах 1-й армии.

10—12 сентября была проведена большая концентрическая наступательная операция на Симбирск. Белогвардейцы были разбиты.

Вслед за симбирской операцией была проведена сызранская операция. Пензенская и Инзенская дивизии наступали с запада, а Симбирская дивизия нанесла жестокий и неожиданный удар с севера на юг. Сызрань была взята, и началась новая операция на Самару.

Наступление велось вдоль железной дороги Сызрань — Самара, и часть сил была переброшена в виде десанта на пароходах по Волге. С юга в это время на Самару наступала 4-я армия под командованием товарища Хвесина, с которым В. В. Куйбышев поддерживал оживленную связь. Самара

была взята, и В. В. Куйбышев был назначен политическим комиссаром 4-й армии.

Весной 1919 года Валериану Владимировичу вновь приходится играть крупнейшую роль в нанесении удара армиям Колчака. Как член Реввоенсовета Южной группы В. В. Куйбышев принимает активное участие в восстановлении боеспособности разбитых до этого частей 5-й армии и организации подготовляемого Михаилом Васильевичем Фрунзе знаменитого контрудара.

В июле — октябре 1919 года Валериан Владимирович был членом Реввоенсовета 11-й армии, где ему пришлось работать совместно с Сергеем Мироновичем Кировым [1]...

В дальнейшем Валериан Владимирович был членом Реввоенсовета Туркестанского фронта, где была окончательно подавлена контрреволюция и происки интервенции.

В работе Валериана Владимировича в мирное время, когда он являлся верным и последовательным борцом за дело Ленина, его работа непрерывно была связана с укреплением мощи Красной Армии. И как председатель ВСНХ[2], и как председатель Госплана [3], и как заместитель председателя Совета Народных Комиссаров Союза Валериан Владимирович всегда крепил кадры и техническую мощь Красной Армии и Флота.

Известия, 1936, 25 января.

А. В. ТРОФИМОВ

В БОРЬБЕ С ВРАГАМИ РЕВОЛЮЦИИ

Это было в 1918 году перед приходом белочехов. Я встретил В. В. Куйбышева на площади, где кучками собрались граждане. Здесь велась контрреволюционная агитация.

[1] *Киров (Костриков) Сергей Миронович* (1886—1934) — советский партийный и государственный деятель, член КПСС с 1904 г. Участник трех революций в России. Один из руководителей обороны Астрахани и борьбы за Советскую власть на Кавказе. С 1921 г.— секретарь ЦК КП Азербайджана, затем 1-й секретарь Ленинградского губкома (обкома) и Северо-Западного бюро ЦК, одновременно секретарь ЦК, член Политбюро ЦК ВКП(б). Член ВЦИК, Президиума ЦИК СССР. Пал жертвой террористического акта.

[2] ВСНХ — Высший совет народного хозяйства — высший центральный орган по управлению промышленностью в Советском государстве в 1917—1932, 1963—1965 гг. В. В. Куйбышев был председателем ВСНХ с августа 1926 г. по ноябрь 1930 г.

[3] Госплан — Государственный плановый комитет — орган, осуществляющий планирование народного хозяйства СССР. Образован в феврале 1921 г. В. В. Куйбышев был председателем Госплана СССР с ноября 1930 г. по февраль 1934 г.

В. В. Куйбышев остановился около одной из групп, вслушался в разговор, затем обратился с вопросом:

— А почему будет лучше, когда придут белочехи?

Определив настроение собравшихся, он поднялся на возвышение у памятника и в течение получаса доказывал, что с приходом белочехов трудящимся города и деревни будет нанесен тяжелый удар, капиталисты и помещики установят свою власть, опять вернутся старые порядки и что прихода белочехов ждут отъявленные контрреволюционеры. При этом он указал рукой на тех, кто вел агитацию за поддержку белочехов. В течение этого короткого выступления В. В. Куйбышева собралось много народу. Все слушали его с большим вниманием. Я тогда убедился в том, что он умеет подходить к каждой отдельной группе людей, умеет быстро распознавать и метко поражать врагов.

Его авторитет был чрезвычайно велик. Достаточно было нам узнать, что В. В. Куйбышев выступает в цирке «Триумф» или в саду, чтобы рабочие туда валом валили. Все мы стремились послушать его, ибо каждая его речь была содержательна и отвечала на волнующие рабочих вопросы.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье,
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 128.

П. И. ГОРЯЧЕВ

УЧИЛ, КАК НАДО РАБОТАТЬ БОЛЬШЕВИКУ

Я вступил в партию большевиков вскоре после Февральской буржуазно-демократической революции. В прокатной мастерской трубочного завода, где я тогда работал, было много баптистов, которые примыкали к эсерам. Большевиков было мало, возглавлял нашу группу тогда Кондаков.

Я написал небольшую записку В. В. Куйбышеву, где говорил, что нужно нам помочь. Тут же после записки Валериан Владимирович вызвал меня, подробно расспросил о положении дел в мастерской и предложил постоянно сообщать ему о настроениях рабочих масс.

В последующие месяцы В. В. Куйбышев учил меня, как нужно работать большевику, не унывая перед трудностями, перед временными неудачами.

В тяжелые для Самары дни наступления белочехов Куйбышева можно было видеть всюду. Он неутомимо организовывал оборону города. Когда белочехи подошли к Иващенкову (ныне Чапаевск), он собрал нас в особый отряд в

помощь дравшимся там красногвардейцам. В 12 часов ночи перед отправлением напутствовал нас речью, в которой было столько революционного огня, что она памятна мне и до сих пор. Страстны и волнующи были его слова, они звали на бой с врагом, на защиту завоеваний революции.

— Если вы,— говорил он,— действительные революционеры, действительные большевики, то это нужно доказать именно сейчас, когда революция находится в серьезнейшей опасности. Во что бы то ни стало надо задержать белочехов. Каждая минута их задержки дорога, так как республика собирает силы для посылки нам подкрепления.

Он закончил свою речь так:

— Кто малодушен, боится, пусть сейчас выйдет из рядов...

...После отступления от Самары мы жили на пароходе в Симбирске. В первый же вечер В. В. Куйбышев связался с большевиками города и фактически стал руководителем. Он часто говорил, что в Симбирске «трудно работать, засилье эсеров, а большевиков мало. Ну, да ничего. Мы заставим эсеров сказать открыто, за кого они идут, а пролетариат Симбирска еще заговорит настоящим голосом». И действительно, через короткое время нам удалось завоевать большинство среди симбирского пролетариата.

Вскоре стало ясно, что Симбирск нам не удержать. Но в городе было много военного снаряжения, нужно было его эвакуировать. Сделать это В. В. Куйбышев поручил мне и подробно рассказал, как лучше приступить к делу.

Хочется отметить, что В. В. Куйбышев, занимая большой пост, был очень скромен. В разговоре со мной всегда просил передать привет нашим рабочим.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье.
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 123—124.

Ю. П. БУТЯГИН

БОЕЦ И ПОЛИТРАБОТНИК КРАСНОЙ АРМИИ

Валериан Владимирович Куйбышев был одним из виднейших политических руководителей Красной Армии. Мне выпало счастье работать с ним. Это было в 1919 году. Части 11-й армии, сформированной заново, после отступления с Кавказа были преобразованы в особую Астраханскую группу войск, подчиненную Восточному фронту, которым коман-

довал М. В. Фрунзе. По его распоряжению к нам была послана группа работников во главе с членом Реввоенсовета В. В. Куйбышевым.

Положение было тяжелое. Астрахань окружена врагами. Силы наши ослабли, резервы исчерпаны. В эти трудные дни обороной Астрахани руководили Сергей Миронович Киров и В. В. Куйбышев.

Деникин не мог соединиться с Колчаком и осуществить так называемый план восточного похода на Москву. Троцкий шлет приказ оставить Астрахань из «стратегических соображений». Но Фрунзе и Куйбышев, в подчинение которых перешла Астраханская группа войск, встали на точку зрения Кирова — защищать Астрахань до конца.

Фрунзе перебрасывает пополнение (50-ю стрелковую и Московскую кавалерийскую дивизии), одновременно направляя группу политических работников во главе с товарищем Куйбышевым. Началось оживление на всех боевых участках в связи с переформированиями и подготовкой наступления в помощь Царицыну. Фрунзе и Киров настояли, чтобы Куйбышев переключился на оперативную работу. Целые дни и ночи мы проводили вдвоем на боевых участках, а Киров руководил Реввоенсоветом и штабом. Как-то на специальном пароходе мы добрались ночью до Владимировки, а оттуда на моторном баркасе по Ахтубе в осажденный город Черный Яр... Противник нас нащупывает и начинает обстреливать. Поднимаемся по крутому берегу к площади, к штабу черноярцев-героев. Темная ночь, нигде ни единого огонька. В закрытую комнату в избенке набиваются командиры, комиссары частей... Обаятельный, простой, отзывчивый Куйбышев беседует с ними всю ночь, быстро ориентируясь в оценке положения на боевом царицынском участке и дает им необходимые указания.

Мне изо дня в день приходилось наблюдать, как в этой сложнейшей обстановке товарищ Куйбышев проявлял блестящие образцы отваги и мужества...

В 200 километрах выше Астрахани, в районе Черный Яр — Вязовка — Каменноярская, окопались наши части. Три дня продолжалась усиленная перестрелка с казачьими отрядами генерала Улагая. В один из этих дней на фронт приехали М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев. Наши части расположились по степи тремя цепями. Среди ровной степи возвышался бугор, с которого мы, по предложению Фрунзе, стали осматривать линию фронта.

Противник усиленно обстреливал передние цепи и изредка перебрасывал огонь на нашу артиллерию, укрытую сто-

гами сена. Ознакомившись с участком, Фрунзе отправился в Вязовку, чтобы оттуда подготовить необходимые для фронта мероприятия. Куйбышев остался. Мы пошли по цепям. Кругом свистели пули. Улагаевцы усиливали огонь. Наши бойцы отстреливались из полуокопов. Вдруг к нам подъехал начальник боевого участка.

— Прошу вас, товарищ Куйбышев,— сказал он,— немедленно оставить фронт. Противник начнет сейчас кавалерийскую атаку.

— Откуда вы это знаете?

Начальник участка указал на видневшийся впереди лесок. В бинокли было отчетливо видно, как в лесок за балкой перескакивают всадники поодиночке и отдельными кучками.

Начальник участка повторил свою просьбу и добавил:

— Через полчаса будет уже поздно. Вы попадете в атаку.

Но Куйбышев не уехал.

— Если готовится атака,— сказал он,— надо идти к пулеметным гнездам и подготовить их к встрече противника.

И Куйбышев направился к машине. Но не успели мы дойти, как из лесу широкой лавой показались всадники. Они стремительно бросились на наши окопы и прорвали первую цепь.

Тогда Куйбышев решил направиться в Вязовку, чтобы организовать поддержку. В догонку автомобилю помчался отряд казаков. Им не стоило большого труда догнать нас, потому что ехали мы по степи, покрытой кочками и рытвинами. Машину так бросало, что мы никак не могли наладить пулемет, укрепленный на заднем сиденье. Пришлось отстреливаться из револьверов. Куйбышев выпустил весь запас патронов из своего «парабеллума». Казаки не прекращали преследования. В некоторые моменты они были на расстоянии 5—6 метров от нас.

Когда машина выбралась из бугров, шофер дал полный газ. Сделав большой круг, мы пробрались к нашим резервам в Вязовку и организовали контрнаступление.

Из 11-й армии товарищ Куйбышев вскоре был переброшен на Туркестанский фронт. Не порывая с нами связи, он продолжал помогать нам, снабжая наш флот и самолеты по поручению товарищей Кирова и Микояна [1] бензином и маслом.

На страже, 1938, 25 января.

---

[1] *Микоян Анастас Иванович* (1895—1978) — советский партийный и государственный деятель, Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1915 г., в 1922—1926 гг.— секретарь Юго-Восточного бюро ЦК,

А. Т. ТУМАНОВ

ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА ТУРКФРОНТА

В середине 1918 года только что образовавшаяся Туркестанская республика оказалась в тисках вражеского окружения. Поднимали голову контрреволюция Семиречья и басмачество в Ферганской долине. Английские империалисты орудовали через Бухару. Необходимо было принять срочные меры, оказать действенную помощь трудящимся Туркестана, ведущим самоотверженную борьбу с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами.

Партия, Советское правительство послали на помощь среднеазиатской бедноте вооруженную силу и оружие, продовольствие и промтовары. Из Казани прибыл в Ташкент отряд Красной гвардии в количестве 1100 человек, из Самары — отряд коммунистов в 250 человек и несколько отрядов из других городов.

В 1919 году обстановка в Туркреспублике стала еще более напряженной и опасной. Одной из важнейших задач Советской республики в это время было освобождение Средней Азии от ига английских интервентов, белогвардейцев и басмачей. Командующим Туркестанским фронтом был назначен М. В. Фрунзе, членом Реввоенсовета — Валериан Владимирович Куйбышев.

Новое назначение В. В. Куйбышев получил в августе 1919 года и принял с огромным удовлетворением. Но путь в Туркестан надо было прокладывать с боями и в то время, когда не хватало боеприпасов и продовольствия, свирепствовал тиф. Трудности не поколебали волю В. В. Куйбышева. Вместе с М. В. Фрунзе он разработал и блестяще осуществил план операции по освобождению Средней Азии. В течение 32 суток продолжалась операция по ликвидации «оренбургской пробки», во время которой В. В. Куйбышев не раз ходил в атаки в первых рядах бойцов.

13 сентября 1919 года части Красной Армии, наступавшие с севера, со стороны Оренбурга, соединились на железнодорожной станции Мугоджарская с туркестанскими

Сев.-Кавк. крайкома партии, в 1926—1930 — нарком внешней и внутренней торговли, в 1930—1934 —нарком снабжения, в 1934—1938 гг.— нарком пищевой промышленности СССР, с 1922 г.— член ЦИК СССР, делегат X—XXIV съездов партии, член Политбюро, Президиума ЦК КПСС.

частями, пробившимися с боями с юга. Средняя Азия получила прямую связь с Советской Россией. Усиливался подвоз продовольствия и промышленных товаров.

В начале октября 1919 года в Туркестан была направлена Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. В эту комиссию входил и верный соратник В. И. Ленина Валериан Владимирович Куйбышев в качестве заместителя председателя Турккомиссии. 4 ноября 1919 года Куйбышев прибыл в Ташкент.

Посылка Турккомиссии была вызвана сложностью обстановки в этот период в Средней Азии. Местными партийными и советскими организациями Туркестана допускались ошибки в решении национального вопроса. Они не смогли своевременно разоблачить буржуазных националистов, а также великодержавных шовинистов, мешавших привлечению коренного населения края к государственной деятельности и борьбе за упрочение Советской власти.

По приезде в Ташкент В. В. Куйбышев отдавал много времени, энергии и большевистской настойчивости делу практического претворения в Туркестане ленинской национальной политики, изложенной в виде наказа в известном письме «Товарищам коммунистам Туркестана»[1]. В этом письме В. И. Ленин просил коммунистов Туркестана отнестись с величайшим доверием к Турккомиссии и строго соблюдать ее директивы.

Одной из первоочередных задач, стоявших перед Турккомиссией, являлось обеспечение разгрома интервентов и белогвардейцев, установление и упрочение Советской власти на территории всей Средней Азии.

Как известно, в это время сохранялась старая власть в Бухарском и Хивинском ханствах. Эти ханства тайно и явно собирали и организовывали силы контрреволюции. Поэтому несколько иначе сложились судьбы таджикского и других народов эмирской Бухары.

От лживых заверений о своей лояльности и дружбе с Советской властью в Туркестане эмир в это время переходит к конкретным контрреволюционным делам. Для этого он получил от английских империалистов транспорт оружия. Караван в 78 верблюдов доставил эмиру 13 тысяч винтовок и патронов к ним.

Одновременно эмир пытается приостановить процесс революционизирования народа путем репрессий. Только за 1919 год было казнено в эмирате 3600 «непокорных». «Буха-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 304, 510—511.

ра ныне стоит в явно враждебном к нам отношении и откровенно бряцает оружием»,— сообщал в центр В. В. Куйбышев.

В 1920 году эмир усилил провокационные действия на границе Туркестана. На это толкали его причины как внутреннего, так и внешнего порядка. Эмира торопили с выступлением его английские «друзья», организовавшие в 1920 году новый поход Антанты и втягивавшие Бухару в единый лагерь антисоветских сил. Выступая на общем собрании коммунистов города Ташкента в начале августа 1920 года, В. В. Куйбышев говорил: «В настоящее время Бухара, науськиваемая Англией, вооружается и готовится для удара по России».

По инициативе В. В. Куйбышева, который еще в апреле 1920 года стал одним из руководителей вновь созданного краевого партийного органа — Туркестанского бюро ЦК РКП(б), была проведена перерегистрация членов партии в Фергане. В результате перерегистрации было вскрыто немало буржуазных националистов, пробравшихся на руководящие посты в партийные и советские органы. Одновременно Куйбышев решительно вел борьбу против великодержавных шовинистов, продолжавших угнетательскую, колонизаторскую политику царизма в Семиречье. Он выезжал в Семиречье и лично руководил этим делом.

Так в ожесточенной борьбе с великодержавными шовинистами и местными буржуазными националистами В. В. Куйбышев помогал исправить допущенные в решении национального вопроса ошибки и направить деятельность коммунистов Средней Азии на правильный путь.

Особое внимание уделял В. В. Куйбышев делу организации борьбы с контрреволюционным басмачеством. Агитация баев и духовенства, особенно в первый период борьбы с басмачеством, иногда сбивала с толку трудящихся кишлаков, и, когда приходили отряды Красной Армии, они оказывали им холодный прием. По инициативе В. В. Куйбышева в мае 1920 года были призваны в ряды Красной Армии 30 000 человек из бедноты местных национальностей. Из их числа были выделены агитаторы, которые проводили агитационную и разъяснительную работу среди кишлачного населения на родном языке. После проведения агитационной и разъяснительной работы массы дехкан становились приветливее, не прятались и не боялись Красной Армии, наоборот, оказывали ей помощь, отзывались с похвалой.

Сочетание военных, политических, экономических и культурных мероприятий способствовало изоляции басмачества

от трудового населения кишлака и коренному улучшению военно-политической обстановки.

В то же время в 1920 году стало очевидно, что почва колеблется под ногами эмира и его прихвостней. Победа Октября, соседство эмирата с Советским Туркестаном наглядно показывали народным массам эмирата всю разницу между невиданно диким гнетом и жестокой властью эмира и подлинно народной, Советской властью.

В эмирате назревал революционный кризис. Трудящиеся выступали за советский строй. «Мы не хотим больше продавать своих детей для уплаты налогов, мы не хотим больше таких порядков. Мы знаем, что на свете есть другие порядки, и хотим, чтобы они были у нас»,— заявляли жители одного из кишлаков.

Руководимые посланцами Центрального Комитета РКП(б) Куйбышевым и Фрунзе, коммунисты бухарского эмирата вели мобилизацию сил. 16 августа 1920 года 4-й курултай Коммунистической партии Бухары принял решение начать вооруженное восстание с целью свержения власти эмирата. Поскольку своих вооруженных сил у бухарских коммунистов было явно недостаточно, курултай решил обратиться за помощью к героической Красной Армии Туркреспублики, к великому русскому народу. 25 августа 1920 года этот вопрос обсуждался на заседании Турккомиссии в Ташкенте. В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе заверили представителей компартии Бухары в том, что помощь им будет оказана.

Выступая с речью на собрании актива парторганизации города Ташкента, В. В. Куйбышев рассказал о начавшемся в Бухаре восстании народных масс, в ходе которого образовался военно-революционный комитет. Революционный комитет обратился с воззванием ко всему бухарскому народу, призывая его на защиту своих прав, на борьбу с угнетателем-эмиром и его палаческим правительством.

В момент разгара борьбы с эмиром Бухары восставшим народным массам эмирата 28 августа 1920 года братски протянули руку помощи Красная Армия, рабочие и крестьяне России. Отряды бойцов из местного населения — таджиков, узбеков, туркмен и других — дрались бок о бок с отрядами Красной Армии. «Тогда мне пришлось бороться в ваших отрядах за свержение эмира бухарского, за революцию, за борьбу с капиталом»,— говорил позднее В. В. Куйбышев.

Многовековой невиданно дикий гнет эмира и феодалов был сброшен. Революция в Бухаре победила. Власть перешла в руки революционного комитета.

11 сентября 1920 года прибыл в Бухару посланец Коммунистической партии В. В. Куйбышев. Он был участником созванного первого Всебухарского курултая народных представителей Бухары. Курултай провозгласил 14 сентября образование Бухарской Народной Советской Республики.

В сентябре 1920 года В. В. Куйбышев был назначен полномочным представителем РСФСР при Бухарском советском правительстве. При его содействии в ноябре месяце 1920 года Бухарская Народная Советская Республика заключила военно-политическое соглашение с РСФСР, по которому она устанавливала дружественные отношения с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. В оформленном 4 марта 1921 года союзном договоре указывалось, что все территории и все недвижимое имущество — заводы, фабрики и т. п.,— уступленные ранее эмирским правительством царизму, безвозмездно переходят в собственность Бухарской Советской Республики, а «РСФСР признает полную самостоятельность и независимость Бухарской Советской Республики».

Таджикам, узбекам и другим народам Восточной Бухары приходилось начинать национально-государственное и культурное строительство в особо сложных и трудных условиях борьбы с контрреволюционным басмаческим движением. Трудности продвижения к социализму усугублялись здесь тем, что «впервые тогда дух революции, дух социализма коснулся этого далекого, заброшенного от всех путей сообщения места. Революционеры-коммунисты — таджики, узбеки — насчитывались единицами. С огромным трудом, беря на себя нечеловеческие задачи, приходилось этим героям бороться в тех условиях, в которых находилась тогда Бухара после недавнего свержения эмира»,— говорил товарищ Куйбышев.

* * *

В дружной семье советских народов образовалась в 1924 году Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика, а в октябре 1929 года она была преобразована в союзную советскую социалистическую республику. За короткий исторический срок Таджикская Советская Социалистическая Республика превратилась в развитую промышленную и колхозную республику. Таджикский народ под руководством Коммунистической партии, благодаря братской помощи великого русского народа сделал невиданный в истории скачок от феодальной отсталости к социализму, от тем-

ноты и забитости к свету. Он приобрел свою советскую государственность. Об этом говорил в своей речи на митинге в Сталинабаде 4 декабря 1934 года Валериан Владимирович Куйбышев...

Коммунист Таджикистана,
1957, 4 июня.

С. П. ТИМОШКОВ

В КАРАКУМАХ

Мне посчастливилось работать под руководством Валериана Владимировича Куйбышева, переносить вместе с ним трудности походной жизни, плечом к плечу сражаться в горячем бою, наслаждаться радостью одержанной победы. Это было в Средней Азии, на Закаспийском фронте, в глубине Каракумской пустыни.

В. В. Куйбышев как член Реввоенсовета Туркестанского фронта и член Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (сокращенно Турккомиссии) прибыл из Самары в Ташкент вместе с другими посланцами Ленина 4 ноября 1919 года. Это произошло после того, как наши войска, руководимые М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышевым и Ш. З. Элиавой[1], наголову разбили Южную армию Колчака, белоказаков атамана Дутова и открыли путь в Советский Туркестан, находившийся долгое время в кольце вражеского окружения.

Туркестанская комиссия была создана как орган ЦК партии и Советского правительства, правомочный решать все вопросы партийной, военной и хозяйственной жизни в Средней Азии. В мандате В. В. Куйбышева, подписанном 10 октября 1919 года В. И. Лениным, говорилось: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров, согласно своего постановления от 8 октября 1919 года, уполномачивают *В. В. Куйбышева*, как члена Комиссии по делам Туркестана, представлять ВЦИК и Совет Народных Комиссаров и действовать от их имени в пределах Туркестана и сопредельных с ним государств и способствовать проведению в жизнь начал, изложенных в п. 3 указанного выше постановления».

---

[1] *Элиава Шалва Зурабович* — см. настоящий сборник. Краткие сведения об авторах.

Ознакомившись с положением дел в Туркестане, Комиссия пришла к выводу, что первоочередной ее задачей является ликвидация существовавших здесь Закаспийского, Ферганского и Семиреченского фронтов. Эти фронты продолжали отнимать у республики много сил и средств, угрожали даже самому ее существованию. Решено было Комиссии выехать в районы боевых действий и помочь местному командованию в быстрой ликвидации очагов иностранной интервенции (Красноводск), белогвардейщины и басмачества.

Валериан Владимирович Куйбышев поехал на Закаспийский фронт, который считался самым важным. Дело в том, что вопрос о топливе стоял тогда очень остро, а кратчайший путь к бакинской нефти находился на красноводском направлении. Поэтому правительство РСФСР и Реввоенсовет Туркфронта придавали исключительное значение ликвидации Закаспийского фронта и восстановлению связи с Закавказьем. Последний приказ командования фронта требовал занять Красноводск к 2 декабря 1919 года. В. В. Куйбышев должен был помочь командованию только что созданной Закаспийской армейской группы выполнить эту задачу.

Реввоенсовет, штаб и политотдел нашей группы уже вели подготовку к боевой операции по разгрому главных сил противника, расположенных в районе станции Казанджик. Намечался глубокий обход вражеской группировки с фланга. Этот маневр нам подсказывал опыт предшествующей борьбы. При фронтальных ударах и неглубоких охватах противник успевал не только отвести свои основные силы, но и разрушить железнодорожный путь. Темп нашего наступления сразу же замедлялся. Материальное положение Закаспийской армейской группы было в то время исключительно тяжелым. Оно ярко обрисовано в телеграмме, посланной Реввоенсовету Туркфронта. Вот что там говорилось: «1) Критическое положение на фронте с топливом, 80% паровозов потухли. Солдаты мерзнут без шинелей и без дров. Через 2—3 дня прекратится всякая возможность передвижения... 2) Клевера нет пятый день, и кавалерия задерживает продвижение из-за отсутствия клевера... 3) Нет мяса уже третий день, и заменить его нечем. Заготовительные аппараты не работают из-за отсутствия денег».

Казалось, в таких условиях невозможно провести операцию в намеченный срок. А между тем она началась именно 2 декабря 1919 года. Телеграмму В. В. Куйбышев получил в пути и немедленно дал такой ответ: «Я распеку Ташкент и постараюсь заставить шевелиться». И он добился своего. Операция в Каракумской пустыне в материальном отноше-

нии была обеспечена вполне удовлетворительно, несмотря на тяжесть тогдашней обстановки.

Наши войска наступали двумя группами. Одна наносила фронтальный удар вдоль железной дороги. Другая, включавшая в себя основные силы, должна была совершить маневр глубиной 115 километров и атаковать станцию Казанджик. Группа насчитывала 3130 штыков, 880 сабель, 39 пулеметов и 16 орудий. Марш совершался по Каракумской пустыне в невероятно трудных условиях. Не хватало воды. Обветшалое обмундирование плохо защищало от сильных декабрьских морозов и пронизывающих ветров. Бездорожье и пески выматывали силы у людей и животных.

В. В. Куйбышев внимательно следил за продвижением обходной группы по Каракумской пустыне. 4 декабря 1919 года он прибыл в Мерв, ознакомился с последними данными о боевых действиях Закаспийской армейской группы и послал находившемуся в Ташкенте члену Реввоенсовета Туркфронта Элиаве такую телеграмму: «Продвижение вперед и обладание Казанджиком сразу изменит картину и из фронта поглощающего сделает фронт дающий: в районе ст. Бала-Ишем, которую противник должен будет оставить за безводием, есть масса нефти... Целесообразно дать сейчас все фронту, дабы освободиться через неделю от его снабжения. Необходимо напрячь все силы, пренебречь другими интересами и все кинуть сюда немедленно, особенно топливо и денежные знаки старого образца... Жду от тебя и штаба Турквойск проявления крайней энергии в помощь Закаспийскому фронту»...

Располагая достаточным, преимущественно вьючным транспортом, мы захватили с собой продуктов питания лишь на пять дней — на время похода и однодневного боя. Продовольственное обеспечение войск на обратном пути не предусматривалось. Каждый участник операции знал об этом и был настроен только на победу. В противном случае нас ожидала смерть.

Успешное преодоление невероятных трудностей похода и массовый героизм красноармейцев в бою во многом объясняются огромной политико-воспитательной работой, проведенной политическим отделом, партийными организациями и командным составом Закаспийской армейской группы. Большую мобилизующую роль сыграл пример коммунистов.

Казанджикская операция завершилась нашей победой. Мы захватили около полутора тысяч пленных, 9 исправных паровозов, 5 поездов, 3 бронепоезда, 16 орудий, свыше 20 пулеметов, 1250 винтовок и много военного имущества. Остатки разбитых частей противника бежали в горы.

Во время этой операции произошел весьма интересный случай. Едва наши войска овладели Казанджиком, со стороны Красноводска показался товарный поезд. Примерно в трех километрах от станции он остановился, и из него начали выгружаться войска. Было ясно: противник бросил в бой свои последние резервы, чтобы выбить нас из Казанджика. Наша артиллерия немедленно открыла огонь по эшелону. Заговорили и пулеметы. Вражеская пехота сразу же прекратила развертывание в боевой порядок и стала поспешно грузиться в вагоны. Вскоре эшелон умчался на запад и больше не появлялся.

Паническое бегство противника вызвало у нас недоумение. Но через несколько дней все прояснилось. Это были не белогвардейские, а английские войска. Английские интервенты все еще не покидали Туркестан.

9 декабря 1919 года В. В. Куйбышев прибыл в Казанджик. Но приехал он не в пышном поезде главнокомандующего, как утверждают некоторые историки, а в обычном вагоне № 2037, прицепленном к эшелону с продовольствием; не с огромным штабом, а только с личным секретарем П. А. Белоусовым. Своей простотой Валериан Владимирович с первой встречи расположил нас к себе. Казалось, мы уже давно знаем его.

Реввоенсовет нашей группы прежде всего доложил В. В. Куйбышеву об обстановке на фронте, о соотношении сил, об уроках проведенной операции, о наших неотложных нуждах. Мы, в частности, высказались за новое наступление, подчеркнув, что проводить его нужно как можно скорее, пока противник не оправился от первого удара. На переброску подкреплений и подготовку операции, по нашему мнению, требовалось десять дней.

Выслушав нас, В. В. Куйбышев заявил, что заботы о подкреплениях, об удовлетворении неотложных нужд частей он берет на себя. Нам же предложил немедленно заняться разработкой плана операции, с тем чтобы новый решающий удар по противнику нанести через четыре-пять дней. В заключение сказал, что и он будет участвовать в новом походе. Эти слова были встречены всеми с восторгом.

В тот день состоялись похороны бойцов и командиров, погибших в казанджикском бою. На траурном митинге, где кроме свободных от боевой службы частей присутствовали и местные жители, с яркой речью выступил В. В. Куйбышев.

Прежде всего он передал собравшимся горячий революционный привет от ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК и лично от вождя революции В. И. Ленина. Рассказав о целях и задачах,

которые ставит перед собой Турккомиссия, Валериан Владимирович затем очень доходчиво изложил содержание личного письма В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана», которое он привез с собой.

В. В. Куйбышев сердечно поздравил войска с блестящей победой в боях за Казанджик. С болью в сердце он говорил о героической гибели 20 дорогих наших товарищей, которых мы собрались хоронить.

В. В. Куйбышев от души поблагодарил местных большевиков-подпольщиков и беспартийных друзей за активное участие в борьбе с белогвардейцами и помощь Красной Армии. Далее Валериан Владимирович рассказал о том, как Красная Армия при активной поддержке рабочих и крестьян разгромила Колчака и Юденича, как наносит теперь могучие удары по Деникину — последнему врагу, оставшемуся на священной советской земле.

«Войска под командованием Михаила Васильевича Фрунзе,— сказал в заключение В. В. Куйбышев,— добивают уральских белоказаков, борются за освобождение Гурьева и Эмбинских нефтяных промыслов. Ваша задача — взять Красноводск, овладеть нефтью Бала-Ишема и Челекена.

Вы уже нанесли врагу тяжелое поражение. Теперь надо, не теряя времени, добить его, не дать ему возможности оправиться. За новые победы, за окончательный разгром врага. Ура!»

Никогда не изгладится из моей памяти эта пламенная речь, произнесенная В. В. Куйбышевым над братской могилой погибших бойцов. Как будто сейчас слышу его сильный, звонкий голос.

Выступление Валериана Владимировича произвело на всех очень сильное впечатление. Бойцы, перенесшие тяготы многих походов и боев, вновь почувствовали себя сильными духом. Сознавая ответственность поставленных перед ними задач, они в один голос заявили: «Смерть врагам! Ведите нас скорее в бой!»

Приняв предложения В. В. Куйбышева, Реввоенсовет Закаспийской армейской группы решил: 14 декабря 1919 года войскам выступить в 110-километровый поход по пустыне Кара-Кум и, обогнув горный хребет Малый Балхан с юга, выйти в район станций Джебел и Айдин. Цель операции — захват всех частей и эшелонов противника, расположенных на станциях Джебел, Айдин, Перевальная, Ахча-Куйма и на перегонах между ними. Мы считали, что там нам придется встретиться и с новыми белогвардейскими подкреплениями, переброшенными с Северного Кавказа. Очередную встречу с

английскими войсками в районе Айдина В. В. Куйбышев и Реввоенсовет группы считали маловероятной.

Подготовить такую операцию, как айдинская, в короткий срок и при острой нехватке штабных специалистов было нелегко. Пять дней и, можно сказать, ночей напряженно трудился весь личный состав Реввоенсовета, штабов и партийно-политических органов группы и войсковых частей. Вместе с нами работал и В. В. Куйбышев. Мы поражались его трудолюбию, энергии, воле. Ведь помимо работы в нашем штабе он находил время поговорить по прямому проводу с Ташкентом и Ашхабадом, чтобы продвинуть идущие на фронт эшелоны с войсками и военными грузами. Неоднократно бывал он в воинских частях группы и у рабочих-железнодорожников, проверяя ход подготовки операции.

Особенно энергичные меры Валериан Владимирович принимал к тому, чтобы усилить нашу армейскую группу свежими войсками. Сохранился документ с его требованием о переброске к нам 16-го кавалерийского полка.

«Ближайшее ознакомление с положением фронта,— писал В. В. Куйбышев,— заставляет меня согласиться с местным командованием о необходимости немедленной переброски сюда 16-го полка для предстоящих операций».

Мотивируя срочность отправки 16-го кавполка, Валериан Владимирович указывал: «Операции должны быть произведены с крайней быстротой, что возможно лишь в присутствии свежих сил и особенно кавалерии... Наличные силы очень утомлены предыдущей операцией, когда были совершены баснословные переходы в течение пяти дней».

2-я и 4-я сотни 16-го кавполка, участвовавшие в айдинской операции, оказали нам очень большую помощь.

14 декабря напряженная подготовительная работа была завершена, и мы произвели смотр обходным группам. В тот же день с наступлением сумерек они двинулись в поход. Большое спасибо туркменскому народу, который в кредит дал нам свыше 2 тысяч верблюдов. На них мы везли с собой все необходимое для жизни и боя, даже питьевую воду. Но продовольственные запасы опять-таки были строго ограниченными: из расчета на дорогу и один день боя. Девиз оставался прежним: победа или смерть!

Для проведения айдинской операции были созданы две обходные группы и фронтальная, называвшаяся также лобовой. Первым предстоял очень тяжелый переход по Каракумской пустыне, связанный к тому же с большим риском. К трудностям, которые мы испытывали на пути к Казанджику, здесь прибавились новые: более пересеченный рельеф

местности (отроги гор и глубокие овраги) и усилившиеся во второй половине декабря холода с ветрами и туманами. Насколько велико было влияние природных условий, видно хотя бы из того, что за долгую зимнюю ночь обходные группы прошли всего лишь 18 километров. До колодца Шорджа эти группы двигались вместе.

В. В. Куйбышев следовал с обходными группами, все время находился в гуще колонн. Он либо шел пешком, либо ехал верхом на Воронке — хорошем скакуне, предоставленном ему кавалеристами. Валериан Владимирович часто беседовал с бойцами, командирами и политработниками, изучая настроения, помогал советом и личным примером преодолевать трудности. За время похода он побывал во всех частях. Из жизни войск Валериан Владимирович черпал то, что необходимо было для улучшения дальнейшей работы Реввоенсовета Туркфронта.

16 декабря случилась неприятность. Когда мы стали располагаться на большой привал у южного склона горного хребта Малый Балхан, наше походное охранение натолкнулось на разъезд противника. Завязалась перестрелка. Беляки находились наверху и, конечно, хорошо рассмотрели наши войска, располагавшиеся на открытой местности. Товарищ Куйбышев, командный и политический состав были серьезно обеспокоены этим обстоятельством. Всем стало ясно, что внезапность, на которую мы рассчитывали, утрачена, что противник сумеет основательно подготовиться к бою.

К нашему счастью, удар обходной группы оказался все-таки внезапным. Белогвардейское командование, учитывая условия местности, считало совершенно невероятным появление советских войск на склонах хребта Малый Балхан и не поверило докладу начальника разъезда. На письменном донесении командир дивизии генерального штаба полковник Литвинов наложил такую резолюцию: «Арестовать паникера. Чтобы в четырех верстах могли очутиться красные — это исключено». Это донесение было обнаружено среди документов дивизионного штаба, захваченных на станции Айдин.

Я заметил очень характерную черту Валериана Владимировича: когда дело шло гладко, он не вмешивался в распоряжения командования, всегда готов был помочь, не нарушая установленного порядка. Но если видел, что его вмешательство необходимо, то делал это немедленно и добивался желаемых результатов.

Рано утром 17 декабря обходные группы подошли к колодцу Шорджа, начали пополнять водные запасы и поить

лошадей. Высланная вперед разведка не возвращалась, сведений о противнике не было. Двигаться наугад в плотном тумане стало опасно.

Валериан Владимирович попросил у меня 20 всадников и лично отправился в разведку. Он первым обнаружил дорогу на Айдин и прислал проводников, которые должны были указать 1-й обходной группе направление движения. Донесение, написанное лично В. В. Куйбышевым в разведке, в самых неблагоприятных погодных условиях, представляет, несомненно, большой интерес. Приводим его полностью:

«Командующему Тимошкову

1919 г. 17.12 8 час. 55 мин.

Место отправления — разведка на ст. Айдин

Карта 10 верст в дюйме

След арб, по-видимому, ведет на станцию Айдин. Он все время направляется на север — северо-восток. Карта, по-видимому, верно изображает дело. Мы едем дальше, но ввиду необходимости спешить я счел нужным послать это донесение. В направлении, в котором мы едем, проехал взвод 16-го полка, что мы узнали по следам и словам одного заплутавшегося казака.

Член Реввоенсовета Туркфронта В. Куйбышев».

Как только поступило это донесение, 1-я обходная группа в сопровождении проводников отправилась вперед. 2-й обходной группе было приказано подорвать железнодорожный путь и действовать в направлении станции Джебел.

Через некоторое время туман рассеялся, и бойцы 1-й обходной группы увидели интересную картину: станция Айдин забита поездами, мокрые разноцветные вагоны отливают на солнце всеми цветами радуги. Настроение у наших ребят поднялось. Развернувшись в боевую цепь, они почти бегом двинулись вперед. Наша артиллерия открыла ураганный огонь по станции и по броневой летучке противника. Бронепоезд «Генерал Корнилов», бронелетучка и полевая батарея врага повели ответную стрельбу. А когда 1-я обходная группа приблизилась к станции, беляки, засевшие на расположенных рядом холмах, начали бить из пулеметов и винтовок. Бой закипел в разных местах. На станции Айдин и северо-западнее ее он продолжался до наступления сумерек, а восточнее станции ликвидация вражеской группы была завершена только в ночь на 18 декабря.

В этом очень упорном бою В. В. Куйбышев принимал самое активное участие. Во время атаки станции Айдин он с винтовкой в руках шел в цепи 1-го Туркестанского совет-

ского полка, наносившего главный удар. Он увлекал бойцов вперед, показывая пример беззаветной храбрости.

Но вот сопротивление белых сломлено. Станция Айдин наша. Враг бежит. Теперь мы видим Валериана Владимировича на его Воронке среди кавалеристов. Он воодушевляет их на полное уничтожение врага.

Боевая разведка — рано утром, весь день — в атакующих цепях ударной группы, преследование врага вместе с конниками — вечером. Так провел В. В. Куйбышев незабываемое 17 декабря 1919 года.

Белогвардейцы не ожидали нашего удара у станции Айдин и были разбиты наголову. По окончании боя Куйбышев направил в Ташкент Реввоенсовету Туркфронта и командарму 1, а также в Астрахань Реввоенсовету 11-й армии (через Кушкинскую радиостанцию) телеграмму следующего содержания:

«Войсками Закаспийской армейской группы 17/12 заняты станции Ахча-Куйма, Перевальная и Айдин, причем первые две станции оставлены противником без боя ввиду подхода нашей колонны к станции Айдин. У станции Айдин наши войска, совершившие стоверстный переход по пустыне, вступили в бой с концентрированными силами противника. После упорного боя станция Айдин занята. Противник совершенно разгромлен. Жалкие остатки его, главным образом офицеры, в беспорядке бежали в горы по направлению Джебела. Количество пленных и перебежчиков, до сих пор возвращающихся группами и в одиночку, еще не выяснено. Трофеи огромные: взят бронепоезд «Генерал Корнилов» и 2 бронелетучки, 9 орудий, больше 30 пулеметов, много винтовок, снарядов, патронов, 13 паровозов на ходу, 9 эшелонов, среди них штаб дивизии, технический и продовольственный. Бежавшие остатки противника не могут быть препятствием дальнейшему продвижению, и, если Красноводск не получит подкреплений извне, фронт можно считать ликвидированным. Впереди наши войска будут встречать лишь отряды, сдерживающие наступление путем разрушения пути. Скорость овладения Красноводском будет зависеть от степени разрушения пути, так как движение по безводной пустыне невозможно».

Очень хорошую оценку Валериан Владимирович дал войскам Закаспийского фронта:

«Не могу не сказать,— читаем мы в газете «Известия» Туркестанского крайкома РКП(б) и ТурЦИКа от 21 января 1920 года,— несколько слов о наших войсках, действующих в красноводском направлении. Я лично участвовал вместе с

ними в стоверстном походе по пустыне в обход станции Айдин и могу засвидетельствовать необыкновенную выдержку, выносливость, революционную сознательность во время трудного, со многими лишениями похода и высокую боеспособность во время боя под станцией Айдин, где противник сосредоточил все свои силы».

Я всегда с гордостью и радостью перечитываю эти документы. В них В. В. Куйбышев дал высокую оценку войскам, которыми мне довелось тогда командовать...

После айдинской операции Валериан Владимирович сделал еще одно большое дело — разыскал место казни и останки 26 бакинских комиссаров. Их расстреляли без суда и следствия английские интервенты. Почти четверо суток В. В. Куйбышев вместе с группой местных железнодорожников ходил по песчаным барханам на перегоне Перевальная — Ахча-Куйма. Он уехал оттуда лишь после того, как добился своей цели и доложил об этом Центральному Комитету нашей партии и Президиуму ВЦИК. Вскоре останки 26 бакинских комиссаров были перевезены в Ашхабад, а впоследствии — в Баку.

Менее месяца довелось мне воевать вместе с В. В. Куйбышевым, но память о нем я сохраню до конца жизни...

Необычайно многогранный образ Валериана Владимировича Куйбышева хранят в памяти не только люди моего поколения. На примере его жизни учатся и воспитываются миллионы советских людей, и прежде всего молодежь.

Посланцы партии. Воспоминания. М., 1967, с. 241—252.

Т. Р. РЫСКУЛОВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОБРАЗ

В. В. Куйбышев оставил глубокий след своей работы (совместно с М. В. Фрунзе) в Средней Азии. Вспоминаются 1919—1920 годы. После разгрома Колчака, вслед за ликвидацией «оренбургской пробки» прибывает в Туркестан Реввоенсовет Туркфронта во главе с товарищами Фрунзе и Куйбышевым. Предстояло окончательно ликвидировать существовавшие еще фронты в Туркестане и решительно взяться за ликвидацию басмачества. С этими задачами товарищи Фрунзе и Куйбышев блестяще справились.

В первые же дни приезда товарищей Куйбышева и Фрунзе в Туркестан мне, как председателю Туркестанского ЦИК,

приходилось часто встречаться с ними. Товарищ Куйбышев большую часть времени, особенно вечером и ночью, проводил в штабе Туркестанского фронта. Часто приходилось его заставать ночью на телеграфе штаба, ведущим переговоры по прямому проводу с фронтами. Он часто ночевал там же у телеграфа в солдатской шинели, не раздеваясь, на жесткой скамье...

Человек отдался весь работе и не оставалось у него времени для личной жизни и отдыха. Эта самоотверженность, неутомимость и кипучая энергия товарища Куйбышева производили на нас, местных работников, большое впечатление и вселяли в нас безграничное уважение к этому революционеру.

Валериан Владимирович был, как и в прошлой своей работе, так и на работе в СНК Союза ССР, руководителем, который всегда чутко и бережно относился к нуждам и интересам многочисленных национальностей, населяющих наш Советский Союз.

Мы, национальные работники, никогда не забудем светлый образ товарища Куйбышева и еще крепче будем бороться за дело, которому посвятил всю свою жизнь Валериан Владимирович, за дело Ленина.

Известия, 1935, 27 января.

Ф. ХОДЖАЕВ

БОЛЬШЕВИК И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

С Валерианом Владимировичем Куйбышевым я был связан в течение почти двух десятков лет. Он был у нас в Узбекистане, куда его послали ЦК партии и СНК Союза, чтобы помочь нам в выполнении хлопкового плана.

Товарищ Куйбышев проявил неутомимую большевистскую энергию и огромную работоспособность. Он посетил все хлопковые районы нашей республики и побывал в сотнях колхозов. Он везде проводил беседы с колхозниками и единоличниками, на ходу исправляя наши ошибки и давая конкретные указания, как лучше организовать работу местных партийных и советских органов, чтобы обеспечить выполнение хлопкового плана.

Примером конкретного руководства товарища Куйбышева может служить посещение им колхоза «Пахтакор» Нарпайского района, находившегося в глубоком хлопковом прорыве. Товарищ Куйбышев здесь не только осмотрел колхоз-

ные поля и ознакомился с состоянием хлопчатника, но лично проверил постановку учета и отчетности в колхозе, записи в табелях и трудовых книжках. В результате этого товарищ Куйбышев сумел дать такие конкретные указания о перестройке работы колхоза, что буквально на второй день здесь был создан резкий перелом в выходе колхозников на сбор и повышении темпов сбора хлопка.

Я лично знаю Валериана Владимировича с 1918 года, когда он еще работал в Самаре, и особенно близко познакомился с ним, когда он в 1919 году приехал в Среднюю Азию в качестве члена Турккомиссии и члена Реввоенсовета Туркфронта.

С этим периодом связан целый ряд крупных исторических событий. Прежде всего под руководством М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева был нанесен смертельный удар среднеазиатской контрреволюции. С этим его приездом связаны ликвидация Закаспийского фронта и белобандитов в Семиречье, начало ликвидации басмачества в Ферганской долине, борьба с колонизаторством и местным национализмом на основе правильного осуществления ленинской национальной политики, начало широчайшего вовлечения трудящихся масс коренных национальностей в Советы и, наконец, советизация Бухары, являвшейся оплотом контрреволюции в Средней Азии.

Товарищ Куйбышев, как подлинный большевик-интернационалист, представитель великой ленинской партии, был первым, кто пришел на помощь угнетенным трудящимся массам Бухары и на протяжении многих месяцев, как представитель братской РСФСР, систематически помогал нам создавать новую, советскую государственность на территории бывшей феодально-эмирской Бухары. Валериан Владимирович учил нас, коммунистов Востока, большевистскому искусству руководить массами, искусству строить новую, советскую государственность...

Известия, 1935, 26 января.

Б. А. ЛАВРЕНЕВ

ЯНВАРЬ 1920 ГОДА

В жизни Куйбышева много моментов, которые прочно останутся в памяти всех трудящихся нашей страны, и один из них — это его работа на Туркестанском фронте.

Январь 1920 года. Только что сломана последняя преграда между Советской Россией и Туркестаном — разгромлена у

Аральского моря армия генерала Толстова. По освобожденному пути ринулись к Ташкенту эшелоны на помощь Красной Армии, бьющейся еще в Туркестане с наглыми... бандами.

С одним из эшелонов приезжает в Ташкент первый Реввоенсовет фронта — Фрунзе, Элиава, Куйбышев. Обстановка тяжела и трудна. Строительство Красной Армии в Туркреспублике, при оторванности от центра, шло своеобразными анархо-партизанскими методами. Наряду с подлинной пролетарской революционностью в полках уживались чистейший великодержавный шовинизм, партизанщина, самостийность, нежелание подчиниться единой воле командования. Знаменитый казанский полк из 2000 штыков имеет 228 пулеметов, в то время как другие части не имеют и винтовок. Но полк не выпускает ни одного пулемета — это его имущество.

Кругом огонь басмаческих восстаний. Назревает нарыв верненского мятежа. Обстановка с каждым днем становится сложнее.

И в кабинете члена Реввоенсовета на Зерабулакской улице всю ночь горит тусклый свет электричества. Крупный широкоплечий человек с серыми ясными глазами в расстегнутой рубахе — ташкентская жара — сутками не выходит из кабинета. Железная воля его осторожно, умело, дипломатично ломает партизанский уклад самостийных привычек.

В дни мятежа, когда отрезанный Фурманов героически стоит с кучкой большевиков лицом к лицу с озверелым палачом, Куйбышев и Фрунзе, побледневшие, осунувшиеся, не отходят от прямого провода, руководя операциями по подавлению мятежа. И когда приходят жданные вести, что восставший батальон сложил оружие, плотно сомкнутые губы Куйбышева впервые расплываются в счастливой улыбке.

Но впереди еще масса дел. Нужно умело провести их в басмаческих войсках, в которых наряду с волками-баями много обманутого беднячества, чайрикеров и мардекеров, запуганных муллами и ишанами [1]. В «крестьянской армии» Монстрова тоже много обманутых бедняков крестьян, брошенных во вражеский стан произволом анархического руководства первой местной власти. К Куйбышеву сходятся все нити политического руководства. Он пишет воззвания и прокламации. Он лично отбирает и инструктирует политработников и агитаторов.

---

[1] Чайрикеры, мардекеры — представители беднейших слоев населения, батраки, испольщики, издольщики. Муллы, ишаны — служители культа у мусульман.

И вскоре сдается и переходит на сторону Советской власти крупнейший вождь ферганского басмачества Мадамин-бек со своими отрядами, рассыпается и кладет оружие «крестьянская армия».

Куйбышев бросает все наличные силы политработников на создание советского аппарата. Борьбу приходится вести на два фронта — и против остатков великодержавного шовинизма, и против левых загибов «национальной» политики Сафарова, срывающего налаживающиеся братские отношения между русским и коренным населением Семиречья.

И всегда, везде и во всем незримо чувствуется несгибаемая воля Куйбышева, его огромный политический такт и авторитет.

И когда отозванный в Москву Куйбышев сдает работу новому Реввоенсовету, его преемникам остается только идти по пути, налаженному самоотверженной куйбышевской работой.

Работники Туркестанского фронта никогда не забудут горячих боевых дней под руководством товарища Куйбышева.

Известия, 1935, 27 января.

И. С. КУТЯКОВ

ЕГО ИМЯ ВОЙДЕТ В ИСТОРИЮ БОРЬБЫ И ПОБЕД КРАСНОЙ АРМИИ

Имя товарища Куйбышева известно было в глухих деревнях и селениях Заволжья и уральских степей еще в дни формирования Красной гвардии. Он первый организатор Красной гвардии в Самарской губернии... Он сделал все для усиления боевой мощи красногвардейских отрядов. Как представитель Самарского ревкома, он руководил подавлением восстания кулачества и контрреволюционного казачества.

В глубоком тылу фронта в это время вспыхнуло восстание белочехов, чьи легионы двинулись из Пензы на Сызрань и далее на Самару...

Красная Армия отбила у врага Самару. В эту армию входила Чапаевская дивизия. С какой большой чуткостью и вниманием изучал товарищ Куйбышев состав и особенности этой дивизии и ее командира В. И. Чапаева! В его лице мы, чапаевцы, всегда видели не только политического руководи-

теля, но и чуткого товарища и друга... Какие невероятные усилия прилагал товарищ Куйбышев, чтобы обеспечить снабжение бойцов, дравшихся на фронте! После его приезда в какую-либо часть бойцы, командиры и политработники хорошо знали, что обещанные им патроны, сапоги, гимнастерки, шинели вовремя придут на фронт...

Помню, когда в мае 1919 года основные резервы Колчака перешли в контрнаступление в районе Татарский Кандыз, Куйбышев и Фрунзе прибыли на поле боя и до конца сражения находились на командном пункте комбрига I Чапаевской дивизии. ...Присутствие Куйбышева и Фрунзе воодушевляло не только командный состав, но и рядовых бойцов... Колчаку нанесен решающий удар. Задача войск, которыми руководили Фрунзе и Куйбышев, состояла в том, чтобы пробиться в Туркестан, но для этого необходимо было ликвидировать оренбургский и уральский фронты... Под руководством Фрунзе и Куйбышева Красная Армия связалась с Туркестанской советской республикой.

Храбрый, талантливый боец, чуткий политический агитатор-организатор — вот каким товарищ Куйбышев останется в нашей памяти, вот каким он войдет в историю борьбы и побед Красной Армии...

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье.
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 157—159.

ЛЕНИНСКИМ ПУТЕМ

Опыт нашего Союза показывает рабочим капиталистических стран, что путь, на который мы вступили в 1917 г., является единственно правильным для всего международного рабочего движения.

В. В. Куйбышев

Е. М. ЯРОСЛАВСКИЙ

30 ЛЕТ НА РЕВОЛЮЦИОННОМ ПОСТУ

В лице товарища Валериана Владимировича Куйбышева партия потеряла одного из лучших сынов своих, одного из лучших, опытнейших организаторов пролетарского социалистического государства. И в строительстве партии, и в борьбе за пролетарскую диктатуру, и в гражданской войне, и на хозяйственной работе товарищ Валериан Куйбышев отдал лучшие свои силы, свою преданность пролетарскому делу, свою величайшую трудоспособность.

Труднейшим для партии делом было создание аппарата нового пролетарского государства. У нас не было для этого никаких образцов. Кратковременное существование Парижской коммуны — этого прообраза нового пролетарского государства — не могло выработать таких форм, которые мы могли бы положить в основу строительства Советского Союза.

Новое государство строилось в обстановке величайшей разрухи после империалистической и гражданской войны. Мы были чрезвычайно бедны интеллигентными силами. Значительная часть старых специалистов проводила саботаж. Своих технических кадров у нас было до последней степени мало. В этом новом государственном аппарате, который мы строили в первые годы революции, было слишком много чужого, враждебного нам. Даже в 1923 году Ленин писал в одной из своих предсмертных статей, что «дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры» [1]. Надо было организовать контроль над этим госаппаратом. Был организован Наркомат рабоче-крестьянской инспекции во главе с И. В. Сталиным. Этот наркомат выполнил в эти первые годы громадную работу. Он накопил полезнейший опыт изучения недостатков

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 390.

нового государственного аппарата и методов борьбы за их исправление.

В период новой экономической политики[1] перед партией и Советским государством встали новые задачи. Социалистическое наступление на основе новой экономической политики требовало решительной борьбы с недостатками государственного аппарата. А с другой стороны, борьба антипартийных элементов против ленинской линии и в партии и в государственных организациях требовала в то время объединения советского и партийного контроля.

В 1923 году, незадолго до XII съезда партии, Ленин внес свой проект «Как нам реорганизовать Рабкрин»[2]. Ленин указывал, что Рабоче-Крестьянская инспекция «представляет для нас громадную трудность и что трудность эта до сих пор не решена»[3]. Ленин решительно возражал против товарищей, которые считали ненужным само существование Рабоче-Крестьянской инспекции. Но Ленин настаивал на том, чтобы этот орган был реорганизован и чтобы партия придала ему особо важное значение. Он советовал для улучшения этого органа обратиться за опытом к нашей гражданской войне, сосредоточить лучшие силы в Рабкрине, как мы сосредоточивали лучшие партийные наши силы в Красной Армии. «...Мы должны,— говорил Ленин,— сделать Рабкрин, как орудие улучшения нашего аппарата, действительно образцовым учреждением»[4]. Ленин предложил соединить вместе партийный и советский контроль и создать ЦКК — НК РКИ, одной из задач которой была бы борьба против существовавшей тогда опасности раскола нашей партии.

XII съезд партии[5] принял предложение Ленина, и пер-

---

[1] Новая экономическая политика (нэп) — политика Коммунистической партии и Советского государства в переходный от капитализма к социализму период. Обеспечила быстрое восстановление народного хозяйства и его социалистическую перестройку. Основы разработаны В. И. Лениным. Начала осуществляться в 1921 г. по решению X съезда партии и завершилась во второй половине 30-х гг. победой социализма в СССР. Названа новой в отличие от политики «военного коммунизма», которая осуществлялась в годы гражданской войны.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 383—388.

[3] Там же, с. 383.

[4] Там же, с. 391.

[5] XII съезд РКП(б) проходил в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г. Принял решение об объединении под единым руководством Центральной контрольной комиссии РКП(б) и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. В. В. Куйбышев, будучи секретарем ЦК, участвовал в работе съезда с правом совещательного голоса и стал первым председателем реорганизованной системы партийно-советского контроля. Находился на этом посту до августа 1926 г.

вым председателем реорганизованной ЦКК — РКИ был выбран товарищ Валериан Владимирович Куйбышев, хотя против этой кандидатуры боролся Троцкий, ненавидевший Куйбышева за то, что уже в то время товарищ Куйбышев давал резкий отпор антипартийным выступлениям Троцкого. Ставя на этот выдающийся пост товарища Куйбышева, партия знала, что она вверяет партийный и советский контроль верному ученику и соратнику Ленина, испытанному на протяжении двух десятилетий большевику.

У товарища Куйбышева к этому времени был накоплен большой и разнообразнейший организационный опыт: работа в подполье, в сибирских партийных организациях; борьба за победу пролетарской социалистической революции в Самаре и первый опыт организации Советской власти в Поволжье; активное участие в гражданской войне на Восточном и Туркестанском фронтах в качестве члена Реввоенсовета нескольких армий; знание огромного множества людей и самых разнообразных районов нашей Советской страны; большой опыт партийной работы в новых условиях; большой опыт профсоюзной работы в период борьбы с рабочей оппозицией, троцкистами и другими антипартийными элементами, пытавшимися захватить руководство профсоюзами в свои руки; с 1922 года товарищ Куйбышев является секретарем ЦК нашей партии. Все это партия учла, назначая товарища Куйбышева председателем ЦКК — РКИ в 1923 году. Мы все, работники ЦКК—РКИ, в лице товарища Куйбышева получили авторитетного руководителя, чуткого, прекрасного товарища, непримиримого к врагам партии ленинца...

Со всей силой своего темперамента, со всей страстностью истинного партийца-большевика товарищ Куйбышев боролся тогда и всю свою жизнь за единство партии.

Второй задачей работы ЦКК — РКИ была борьба за улучшение качественного состава партии. После чистки 1921 года нам пришлось проверить в 1924—1925 годах непроизводственные ячейки. Борьба троцкистских элементов против нашей партии, как зиновьевской группы, так и других группировок антипартийных элементов, показала, что приверженцев своих эти группировки находят главным образом в непроизводственных ячейках. Проверка этих ячеек имела целью очистить их от непартийных элементов. Проверено было 230 тысяч членов партии (23% всей партии), рабочие в них составляли около 40%, остальные — крестьяне, служащие. В результате проверки было исключено около 6 тысяч человек. Товарищ Куйбышев говорил на XIV съезде партии об этих исключенных:

«...В тех случаях, когда нам совесть подсказывала о неисправимости члена партии, когда поступок, им совершенный, с полной очевидностью говорил о наличии разложения, мы были достаточно решительны, освобождая партию от этих разложившихся элементов» [1].

Будучи беспощадным по отношению к явно негодным коммунистам, к разложившимся, шкурникам, карьеристам, бюрократам, антипартийным элементам, товарищ Куйбышев в то же время требовал от нас внимательнейшего отношения к разбору всех дел. Он говорил на XIV съезде о работе контрольных органов: «...основным методом работы их становится не столько наказание, сколько воспитание и исправление провинившихся членов партии» [2].

Особенно большое внимание товарищ Куйбышев уделял состоянию госаппарата и работе по его улучшению. Он сделал очень много для того, чтобы органы РКИ связать с массами, привлечь актив к участию в работе РКИ. Он вел решительную борьбу с бюрократизмом, казенщиной, формализмом и другими болезненными явлениями. Против бумажной волокиты, против бюрократизма товарищ Куйбышев выдвинул научную организацию труда, применение ее принципов к госаппарату. Он боролся решительно за упрощение, за сокращение госаппарата, за лучший подбор людей, за плановость в работе, против параллелизма, несогласованности в работе различных органов государства, против бесхозяйственности, расточительства, излишеств. Товарищ Куйбышев очень много сделал для рационализации госаппарата, и XIV съезд партии в своих решениях одобрил предложенные товарищем Куйбышевым мероприятия по дальнейшему улучшению государственного аппарата.

Особенно большое значение имеет работа, которую начал тогда товарищ Куйбышев по улучшению деятельности деревенских органов Советской власти. 12 членов ЦКК были посланы на несколько месяцев в деревню для изучения низового советского аппарата, чтобы выяснить все его недостатки и на месте определить, что надо сделать для их устранения. Эта работа положена была в основу ряда мероприятий, улучшивших работу деревенских советских организаций.

Трудно перечислить в небольшой статье все то, что сделано было в течение более 30 лет партийной работы товари-

---

[1] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18—31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.—Л., 1926, с. 536.
[2] Там же, с. 537.

ща Куйбышева. Его имя войдет в историю нашей партии как имя одного из лучших учеников Ленина, одного из лучших организаторов Советского государства. Недаром, когда XVII съезд на новом этапе создал Комиссию советского контроля, товарищ Куйбышев был избран председателем этой комиссии. Он был руководителем контроля партии и государства в первый период нэпа — он вновь взялся за работу контроля в последний его период, когда наше великое социалистическое Отечество подходит вплотную к осуществлению великой задачи построения социалистического общества. Будучи почти все эти годы членом Политбюро ЦК, товарищ Куйбышев выполнял громадную работу. Когда партия решила возложить на него бремя новых задач, он с застенчивостью и скромностью принимал на себя эти поручения как верный боец пролетарской революции. Как и все члены Политбюро, он вел огромную работу, требовавшую величайшего напряжения, исключительной энергии, большого знания дела и хорошего, товарищеского отношения к окружающим.

Жизнь замечательных большевиков.
Л., 1937, с. 40—46.

Г. И. ПЕТРОВСКИЙ

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ БОЛЬШЕВИК

Старых большевиков, ветеранов революционной борьбы против царизма и капитализма, против меньшевизма и оппортунизма, боровшихся со всей силой своего революционного кипения еще в дооктябрьский период, становится все меньше и меньше.

Товарищ Куйбышев В. В. принадлежал к числу лучших непоколебимых большевиков. В 1913 году, когда волны революционного рабочего движения подымались все выше и выше, когда все больше и больше увеличивалась активность партийных организаций, когда все более ширилось забастовочное движение, перекатываясь из Петербурга на Урал, с Урала на Кавказ, в Баку, в Донбассе возникали забастовки, видно было, как оцепеневшие после 1905 года силы рабочего класса возрождались, возрождалось и революционное движение крестьянства.

В это время больше, чем когда-либо, меньшевики разлагали рабочее движение, самыми подлыми средствами борясь против нашей партии. Силы нашей партии в этот момент были еще раздроблены.

Вот как раз в это время, в 1913 году, начали мобилизовываться наши большевистские революционные силы. В один из зимних дней в Петербурге на квартиру ко мне пришел товарищ Куйбышев и заявил, что хочет ближе стать к работе ЦК и помогать всеми силами ЦК и большевистской фракции Государственной думы. Когда я Валериану Владимировичу изложил линию работы ЦК и ближайшие наши задачи, он заявил мне, что его мысли и принципы вполне совпадают с линией ЦК. И это было сказано так выразительно!

Товарищ Ленин придавал большое значение этому факту. То, что товарищ Валериан сам пришел к фракции и предложил свои силы для участия в работе фракции Думы, товарищ Ленин оценил, как симптом оживления и собирания лучших сил нашей партии.

Из небольшой тогдашней переписки с товарищем Куйбышевым (товарищ Куйбышев тогда работал в Самаре) я видел, что он не только там, но и в ряде других пунктов Поволжья развернул огромную большевистскую работу. При его активнейшем участии революционное движение поволжских городов развивалось все сильнее. Все сильнее раздавался голос нараставшего рабочего движения. Это можно было проследить по тогдашней «Правде».

Империалистическая война тогда нарушила общий ход революционного развития. Еще глубже загнало царское самодержавие революционную мысль и дело в подполье, но еще сильнее революционный крот стал подтачивать основы царского режима.

Вспыхнула Февральская революция. Накопившиеся революционные силы сразу тогда всплыли на поверхность, и известно, что среди пылающего полымя революционного движения поволжские города, и особенно Самара, Саратов и Царицын, где ответственнейшие посты в тот момент занимал товарищ В. В. Куйбышев, были в рядах передовых.

Великая Октябрьская революция. Товарищ Куйбышев является первым председателем Самарского ревкома, потом Самарского облисполкома. На этом новом посту он также не щадил своих сил для укрепления Советской власти, для борьбы с подымавшейся тогда контрреволюцией. Помню, он приезжал в ЦК, приезжала и его жена за директивами и помощью. Я внимательно следил за работой Самарского ревкома и исполнительного комитета — товарищ Куйбышев всегда стоял самоотверженно на боевом посту.

Он был непреклонен и неумолим в борьбе с уклонами от генеральной линии партии, с контрреволюционным троцкиз-

мом, с рабочей оппозицией, сбивавших тогда многих с ленинских позиций.

Когда в 1918 году началась отчаянная борьба против объединенных сил контрреволюции, против контрреволюционных восстаний, товарищ Куйбышев был направлен на ответственные посты в ряды Красной Армии, где он бесстрашно боролся против белочехов и Колчака. До 1920 года, до победоносного конца гражданской войны, он выполнял свой боевой долг перед партией и всем трудовым народом.

Затем идет ряд этапов его огромной государственной и партийной работы.

Товарищ Куйбышев избирается секретарем ЦК ВКП(б), председателем ЦКК, председателем ВСНХ, потом председателем Госплана и заместителем председателя Совнаркома СССР, состоял членом Политбюро ЦК ВКП(б). На этих ответственнейших постах он проявил огромные организаторские способности и талант, отдал все свои знания, опыт, революционную закалку, накопленные еще с 1905 года, с первых дней его революционной деятельности.

Он сумел нести так высоко знамя Ленина еще потому, что глубоко знал марксизм-ленинизм, верен был до конца ленинской партии, был один из первых лучших учеников и соратников Ленина.

Товарищ Куйбышев был одним из яростных защитников первой пятилетки, решительно отбивал атаку троцкистов, зиновьевцев, правых и левых оппортунистов, всех классовых врагов. Ему принадлежит детальная разработка второго пятилетнего плана. Он с трибуны XVII партийного съезда развернул во всей конкретности грандиозный план завершения технической реконструкции народного хозяйства.

Товарищу Куйбышеву было всего только 46 лет. Он мог бы еще много и много принести пользы великой созидательной работе построения социалистического общества. Но смерть подкралась и внезапно вырвала лучшего большевика из ленинской гвардии, соратника товарища Ленина и лучшего отзывчивого товарища и друга. Ему чужды были всякий бюрократизм, канцелярско-бумажное отношение к людям и к делу. У него не было комчванства, он был прост со всеми товарищами...

Известия, 1935, 27 января.

Ш. З. ЭЛИАВА

ЧЕЛОВЕК ПАРТИЙНОГО ДОЛГА И БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЧЕСТИ

...Я впервые услышал имя Куйбышева в 1914 году. Мы познакомились в Петербурге. Он был членом Петербургского комитета большевиков. Я был в то время секретарем больничной кассы завода «Треугольник». Вскоре меня арестовали, сменивший меня секретарь подвергся той же участи, и наше место занял Куйбышев. Но в 1915 году он был арестован и выслан. Я узнал потом, что он бежал из ссылки и начал нелегальную работу в Самаре. Там он был арестован в конце 1916 года и отправлен в ссылку. На этапе Куйбышева настигла весть о Февральской революции, которая и освободила его.

Я снова встретился с Валерианом Владимировичем в Самаре в 1919 году. То были дни огромного напряжения, решающие дни колчаковского наступления. Армия Колчака катилась на нас. Пал Бугуруслан. Колчак подкатывался к Кинелю. На нас наступали хорошо вооруженные регулярные части Колчака с его каппелевцами и офицерскими полками. Куйбышев в то время входил в состав Революционного военного совета Южной группы войск Восточного фронта. Кроме него в Реввоенсовет группы входили Фрунзе и я. Фрунзе разрабатывал свой знаменитый план флангового удара на Колчака. Куйбышев с огромной энергией и увлечением взялся за обслуживание и подготовку этого решающего удара. Он вел неустанную работу в частях. Армия была сырая. Она требовала огромной политической работы над собой. В штабах наших сидело много явных и тайных врагов. Куйбышева ни на секунду не смущали разговорчики о безнадежности смелого предприятия — решительного удара по Колчаку.

Он уже тогда поражал нас своей исключительной добросовестностью, тщательностью изучения мельчайших деталей, методичным характером усвоения обстановки. В нем не было ни на йоту позерства и бравады. Он был необычайно скромен в той огромной работе, которую вручила ему партия. Он до мелочей знакомился с боевой обстановкой во всей ее глубине и сложности. И с таким же бессонным упорством просиживал до поздней ночи над картами фронта, с каким изучал впоследствии карты Арктики, будучи председателем правительственной комиссии по спасению челюскинцев... Самарские рабочие говорили о нем:

— Мы знали его еще до революции — он боролся за нас вместе с нами... Мы знали его после революции — он боролся вместе с нами против белочехов... Мы знаем его теперь — этот человек дерется за Советскую власть при всех условиях...

И авторитет Куйбышева среди самарских рабочих был непререкаем.

Скромный, но непоколебимый, не терпящий дешевых эффектов, но умевший добиваться огромной эффективности в каждом начатом деле, он был до щепетильности требователен к себе в вопросах партийной чести, в строгом следовании партийной линии.

Куйбышев в то время уже имел военный опыт, его вскоре перебросили для укрепления Революционного военного совета 11-й армии в Астрахани, где работал в то время С. М. Киров. Руководимая Кировым и Куйбышевым, эта армия, как уже известно, одержала блестящие победы.

Осенью 1919 года мне пришлось работать с В. В. Куйбышевым уже после разделения Восточного фронта на собственно Восточный и Туркестанский. В состав Революционного военного совета Туркестанского фронта вошли Фрунзе, Куйбышев и я. И здесь я опять имел случай убедиться в замечательных, ценнейших качествах Куйбышева как человека, работника, большевика. Он не знал паники. Его решимость и спокойствие заражали окружающих. В нем жила неиссякаемая подлинно ленинская вера в силы революционного класса. С невероятным упорством он вел работу по воспитанию красноармейских масс, с огромным тактом и умением направляя поднятую стихию в русло боевого революционного порядка и дисциплины.

Обстановка в Туркестане, куда мы приехали в ноябре 1919 года, была исключительно сложной. Под Самарой мы имели врага — интервентов, против которых партия поднимала массы трудящихся. Наша работа, наша политика там строились на прямом лобовом ударе по врагу. Здесь же, в Туркестане, мы имели сложную многонациональную обстановку. Здесь еще свежа была память о колониальной политике самодержавия. Здесь классовая вражда тесно и часто путано переплеталась с национальной розньюю. Басмаческие банды, контрреволюционные восстания, в которых участвовали русские белогвардейцы и кулаки-переселенцы, силы английской оккупации в Закаспийском крае — вот с чем пришлось нам бороться в Туркестане. Директивы Владимира Ильича и Центрального Комитета партии требовали уничтожить всяческие великодержавные привилегии, сделать

Советскую власть родной для вчера еще порабощенной массы местного населения: узбеков, таджиков, туркмен. И Куйбышев глубоко и верно воспринял всю мудрость национальной политики Ленина, и здесь верность учению партии помогла Куйбышеву разобраться в этом огромном деле.

Мне приходилось после соприкасаться с Валерианом Владимировичем на мирных фронтах революции, на других участках партийной и советской работы, во время моей работы на Кавказе и в Москве. И здесь он вставал передо мною кристальным большевиком, человеком, требовательность которого к самому себе не знала границ. Но даже на самых высоких постах, куда поставила его партия, он оставался скромным, внимательным, не знающим тщеславия. Он был прекрасным другом, славным товарищем, стойким большевиком. В разгаре борьбы партии с оппозицией, будучи председателем ЦКК, он сумел найти в своем характере те железные черты, которые помогли ему... бороться против всех, кто посягал на монолитность партии. Оппозиционеры ненавидели его. Он яростно дрался за чистоту партийных рядов, он яростно обрушивался против тех, кто пытался нарушить железное единство партии.

В нем не угасала большая коммунистическая вера в людей. Он всегда стремился поддержать случайно поскользнувшегося товарища, выправить его, вернуть партии ценным работником. Но он был безжалостен к тем, кто черной бешеной слюной брызгал на славные знамена партии Ленина, честь и законы которой были для него дороже всего в жизни.

Известия, 1935, 27 января.

А. И. ГУКОВСКИЙ

ПРИМЕР ДЛЯ МИЛЛИОНОВ

Всю свою жизнь Валериан Владимирович Куйбышев отдал великому делу Ленина.

Еще в школьные годы Куйбышев становится профессиональным революционером. 12 лет провел он в революционном подполье. Царские охранники, как псы, гонялись за ним. 8 раз его арестовывали, трижды судили, 4 раза бросали в далекую ссылку — в Каинск, Иркутск, Нарым, Туруханск.

Из последней ссылки Куйбышева освободила Февральская революция. Партия направляет его в Самару руководить борьбой за установление Советской власти. Куйбышев разо-

блачает контрреволюционные планы эсеров и меньшевиков, укрепляет ряды самарской большевистской организации. Одними из первых примкнули рабочие Самары к восставшему Петрограду. Уже на другой день после победы пролетарской революции — 8 ноября (26 октября) 1917 года власть в Самаре переходит в руки Советов. Создается революционный комитет; его председателем избирается В. В. Куйбышев.

Гражданская война. Красная Армия ведет упорную борьбу с многочисленными полчищами белогвардейцев и иностранных интервентов. Она крепнет на полях сражений, под пушечный гул, в кровавых повседневных схватках с врагами.

Валериан Владимирович Куйбышев был одним из первых, одним из лучших комиссаров Красной Армии. С его именем связано политическое обеспечение крупнейших побед Красной Армии. Под его политическим руководством ведется борьба с Дутовым, с чехословацким мятежом. Куйбышев непосредственно руководит обороной Самары от наступающих мятежников. С группой коммунистов он последним оставляет город и с винтовкой в руках, плечом к плечу с рядовыми бойцами сражается с врагом.

В июне 1918 года В. В. Куйбышев назначается политическим комиссаром и членом Реввоенсовета 1-й армии, которая в этот момент еще не вышла из периода формирования. Благодаря бдительности Куйбышева удалось в самом зародыше подавить попытку левых эсеров поднять на фронте контрреволюционный мятеж.

Прошел месяц, другой, и армия окрепла, обрела силу для перехода в наступление. 12 сентября 1918 года она освобождает от белогвардейцев город Симбирск (ныне Ульяновск). Эта крупная победа совпала по времени с покушением эсерки Каплан на Ленина. Куйбышев телеграфировал Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!» [1] И Самара, действительно, была вскоре взята частями 1-й и 4-й Красных армий.

Куйбышев был в это время членом Реввоенсовета и комиссаром 4-й армии. Неустанно крепил он боевую и полити-

---

[1] 12 сентября 1918 г. В. В. Куйбышев телеграфировал в Москву: «Совнарком. Ленину. Симбирск после трехдневного боя занят войсками первой армии 1252 политкомарм *Куйбышев»* (*Куйбышев В. В.* Избранные произведения, с. 88). В тот же день состоялся митинг красноармейцев, на котором было принято решение послать В. И. Ленину упоминаемую в тексте телеграмму (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 573).

ческую мощь красных частей. В состав 4-й армии входила героическая 25-я дивизия легендарного Чапаева. Ей Куйбышев уделял особенно много внимания, часто выезжал в районы расположения ее полков. Чапаевцы хорошо знали и любили боевого комиссара.

Одновременно Куйбышев продолжал руководить всей партийной и советской жизнью Самарской губернии. Он был председателем губисполкома, горсовета и ревтрибунала, находил время чуть ли не ежедневно бывать у рабочих, выступать на собраниях и митингах.

Наступила весна 1919 года. Интервенты и белогвардейцы со всех сторон наступали на Республику Советов. Колчак был главной силой в первом походе Антанты. Ленин бросил клич: Все силы страны — на борьбу с Колчаком! Под непосредственным руководством Ленина был разработан план разгрома Колчака. Эта задача была возложена на Южную группу войск Восточного фронта. Командовал ею М. В. Фрунзе, членом Реввоенсовета группы был назначен В. В. Куйбышев.

Красная армия Восточного фронта проводит одну за другой бугурусланскую, бугульминскую, белебейскую и уфимскую операции. Колчак был разбит наголову и отброшен далеко за Урал.

Во время обороны Оренбурга предатели-троцкисты выдвинули капитулянтское предложение сдать город белогвардейцам, считая защиту его «невозможной». Фрунзе и Куйбышев крепко ударили по рукам капитулянтов. Они категорически потребовали раз и навсегда прекратить разговоры о сдаче Оренбурга и принять меры к его защите. Оренбург не был сдан.

Осенью 1919 года товарищ Куйбышев назначается членом Реввоенсовета 11-й армии. Вместе с Сергеем Мироновичем Кировым он руководил обороной Астрахани в те трудные месяцы, когда Деникин наступал на Москву, и, стремясь обеспечить свой тыл, бросил огромные силы на захват низовьев Волги. В Астрахани Куйбышев руководил политической работой в армии, но в тяжелую минуту он, рискуя жизнью, принимал непосредственное участие в боевых операциях, показывая образцы высокой личной отваги.

Пришлось Валериану Владимировичу участвовать и в воздушном бою. На Астрахань часто нападали английские самолеты. Красным летчикам на изношенных, устарелых самолетах трудно было справиться с авиацией интервентов.

Однажды при очередном воздушном налете противника Валериан Владимирович в качестве стрелка и наблюдателя поднялся в воздух. Красным летчикам удалось подбить один из истребителей врага, другие обратились в бегство. На лужайку, где села подбитая машина, опустился и самолет Куйбышева. Два летчика-англичанина были взяты в плен. Пораженные искусством советских летчиков, они обратились с почтительным вопросом к Куйбышеву, давно ли он летает.

— Это мой первый полет,— последовал ответ.

С октября 1919 года Куйбышев работает в Средней Азии в качестве члена Реввоенсовета Туркестанского фронта. Здесь велись боевые операции против басмачей, остатков анненковцев и других белогвардейских банд. Политическая обстановка была очень сложной. Решающее значение для обеспечения успехов Красной Армии имело твердое и последовательное проведение принципов ленинской национальной политики. Куйбышев вел беспощадную борьбу со всеми, кто пытался извратить эти принципы. Он пользовался большой любовью у местного населения. Трудящиеся узбеки, казахи, киргизы, туркмены узнавали в Куйбышеве своего истинного друга. В кишлаках слагались сказания о верном борце за народное счастье.

Разбиты армии интервентов и белогвардейцев. Советская страна переходит к мирному труду, восстанавливает хозяйство, создает мощную индустрию и самое крупное в мире сельское хозяйство, осуществляет планы великих пятилеток. Валериан Владимирович Куйбышев — один из организаторов всемирно-исторических побед социализма. Партия выдвигает его на самые ответственные партийные и советские посты. До последнего момента своей жизни он продолжал большую государственную и партийную работу...

26 января 1935 года ЦК ВКП(б), извещая о внезапной смерти В. В. Куйбышева, писал:

«Товарищ Куйбышев был образцом пролетарского революционера, последовательного ленинца, непримиримого к врагам партии и рабочего класса, и самоотверженного борца за дело коммунизма...

Безграничная преданность партии, самоотверженная, неутомимая работа на благо трудящихся Валериана Владимировича Куйбышева будут служить примером для миллионов пролетариев и трудящихся в их великой борьбе за торжество коммунизма».

Красная звезда, 1939, 25 января.

Я. Х. ПЕТЕРС

СТОЙКИЙ БОРЕЦ ЗА ГЕНЕРАЛЬНУЮ ЛИНИЮ ПАРТИИ

Мне приходилось сталкиваться с товарищем Куйбышевым на разных участках работы. В 1920 году получаю назначение в Туркестан. Шел уже третий год пролетарской революции, но и тогда еще мы встречались в Туркестане с фактами насилия, угнетения и эксплуатации местных национальностей со стороны остатков русской буржуазии и особенно русских кулаков бывшего Семиречья. ЦК нашей партии послал в Туркестан испытанных товарищей, которым он поручил беспощадно бороться с великодержавными колонизаторами, угнетателями местных национальностей, местной бедноты. Среди товарищей, посланных тогда в Туркестан, был и товарищ Куйбышев в качестве члена Туркбюро ЦК РКП(б) и члена Турккомиссии ВЦИК. Он беспощадно разоблачал и ликвидировал всякие проявления буржуазно-кулацкого угнетения, тонко разбирался в исключительно сложной обстановке, помогал рабочим и бедноте строить Советскую власть и организовывать партию в бывшей колонии царской России.

В 1923 году во исполнение директивы Владимира Ильича реорганизуются органы ЦКК — НК РКИ, и XII съезд партии избирает товарища Куйбышева, большевика, испытанного в боях за генеральную линию партии, на пост председателя ЦКК — НК РКИ СССР.

На этом участке мне пришлось работать вместе с товарищем Куйбышевым на протяжении всей его деятельности в ЦКК. Мне помнится, как товарищ Куйбышев болел за работу.

Он с исключительной энергией и широким размахом взялся за эту новую работу.

Выступившие против генеральной линии партии Троцкий, Зиновьев, Беленький, Лашевич и ряд мелких группировок (под видом всяких «рабочих оппозиций») встретили в лице товарища Куйбышева, как председателя ЦКК ВКП(б), непримиримого, энергичнейшего разоблачателя и борца за линию партии, за единство партии.

Это был исключительно ответственный момент в истории нашей партии. Правильно оценить вылазки оппортунистов как проявление мелкобуржуазного уклона, ведущего прямо в объятия контрреволюции, и дать достойный отпор — с этой сложной задачей товарищ Куйбышев справился. Он помог

Центральному Комитету партии с самого начала разоблачить демагогию троцкистов, показать их контрреволюционную сущность.

И последний — 1934 год.

На одном из важнейших участков — заготовке хлопка — глубокий прорыв. Среднеазиатская организация плохо справлялась с этим прорывом. Требовалась помощь. И ЦК нашей партии посылает туда товарища Куйбышева.

Республики Средней Азии — это тысячекилометровые расстояния, кишлаки и аулы, разбросанные среди гор и степей, плохо связанные между собой. Поднять активность на всех участках работы, мобилизовать людей, расставить их, разоблачить кулацкую агитацию против хлопкозаготовок и побороть саботаж кулачества — работа исключительно тяжелая. Здоровье товарища Куйбышева подорвано. Последний раз болел он в Средней Азии перед отъездом в Москву. Я заехал к нему, рассчитывая пробыть не больше минуты,— только справиться о его здоровье. Но товарищ Куйбышев заинтересовался чисткой партии, материалами о состоянии партийных организаций, о засоренности колхозов, кулацком саботаже, нарушениях революционной законности и т. д. Материалы эти нужны были товарищу Куйбышеву для того, чтобы выполнить директиву ЦК и организовать по-большевистски заготовки хлопка.

Товарищ Куйбышев в борьбе за генеральную линию партии не считался со своим здоровьем. Он отдал борьбе все свои силы, всю энергию.

Известия, 1935, 26 января.

М. А. ШАТЕЛЕН

РАБОТНИК ГРОМАДНОГО МАСШТАБА

С Валерианом Владимировичем я познакомился в 1925 году, в бытность его наркомом РКИ.

Тогда впервые по инициативе товарища Куйбышева в Советском Союзе началась разработка проблем стандартизации.

Товарищ Куйбышев предложил мне сделать на одном из заседаний Госплана доклад по этому вопросу. Вслед за тем было принято решение о создании Всесоюзного комитета по стандартизации, руководство которым было возложено на Валериана Владимировича.

С громадной энергией взялся товарищ Куйбышев за организацию комитета. С самого начала он поставил себе целью завязать в области стандартизации международные связи. В результате уже в 1926 году я был командирован в Америку на Международный конгресс по стандартизации, в котором СССР участвовал впервые.

Товарищ Куйбышев и позднее, будучи председателем ВСНХ, постоянно уделял чрезвычайно много внимания стандартизации и живо интересовался любым новым стандартом.

Когда я был избран президентом Всесоюзного института мер и стандартов и мы начали работать по систематизации магнитных и электрических единиц и понятий, Валериан Владимирович проявлял исключительное внимание и к этим работам.

С товарищем Куйбышевым мне приходилось встречаться неоднократно и в Госплане и в Совнаркоме, при обсуждении проблем электрификации Советского Союза.

Он всегда поражал умением быстро проникать в сущность малознакомого вопроса и делать быстрые и точные решения...

Техника, 1935, 27 января.

А. В. АРТЮХИНА

СТОЙКИЙ БОЛЬШЕВИК-ЛЕНИНЕЦ

Валериан Владимирович Куйбышев в бытность председателем ЦКК — РКИ неоднократно принимал меня по вопросам работы среди женщин (в то время я заведовала женотделом ЦК партии).

Во многих местах всячески противодействовали тогда приему на работу женщин и находили в этом поддержку оппортунистических элементов тогдашнего руководства Наркомтруда и профсоюзов. Товарищ Куйбышев резко бичевал носителей этих вредных тенденций и настойчиво добивался внедрения женского труда в промышленность. Он оказывал воздействие и на хозяйственные и на советские организации, требуя широкого применения женского труда.

Характерно, что с приходом товарища Куйбышева на пост председателя ВСНХ Союза положение с внедрением женского труда в тяжелой промышленности резко изменилось к лучшему — женщинам более широко открыли двери заводов и фабрик. Товарищ Куйбышев резко возражал против... установки тогдашнего руководства Наркомтруда, тре-

бовавшего снижения пособий кормящим матерям и на уход за детьми.

Высокая принципиальность, непреклонная большевистская воля, беззаветная преданность партии Ленина выдвинули товарища Куйбышева как крупного государственного деятеля. Близко знавшие Валериана Владимировича сохранят самую нежную память об этом удивительном человеке огромной работоспособности, человеке, который крепко любил жизнь, умел весело смеяться и близко принимать к сердцу заботы о мельчайших нуждах трудящихся, обращавшихся к нему за помощью, советом, поддержкой.

Труд, 1935, 27 января.

И. М. ГУБКИН

ВСТРЕЧИ

С Валерианом Владимировичем я познакомился давно. Впервые мы встретились с ним на совместной работе в Концессионной комиссии ВСНХ вскоре после гражданской войны, в начале восстановительного периода.

Следующая моя встреча с ним была несколько позднее, когда он был председателем ЦКК и заместителем председателя Совнаркома. В то время я и мои товарищи по работе были озабочены созданием и строительством нефтяного исследовательского института в Москве. Вопрос о создании института в Москве проходил с большим трудом. И вот в самом начале строительства Валериан Владимирович оказал нам существенную помощь. При его непосредственном участии вопрос о строительстве института был разрешен положительно.

Под непосредственным руководством Валериана Владимировича мне пришлось работать в области научно-исследовательского дела, когда он был председателем ВСНХ. Я тогда работал в составе Научно-технического управления ВСНХ. Все мы чувствовали твердое руководство и твердую поддержку, которую оказывал Валериан Владимирович делу развития научно-исследовательской мысли, подготовлявшей теоретическую базу для развивающейся промышленности. Глубокий интерес Валериан Владимирович проявлял к нефтяному делу. Я помню его указания в этом отношении, помню ночные заседания в его квартире, в Кремле, куда он собирал нас, нефтяников, и, не щадя своего покоя, самым тщательным образом занимался вместе с нами раз-

работкой основных вопросов дальнейшего развития нефтяного дела.

После того как В. В. Куйбышев оставил пост председателя ВСНХ, мне с ним непосредственно встречаться не приходилось. Громадное впечатление произвел на меня его доклад на XVII партийном съезде, где он излагал второй пятилетний план[1]. В своей заключительной части он говорил о величии нашей эпохи. Он указывал, что величие нашей эпохи состоит в высокой политической зрелости рабочего класса. Он приводил пример обсуждения на съезде кузнецов и конюхов в Колонном зале Дома союзов лучших способов ухода за лошадьми, инвентарем и других вопросов поднятия животноводства и ряд других примеров непосредственного участия рабочих в разрешении задач большого хозяйственного значения...

Я помню последний доклад В. В. Куйбышева на 3-м съезде Советов Московской области, где он в ярких образах начертал перед нами картины наших величайших достижений между 6-м и 7-м съездами Советов...

Известия, 1935, 27 января.

Э. В. БРИЦКЕ

ДРУГ НАУКИ

Я познакомился с Валерианом Владимировичем в первый год его работы председателем ВСНХ. Это был начальный период борьбы за реконструкцию отдельных отраслей промышленности.

В то время наша страна только начала создавать научно-исследовательские институты. Этой работе придавалось очень большое значение. Решая производственные и технические проблемы, институты, по нашему мнению, должны были ускорить реконструкцию народного хозяйства.

Валериан Владимирович, познакомившись с этой задачей, сразу же проявил к ней огромный интерес. Он понял, что реконструкция старых и создание новых отраслей промышленности должны базироваться только на научной основе, на опытах, произведенных в полузаводских установках.

---

[1] XVII съезд ВКП(б), на котором В. В. Куйбышев выступал с докладом о втором пятилетнем плане, проходил в Москве с 26 января по 10 февраля 1934 г. Подвел итоги первой пятилетки и принял резолюцию по второму пятилетнему плану.

Товарищ Куйбышев пошел на затрату значительных средств для создания институтов. Он внушал нам целесообразность промышленного риска в правильном его понимании.

Для нас, химиков, было особенно ценно исключительно внимательное отношение Валериана Владимировича к химии. Он всегда утверждал, что химия ускорит реконструкцию не только отдельных отраслей промышленности, но и народного хозяйства в целом. Он придавал исключительное значение роли химии в пищевкусовой промышленности, сельском хозяйстве и здравоохранении. Создание мощной туковой промышленности — прямая заслуга товарища Куйбышева.

В то время основные средства государства расходовались главным образом на развитие черной металлургии и машиностроения. И когда мы приходили к нему с жалобами на то, что промышленность связанного азота обойдена в сметах, Валериан Владимирович всегда находил для нас слова утешения и бодрости.

— Подождите, придет и ваша очередь,— успокаивал он нас.

И действительно наша очередь пришла. Промышленность связанного азота растет с каждым годом.

В товарище Куйбышеве всегда чувствовался человек большого государственного ума, человек, умеющий вникать в сложные практические детали и в то же время видеть общие перспективы развития химии.

Удивительно простой, чуткий и отзывчивый, Валериан Владимирович невольно привлекал к себе всех, кто имел счастье работать вместе с ним. Работая с товарищем Куйбышевым, мы становились его друзьями, его соратниками. Это был прямой и честный большевик.

Его ум, опыт, прямота и целеустремленность вселяли в нас уверенность. Каждый научный работник уверенно шел за ним.

За индустриализацию, 1935, 27 января.

А. Н. БАХ

ВЕЛИКИЙ БОЕЦ

Я ближе познакомился с Валерианом Владимировичем... когда принял пост заместителя начальника Научно-технического управления ВСНХ. На меня произвели огромное впе-

чатление его ясный ум, способность быстро разбираться в сложных положениях и делать из них правильные организационные выводы. Если научно-исследовательские учреждения ВСНХ достигли сравнительно высокой степени развития, то в очень большой мере они этим обязаны руководству Валериана Владимировича.

Мне пришлось иметь несколько бесед с Валерианом Владимировичем по вопросу об организации Ассоциации работников науки и техники, известной под сокращенным названием ВАРНИТСО. Он оказал нам энергичное содействие в организации Ассоциации и не раз выступал на ее ответственных собраниях.

Из общения с Валерианом Владимировичем я вынес к нему не только искреннее уважение как к большому государственному работнику, но и чувство настоящей товарищеской привязанности. Последний раз я виделся с ним в президиуме съезда Советов Московской области и радовался его бодрому, живому разговору...

Вечерняя Москва, 1935, 27 января.

Г. А. УШАКОВ

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

Арктика требует сильных волевых людей, постоянного упорства и настойчивости. Советский Союз имеет таких людей, доказавших способность бороться и побеждать в Арктике. Однако люди Арктики, часто совершенно оторванные от мира, нуждаются наряду с твердым большевистским руководством в теплоте и внимании. И то и другое советские полярники всегда находили у своего руководителя — Валериана Владимировича. Еще до похода «Сибирякова» и создания Главсевморпути Валериан Владимирович уделял большое внимание работе советских полярников, а с момента организации Главсевморпути беспрерывно лично руководил всей работой в Арктике.

Будучи замечательным организатором, он необычайно четко и в то же время очень широко ставил работу по завоеванию и освоению арктических пространств. В этом помогали ему не только его талант большого организатора, но и прекрасное знание Арктики. Ни разу не побывав в Арктике, он во многих областях знал ее не хуже полярников, проведших там несколько лет. Он внимательно следил за работой каж-

дой хоть сколько-нибудь значительной экспедиции, лично просматривал планы и отчеты экспедиций. Мне хорошо известно, что свои редкие часы отдыха Валериан Владимирович посвящал изучению литературы об Арктике. Он был не только знающим и любимым полярниками руководителем, но и пламенным агитатором за освоение Арктики.

Его организаторский талант и стиль работы, присущий ближайшим соратникам и ученикам нашего вождя товарища Ленина, необычайно ярко выявились в организации спасения челюскинцев[1]. Грандиозная работа, которую Валериан Владимирович проводил на Большой земле, не помешала ему с энтузиазмом отдаться делу организации спасательных экспедиций. Часто до поздней ночи Валериан Владимирович просиживал над картой Чукотского побережья и Чукотского моря, и новые и новые планы спасения челюскинцев рождались в его светлой голове. Поток, направляемый Валерианом Владимировичем к лагерю Шмидта[2], рос с каждым днем, в него включались ледоколы, самолеты, дирижабли, вездеходы, собачьи упряжки и т. д. Он беспрерывно следил за каждым самолетом, пробивавшимся сквозь ледяные морозы и полярные метели к лагерю Шмидта, и принимал всевозможные меры к поискам какого-либо потерявшегося самолета. Он телеграфирует мне в Ванкарем:

«Когда улучшится погода, Доронин, Водопьянов вылетят из Каменска. Примите решительные меры выяснению местонахождения звена Каманина».

Уже на первом заседании правительственной комиссии ему была отчетливо ясна картина положения на месте. Уверенность его сказалась и тогда, когда перед отлетом моим в Америку он пожимал мне руку. Последняя фраза его была: «Передайте привет товарищу Шмидту!»

Мысль его продолжала работать безостановочно. Помню, на вторые сутки после гибели «Челюскина»[3] я был разбужен телефонным звонком в 5 часов утра. Звонок был от Валериана Владимировича. Он интересовался характером льдов

---

[1] 14 февраля 1934 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление «Об организации помощи участникам экспедиции т. Шмидта О. Ю. и команде погибшего судна «Челюскин», в соответствии с которым создавалась правительственная комиссия во главе с Куйбышевым В. В.

[2] *Шмидт Отто Юльевич* — см. настоящий сборник, Краткие сведения об авторах.

[3] Советский пароход «Челюскин» 13 февраля 1934 г. был раздавлен льдами в Чукотском море. Участники рейса — челюскинцы — спасены советскими летчиками.

между Чукотским побережьем и островом Врангеля и тяговой силой упряжки собак.

Он интересовался не только работой в Арктике, но и работниками, которые ее выполняют, и каждый полярник находил в нем не только талантливого руководителя, но и отзывчивого друга.

Давая разрешение на вывоз Шмидта на Аляску, Валериан Владимирович одновременно дает мне распоряжение: «Ежедневно специально доносите состояние здоровья Шмидта». Давая категорическое приказание больному Шмидту покинуть лагерь на льдине, Валериан Владимирович вслед за этим посылает необычайно теплую, дружескую телеграмму больному, заверяя его в том, что все челюскинцы будут спасены и что больной может спокойно вылететь в госпиталь на Аляске.

Имя Куйбышева было известно не только полярникам... Имя Куйбышева, охватывавшего своим организаторским талантом самые разнообразные отрасли хозяйственной и политической жизни Советского Союза, одинаково известно и на плантациях субтропиков, и на хлопковых полях Средней Азии, и в колхозах черноземной полосы, и на любом советском заводе, и в самых отдаленных частях Арктики. Слова Валериана Владимировича, переданные по радио за 10 тысяч километров, были непоколебимым авторитетом для чукчей и эскимосов Чукотского полуострова.

До последнего дня своей жизни Валериан Владимирович не прерывал своей работы над проблемами Арктики. В ближайшие дни он должен был рассмотреть план экспедиций 1935 года, который в основных своих чертах отразил его мысли по этому вопросу.

...Уезжая в Среднюю Азию, за два часа до отхода поезда он вызвал меня к себе и дал основные наметки для составления этого плана. И здесь отразилась широта его мысли. Этот план отличается размахом и продуманностью деталей. В последней беседе, говоря о предстоящих экспедициях, он интересовался мельчайшими деталями, вплоть до того, сколько собак будет взято на тот или иной ледокол, как будут построены сани и спасательные лодки, и давал указания по подбору снаряжения. Все это характеризует не только его знания условий Арктики, но и заботу о человеке, работающем там...

Известия, 1935, 26 января.

С. С. КАМЕНЕВ

КРУПНЫЙ ОРГАНИЗАТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ, КОМАНДИР

Вновь возникает в памяти живой образ Валериана Владимировича за письменным столом в его кабинете, где он собрал нас, членов комиссии по спасению челюскинцев. Это была наша последняя крупная совместная работа с Валерианом Владимировичем.

За несколько часов до сбора комиссии В. В. Куйбышев позаботился сообщить по телефону, что образована такая комиссия, предупредил, что вечером соберет ее, и просил продумать выполнение задачи, поставленной перед комиссией.

Хотелось всемерно облегчить Валериану Владимировичу выполнение трудной задачи, возложенной на него партией и правительством. Трудности выполнения задачи были очень большие. Основной трудностью был срок, в который должна была быть разрешена задача, и число челюскинцев, которых предстояло снять со льда. Несколько членов комиссии — товарищи Иоффе, Ушаков, Петров и я,— собравшихся для предварительного обсуждения способов оказания помощи челюскинцам, полностью отдавали себе отчет, что преодолеть эти трудности без непосредственного повседневного участия Валериана Владимировича не удастся.

Валериан Владимирович на первом же собрании комиссии решительно включился в работу и буквально срастил себя с теми, кто на льдине ожидал его помощи. Он стал командующим и комиссию сделал своим оперативным штабом. Первое заседание комиссии было решающим для всего хода дела. На нем Валерианом Владимировичем были приняты основные решения: как спасать и чем спасать.

Кардинальным вопросом был образ действий самих челюскинцев: двигаться ли им по льду пешим порядком или ждать помощи на месте. Валериан Владимирович принял второе решение — ждать прибытия помощи. Это говорит о его громадных волевых качествах и о несокрушимой уверенности в том, что все трудности подачи помощи будут преодолены, а товарищи, на которых будет возложена задача спасения, до конца ее выполнят. По этому вопросу на месте, у челюскинцев, могли быть как раз противоположные решения, что привело бы к необходимости воздействовать на их настроение. Но этого не случилось, так как решение В. В. Куйбышева полностью соответствовало настроениям О. Ю. Шмидта.

Подбор участников экспедиции по спасению производился самим Валерианом Владимировичем. Бесконечно занятый исключительно ответственной работой, он умел найти время, чтобы повидать каждого и лично дать указания всем тем, кто командировался для спасения челюскинцев. Только тех, кто включился в работу на Дальнем Востоке, Валериан Владимирович не видел, но характеристику каждого знал.

Ставка на спасение челюскинцев самолетами была вторым основным решением Валериана Владимировича. Кое-кто из старых арктических работников высказывал свои сомнения в целесообразности воздушного пути спасения, но В. В. Куйбышев, уверенный в правильности выбранного решения, был непоколебим.

Успешное использование самолетов в аналогичных условиях было знакомо товарищу Куйбышеву по Восточному фронту, когда ему во время гражданской войны приходилось связываться с городом Уральском, осажденным белогвардейцами.

Валериан Владимирович в работе по спасению челюскинцев полностью выявил свои навыки крупного военного работника, приобретенные им в период гражданской войны. Он в течение всей работы никогда не считал, что сделано все для выполнения задачи. Им был принят ряд мер страховки и перестраховки на случай, если уже принятые меры почему-либо окажутся недостаточными.

Валериан Владимирович крепко связан со славной историей Красной гвардии и Красной Армии. Он был организатором красногвардейских отрядов. С его именем связаны крупные победы Красной Армии на Волге, на Урале, в Средней Азии.

Обладая природными волевыми качествами, организаторскими способностями и размахом, накопив исключительный опыт борьбы в период гражданской войны на Восточном фронте, Валериан Владимирович показал себя законченным образцом революционера, командира-вождя и на Туркестанском фронте. Возьмем один из эпизодов, которыми так богата боевая жизнь товарища Куйбышева. Это поход на Айдин. Валериан Владимирович сумел вдохновить и лично повести уже уставшие части в многоверстный поход в пустыне для решительного удара на ст. Айдин. Этот поход благодаря большевистской стойкости и самоотверженности товарища Куйбышева закончился блестящей победой Красной Армии...

Красная звезда, 1936, 25 января.

М. Т. СЛЕПНЕВ

ДРУГ СОВЕТСКИХ ЛЕТЧИКОВ

14 февраля 1934 года в Москве была получена радиограмма о том, что 13 февраля в 15 часов 30 минут в Полярном море затонул раздавленный льдами «Челюскин». И уже на следующий день для организации помощи участникам экспедиции на «Челюскине» и команде погибшего судна была образована правительственная комиссия под председательством заместителя председателя Совнаркома СССР товарища В. В. Куйбышева.

Я встретился с Валерианом Владимировичем в Кремле, вызванный туда поздно вечером. В большом кабинете было много народу — летчики, моряки, полярные исследователи, ученые. Правительственная комиссия была занята созданием плана спасения челюскинцев. Из массы предложений нужно было выбрать такие, которые дали бы быстрый и верный эффект.

Некоторые полярники предлагали организовать спасение при помощи ездовых собак.

— Где лучшие собаки на севере Союза? — спросил В. В. Куйбышев.

— Колымские собаки являются лучшими в мире, об этом свидетельствовал даже Амундсен.

— Сколько собак нужно для спасения?

— Тридцать собак везут двух человек.

— Не подойдет,— сказал Валериан Владимирович,— вряд ли можно набрать на Колыме полторы тысячи хороших собак. А если и найдем, то им придется пробежать до Ванкарема тысячу километров. Не подойдет! Какие есть еще предложения?

Я попросил слова. Зная Аляску, Берингово море и Чукотку еще с 1930 года, когда мы с летчиком Фарихом разыскивали погибшего американского летчика Эйельсона, я рекомендовал добраться до лагеря Шмидта из Аляски. Надо лететь из Москвы в Лондон, там сесть на корабль, переплыть Атлантический океан и перелететь на Аляску поперек Америки. Надо еще дать в Нью-Йорк телеграмму, чтобы продали нам два лучших самолета.

Этот план, по-видимому, очень заинтересовал В. В. Куйбышева.

— Какие вы думаете заказать самолеты?

— Конечно, с небольшой посадочной скоростью и обязательно с мотором воздушного охлаждения.

Тут поднялся шум. Кое-кто из присутствовавших стал высказываться против таких моторов.

— Почему же воздушного охлаждения? — спросил меня Валериан Владимирович.

— Еще в 1930 году я не видел на Аляске ни одного мотора с водяным охлаждением,— отвечал я.— На севере они не годятся из-за крайней сложности подогрева.

Куйбышев помолчал, подумал, затем, улыбаясь, посмотрел на меня и в полнейшей тишине продиктовал стенографистке: «Командировать срочно товарища Слепнева в Соединенные Штаты Америки...»

— А кто еще с вами полетит?

Я назвал нескольких летчиков, знающих Север. Выбор пал на С. А. Леваневского. После этого комиссия утвердила группы самолетов, которые должны были лететь в восточном направлении через Сибирь.

Был выбран абсолютно правильный вариант спасения челюскинцев: мощная авиация, а для содействия ее работам — полярные корабли и ледокол «Красин».

Ночью Валериан Владимирович по телефону спрашивал, выполнено ли его приказание. Утром нам принесли паспорта, деньги, и мы вылетели в Берлин.

...Пробивая тяжелые облака, на обледенелых машинах стремились пилоты к лагерю Шмидта.

В Москве товарища Куйбышева непрерывно тревожили журналисты. Редакции газет всего мира хотели знать от председателя правительственной комиссии, когда будут спасены челюскинцы.

Валериан Владимирович ответил американским журналистам:

— Вопрос заключается не только в оказании помощи, но и в оказании скорой помощи, так как среди челюскинцев имеются женщины и дети и примерно десять человек слабосильных, с трудом переносящих тяжелые арктические условия.

5 марта начальник экспедиции О. Ю. Шмидт сообщил, что в лагере огромная радость: прилетел летчик А. В. Ляпидевский со штурманом Л. Н. Петровым и вывез с плавучей льдины на материк женщин и детей; в лагере остались только мужчины.

Мы вылетели на самолете из Москвы в Берлин, а затем из Лондона через Атлантический океан на пароходе отправились в Нью-Йорк. Дальше мы пересекли всю Америку, Канаду и добрались до Фербенкса. Там получили заказан-

ные Советским правительством два новеньких самолета «Флейстер» и полетели на них к северо-западу Аляски.

На каждой стоянке, в Канаде или на Юконе, нас ожидали телеграммы от В. В. Куйбышева:

«Срочно сообщите, когда вылетаете к лагерю Шмидта».

Со всех концов советские летчики слетелись в Уэллен. Прибыли Каманин, Молоков. Прилетел Доронин. Пригнал свой «Р-5» Водопьянов. И за четыре дня все челюскинцы были вывезены из лагеря Шмидта. В. В. Куйбышев имел счастье сообщить правительству о том, что лагеря челюскинцев в Ледовитом океане больше не существует.

Валериан Владимирович, бывавший в ссылке и знакомый с условиями Севера, понимал, что теперь необходимо всех спасенных доставить на корабли. Нужно было спасти больного О. Ю. Шмидта, не желавшего выбираться из лагеря, пока от Куйбышева не поступила радиограмма, начинавшаяся словом «предлагаю»...

Доставив О. Ю. Шмидта на Аляску, я сидел в Номе, от нечего делать покрывал лаком свой самолет и запасался всякими американскими новинками для дальнейшей его эксплуатации.

В это время получаю телеграмму из Москвы:

«Дайте разведку льда в районе Нома. За вами зайдет ледокол «Красин».

Дать разведку льда, а самолет разобран! Но тут меня осенила мысль нанять самолет. Я отправился в агентство «Воздух Аляски». Американский пилот спросил:

— Для чего самолет, на сколько времени и когда?

Я ответил:

— Посмотреть лед у города, на час, немедленно.

— Пятьдесят долларов,— заявил американец.

Я отдал деньги, и мы пошли на береговую косу, на льду которой стоял самолет.

Помню, в Москве В. В. Куйбышев очень смеялся над этим эпизодом.

— Значит, как в табачной лавочке,— говорил он.

...На банкете в Кремле председательствовал В. В. Куйбышев. Сотни приглашенных заполнили белый, отделанный мрамором и золотом зал.

— Первый тост я поднимаю за тех, кто спас челюскинцев,— сказал Валериан Владимирович.

Громкое «ура», овация потрясли зал.

Четкость, прямота, уверенность в победе — таков был стиль работы В. В. Куйбышева. Стиль этот сказался и при организации спасения челюскинцев.

Известия, 1940, 25 января.

С. А. ЛЕВАНЕВСКИЙ

ОРГАНИЗАТОР СПАСЕНИЯ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

Вспоминаются бурные дни челюскинской эпопеи, дни тревог и нечеловеческой борьбы с суровой природой, дни поражений и побед. И в центре этой борьбы стоял он, твердый и непоколебимый большевик, который по заданию партии и правительства должен был организовать спасение челюскинцев. И он оправдал надежды своей партии, своего класса.

Первая встреча моя с выдающимся деятелем нашей партии произошла в тот самый день, когда челюскинцы приехали в Москву. Это было завершение триумфального шествия по всей стране. На Белорусском вокзале нас пламенно встречала вся красная Москва, лучшие люди Советского государства. Каждого челюскинца ждали здесь еще и горячие объятия родителей, детей и жен. Только одного меня не встречали родственники, и, признаться, немножко грустно было, что среди всей массы ликующих близких и родных не было моей матери...

И вдруг кто-то бросился ко мне, горячо обнял, расцеловал. Это был Валериан Владимирович. У меня захватило даже дух от такой теплой братской ласки. Тогда на вокзале я ясно ощутил в товарище Куйбышеве не только вождя масс, но и близкого, чуткого товарища, который за большими государственными делами всегда умеет видеть живого человека. Память об этой встрече останется у меня на всю жизнь...

Мы, работники Арктики и авиации, видели всегда в товарище Куйбышеве одного из самых пламенных энтузиастов освоения Великого Северного морского пути и завоевания новых воздушных трасс. И после челюскинской эпопеи товарищ Куйбышев живо интересовался всем тем, что предстояло проделать в советском секторе Арктики, держа тесную связь с полярниками и пилотами...

Известия, 1935, 26 января.

А. В. ЛЯПИДЕВСКИЙ

РАДИОГРАММА

Дни проходили в томительном ожидании. Свирепствовала пурга. Все мои попытки пробиться и вновь достигнуть лагеря Шмидта неизменно заканчивались неудачей. Я поль-

зовался буквально минутными прояснениями, чтобы вылететь. Но свирепая непогода настигала меня в пути. Приходилось возвращаться. У меня была к этому, как мне тогда казалось, достаточно веская причина: во время пурги и лагеря не увидишь и бесцельно машину угробишь.

Душевное состояние было достаточно угнетенное. Оно усугублялось еще одной беспрестанно сверлившей мой мозг мыслью:

— Как я покажусь Куйбышеву? Какими глазами я буду смотреть на него после того огромного доверия, какое мне было оказано?

У меня в кармане лежал приказ, переданный мне в бухте Лаврентия.

«Хворостянскому. Передайте командирам самолетов Куканову, Конкину, Ляпидевскому следующее мое распоряжение: на командиров самолетов возлагается личная ответственность за спасение экспедиции Шмидта и команды «Челюскина».

5 марта я достиг лагеря и снял со льдов только женщин и детей. А остальных? Я знал, что при благоприятных условиях я один мог бы на своем вместительном самолете эвакуировать лагерь Шмидта в течение двух дней.

На беду стал портиться мотор, неприспособленный к работе в условиях арктической непогоды. Мы занялись его утеплением — обматывали войлоком, масляные баки — оленьими шкурами.

Время тянулось мучительно долго. В. В. Куйбышев должен был получать ежечасные донесения от председателя тройки, начальника станции на Уэллене товарища Петрова. Я знал, что мне не избежать «нахлобучки» от Валериана Владимировича.

11 марта мне подают радиограмму. Она сохранилась у меня по сей день.

— Вот оно! — подумал я с тревогой.— Получай, Анатолий, по заслугам.

Радиограмма гласила:

«Ляпидевскому, Петрову. Непонятна медлительность в деле вывоза челюскинцев. Правительство требует от вас и всего состава спасения всей экспедиции, а не одного случайного полета. Идеальных летных условий в Арктике не бывает. Предлагаю возобновить полеты из Уэллена при малейшей возможности, одновременно ускорив перенос всей авиабазы в район м. Онман и Ванкарем, где условия для полета более благоприятны. Исполнение донесите. Куйбышев».

Примерно этого я и ждал. Резкость тона меня не только не обидела, но, наоборот, именно такой тон и подсказал мне, как надо действовать с этого момента. От радиограммы веяло, как это ни покажется странным, какой-то неповторимой заботой и чуткостью. Словно отец, беззаветно любящий отец, строго, но ласково пожурил своего провинившегося сына.

Лихорадочно заработало сознание. Еще энергичнее заработали руки.

— Исправить самолет и во что бы то ни стало выполнить приказ Куйбышева.

14 марта я вылетел в Ванкарем. К несчастью, во время полета лопнул коленчатый вал в моторе. Вынужденная посадка на острове Колючина.

Мы прибыли в Москву. Я вместе с остальными героями Советского Союза пережил незабываемые минуты встречи с членами Политбюро, с трудящимися столицы.

Не без некоторого душевного трепета я протянул руку В. В. Куйбышеву. Он тепло и, как мне казалось, одному лишь мне понятной, добродушно лукавой улыбкой посмотрел на меня и задержал на несколько секунд мою руку.

«Непонятная медлительность в деле вывоза»,— пронеслись в моем сознании слова заученной мной наизусть радиограммы.

На следующий день я был приглашен в Кремль, на квартиру к В. В. Куйбышеву.

Дело минувшее — не скрою, я шел туда со смешанным чувством радостного волнения и боязни провинившегося школьника.

— Вы помните мою свирепую радиограмму? — такими словами, смеясь и приглашая в комнаты, встретил меня Валериан Владимирович.

Еще бы мне не помнить! Я стал подробно рассказывать о своих переживаниях в те дни. В. В. Куйбышев внимательно слушал.

Я пробыл долго у Валериана Владимировича. Ушел от него обласканный, ободренный, радостный и успокоенный. Вскоре я посетил Валериана Владимировича на даче в Морозовке. Был чудесный солнечный день. Куйбышев вновь встретил меня тепло и задушевно. И вдруг во время беседы Валериан Владимирович, как бы что-то вспомнив, обратился ко мне, пытливо заглядывая в глаза:

— А вам в самом деле не было обидно получить такую радиограмму?

Я поспешил вновь заверить его в том, что телеграмма

только подхлестнула меня на новую, еще более усердную работу, которая, увы...

— Ничего, ничего,— прервал меня Валериан Владимирович,— все хорошо, что хорошо кончается!

С этими словами он увлек меня в сад, на волейбольную площадку. Валериан Владимирович шутил, в перерывах игры коротко рассказывал об отдельных эпизодах своей жизни, о своем участии в гражданской войне.

Вечером мы были в городе, смотрели спектакль в Трамс. Валериан Владимирович был неизменно весел, добродушен, прост и сердечен. К «злосчастной» радиограмме мы больше не возвращались.

Последняя моя встреча с В. В. Куйбышевым произошла... на Московском областном съезде Советов. Куйбышев делал отчетный доклад о деятельности правительства.

В перерыве, увидев меня неподалеку от стола президиума, Валериан Владимирович подозвал к себе, радушно поздоровался и стал буквально засыпать меня вопросами, на которые я едва успевал ответить.

Узнав, что исполнилась моя заветная мечта о продолжении учебы, он поздравил с зачислением меня в слушатели Воздушной академии. При этом лицо его сияло отеческой радостью. Это выражение навсегда останется в моей памяти.

Прощаясь, Валериан Владимирович пригласил меня в выходной день, 30 января, в деревню.

— Побегаем славно на лыжах!..

Комсомольская правда, 1935, 27 января.

О. Ю. ШМИДТ

БОЛЬШОЙ ДРУГ ПОЛЯРНИКОВ

Валериан Владимирович Куйбышев был непосредственным руководителем наших арктических работ. Ему я подробно докладывал о всех наших планах по освоению Арктики. У него мы всегда находили не только внимание и совет опытного старшего товарища, но и большую горячую любовь к этому трудному делу. Я помню, как советовался с Валерианом Владимировичем перед отъездом в экспедицию на «Челюскине». В пути, как и раньше, в прежних экспедициях, я ежедневно телеграфировал Валериану Владимировичу и извещал его первого о всех событиях экспедиции.

В роковой день гибели «Челюскина», сходя с тонущего корабля на лед, мы были твердо уверены, что партия и пра-

вительство не оставят своих граждан. Вскоре мы получили извещение, что образована правительственная комиссия по спасению челюскинцев под председательством Валериана Владимировича. Валериан Владимирович сообщил нам созданный им план спасательных работ и почти каждый день радовал нас новыми сообщениями о развертывании операций. Его телеграммы заключали в себе не только информации, но со всей сердечностью и теплотой поддерживали во всех челюскинцах бодрое настроение, которое нам было так необходимо.

Когда я заболел, Валериан Владимирович официально приказал мне вылететь из лагеря для лечения, но еще больше, чем этот приказ, на меня подействовала полученная вслед за тем вторая телеграмма от него, где он в сердечных выражениях убеждал меня не беспокоиться, уверяя, что все челюскинцы будут спасены и что я могу спокойно вылететь.

Товарищи потом мне рассказывали, что Валериан Владимирович не только днем, но и каждую ночь звонил в Главсевморпуть, чтобы справиться о радионовостях из лагеря. Велика была радость встречи всех челюскинцев с Валерианом Владимировичем на московском вокзале...

Рабочая Москва, 1935, 26 января.

А. И. ИКРАМОВ

МОИ ВСТРЕЧИ

С Валерианом Владимировичем Куйбышевым я встретился в первый раз в уездном городе Намангане. Это было в конце 1919 года. В. В. Куйбышев приехал тогда в Туркестан в качестве члена Туркестанского бюро ЦК РКП(б), Туркестанской комиссии ВЦИК и члена Реввоенсовета Туркестанского фронта.

В те дни в Туркестане еще не погасли огни гражданской войны. Еще буйствовали белые банды, провоцируемые зарубежными империалистами. В Бухаре еще восседал на троне эмир.

Наши партийные и советские организации в то время были слабы. Это усугублялось трениями внутри партийных организаций. Валериан Владимирович наряду с огромной оперативной работой по ликвидации басмаческих банд энергично взялся за укрепление партийной организации. Он возглавил борьбу против всех антипартийных, великодержав-

ных и националистических группировок, всячески поощряя и выдвигая новых, молодых, растущих партийцев из среды рабочих и дехкан. Его руководство нами отличалось тем, что он не только давал правильные директивы, но в каждом отдельном случае терпеливо учил и разъяснял.

Я помню, что тогда я еще плохо понимал по-русски. Он несколько раз с настойчивостью хорошего учителя повторял мне одно и то же для того, чтобы я мог лучше понять. Он подробно разъяснял, какой вред приносят эти великодержавные и местные националистические течения. Объяснял существо партии и учение Ленина по национальному вопросу.

Мы, тогда еще молодые партийные работники Туркестана, со всеми нашими сомнениями и затруднениями смело обращались непосредственно к товарищу Куйбышеву. Всегда находили совет и поддержку. Под его руководством мы успешно разгромили националистов, пробравшихся на руководящие должности в Ферганской области.

Когда мы жаловались товарищу Куйбышеву на то, что у власти стоят националисты, байские подпевалы и что нам трудно работать, он нам говорил:

— Почему не организуете трудящихся против них? Почему вы сами не выступаете более активно? Крепите актив! Опирайтесь на массы!..

Для каждого из нас, в частности лично для меня, наши тогдашние встречи с Валерианом Владимировичем были большой школой.

Валериан Владимирович вместе с товарищем Фрунзе стал во главе тех наших частей, которые шли на помощь трудящимся массам Бухары, восставшим против эмира. Он оказал нам огромную помощь в деле низвержения власти эмира.

После этого в качестве представителя РСФСР он помогал укреплению власти трудящихся в Бухаре, добиваясь того, чтобы трудящиеся Бухары стали членами великой советской семьи.

Последний приезд товарища Куйбышева в Среднюю Азию был в 1934 году. Среднеазиатские республики отставали по хлопкозаготовкам. Особенно отставал Узбекистан. Валериан Владимирович с присущей ему внимательностью стал изучать положение на месте и тут же всячески помогал исправить допущенные нами ошибки.

Исправив основные ошибки непосредственно в центре, он выезжает в колхозы. Валериан Владимирович объехал почти весь Узбекистан. Он проверил работу колхозов в

30 районах, проверил районное руководство, районный аппарат, лично побывал в ста колхозах.

Я всегда сопровождал его в этих поездках по Узбекистану и мог наблюдать, как он работал. В каждом колхозе он изучал все детали его жизни, проверял табели, счета, выходы на работу и т. д.

Характерен один случай. Это было в колхозе имени Фрунзе Ферганского района. Валериан Владимирович проверял работу табельщиков и счетоводов. Оказалось, что счетовод вел учет не по установленной форме, а по своей, им самим выдуманной форме, сложной и запутанной. Некоторые товарищи тут же сделали поспешный вывод, что в этом колхозе нет никакого учета. Валериан Владимирович сказал: «Давайте проверим до конца». Проверили и оказалось, что у счетовода расчеты проводились совершенно правильно. Тогда товарищ Куйбышев указал нам на то, что людей надо учить. Он нам с упреком сказал:

— Почему вы не дали возможности этому счетоводу учиться? Видите, он работает честно, но не умеет правильно записывать.

Тут же он нам поручил взять на учет всех способных, но малограмотных людей в колхозах и добиться того, чтобы они действительно учились и росли как руководители колхозов.

В колхозе «Пахтакор» Нарпайского района было кулацкое засилье. Валериан Владимирович созвал общее собрание для проверки работы колхоза, заслушал всех колхозников, выявил кулацко-байские элементы, отметил работников колхоза, которые помогли разоблачить кулаков-баев. Когда некоторые районные работники напали на секретаря этого колхоза с целью его дискредитации, он указал на то, что не надо смешивать кулаков с честными людьми, и поручил мне специально проследить из Ташкента за тем, чтобы, как он выразился, «ни один волос с головы секретаря колхоза не упал».

Валериан Владимирович добился такой постановки и организации работы по хлопкозаготовкам, что буквально все было поставлено на ноги для того, чтобы хлопкозаготовки были успешно проведены. Поэтому не случайно пленум ЦК Узбекистана в своих решениях констатировал, что, если бы не было такой поддержки со стороны ЦК ВКП(б), пославшего к нам такого крупного работника нашей партии, у нас могли бы быть еще большие потери по хлопку.

Наряду с повседневной работой по уборке и заготовке хлопка товарищ Куйбышев уделял особое внимание вопросам ирригации, семеноводства, работы хлопкоочистительных

заводов. Во всей этой работе никогда у него не было необдуманных или непроверенных предложений.

Партийная организация, рабочие и колхозники Узбекистана везде встречали его восторженно, как друга, товарища, родного им человека. В речах рабочих и колхозников — делегатов съезда Советов Узбекистана была отмечена его большая работа в нашей республике. Трудящиеся Узбекистана избрали его делегатом на Всесоюзный съезд Советов.

Валериана Владимировича знали и любили трудящиеся массы Узбекистана как одного из лучших учеников и соратников Ленина.

Правда, 1935, 26 января.

И. П. БОЛЬШАКОВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУКОВОДИТЕЛЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Валериан Владимирович Куйбышев был первым руководителем реорганизованной на основе указаний Ленина Рабоче-Крестьянской инспекции, был первым председателем ЦКК—РКИ.

На этот пост Куйбышев пришел в момент острой борьбы партии с троцкистской и зиновьевской оппозицией. Все свои силы Валериан Владимирович отдавал борьбе против троцкистско-зиновьевской группировки...

В 1926 году, после смерти Феликса Дзержинского, Валериан Владимирович был выдвинут партией на пост председателя Высшего совета народного хозяйства, объединявшего в то время всю промышленность. Наша социалистическая промышленность в этот период находилась на рубеже перехода от восстановительного к реконструктивному периоду. Товарищ Куйбышев в течение четырех лет руководил развитием нашей промышленности, неуклонно проводя в жизнь план социалистической индустриализации. Под его руководством был составлен и при его активном участии успешно проведен первый пятилетний план развития социалистической промышленности.

Успешное осуществление первой пятилетки, создание собственной индустриальной базы вызывали взрывы бешеной ненависти наших классовых врагов. Против социалистической индустриализации и ее темпов выступали правые оппозиционеры, являвшиеся в тот период агентурой кулачества и буржуазно-вредительских элементов.

Товарищ Куйбышев вместе со всей партией вел непримиримую борьбу против право-оппортунистических реставраторов капитализма, пытавшихся сорвать осуществление плана социалистической индустриализации нашей страны.

Выступая в 1930 году на объединенном декабрьском Пленуме ЦК и ЦКК против правой оппозиции, Куйбышев говорил:

«Единство партии, единство вокруг генеральной линии, борьба за высокие темпы социалистического строительства, бешеная борьба с классовым врагом и со всяческими, хотя и затуманенными и замаскированными, его попытками протащить, навязать нам свою идеологию — за это мы будем драться. В этой борьбе мы добьемся завершения построения фундамента социалистической экономики...»

С конца 1930 года товарищ Куйбышев возглавляет Госплан и одновременно является заместителем председателя Совнаркома СССР...

Работая председателем Госплана в течение почти пяти лет, Валериан Владимирович поднял на новую высоту дело социалистического планирования нашего народного хозяйства.

Основным качеством работников плановых органов Куйбышев считал широкую инициативу, революционную смелость в постановке вопросов и вместе с тем большевистскую, марксистскую реальность в оценке обстановки.

«Большевизм победил и побеждает именно потому, что реально учитывает соотношение классовых сил, потому, что большевики умеют смотреть действительности в глаза, умеют маневрировать в соответствии с обстановкой и условиями борьбы и эту реальность и трезвость сочетать с твердой волей к победе, со смелостью и решительностью. Эти качества должны быть неотъемлемыми качествами и плановиков» (из речи на открытии Плановой академии 26 февраля 1931 года).

Вместе с тем товарищ Куйбышев требовал от плановых органов укрепления связи с массами и перестройки всей системы планирования на этой основе. Плановые органы должны сомкнуться с движением миллионов. Плановая работа должна быть вырвана из тиши кабинетов, говорил Валериан Владимирович. Под непосредственным руководством Куйбышева был составлен на основе директив XVII партконференции проект второго пятилетнего плана развития народного хозяйства, утвержденный XVII съездом партии.

Куйбышев был в этот период времени неизменным докладчиком на съездах партии, на всех съездах Советов о на-

родно-хозяйственных планах. Все его доклады отличались всесторонним и глубоким анализом конкретной экономики нашей страны. Его блестящий доклад на XVII съезде партии о втором пятилетнем плане будет служить для наших плановых работников образцом глубокого технико-экономического анализа и точного определения перспектив развития нашей социалистической экономики...

На XVII съезде Валериан Владимирович так характеризовал состояние тяжелой промышленности к концу второй пятилетки: «К концу второй пятилетки, в результате завершения технической реконструкции, тяжелая промышленность СССР будет в полном расцвете своих сил, всесторонне реализованы будут те возможности, которые сейчас еще в скрытом виде таятся в нашей промышленности. **Это будет тяжелая промышленность, прошедшая через хорошую школу освоения»**[1]. Так же точно и безошибочно определил Куйбышев перспективу развития и других отраслей народного хозяйства.

Работая председателем Госплана, он вел одновременно большую работу в качестве заместителя председателя Совнаркома Союза. Обладая огромным, разносторонним по содержанию опытом работы, Куйбышев на посту заместителя председателя Совнаркома Союза с особой широтой развернул свои выдающиеся способности государственного деятеля. Вся его работа была пронизана ленинским стилем: большевистская принципиальность, деловитость, четкость на каждом шагу разносторонней деятельности.

В своей напряженной работе он проявлял исключительную бдительность, постоянно докапывался до всех деталей дела, по нескольку раз проверял представленные ему расчеты, цифры, тщательно взвешивал все аргументы за и против и всегда принимал решения со всесторонним и полным знанием дела... Куйбышев был необычайно чутким и отзывчивым к окружающим его честным и преданным работникам, все его существо было пронизано пролетарским гуманизмом. Яркий образец этого гуманизма — его работа по спасению героев-челюскинцев.

Таким был Валериан Владимирович Куйбышев, пламенный, непоколебимый и беззаветно преданный борец за дело Ленина. На всем протяжении своей жизни товарищ Куйбышев решительно, настойчиво и непримиримо боролся со всеми антипартийными группировками, разоблачая их контрреволюционную сущность...

Правда, 1939, 25 января.

---

[1] *Куйбышев В. В.* Статьи и речи. 1930—1935. М., 1937, т. 5, с. 481.

В. В. ВИШНЕВСКИЙ

ЯРКИЙ ПРИМЕР ЕГО ЖИЗНИ

Валериан Владимирович Куйбышев родился в 1888 году в городе Омске, а рос и воспитывался в маленьком уездном городке Акмолинской области Кокчетаве. Отец Валериана Владимировича был начальником местной воинской команды, а мать — учительницей начальной школы.

В 1904 году 16-летним юношей Валериан Куйбышев, учившийся тогда в Омском кадетском корпусе, связался с подпольной организацией большевиков. Никакие предостережения и угрозы начальства не остановили Куйбышева.

Окончив корпус, Куйбышев со всем пылом 17-летнего бойца ринулся в водоворот тогдашних революционных событий. Он пошел работать на один из самых опасных участков: взялся за доставку оружия для рабочих боевых дружин. Оружие поступало через финляндскую границу. Его надо было со всеми предосторожностями переправлять на подпольные передаточные пункты.

Куйбышев прожил большую, трудную жизнь. В его анкете, относящейся к концу гражданской войны, его же рукой заполнена одна графа: арестовывался 8 раз, 3 раза судился, был в четырех ссылках. Жизнь революционера-профессионала была полна опасностей, лишений. Куйбышев добывал себе средства то уроками, то работой в песчаных карьерах, куда он нанялся землекопом, то работой на заводе, в Самаре, фрезеровщиком... Работал он и на петербургских заводах.

Ряд лет Куйбышев провел в ссылке. Царское правительство загнало его в 1910 году в Нарым. По-остяцки слово «Нарым» значит «болото». Далекий сибирский лесисто-болотистый край. Куйбышев и здесь не сдался: вместе со Свердловым он организовал в нарымских топях партийную школу, библиотеку, столовую, кассу взаимопомощи. Царское правительство попыталось загнать Куйбышева в новую ссылку — в Верхоленск. Куйбышев и там провел конференцию ссыльных, а также местных крестьян, разъясняя им большевистские идеи.

В самый канун революции 1917 года Куйбышев был приговорен к ссылке в Туруханский край на пять лет.

После февраля 1917 года Куйбышев вернулся в Самару. На всем пути ликующие встречи, демонстранты с красными флагами, женщины с детьми на руках. Народ встречал героев каторги и ссылки. Куйбышев приехал в Самару, в город, где он работал в 1916 году фрезеровщиком на трубочном за-

воде. Куйбышев горячо повел работу по сплочению большевистской организации, писал в «Приволжской правде», громил самарских меньшевиков и эсеров.

Самарские рабочие помнят вдохновенные речи Куйбышева о грядущей победе социализма, о Ленине, бурные собрания в театре «Триумф». Не случайно Самара была в числе первых городов, требовавших перехода власти целиком в руки Советов...

1918 год. Вспыхивает вооруженная борьба... Куйбышева видели на Волге, в боях, с винтовкой в руках, с гранатой за поясом. Его видели с Кировым в Астрахани, на самолете, в разведке. Его видели в штабе Туркестанского фронта — ночью, на лавке, часами разговаривающего по прямому проводу. Вместе с Фрунзе он провел разгром Колчака и освобождение Средней Азии...

Большевик-политкаторжанин, волею партии ставший в 1918—1920 годах стратегом и комиссаром, по окончании гражданской войны пришел на хозяйственный фронт. Ему было поручено руководство электрификацией страны. Куйбышев весь отдался осуществлению этой грандиозной задачи. Страна вся была еще в рубцах, шрамах. Заводы едва дышали. Поезда осторожно проходили по временным деревянным мостам, наведенным после взрывов, пожаров, рейдов. Началось строительство первенцев электрификации — Волховской, Каширской, Нижегородской, Кизеловской и Шатурской электростанций. Волховстрой — кто не помнит радости этого первого нашего строительства! Куйбышев сам неотрывно следил за этой работой. Он занимался делом днями и ночами, изучая и выбирая людей и поглощая целые тома литературы по вопросам народного хозяйства. На столе громоздились десятки папок, докладов, новые книги.

Бывший политкаторжанин, землекоп, фрезеровщик, красногвардеец двигал вперед огромное государственное дело. Он знал, что из России нэповской мы сделаем Россию социалистическую... Короткие минуты отдыха, встречи со старыми товарищами, песнь «По пыльной дороге телега несется» — и тут же звонок телефона, и снова к делу.

X съезд партии избрал Куйбышева в состав ЦК партии. Уже шли жестокие бои с предательской оппозицией. Троцкисты начинали свою глубокую диверсию против дела Ленина. Вредители гнездились в разных местах государственного аппарата. В одной из своих предсмертных статей Владимир Ильич писал о необходимости сильнейшего пролетарского контроля над госаппаратом. Нужно было повести широким фронтом борьбу против антигосударственных тенденций,

против бюрократизма. Ленин придавал исключительное значение делу контроля. В 1923 году В. В. Куйбышев избирается председателем ЦКК — РКИ. Этот выдающийся пост был доверен верному и выдающемуся человеку, испытанному во многих боях, кристально честному, скромному и исключительно трудоспособному.

Куйбышев сразу столкнулся с вражескими силами, которые пытались подорвать великое историческое дело партии... Куйбышев непоколебимо стоял на страже чистоты партийных рядов. На плечи Куйбышева легла проверка непроизводственных ячеек... Куйбышев проверял тысячи людей, вникая в дела лично, решая их по совести. И он решительно и прямолинейно очищал партию от всех негодных, разложившихся элементов, защищая вместе с тем всякого честного товарища...

Вплотную подошли годы грандиозных строек. Куйбышев становится во главе ВСНХ СССР. Предстояло планирование новых заводов, превосходящих по масштабу все дотоле известные в мире. Куйбышев выезжает сам на южные заводы. Он обследует домны, мартены «Югостали», настойчиво требует мобилизации внутренних ресурсов, сам намечает площадки, знакомится с характером необходимого импорта, продуманно и властно требует замены импорта, где только можно, советскими изделиями. Объезд южных заводов летом 1927 года дал Куйбышеву обильный материал для реорганизации тяжелой промышленности и для оптимальных наметок планов первой пятилетки.

Бессонные ночи... Куйбышев вместе с самими строителями продумывал черты небывалого строительства. Тут зарождались проекты «Азовстали», «Запорожстали», Криворожского завода, Магнитки, Кузнецка. Каждый проект приходилось взвешивать, продумывать и продвигать в ожесточенной борьбе с явными, а по большей части скрытыми врагами.

Куйбышев был энтузиастом пятилеток. Он сам выбирал места и закладывал первые камни в фундаменты Днепростроя, Сталинградского тракторного, Магнитостроя, Горьковского завода, Березников. Он сам включил рубильник московского Электрозавода — одного из первенцев пятилетки.

Объем работы Валериана Владимировича рос непрерывно. С декабря 1927 года он член Политбюро, с 1930 года он председатель Госплана и заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Совета Труда и Обороны, в 1934 году он избирается председателем Комиссии советского контроля, одновременно занимает пост первого заместителя председателя Совнаркома СССР и Совета Труда и Обороны.

Осуществлению плана индустриализации страны Куйбы-

шев отдал себя целиком. Он выступал перед ударниками, инженерами и техниками Москвы, подымая их в бой за Урало-Кузнецкий комбинат. Вместе с академиками он устанавливал научные основы планирования хозяйства. В беседах с представителями иностранной прессы он давал документальный цифровой материал о наших пятилетках, опрокидывая измышления капиталистической прессы. В письмах для «Комсомольской правды» он звал молодежь изучать великую родную страну.

В те моменты, когда было трудно с хлебозаготовками, с хлопком, Куйбышев появлялся и на этих участках. Он инструктировал актив, сам выезжал в колхозы, сам проверял ведение счетных книг в Узбекистане... Его не могли остановить никакие трудности. Он знал жизнь. Он копал землю, был сам конторщиком, стоял у станка, был у пулемета, на самолете.

Он никогда не терял товарищеской мягкости, и всегда ласково светились его глаза. Кто из товарищей не помнит его речи на XVII съезде партии — речи о второй пятилетке, о величии эпохи, речи, полной глубокого и чистого восторга перед высокой политической зрелостью рабочего класса.

Один из ближайших соратников Ленина, Куйбышев был олицетворением ленинского политического деятеля. Он во всяком деле, будь оно большое или малое, сам докапывался до всех деталей, определял в каждом вопросе позиции, мнения всех заинтересованных учреждений, организаций и лиц, тщательно взвешивал все «за» и «против» и, взвесив, принимал решение с глубоким знанием дела и с волевой настойчивостью. Масштабы работ росли непрерывно...

Страна не забудет никогда, как провел Валериан Владимирович порученное ему Центральным Комитетом и Советским правительством дело спасения челюскинцев.

Куйбышев кончал свой рабочий день часам к двум-трем ночи. Кончив «день», он принимал в своем кремлевском кабинете людей, с которыми проводил челюскинскую операцию. Он стоял над картой Чукотского моря, сам изучал все маршруты, расположение баз, опорных пунктов, местонахождение кораблей, самолетов, собачьих и оленьих упряжек. Он подымал судостроительную промышленность на ремонт ледоколов, сам выдвигал новые и новые варианты для скорейшего спасения челюскинцев. Он пренебрегал недомоганием, диктовал телеграммы, подписывал документы.

Яркий пример его жизни, пример 30-летней героической борьбы за коммунизм является могучим двигателем для миллионных масс, строящих новую жизнь.

Правда, 1938, 25 января.

М. А. САВЕЛЬЕВ

БОЛЬШЕВИК-ХОЗЯЙСТВЕННИК

Валериан Владимирович Куйбышев в течение 30 лет боролся за коммунизм в рядах партии Ленина. В каких только областях ему не приходилось работать! Большевик-подпольщик, профессиональный революционер, он после установления Советской власти становится выдающимся пролетарским полководцем. Гражданская война окончена — и товарищ Куйбышев с головой окунается в работу по мирному строительству.

Имя Куйбышева золотыми буквами записано в великой книге истории построения социализма в нашей стране. Руководящую хозяйственную работу он вел как политический деятель ленинского типа.

Еще Ленин обратил внимание на его блестящие способности. Он был выдвинут ЦК партии сперва на руководящую работу в ВЦСПС, а потом в Секретариат ЦК, Центральную контрольную комиссию и в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. В 1926 году, после смерти пламенного большевика Феликса Эдмундовича Дзержинского, он назначается председателем ВСНХ. Затем он работает на посту председателя Госплана и заместителя председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны и в качестве председателя Комиссии советского контроля.

Когда Куйбышев руководил ВСНХ, им была разработана первая пятилетка по промышленности. Впоследствии, будучи председателем Госплана, он исключительно много сил уделяет борьбе за завершение первой пятилетки и разработке второй.

В трудных условиях пришлось работать Валериану Владимировичу в ВСНХ в этот ответственный момент. Развертывается борьба партии за осуществление социалистической индустриализации страны. Громадные задачи ложатся на ВСНХ. В. В. Куйбышев в качестве председателя ВСНХ ведет напряженнейшую работу по созданию индустриальной базы социализма.

Всю свою огромную энергию и работоспособность, свой выдающийся организаторский талант Валериан Владимирович ставит на службу социалистическому строительству. Он значительную часть времени проводит в разъездах, посещая новостройки и важнейшие хозяйственные районы (Донбасс, Ленинград и т. д.).

Он встречается с громадным количеством людей, вникает

во все детали работы предприятий и отраслей промышленности. На очереди дня стоят такие вопросы, как накопление внутренних ресурсов, снижение себестоимости, режим экономии и т. д. Колоссальны трудности первых лет индустриализации. Куйбышев, полный ленинской веры в неиссякаемые творческие силы народа, ведет массы на штурм всех трудностей.

С какой решительностью он разоблачает двурушнические маневры троцкистов, бухаринцев, пытавшихся дезорганизовать народное хозяйство.

Еще более грандиозные задачи встают перед партией в следующий период. Партия поставила в 1929 году — в год великого перелома — всемирно-историческую задачу осуществления сплошной коллективизации сельского хозяйства, ликвидации на этой основе кулачества как класса.

В этот период область работ Валериана Владимировича расширяется. В Госплане, в Совнаркоме, в СТО он сталкивается со всей суммой хозяйственных вопросов, касающихся промышленности и сельского хозяйства, транспорта и торговли. Он развертывает кипучую деятельность в области планирования социалистического хозяйства нашей страны. В своих многочисленных выступлениях он неустанно пропагандирует и разъясняет громадную роль планового начала в социалистической экономике. «План,— пишет В. В. Куйбышев в «Правде»,— это инструмент, созданный пролетарской революцией...»

Исходя из указаний XVI съезда партии, он руководит борьбой за реконструкцию всего народного хозяйства, за создание новой технико-экономической базы. В своих выступлениях В. В. Куйбышев неоднократно останавливается, например, на величайшем значении Урало-Кузнецкого комбината и т. д.

Обращаясь к комсомольцам по этому поводу, он пишет: «Молодежь! Все дружно в бой за Урало-Кузнецкий комбинат с уверенностью в том, что вы делаете великое социалистическое дело».

В решение каждого из крупнейших народнохозяйственных вопросов он вносил ясность и определенность, характерную для политических деятелей ленинского типа. Достаточно вспомнить ряд обстоятельнейших докладов В. В. Куйбышева, обоснованных громадным материалом и цифровыми данными, касающихся второй пятилетки как в общем ее разрезе, так и по отдельным ее вопросам. Он остро и по-большевистски призывает не бояться трудностей, со всей энергией преодолевать их. В своем докладе на XVII партийной конференции,

анализируя истекший период борьбы за план, он говорит: «Приходилось брать с бою одну позицию за другой при отчаянном сопротивлении врагов — кулака, нэпмана, вредителя...»

Особое внимание обращает он на районный разрез хозяйственного развития и на индустриализацию окраинных советских республик. Ряд больших хозяйственных вопросов привлекает его внимание. В 1933 году он выступает с речью, мобилизующей внимание масс на роли и значении нашего авиахозяйства. Он много занимается проблемами Арктики и, как известно, с величайшей энергией возглавляет дело спасения челюскинцев.

Уже совсем незадолго до своей смерти, выступая на 3-м Московском областном съезде Советов 7 января 1935 года, он заключает свой яркий доклад о достижениях советской экономики следующими, полными большевистского энтузиазма, уверенными словами: «. .мы выполним второй пятилетний план в целом».

Советская страна досрочно выполнила вторую пятилетку. Она идет к грядущим победам коммунизма, который был целью всей прекрасной жизни Валериана Куйбышева.

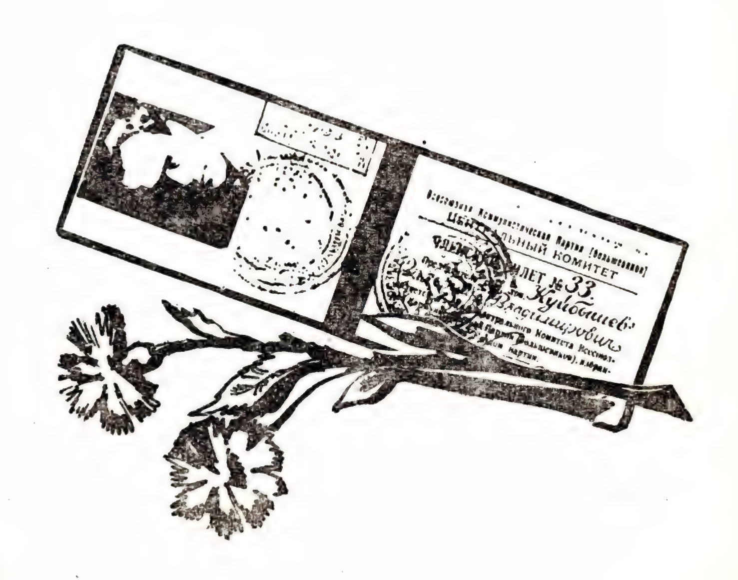
Правда, 1938, 25 января.

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ЛЮДЯМ

...Наша партия продолжает великое историческое дело, во имя которого боролась ленинская гвардия Октября, незабываемая когорта большевиков-ленинцев, составлявших цвет и гордость российского пролетариата.

О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Постановление ЦК КПСС

Г. В. КУЙБЫШЕВА

ЧЕЛОВЕК С ГОРЯЩИМ СЕРДЦЕМ

Свои детские и юношеские годы мой брат Валериан Владимирович Куйбышев провел в Кокчетаве. Наши родители: отец — офицер сибирского казачьего войска, мама — народная учительница, пользовались большим уважением у местного населения, а наш дом являлся своеобразным культурным центром в этом, тогда захолустном городе. В семье нас было восемь детей. Жили мы очень дружно.

После Кокчетавской начальной школы Валериан обучался в Омском кадетском корпусе (Омск — его родина. Там он родился 6 июня 1888 года). Пользуясь возможностью с субботы на воскресенье уходить в увольнение, Валериан проводил эти дни в «коммуне», созданной для политического самообразования группой гимназисток последних классов, в том числе и старшей сестрой Валериана — Надеждой. Огромное впечатление на молодежь произвела редкая в то время брошюра Ленина «Что делать?».

«Будучи в 6-м классе корпуса,— писал В. В. Куйбышев в автобиографии —...завязал связь с нелегальным социал-демократическим кружком в Омске». А в 1904 году, почувствовав себя достаточно подготовленным, чтобы включиться в освободительное движение, 16-летний Валериан вступил в омскую организацию РСДРП.

В. В. Куйбышев решил отказаться от военной карьеры. Но по окончании кадетского корпуса его направили в Петербургскую военно-медицинскую академию. Юный революционер связывается с городской большевистской организацией, ему поручают пересылку оружия для Московского вооруженного восстания и распространение марксистской литературы.

В 1906 году, заметив за собой слежку, Валериан отправляется в Омск, где переходит на нелегальное положение. Его избирают в состав Омского комитета РСДРП, он руководит пропагандистской работой, выезжает в соседние города по организационным вопросам.

Когда Валериан был в Петропавловске, ему сообщили, что через этот город пройдет поезд с политзаключенными, кото-

рым надо помочь деньгами и продуктами. Он быстро собрал средства, но сразу передать их не удалось — эшелон охраняли жандармы. Тогда Валериан договорился с ведущей этот поезд локомотивной бригадой, и состав остановился возле депо. Заключенным вручили все, что было приготовлено, даже цветы. Поднялась тревога. Однако солдаты, прибывшие на помощь жандармам, не могли приблизиться к поезду, так как стоявшие с обеих сторон локомотивы создали паровую завесу.

В ноябре того же года Валериана арестовали в числе всех участников Омской партийной конференции. Это был его первый арест... Товарищи, которые были с ним в заключении, говорят, что он всюду вносил оживление, упорно учился сам и побуждал к тому других, организовывая различные кружки. Неопытных политических ссыльных подбадривал своей жизнерадостностью.

Бежав из каинской ссылки (это было в 1908 году), Валериан приехал в Петербург. Там свирепствовала реакция. Поэтому он долго не мог установить связь с партийной организацией. Жил по чужому паспорту, полученному проездом через Челябинск, давая уроки, работал чернорабочим на песчаном карьере. Однажды на улице он встретил человека, с которым работал в Петропавловске. Настоящих имен друг друга они не знали.

— Как тебя теперь зовут? — спросил товарищ.

— Андрей Степанович Соколов,— ответил Валериан.

— Странно, и меня так же.

Больше того, совпали названия и губернии и уезда, где выдали документ.

Оказалось, что настоящий Соколов, будучи сосланным, оставил свой паспорт в Челябинске, а отбыв срок наказания, получил новый. Недавно он приехал в Петербург, жил в другом районе, и полиция еще не узнала о двух Соколовых. Валериан решил предоставить право на паспорт истинному владельцу, а самому скрыться. Он выяснил, что, имея подлинный документ, легко получить заграничный паспорт.

Вечером, собрав свои немногочисленные пожитки, он думал о встрече в Женеве с Владимиром Ильичем, о том, что он непосредственно соприкоснется с работой Центрального Комитета партии и от него получит задания для дальнейшей работы в России.

Вдруг стук в дверь... Входит товарищ-подпольщик, взволнованно объясняет, что в Петербург приехал революционер, которому за Московское вооруженное восстание грозит смертная казнь и ему срочно надо бежать. В. В. Куйбышев, не

раздумывая, отдал посетителю свой заграничный паспорт; таким чутким, отзывчивым он был всегда. А Валериана Владимировича вскоре снова арестовали и отправили в томскую тюрьму.

Но ничто не сгибает большевистскую волю. В дальнейшем, сосланный в Нарымский край, В. В. Куйбышев вместе с Я. М. Свердловым и другими единомышленниками боролся против меньшевиков-ликвидаторов, отстаивал ленинскую линию сохранения и укрепления нелегальной партии. Он организовал там социал-демократический кружок, ставший партийной школой, и общеобразовательный кружок. Валериан Владимирович был инициатором и исполнителем многих мероприятий, облегчавших жизнь ссыльных.

Находясь на нелегальном положении, в 1913 году Валериан вел неутомимую революционную работу в Вологде, в Харькове. Затем, в 1914 году, он приехал в Петербург и установил связь с большевистской фракцией IV Государственной думы.

Вскоре его избрали в состав городского комитета партии. Но через некоторое время нагрянул новый арест. Это был 1915 год. По пути из Петрограда в иркутскую ссылку Валериан написал:

Не прими за усталость,
не прими за измену,
Ты вместилище силы,
мощный город-магнит.
Завтра снова с тобою,
завтра снова надену,
С бодрым криком надену
все доспехи для битв.

И действительно, чаще всего мы видели Валериана в пылу сражений за счастье трудящихся, за власть Советов, за чистоту и единство нашей партии.

Из иркутской ссылки Валериан бежал в Самару, где работал его старый партийный товарищ Андрей Сергеевич Бубнов. Друзья помогли Валериану поступить фрезеровщиком на трубочный завод, на котором было много высланных большевиков. Вместе с Н. М. Шверником и А. С. Бубновым В. В. Куйбышев руководил городской партийной организацией, готовил Поволжскую конференцию большевиков. Условились, что Валериан придет на конференцию последним, чтобы убедиться, нет ли наблюдения за домом, где собрались делегаты.

Зайдя в соседний сад, Валериан увидел оттуда, что в окна дома заглядывает шпик. Выбрав момент, Валериан вбе-

жал в квартиру и заставил всех разойтись. Бдительность В. В. Куйбышева выручила большинство делегатов от ареста. А Валериана вскоре выслали на пять лет в Туруханский край.

Но Февральская буржуазно-демократическая революция освободила ссыльных. Валериан возвратился в Самару. Под его началом в Самаре установилась Советская власть, и он был первый председатель ревкома.

Иностранная интервенция, гражданская война... Партия направляла Валериана Владимировича на самые важные фронтовые участки. Он — политкомиссар и член Реввоенсовета 1-й армии... Вместе с М. В. Фрунзе В. В. Куйбышев руководил разгромом Колчака, освобождал Среднюю Азию от интервентов и белогвардейцев, плечом к плечу с С. М. Кировым он был впереди защитников Астрахани.

Важные, ответственные посты доверяла партия Валериану Владимировичу, и он всюду был скромным, требовательным, принципиальным ленинцем, человеком с горящим сердцем. Вот он заместитель председателя Комиссии ВЦИК по делам Туркестана, затем — полпред РСФСР при бухарском правительстве. А когда началась борьба с разрухой и голодом, Валериан Владимирович перешел на профсоюзную работу, значение которой особенно возросло в тех сложных для страны условиях. Его избрали членом Президиума ВЦСПС. Он стойко боролся с различными оппозиционными «лидерами», навязавшими партии дискуссию о профсоюзах, беспощадно разоблачал их раскольнические замыслы.

Всех, кто близко знал Валериана Владимировича, удивляла его необыкновенная работоспособность. Объем работы, которую он выполнял, с каждым годом увеличивался, она становилась все сложнее, многообразнее. Помимо увлеченности работой и сознания ответственности за нее перед партией большую роль играла очень высокая его организованность, его огромный запас знаний, который постоянно пополнялся. У В. В. Куйбышева на каждый месяц, на каждую неделю, на каждый день был хорошо продуманный план. Привычку жить и работать по плану Валериан Владимирович воспитывал в себе с юных лет. Сохранился распорядок дня, который он составил для себя в томской тюрьме. Ему был тогда 21 год. В плане семь часов отведено на занятия науками и три часа — на чтение художественной литературы. Его тюремная тетрадь, заполненная конспектами прочитанных книг и решениями множества тригонометрических задач,— свидетельство того, как этот план выполнялся.

В. В. Куйбышев жадно учился и на работе. Именно на

работе он приобрел тот огромный запас знаний, те навыки и опыт, которые помогли ему стать крупнейшим знатоком социалистического хозяйства. Большим счастьем для Валериана Владимировича явилось то, что его первым учителем на поприще хозяйственной деятельности был Владимир Ильич. По предложению Ленина в 1921 году В. В. Куйбышева назначили членом Президиума ВСНХ и начальником Главэлектро. В. В. Куйбышев руководит осуществлением плана ГОЭЛРО: строятся Шатурская, Волховская, Каширская, Балахнинская и Кизеловская электростанции.

В. И. Ленин давал Валериану Владимировичу много заданий, поручений и всегда строго проверял их исполнение [1]. И это было лучшей, ни с чем не сравнимой школой для большевика-хозяйственника. Ленин научил его глубоко вникать во все дела, вносить полную ясность в каждый вопрос, прежде чем принять решение. Усвоив ленинский стиль работы, Валериан Владимирович не отступал от него до конца своей жизни.

На XI съезде партии В. В. Куйбышева избрали членом Центрального Комитета, с 1922 по 1923 год он один из секретарей ЦК РКП(б), а в 1923 году его выдвинули на пост председателя ЦКК — РКИ — органа, призванного охранять единство и чистоту рядов нашей партии, укреплять советский государственный аппарат. После смерти Ф. Э. Дзержинского В. В. Куйбышев — председатель ВСНХ, а с XV съезда — член Политбюро ЦК ВКП(б). Находясь у руля социалистической промышленности, он борется за индустриализацию страны и реконструкцию народного хозяйства, руководит составлением первого пятилетнего плана. И вот вырастают Магнитогорский, Кузнецкий, Березниковский комбинаты, Сталинградский тракторный завод, проектируются «Запорожсталь», «Азовсталь», «Криворожсталь» и многие другие предприятия. Валериан Владимирович значительную часть времени проводил в разъездах, посещая новостройки и важнейшие хозяйственные районы.

1930 год. Валериан Владимирович — заместитель председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны и одновременно председатель Госплана...

После XVII съезда партии В. В. Куйбышев — председатель Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР,

---

[1] Это подтверждается целым рядом документов. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 117, 354; т. 7, с. 47, 106, 551, 555, 612; т. 8, с. 28, 108; т. 9, с. 163—164; т. 10, с. 45, 424, 450, 547, 553; т. 11, с. 275, 358, 374, 380, 389, 411, 414, 417, 431, 471, 539, 540, 714.

а с мая 1934 года — первый заместитель председателя Совнаркома и СТО СССР.

Валериан был мечтателем в ленинском понимании этого слова. С необычайной силой убеждения говорил он о ближайшем будущем как маленького района, так и целой страны. И он не жалел сил, чтобы приблизить это будущее.

Через «Комсомольскую правду» он призывал молодежь изучать свою великую Родину, активно включаться в социалистическое строительство.

Валериан Владимирович многое сделал для комсомола. При его энергичном участии в 1918 году в Самаре родился и оформился коммунистический союз молодежи. Позже по его призыву молодые ленинцы создавали на многих заводах посты сквозного контроля за тщательным выполнением заказов для Урало-Кузнецкого комбината, а при учреждениях и предприятиях — отряды «легкой кавалерии».

Возглавляя правительственную комиссию по спасению челюскинцев, В. В. Куйбышев вникал в мельчайшие детали работ, сердечностью и теплотой своих радиограмм поддерживал в героях ледовой эпопеи бодрое настроение.

Никому, наверно, кроме нас, близких Валериана, неизвестно, как он переживал, как он волновался в этот период. Редкую ночь он спал спокойно.

В день рождения дочери, 14 февраля, у Валериана собрались родные, друзья. Каждый должен был рассказать что-нибудь смешное. Дошла очередь до брата.

— К сожалению, сегодня я не смогу ничего веселого вам рассказать. Вот это грустное письмо занимает все мои мысли — и он показал листок, на котором детским почерком, крупными буквами было написано:

«Дорогой товарищ Куйбышев. Спасите моего папочку, я очень люблю своего папочку. Ада».

Когда стало известно, что летчик Ляпидевский вывез со льдины всех женщин и детей, ликованию Валериана не было предела.

Он был чрезвычайно жизнерадостным, цельным человеком. Валериан Владимирович умел хорошо работать, умел и отдыхать. Он и на досуге каждому делу отдавался с душой. Увлекался многими видами спорта: волейболом, теннисом, шахматами, лыжами, а также фотографией; любил музыку, стихи, песни, особенно революционные и русские народные.

Горячо любил Валериан детей. Помню, летом 1934 года, когда он отдыхал в Крыму, к нему в гости пришли артековцы. Ребята рассказали о своих делах и потом спросили:

— А что вы любите, товарищ Куйбышев?

— Все люблю делать,— ответил Валериан.— Каждую хорошую работу люблю. До революции в тюрьме научился столярному делу, переплетному. А потом я был и слесарем, и фрезеровщиком... Все люблю делать.

Таким был В. В. Куйбышев. Он очень любил жизнь в борьбе, горении, труде. Жизнь во имя людей, будущего. И ради будущего он не жалел себя.

Молодой коммунист, 1963,
№ 5, с. 84—86.

Б. З. ШУМЯЦКИЙ

ЕГО ИМЯ ЖИВЕТ В СЕРДЦАХ МИЛЛИОНОВ

Я помню Валериана Владимировича Куйбышева по сибирскому подполью как страстного и непримиримого большевистского организатора и пропагандиста, как человека, который умел прекрасно использовать любую возможность для борьбы, для революционной работы.

Это он первый, борясь с меньшевиками в омской организации, раскрыл провокатора Матушевского, секретаря Гапона, который работал во главе редакции меньшевистской газеты.

С непримиримостью и последовательностью Валериан Куйбышев боролся с легалистами в омской социал-демократической организации.

В Нарыме, в царской ссылке, где нередко люди теряли веру в себя, Валериан Куйбышев вдохновлял ссыльных большевиков, организовывал и руководил их борьбой с самодержавием.

Меньшевики и эсеры считали, что такие организации ссыльных, как библиотека, столовая, касса взаимопомощи и т. д., являются безобидными организациями «материальной взаимопомощи». Валериан Куйбышев подымал эту «мелочь» до принципиальной высоты, указывая и разъясняя ссыльным, что вся их общественная деятельность есть проявление классовой борьбы, направленной не только на сохранение жизни ссыльных, но и на повышение их классовой активности, непримиримости и революционной боеспособности.

Куйбышев — большевик и организатор — был глубоко прав. Недаром же для ликвидации этих форм политической деятельности ссыльных царское правительство командирова-

ло в Нарым томского губернатора с огромной сворой вооруженных опричников.

Губернатор пытался воздействовать на ссыльных уговорами, провокацией, разложением. На большевиков, руководимых Куйбышевым, эта политика кнута и пряника не подействовала. Зато меньшевики и эсеры при поддержке царской администрации пытались даже исключить большевиков из органов управления библиотеки, столовой и кассы взаимопомощи.

Это была большая борьба по «маленькому поводу», борьба принципиальная, революционная классовая борьба, сплачивавшая силы и воспитывавшая большевиков.

Большевики одержали победу и перевели часть бытовых предприятий — библиотеку и кассу взаимопомощи — в подполье.

Несколько позже, 1 мая 1911 года, ссыльные большевики под руководством Валериана Владимировича Куйбышева устроили в Нарыме демонстрацию и загородную массовку. Так возникло «дело о бунте ссыльных Нарыма», но большевики под руководством Куйбышева держались так стойко и солидарно, что царский суд не в состоянии был разбить этого единства.

Всегда и везде — на фронтах гражданской войны, на работе в ЦК ВКП(б) и НК РКИ, на работе в Госплане, при спасении челюскинцев, на работе в Средней Азии в качестве члена Реввоенсовета Туркфронта,— куда бы ни посылала Куйбышева партия, он приносил страстность, революционный размах, ленинский стиль и в то же время чудесную заботливость о людях, изумительные качества большого человека, о котором складывают песни и легенды.

В 1930 году в Средней Азии мне рассказывали одну мрачную историю. Когда эмир бежал из Бухары, свергнутый революцией, духовенство и чиновники созывали восточнобухарских крестьян в мечети и, клянясь именем аллаха, рассказывали им о страшных «большевых», которые наступают на горы Бабатага и Каратау. У всех вождей «большевых», говорили муллы, один глаз на лбу и огромный рот. Все, говорили они, что катта — большевой увидит, он съедает: собаку, кошку, быка, даже человека — и не ест только освященных духовенством лепешек.

— Истребляйте же «большевых», это исчадие ада, о правоверные!

Призывы эти дали свои результаты, хотя и не совсем такие, каких ожидали муллы. Наиболее забитая часть нищих, голодных, истерзанных бухарских крестьян в панике бежа-

ла в неприступные горные ущелья, оставив урожай несобранным на полях. Темные и одураченные крестьяне опомнились только тогда, когда голод дал себя почувствовать.

Какой-то храбрец из их среды спустился в долину.

Со страхом, боясь подойти, он разглядывал издали революционных солдат, но не видел ни одного человека с одним глазом на лбу. Больше того, он слышал родную таджикскую речь, и красноармейцы казались такими же привычными и знакомыми, как его соседи и односельчане. Наконец, расхрабрившись, он подошел ближе, поговорил, но, все еще не веря своим глазам, протянул освященную лепешку и остолбенел: красноармейцы, вопреки словам мулл и чиновников, лепешку съели.

Он осторожно принялся расспрашивать о вождях, о большевиках. Ему сказали, что и Фрунзе и Куйбышев едят все то же, что едят они, простые красноармейцы.

Храбрец бросился в горы, он привел односельчан обратно, рассказав им, что красноармейцы не только не грабят, но, наоборот, сами кормят голодных и помогают крестьянам работать и что муллы просто врали бесстыдно и нагло.

В долину крестьяне все же вернулись, а наш храбрец пошел добровольцем в Красную Армию. Он мужественно сражался с эмиром, получил награду, и, когда он увидел большевика Куйбышева, он уже не сомневался во враках мулл, но он не посмел рассказать этому приветливому и веселому человеку о той бесстыдной лжи духовенства, в которую и он однажды поверил.

В 1930 году, 10 или 12 лет спустя после пребывания Куйбышева в Средней Азии, имя его было памятно крестьянам как имя человека, которого прислал Ленин, чтобы помочь им. В одной из песен, сложенных бухарскими крестьянами о Ленине, есть такие слова:

Мы были голодны, сиры и босы.
Земля была нашей постелью, небо одеялом,
а пищей — утренняя роса.
Мы восставали против власти эмира и баев,
Но разве толпа ягнят может сопротивляться мяснику?
И тогда, когда мы приходили к черноте отчаяния,
нам помог наш великий отец Ленин.
Он прислал к нам своих помощников
Прунзе-ака и Койбаши-ака.
Прунзе-ака был полководцем, храбрым, как Джульбарс,
А Койбаши-ака осушивал наши слезы.

В среднеазиатских кишлаках в те годы, когда Куйбышев был членом Реввоенсовета Туркфронта, среди тогда еще недостаточно сознательных, но подлинных сынов народа рас-

сказывали сказку о человеке, которому аллах дал стеклянный глаз, обладающий удивительной способностью видеть все, что думает человек, понимать человека с полуслова, видеть будущее и прошлое и даже разглядывать предметы, скрытые под землей. Человека этого звали Койбаши-пастух, и это был Валериан Владимирович Куйбышев.

Сказка эта была трогательна и наивна, но черты Куйбышева были отражены верно, ибо Куйбышев был большевиком, был человеком, для которого не существовало невозможного, был членом великого племени Ленина.

Правда, 1936, 25 января.

И. Е. ЛЮБИМОВ

ПРЕКРАСНЫЙ ТОВАРИЩ

Мне приходилось непосредственно встречаться с Валерианом Владимировичем по делам. Со свойственной ему серьезностью он разрешал все возникающие вопросы. Он казался совсем молодым и полным сил для дальнейшей государственной деятельности.

Я знал Валериана Владимировича 20 с лишним лет. В первый раз встретились мы в 1913 году в Вологде, в ссылке. Товарищ Куйбышев пробирался тогда из Сибири, куда он был сослан, в пролетарские центры. Он искал активных большевиков, чтобы связаться с партийными организациями. Кто-то из вологодских ссыльных направил его ко мне. Я принимал участие в работе вологодских партийных организаций, был связан с многими работниками, и местными и московскими. Валериан Владимирович подробно расспрашивал меня о всех моих связях. Так же подробно рассказывал о своей работе, о товарищах, с которыми вместе был в ссылке, о планах на будущее. Долго длилась наша товарищеская беседа. Я указал товарищу Куйбышеву возможность связаться с товарищем Бубновым, бывшим тогда в Харькове.

После долгих предосторожностей ему удалось договориться с Бубновым и при помощи последнего с другими товарищами, в частности с Н. Н. Яковлевым.

Второй раз в встретил Валериана Владимировича в августе 1919 года на Туркестанском фронте. Он работал вместе с товарищем Фрунзе, членом Реввоенсовета. Я прибыл туда как уполномоченный Чусоснабарма[1]. С присущими ему мо-

[1] 9 июля 1919 г. декретом ВЦИК была учреждена должность чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению Красной

лодой силой и энергией Валериан Владимирович с другими товарищами освобождал территорию от белогвардейских армий.

В 1920 году я работал с товарищем Куйбышевым в Средней Азии — в Ташкенте, в Реввоенсовете Туркфронта и в Турккомиссии.

И позже мне постоянно приходилось встречаться с товарищем Куйбышевым на различных ответственных постах, порученных ему партией и правительством.

Когда пробуешь отдать отчет о пути товарища Куйбышева и о проделанной им работе, прежде всего говоришь, что это был исключительно отзывчивый товарищ, прекрасный человек, большой государственный работник, на которого всегда можно положиться. Всегда знал, что он искренне скажет все, что нужно сказать, что он по-товарищески отнесется к пришедшему к нему человеку.

Валериан Владимирович обладал удивительной работоспособностью, особой вдумчивостью. Он умел всесторонне и объективно разрешить любой вопрос, детально изучить этот вопрос. И всегда можно было быть твердо уверенным, что решение его основано на действительном знании дела. Это был человек большого государственного ума, имеющий богатый опыт борьбы за строительство социализма, прекрасный товарищ и друг многих из нас.

Легкая индустрия,
1935, 26 января.

Г. Н. ПЫЛАЕВ

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ БОЕЦ ЗА ЛИНИЮ ПАРТИИ

Вспоминается молодой Валериан Куйбышев, организующий, подбодряющий нас, идущих в первую ссылку... Куйбышев был полон силы, полон веры в победу революции...

Вспоминается Куйбышев, обогащенный опытом революций, гражданской войны, борьбы с разрухой. Валериан Владимирович собирает промышленность: топливо, машиностроение. Вытянув машиностроение, обеспечив страну топливом, в первую очередь машиностроительные центры, можно будет уверенно двигаться вперед.

Армии (Чусоснабарм). 30 июля 1919 г. было принято постановление Совета Обороны об уполномоченных Чусоснабарма на фронте, которым учреждалась должность уполномоченного Чусоснабарма на каждом фронте.

Жизнерадостный, товарищески внимательный, настойчивый... Это он, рассматривая машиностроительный Ленинград, как один из первых форпостов индустриализации, крепко помогает вытягивать электротехническую промышленность, котлотурбиностроение, организовать новое для нас тракторное дело на «Красном путиловце». Это в те времена, когда жива еще была отрыжка троцкизма, предлагавшего закрыть Путиловский завод.

Это он, последовательно и неуклонно проводя политику максимальной экономии, создания резервов топлива, цветных металлов и всех видов сырья для нашего строительства, несмотря на значительные трудности, на общие недостатки нашей технической и сырьевой базы, сумел добиться резкого улучшения работы железных дорог и промышленности.

Оппозиция бешено нападала на нашего дорогого, близкого Куйбышева.

Ленин, весь ЦК нашей партии, вся наша партия знали и видели, что Валериан Куйбышев — весь наш, весь для строительства социализма. Это он до последнего часа своей жизни вел вместе с Центральным Комитетом нашу страну по пути побед над старым миром, по пути строительства социализма.

За индустриализацию,
1935, 26 января.

А. Х. МИТРОФАНОВ

НОСИТЕЛЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Валериан Владимирович Куйбышев был вожаком самарской партийной организации, организатором ее. Он сумел объединить актив организации так, как редко в то время можно было наблюдать в других организациях провинции.

Валериан был человеком высокой общей и политической, большевистской партийной культурности. Нам всем памятна его саркастическая улыбка, выражающая его духовное превосходство, когда он сталкивался с такими трескучими путаниками, как Кабцан. Валериан умел вовремя, спокойно, не повышая голоса, приклеить такой эпитет, так высмеять своих политических противников, что массы невольно от них отвертывались.

Глубокое государственное понимание задач, стоящих перед Советской властью, показывает Валериан Владимирович в эпоху 1917—1918 годов. Он настойчиво с первых дней своей работы по советскому строительству воспитывал самар-

скую организацию и молодой государственный советский аппарат в безусловном подчинении правительству. Самарский ревком, работавший под руководством В. В. Куйбышева, одним из первых в самом начале Великой пролетарской революции выполнил директиву Ленина об отправке хлеба Петрограду.

Как известно, В. В. Куйбышев первый поставил вопрос о привлечении в Красную Армию военных специалистов старой армии. Точно так же едва ли не первым на периферии он начал привлекать в советский аппарат технические, квалифицированные силы прежнего государственного аппарата. Товарищи, которые работали в ту пору вместе с Валерианом, помнят его указания при организации самарского совета народного хозяйства, земельного комиссариата и других отделов ревкома о бережном отношении к специалистам.

В момент захвата власти в Самаре характерна следующая сценка. После затянувшегося далеко за полночь спора в дворянском собрании с меньшевиками и эсерами я зашел рано утром в ревком и увидел, что Валериан Владимирович там обрабатывает генерала — начальника гарнизона, по-деловому обсуждая, как мог бы генерал с нами работать. Он ставил перед ним практические вопросы об организации гарнизона, и генерал дал обещание, что он будет верой и правдой служить Советам.

В. В. Куйбышев руководил захватом власти в городе, т. е. захватом учреждений, связи, вокзала и т. д. И несмотря на то, что работа, которую он вел в эту ночь, была велика и трудна, он все же нашел время для беседы с гарнизонным начальником.

В наших длительных переговорах (январь — март) с максималистами и крестьянскими депутатами в исполкоме В. В. Куйбышеву принадлежит первая роль. Надо было обладать его политической чуткостью, высокой общей культурностью и выдержкой, чтобы держать в относительном повиновении эту мелкобуржуазную стихию. Ведь во фракции максималистов всерьез голосовали за то, чтобы не только продовольственные запасы, но и все ценности города учесть и разделить среди крестьян по едокам! Я точно не помню, в каких выражениях Валериан Владимирович это предложение отверг, но помню, что это было одно из самых блестящих его выступлений по знанию этой мелкобуржуазной среды, по умению показать ее отрицательные черты.

Валериан, будучи политическим руководителем, был в то же время прекрасным товарищем, весельчаком в обычной

домашней обстановке. Он заботился не только о политическом просвещении товарищей, но и о том, чтобы они отдыхали, разумно развлекались.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье.
1916—1919 гг.
Куйбышев, 1936, с. 83—84.

А. Я. АПИН

ЛЮБИМЕЦ САМАРСКИХ РАБОЧИХ

Мне пришлось работать под руководством товарища Куйбышева на Волго-Бугульминском фронте в качестве начальника снабжения сводных волжских войск. Товарищ Куйбышев умел спаять людей, внести веру в победу, веру в успех поставленной задачи. Он мог быстро и без колебаний принять верное ответственное решение. Валериан Владимирович был замечательным оратором, зажигающе говорил на митингах. Он был любимцем самарских рабочих.

Когда белогвардейцы повели наступление со стороны Бугульмы, Революционный военный совет, помещавшийся в Мелекессе, должен был уехать в Ульяновск, тогда еще Симбирск. Перед отъездом товарищ Куйбышев вызвал меня к себе.

— На передовых позициях останетесь? — спросил он.— Будете снабжать припасами бойцов, а мы вам будем все необходимое присылать из тыла.

— Останусь,— твердо ответил я.

— Ну вот и хорошо,— сказал Валериан Владимирович и пожал мне на прощание руку.

После занятия Самары красными войсками я опять работал под руководством В. В. Куйбышева. Укрепляя аппарат отдела снабжения армии, я старался подобрать для этой цели главным образом коммунистов.

Как-то раз зашел я к Валериану Владимировичу, прошу выделить группу коммунистов. Он рассмеялся и сказал:

— Вы так всех коммунистов заберете.

И добавил серьезно:

— А знаете, товарищ Апин, ведь руками одних только коммунистов ничего не сделаешь. Надо уметь подбирать и честных беспартийных товарищей.

Товарищ Куйбышев всегда ободрял за правильные действия и прямо указывал на недостатки.

Правда, 1940, 25 января.

Я. Э. РУДЗУТАК

ВЕРНЫЙ СЫН ПАРТИИ

На протяжении многих лет товарищ Куйбышев был на самых ответственнейших участках борьбы за победу социализма.

Средняя Азия — конец 1919 и начало 1920 года. Идет ожесточенная гражданская война. По Туркестану разгуливают остатки белогвардейских банд, рядом, в Бухаре, сидит на троне ставленник английского империализма — бухарский эмир.

В эту исключительно сложную политическую и военную обстановку приезжает товарищ Куйбышев в качестве члена Реввоенсовета Туркфронта и Турккомиссии ЦК РКП(б) и ВЦИК.

В памяти для нас, работавших в те годы вместе с товарищем Куйбышевым, его приезд в Туркестан связан с подавлением там контрреволюции и укреплением партийных и советских организаций. Приехав в качестве военного работника, Валериан Владимирович принимает самое активное и живое участие в разрешении всех политических и хозяйственных вопросов Туркестана. Валериан Владимирович был в то время одним из первых товарищей, ежедневно, на деле, в конкретной работе, проводивших в жизнь ленинскую национальную политику, воспитывавших в духе этой национальной политики огромные массы местных работников.

С той же энергией, с которой товарищ Куйбышев ликвидировал остатки белогвардейщины в Туркестане и укреплял там Советскую власть, работает он последующие два года в качестве одного из руководителей советских профсоюзов и организатора нашего хозяйства.

1923 год. Партия выдвигает на первый план основные вопросы организации советского хозяйства и государственного аппарата. Закипает борьба с остатками капиталистических элементов в хозяйстве, очищается госаппарат от классово чуждых элементов, партия намечает новые вехи для движения вперед.

Разложившимся (Шляпников) и примазавшимся к партии антиленинским элементам (Троцкий) не по пути с партией в этой борьбе. Начинается обстрел ЦК партии, беспощадно боровшегося за линию Ленина. Валериан Владимирович, будучи председателем реорганизованной по предложению товарища Ленина ЦКК — РКИ, ведет борьбу против

этих антипартийных течений, пытавшихся подменить ленинизм мелкобуржуазной контрреволюцией.

Все последние годы, до последней минуты своей жизни, товарищ Куйбышев ведет огромную работу по организации нашего народного хозяйства и социалистического строительства.

На посту председателя ЦКК и наркома РКИ, председателя ВСНХ, руководителя наших плановых органов, заместителя председателя Совнаркома товарищ Куйбышев всегда был образцом большевика-ленинца, беззаветно преданного делу партии, прекрасного товарища и друга.

На жизни и работе Валериана Владимировича Куйбышева должна наша молодежь учиться честному и беззаветному служению нашей партии и делу революции.

Комсомольская правда, 1935, 27 января.

И. С. ЮЗЕФОВИЧ

РЕШИТЕЛЬНЫЙ, ИНИЦИАТИВНЫЙ, СКРОМНЫЙ

Я помню Валериана Владимировича еще по работе в ВЦСПС. В конце 1920 года товарищ Куйбышев был избран членом Президиума ВЦСПС. Он руководил одним из крупнейших отделов ВЦСПС — экономотделом. В то время ЦК союза кожевников, в котором я работал в качестве руководителя, поднял ряд весьма серьезных проблем об организации управления кожевенной промышленностью, о сырьевой базе и т. д. В разрешении этих вопросов нам огромную помощь оказывал Валериан Владимирович. Он очень внимательно выслушивал нас, интересовался каждой мелочью, тщательно разбирал каждое наше предложение.

Я помню выступления Валериана Владимировича на Президиуме ВЦСПС. Помню, с каким вниманием все выслушивали его высказывания.

Валериан Владимирович Куйбышев был очень деловым, решительным, инициативным и вместе с тем чрезвычайно скромным человеком. Он был всегда в курсе работы ЦК союзов и пользовался большим авторитетом. Валериан Владимирович ежедневно принимал десятки людей. И характерно — он тут же, на месте, решал четко и быстро все вопросы. Он не откладывал дел в долгий ящик. Каждый обращавшийся к нему немедленно получал конкретный исчерпывающий ответ. В этой решительности чувствовался человек, проведший долгие годы на фронте.

Валериан Владимирович Куйбышев был непоколебимым, стойким ленинцем, отзывчивым, чутким товарищем, прекрасным организатором.

Труд, 1935, 27 января.

А. М. ЛЕЖАВА

СОЗНАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

У нас тогда еще не было с Валерианом Владимировичем тех близких, товарищеских отношений, которые установились позднее. Я очень мало его знал. И вот на одном из первых заседаний ЦКК — РКИ я страшно волновался, бурно протестовал, никак не мог примириться с тем обвинением, которое мне было предъявлено, что я, будучи заместителем народного комиссара внешней торговли, по письменному предложению своего наркома принял на работу крупного по тому времени специалиста по нефтяным делам, не проверив как следует его личности. Все-таки было решено, что я неосмотрительно поступил, приняв на службу этого инженера, который, как это установлено было позднее судом, учинил подделку в выданной мною доверенности.

Через несколько дней меня пригласил к себе Валериан Владимирович и повел со мной беседу об этом деле. И на заседании Президиума, и во время этой беседы я обратил внимание на то, что Валериан Владимирович удивительно подробно, во всех мелочах был знаком с делом. Кроме того, его беседа со мною обратила на себя внимание еще удивительно теплым, внимательным, товарищеским подходом.

Впоследствии, ближе присматриваясь к жизни и работе Валериана Владимировича, я часто вспоминал эти свои первые впечатления.

Никогда он не принимал решения, никогда он не давал по делу оценки без самого тщательного и внимательного обследования вопроса. Часто приходилось его видеть обложенным со всех сторон штабелями дел, но он никогда не комкал даже самого маленького дела для того, чтобы ускорить проработку вороха бумаг.

Известия, 1936, 25 января.

И. П. БАРДИН

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ВЕЧЕР

Мое назначение в Кузнецк состоялось через несколько месяцев после шахтинского процесса [1].

Память прекрасно сохранила незабываемый вечер, когда перед отъездом в Кузнецк меня пригласил к себе Куйбышев. Мы были одни у него в кабинете. Валериан Владимирович подробно расспрашивал о Кузнецкой площадке, видал ли я ее, что она собой представляет, как, по-моему, должны быть развернуты подготовительные работы.

— А проект «Фрейна», как вы его находите?

Я ответил, что идея его, во всяком случае, правильна.

Куйбышев заинтересовался:

— Нельзя ли увеличить размер доменных печей?

Валериан Владимирович встал и продолжал говорить со мной, прохаживаясь вдоль огромного письменного стола. Часто он взглядывал на меня большими, по-детски чистыми, проникновенными глазами. И вдруг он обратился ко мне необыкновенно тепло, дружески:

— В Сибири теперь зима, Иван Павлович, холод, мороз трескучий. А хорошо! Я люблю сибирскую зиму! А вы не боитесь холода? Ведь вы, кажется, южанин. Но в общем сибирские морозы не так страшны, как их представляют себе непосвященные. Там очень интересные места, я их хорошо знаю...

Куйбышев немного помолчал.

— Сибирь, Сибирь! — продолжал он.— Тупые русские цари превратили ее в каторгу, и поэтому Сибирь пугает, она кажется страшной. Недавно я прочитал об этом у Герцена. Вы помните? Я сейчас найду вам это место.

Куйбышев достал «Былое и думы» и начал читать.

— Вот послушайте: «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меха и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не заселен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить тот

[1] Шахтинское дело — судебный процесс 18 мая — 6 июля 1928 г. в Москве над участниками вредительской организации. Действовала в Шахтинском и других районах Донбасса с 1923 г. по заданиям белоэмигрантского «Парижского центра». Участники — инженеры и техники, связанные с бывшими владельцами шахт.

жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед».

И дальше:

«Увидим, что будет, когда Америка встретится с Сибирью».

— Неправда ли, как замечательно, Иван Павлович? Америка встретится с Сибирью. Об этом мечтал Герцен еще сто лет назад. И вот эту встречу устраиваем мы, большевики, наша великая партия. Конечно, строить в Сибири... будет нелегко. Многое будет зависеть от людей. Есть ли у вас такие люди, на которых можно будет положиться и быть уверенным, что они серьезно возьмутся за дело? Вы имейте в виду,— заключил нашу беседу Валериан Владимирович,— что это глубокая разведка партии и рабочего класса в завтрашний день нашей страны. Это будет замечательное завтра. И это очень почетная задача для инженера. Вам не один из них позавидует.

Куйбышев протянул мне руку.

— Счастливых вам успехов!

Бардин И. П. Жизнь инженера.
М., 1938, с. 127—128.

А. П. СЕРЕБРОВСКИЙ

БЕЗЗАВЕТНО ПРЕДАННЫЙ ПАРТИИ

Валериан Владимирович Куйбышев был одним из вернейших и преданнейших сынов партии, одним из крупнейших строителей социалистической промышленности.

Тяжелая индустрия в руках нашего железного наркома товарища Серго [1] развернула грандиозные работы, достигла колоссальных успехов. Это сделано благодаря прекрасным кадрам, которые он воспитал, и благодаря той подготовительной работе, которую провел Валериан Владимирович Куйбышев.

Куйбышев был назначен в 1926 году председателем Высшего совета народного хозяйства, и первый раз мне при-

[1] *Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго)* (1886—1937) — советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1903 г. Участник революций 1905—1907 и 1917 гг. В гражданскую войну один из политических руководителей Красной Армии. Председатель Кавказского бюро ЦК, 1-й секретарь Закавказского крайкома партии. Член РВС СССР, председатель ЦКК, нарком РКИ, заместитель председателя СНК и СТО, председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности. Член ЦК, Политбюро, ВЦИК и ЦИК СССР.

шлось с ним встретиться, когда я вместе с товарищем Бариновым делал ему доклад по нефтяной промышленности.

Вскоре после этого мне довелось работать у товарища Куйбышева в качестве заместителя.

Валериан Владимирович Куйбышев был чрезвычайно добрым, отзывчивым человеком, чрезвычайно мягким и чутким. Его чуткость страшно всех подкупала.

Вместе с тем он обладал огромной и поразительной трудоспособностью. Все дела, которые приходилось ему докладывать, он разбирал в мельчайших деталях, просиживал обыкновенно дни и ночи над работой и действительно в течение тех лет, когда он был председателем ВСНХ, изучил промышленность и проделал огромнейшую работу, подготовившую промышленность к теперешнему ее развороту.

Товарищ Орджоникидзе неоднократно говорил нам, что теперешними успехами мы обязаны Валериану Владимировичу, с которым товарищ Серго был связан исключительно теплыми, дружескими отношениями.

Когда товарищ Куйбышев перешел на работу в Совнарком Союза, он всегда оставался связанным с тяжелой промышленностью.

Свое внимательное отношение к заводам, предприятиям, людям, работающим на них, Валериан Владимирович сохранил и в Совнаркоме.

Сколько раз по вопросам нефтяной и золотой промышленности товарищ Серго поручал идти к Валериану Владимировичу, просил передать его просьбу помочь нам в том или другом затруднении, в том или другом вопросе, который требовал помощи Совнаркома.

И всегда находилось время у занятого через голову Валериана Владимировича принять, выслушать и тут же самому быстро провести дело.

Несмотря на всю свою занятость, на массу работы, товарищ Куйбышев всегда находил время для своей милой улыбки, для дружеской беседы, для поддержки теплым словом и участием. Всегда чрезмерно загруженный делами, он оставался добрым и милым Валерианом, замечательным товарищем и другом, способным просидеть лишние часы, чтобы закончить дело, провести все до конца, чтобы ускорить темпы социалистического строительства, ускорить темпы построения социализма, ликвидировать все трудности, какие только были на этом пути. В этом его огромная заслуга и отличительная черта его характера как большевика и строителя социализма.

Он глубоко верил в торжество дела партии и рабочего класса, бесконечно был предан партии и ее Центральному Комитету.

Вот за это его особенно любил товарищ Серго и все другие друзья — за его светлый государственный ум, за его доброе сердце и за беззаветную преданность партии.

За индустриализацию, 1935, 26 января.

А. Ф. ИОФФЕ

ОН СОЧЕТАЛ СМЕЛОСТЬ МЫСЛИ С ЧУВСТВОМ РЕАЛЬНОСТИ

В первом периоде индустриализации Союза товарищ Куйбышев руководил нашей промышленностью и созданием научно-исследовательской сети. Он стоял во главе громадной работы по планированию второй пятилетки. Еще раньше страна знала его как руководителя ЦКК и Рабоче-Крестьянской инспекции.

Вспоминаются мои беседы с товарищем Куйбышевым — тогда председателем ВСНХ — о научных институтах. Он потребовал у меня развернутой программы-максимум для Физико-технического института.

Для государства выгоднее, говорил он, вложить возможно большие средства в продуктивные лаборатории. Из двух представленных мною смет — минимальной и максимальной — он принял вторую и в тот же вечер провел ее в Президиуме ВСНХ.

Так же принципиально и широко товарищ Куйбышев поставил передо мной задачу создания Всесоюзного музея промышленности и техники, в котором он видел один из методов овладения широчайшими массами пролетариата наукой и техникой.

Широко развернулась творческая мысль товарища Куйбышева при разработке плана второй пятилетки, плана построения социалистического общества. Предвидение и учет новых технических возможностей, новых источников энергии и изобретательства требовали органического сочетания большой смелости мысли и чувства реальности.

С величайшим вниманием и пониманием товарищ Куйбышев искал перспективы будущего и всемерно содействовал его приближению. Использование северного холода и южного солнца — все это были вопросы, которые товарищ Куйбышев включал в свои выступления.

Имя Валериана Владимировича Куйбышева, светлая память о его участии в построении нового, лучшего мира сохранятся среди советских ученых, среди пролетариата Советской страны и в будущем мировом социалистическом обществе, в борьбе за создание которого он отдал всю свою жизнь.

За индустриализацию, 1935, 26 января.

С. С. ЛОБОВ

НЕ ЖАЛЕЯ СВОИХ СИЛ

Валериан Владимирович — это прекрасный большевик, виднейший руководитель нашей партии и организатор социалистической промышленности.

Почти четыре года работал я в ВСНХ СССР вместе с товарищем Куйбышевым, под его непосредственным руководством, повседневно видел его на работе. Валериан Владимирович горел на работе, не жалел себя, нагружал себя до отказа. Раньше чем вынести то или иное решение, добирался до корней, до полной ясности вопроса.

В работе Валериана Владимировича было много сходных черт с покойным Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Оба они горели в работе, нагружая себя сверх меры, не жалея своих сил.

Товарищу Куйбышеву пришлось продолжать борьбу Ф. Э. Дзержинского с Троцким и троцкизмом в промышленности. Всем памятна теория Троцкого — Пальчинского о «концентрации промышленности», требование закрыть Путиловский и другие крупные заводы; все помнят эти и им подобные контрреволюционные предложения.

Ведя борьбу против уклонистов различных мастей, повседневно осуществляя линию партии на индустриализацию страны, Валериан Владимирович беспощадно боролся с маловерами, со всеми теми, кто отрицал возможность построения социализма в нашей стране.

Под непосредственным руководством товарища Куйбышева был разработан первый пятилетний план развития промышленности СССР. По поручению ЦК и правительства он руководил началом строительства Днепростроя, лично выезжал на осмотр площадки. Им же была сформирована администрация строительства и организована техническая американская помощь. Под его руководством начато строительство Сталинградского тракторного завода и крупнейших предприятий нашего Союза.

Очень много внимания уделял Валериан Владимирович развитию местной промышленности, мобилизации местных ресурсов, оказывая всяческую помощь местным работникам.

Роль Валериана Владимировича в развитии промышленности нашей страны исключительно велика. Для него были ясны перспективы нашего роста. Он твердо верил в них, и этой верой заражал всех тех, кто его знал, кто вместе с ним работал.

С исключительным вниманием и преданностью он передавал нам директивы ЦК, подробно разъясняя, как их практически выполнять.

Для нас, близко знавших Валериана Владимировича, он был образцом преданнейшего большевика, борца за дело рабочего класса, за дело Ленина.

Лесная промышленность, 1935, 27 января.

И. В. КОСИОР

КРУПНЕЙШИЙ ОРГАНИЗАТОР ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Товарищ Куйбышев, будучи на протяжении целого ряда лет председателем ВСНХ Союза, руководил непосредственно тяжелой промышленностью. В том огромном росте, которого достигла наша промышленность, громаднейшие заслуги принадлежат Валериану Владимировичу. Он не только являлся крупнейшим организатором, политическим деятелем, стойким большевиком, но был нашим другом и учителем. Он был крепко связан с лучшими директорами фабрик и заводов, работал с ними, на деле учил их и так создавал квалифицированные кадры промышленности.

Ряд товарищей, занимающих сейчас посты директоров трестов и крупнейших предприятий, хорошо работающих, растущих на работе, были выдвинуты и воспитаны Валерианом Владимировичем. Его обаятельность, большевистская честность и выдержка создали ему в партии, среди работников промышленности крупнейший авторитет не только как политического деятеля, но и как человека.

Валериан Владимирович умел окружить людей большим вниманием, умел взыскивать и спрашивать. Благодаря его обаятельности все верили в справедливость его решения. Ругал ли он людей, журил ли за ошибки, слабую дисциплину, уходя от него, каждый верил, что решение Валериана

Владимировича справедливо и правильно, и принимал все меры, чтобы на деле исправить свои ошибки, наверстать упущенное...

За индустриализацию, 1935, 26 января.

К. К. СТРИЕВСКИЙ

БОРЕЦ НЕИССЯКАЕМОЙ ЧУДЕСНОЙ ЭНЕРГИИ

Будучи председателем Московского совета народного хозяйства, а затем председателем ВСНХ РСФСР, я в период с 1927 по 1930 год очень часто виделся с товарищем Куйбышевым, и каждая встреча оставляла неизгладимый след. Валериан Владимирович умел проникновенно, с изумительной теплотой говорить о каждой малейшей детали организации социалистической промышленности. Отличительной чертой этого прекрасного государственного деятеля была изумительная энциклопедическая осведомленность об экономике страны. Он, что называется, вдоль и поперек знал не только экономику каждой области, но и самого отдаленного района, имел четкое представление не только о положении какой-нибудь отрасли промышленности в целом, но и каждого завода в отдельности.

После беседы с товарищем Куйбышевым, обычно теплой, товарищеской беседы, озаренной его незабываемой улыбкой, уходишь с чувством, что никакие трудности не страшны и все твои вчерашние опасения рассеялись как дым. Мастерски умел слушать товарищ Куйбышев, вникать в существо дела, анализировать любое положение и затем уже давать безошибочные указания.

Помню, как летом 1928 года некоторые специалисты Главметалла нажимали на Московский совнархоз с требованием воздержаться от реконструкции завода АМО. Товарищ Куйбышев лично занялся изучением этого вопроса, очень внимательно ознакомился с соображением специалистов Главметалла, пытавшихся доказать необходимость переделки проекта реконструкции завода, и в конце концов дал указание немедленно, самым форсированным образом приступить к строительству автогиганта.

Судьба московского завода «Серп и молот» также решалась при помощи товарища Куйбышева. Он безошибочно учел, что со временем в Москве будет вполне достаточно своего лома для мартеновских печей большого металлургического завода. Средства на реконструкцию «Серпа и молота»

были отпущены вопреки «советам» некоторых специалистов ВСНХ — поставить крест на московском металлургическом заводе.

Огромную поддержку оказал товарищ Куйбышев московским партийным, хозяйственным и советским организациям в создании станкоинструментальной промышленности (коренная реконструкция нынешнего завода «Красный пролетарий») и точного машиностроения (постройка в Москве двух часовых заводов). Особенно увлекала товарища Куйбышева идея строительства Бобриковского химкомбината на базе использования дешевого местного сырья. По личной инициативе товарища Куйбышева ВСНХ РСФСР занялся организацией производства таких строительных материалов, как силикатный кирпич и черепица для кровли.

Как сейчас, помню незыблемое требование Валериана Владимировича во что бы то ни стало добиваться высокого качества строительства, удешевления его стоимости и особенно остерегаться распыления средств. Да, это был талантливый, бережливый и мудрый хозяйственник.

Труд, 1935, 27 января.

М. Ф. ФЕЛЬДМАН

ЧЕЛОВЕК ЛЕНИНСКОЙ ЭПОХИ

Валериана Владимировича Куйбышева я впервые увидел в Москве на Красной площади издали, в день похорон Ф. Э. Дзержинского в конце июля 1926 года. Я находился в шеренге чекистов, окружавших тогда еще деревянный временный Мавзолей В. И. Ленина. Помнится, мое внимание привлекла отличавшаяся своей внешностью фигура человека, стоящего на Мавзолее с обнаженной головой. На мой вопрос: «Кто это?» — сосед ответил: «Это председатель ЦКК и нарком РКИ Куйбышев». Тогда у меня и в помыслах не могла зародиться мысль, что судьба нас сблизит и мне посчастливится работать рядом с ним.

В сентябре 1928 года, через два года после похорон Ф. Э. Дзержинского, меня, старшего оперативного уполномоченного экономического отдела ОГПУ — ВЧК, вызвали к руководству. Мне было объявлено, что я рекомендуюсь для работы в секретариат члена Политбюро, председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева, заменившего на этом посту рыцаря революции — Ф. Э. Дзержинского. Мои доводы и убеждения, что я не подготовлен к такой работе, оказались мало убеди-

тельными. Сопровождаемый добрыми пожеланиями друзей, я отправился к Куйбышеву.

Трудно передать словами ощущения, охватившие меня после прошедшей беседы с руководством ОГПУ — ВЧК и в связи с предстоящей встречей с Валерианом Владимировичем. Мысли обступили меня, теснились в голове, перескакивали, обрывались и снова возникали. Сосредоточиться, представить себе нашу первую встречу! Как она пройдет? Думаю, встретит меня суровый, испытывающий взгляд Куйбышева. Сухой официальный разговор. Томительные минуты. Ведь тогда Куйбышева я не знал, только видел издали.

Вот и здание «Делового двора», у входа которого сейчас висит мемориальная доска, напоминающая о гигантской работе по созданию социалистической промышленности нашей страны, с высеченными на мраморе словами: «В этом здании с 1926 по 1930 год работал на посту председателя ВСНХ СССР выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства Валериан Владимирович Куйбышев».

Я поднимался по лестнице на второй этаж здания «Делового двора», в котором размещался ВСНХ, и все кругом мне казалось необычным, волнующим и торжественным. Широкий длинный коридор с расположенными по обеим сторонам кабинетами руководства — председателя ВСНХ и его заместителей, членов Президиума — еще больше возбуждали волнение. Меня не оставляла мысль — буду ли я способен выполнить предстоящую миссию? Оправдаю ли оказанное мне высокое доверие?

Мне было 29 лет. В этом возрасте В. В. Куйбышев, посвятивший себя с юношеских лет политической, революционной деятельности, подвергался царским репрессиям: прошел через восемь арестов, три суда и четыре ссылки. Участник трех революций, он стал закаленным бойцом ленинской гвардии. В свои 29 лет В. В. Куйбышев под руководством большевистской партии, возглавляемой В. И. Лениным, провозгласил Советскую власть в Самарской губернии.

Преодолевая волнение, я открыл дверь в кабинет Куйбышева. Как сейчас, помню его огромный кабинет, почти зал, довольно просто и скупо обставленный. В глубине кабинета за письменным столом сидел Куйбышев. Валериан Владимирович интуитивно почувствовал мою чрезвычайную взволнованность, смущение и некоторую скованность. Он поднялся с кресла и сделал навстречу несколько шагов, протянув руку. Весело поздоровался, пытливо и выжидательно вглядываясь в меня. Я до сих пор ощущаю его светлые проницательные глаза с вдумчивым, спокойным, доброжелательным

взглядом, внимательно и деликатно рассматривавшие меня с головы до ног. Он как бы пытался проникнуть в душу и разгадать внутреннее состояние.

Тогда ему едва исполнилось 40 лет и он был в полном расцвете своих физических и духовных сил. Крепкое телосложение, рослый, широкоплечий, немного сутулый, как бы несущий за плечами бремя долгого подполья и изнурительного труда. Седина до самых последних дней его жизни так и не коснулась темно-каштановой пышной шевелюры. Бодрый, жизнерадостный, подтянутый.

Особенно примечательно в его облике, сразу привлекающее внимание,— это большая скульптурная голова с высоким выступающим умным лбом. Его спокойное, волевое, безупречно чистое лицо, нос небольшой. На лице выделяются две складки от носа к концам губ, резко очерченный рот. Подбородок небольшой с ямочкой посредине. Выразительные, теплые серо-голубые глаза с вдумчивым взглядом отражали его внутреннее содержание и излучали врожденную доброту и благожелательность. Голос мягкий, слегка приглушенный, живой и энергичный, с чистой дикцией.

Одет был Куйбышев просто — штатский светло-серый костюм с голубой прожилкой. На отвороте пиджака поблескивал эмалевый значок члена ЦИК СССР. Под пиджаком виднелась косоворотка.

Несмотря на нашу разницу в возрасте и положении, я не чувствовал в обращении ко мне Валериана Владимировича и тени превосходства в своих знаниях и жизненном опыте. Он принял меня радушно, был приветлив. В его взгляде, улыбке и манере обращения было столько мягкости и доброты, что это мгновенно располагало к себе.

Я подал Валериану Владимировичу вынутый из-за обшлага кавалерийской шинели запечатанный пакет, который он вскрыл и, быстро просмотрев, сказал: «Мне уже доложили. Расскажите кратко о себе».

Рассказывал я плохо, с волнением. Валериан Владимирович слушал внимательно, как товарищ товарища. Он предложил мне сесть, но я оставался стоять перед ним и продолжал свой рассказ, который незаметно превратился в беседу.

Когда я рассказывал о работе в Политуправлении Западного фронта, которым командовал Михаил Николаевич Тухачевский, а членом Реввоенсовета был Уншлихт Иосиф Станиславович, Валериан Владимирович оживился, стал рассказывать о совместной работе с Тухачевским на Восточном фронте, где тот командовал 1-й армией, а Куйбышев был членом Реввоенсовета, говорил, в каких тяжелых услови-

ях в 1918 году они организовывали эту армию из разрозненных частей и отрядов. Я в свою очередь рассказал, как вместе с Тухачевским работал в военной секции, когда оба были членами горисполкома Смоленска.

В разговоре выяснилось, что у нас много и других общих знакомых военачальников и политработников, которые после разгрома белогвардейских полчищ на Восточном и Туркестанском фронтах, где с ними работал Куйбышев, были направлены на Западный фронт, где с ними довелось встретиться и работать мне.

После разговора Куйбышев с какой-то особой задушевной мягкостью и простотой сказал: «Ну вот и познакомились, теперь вместе будем работать».

Подробных больших деловых разговоров в этот день не состоялось. Валериан Владимирович только ознакомил меня с положением своего секретариата. К моему приходу на работу секретариат испытывал острую нехватку кадров. Заведующий секретариатом В. Беляев поступил на учебу в Промакадемию, секретарь М. Тендетницкая поступила на учебу в текстильный институт, ученый секретарь К. Я. Розенталь получил назначение на должность заместителя начальника Экономического управления и члена Президиума ВСНХ СССР и ждал преемника, чтобы сдать все дела секретариата. Вот при каких обстоятельствах Валериан Владимирович обратился за помощью в ОГПУ — ВЧК.

Куйбышев предупредил, что первое время в секретариате будет трудно работать. Нужно подбирать новых людей. Я был в недоумении и задумался: как мог Куйбышев в такой напряженный период работы над первой пятилеткой отпустить всех своих опытных работников? Как получилось, что он остался без секретарей? Не знаю, по выражению ли моего лица или благодаря своей изумительной интуиции, в чем я в дальнейшем убедился на ряде случаев, но на мои мысли Куйбышев тут же сказал: «Надо молодежи предоставлять возможность учиться, а заслуженных смелее выдвигать».

По завершении первой короткой встречи мы обменялись домашними телефонами. На прощание Куйбышев сказал о своем намерении выехать на несколько дней в Ленинград, где ему предстояло сделать доклад о хозяйственном положении страны, и что все необходимые вопросы мне нужно будет решать с его первым заместителем Моисеем Львовичем Рухимовичем, которому он меня тут же представил. Кабинеты Куйбышева и Рухимовича располагались рядом и сообщались через секретариат и внутренний небольшой проход.

Вот с этого короткого разговора 12 сентября 1928 года я

и стал на многие годы помощником Валериана Владимировича, выполняя последовательно должности ученого секретаря, заведующего секретариатом ВСНХ СССР, заведующего секретариатом и одновременно управляющего делами Госплана СССР, заведующего секретариатом первого заместителя председателя Совнаркома и СТО СССР. Я неразлучно был связан с ним не только по работе, но и в обыденной жизни. Несмотря на разницу в возрасте, а главное — в служебном положении, мы близко сошлись с Валерианом Владимировичем семьями, родными, близкими.

Я попал на работу к Куйбышеву в самую прекрасную, самую счастливую пору перехода социалистического государства от восстановительного периода к широкому развертыванию социалистического строительства, в годы создания и воплощения в жизнь первой и второй пятилеток. Начало непосредственной работы с Куйбышевым совпало с трудным периодом напряженного труда над завершением составления пятилетнего плана, и мне пришлось быть непосредственным участником и помощником Куйбышева по организации и созыву бесчисленных совещаний, заседаний комиссий по координации данных пятилетнего плана со всеми ведомствами, министерствами, главками и республиками. Налаживать связь с научно-исследовательскими институтами и учеными, принимавшими участие в разработке пятилетнего плана. Среди них были А. Н. Бах, Н. И. Вавилов, В. И. Вернадский, А. В. Винтер, Г. О. Графтио и другие.

Куйбышеву приходилось отбивать атаки противников пятилетнего плана, убеждать маловеров, защищать ленинские основы партии, доминирующую роль пролетариата и социалистической промышленности в преобразовании страны. Каждая цифра пятилетки требовала всестороннего обдумывания, глубокого обоснования и аргументированной защиты.

Сейчас, когда перелистываешь и перечитываешь страницы докладов, речей, выступлений из оставленного огромного наследия В. В. Куйбышева, в памяти восстанавливаются обстановка исключительно напряженного труда, обстоятельства, при которых он готовился к этим докладам, оснащая их убедительными аргументами, доказательными примерами, фактами, цифрами, сравнениями. Каждый доклад, каждое выступление его отличались четкостью, ясностью и глубиной изложения материала. Обладая хорошей памятью, он легко находил нужное положение в трудах В. И. Ленина, приводил нужные цифры.

В. В. Куйбышев работал без устали, отдаваясь целиком задаче воплощения пятилетнего плана в жизнь. Он умел ор-

ганизовать работу, умел расставить людей, умел работать сам. Его записная книжка изо дня в день с раннего утра и до позднего вечера заполнялась длинным перечнем вопросов, которые должны быть решены сегодня, откладывать на завтра он не любил, это было не в его правилах.

Многогранная руководящая партийная и государственная работа, в том числе и по планированию и руководству народным хозяйством, требовали всесторонних, глубоких общих и специальных знаний. И В. В. Куйбышев обладал этими знаниями, постоянно пополняя их из громадного количества изученных и просмотренных книг.

Книга вообще занимала большое место в жизни Валериана Владимировича. С раннего возраста он проявлял необычайную любознательность, неугомонную пытливость и страстно обожал книгу, едва только научился читать. Книга являлась для него источником широких, многообразных познаний жизни, становления мировоззрения и стала верным спутником, сопровождавшим его повсюду — дома и в школе, на воле и в тюрьме, в ссылках, в командировках и в отпусках.

В раннем детстве он пользовался библиотекой отца и жадно, с увлечением зачитывался Майн Ридом, Фенимором Купером, Жюль Верном. С неменьшим интересом читал он Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Из военных книг, имевшихся в домашней библиотеке, больше всего он любил читать о Суворове и стремился подражать великому полководцу. Портрет Суворова в детстве висел над его кроватью.

Позднее Куйбышева привлекли сочинения Писарева, Писемского, Чернышевского, Добролюбова, чтение которых пробудило в его юном сознании размышления об окружающем мире. Приобщение к среде революционной молодежи открыло ему возможность пользоваться подпольной библиотекой и знакомства с революционной литературой. Большое влияние на становление Куйбышева как профессионального революционера оказали «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал» Маркса, чтение газеты «Искра» и трудов В. И. Ленина, в первую очередь работы «Что делать?».

В годы подпольной революционной работы, в условиях арестов, тюремных заключений интерес Куйбышева к книгам не ослабевал. Он много читал художественной литературы, получаемой из тюремных библиотек, и политической, нелегально передававшейся ему друзьями. Жажда к книгам и знаниям постоянно росла. Он глубоко изучал и хорошо знал русскую литературу.

Постоянная смена жительства по условиям работы не давала ему возможности иметь свою хотя бы маленькую биб-

лиотеку. Только с переездом в Москву стала реальной возможность создания личной библиотеки. Валериан Владимирович не был собирателем книг, но неуемная жадность к книге являлась неотъемлемой частью его самого. При чтении Куйбышев никаких пометок или подчеркиваний не делал, но благодаря превосходной памяти всегда мог найти в любой прочитанной книге место, которое его интересовало.

В работе у Куйбышева книга должна была быть всегда под рукой. Его библиотека членилась на две: одна в шкафу красного дерева в кабинете, а другая в шкафах, размещенных в узкой комнате, прилегающей к столовой, где хранилась художественная литература.

В кабинете книги размещались по различным вопросам и проблемам: политическая, философская, социально-экономическая литература, а также книги и брошюры, выходившие в то время по народному хозяйству и истории нашей страны. Имелась подборка изданных брошюр с докладами и речами самого Куйбышева. Большое место в библиотеке занимала справочная литература. Имелись энциклопедические словари дореволюционного издания Брокгауз — Эфрон, Гранат, Павловский. Толковый словарь Даля. Были советские издания — Большая Советская Энциклопедия под редакцией О. Ю. Шмидта, Техническая энциклопедия под редакцией К. Мартенса, в издании которых В. В. Куйбышев участвовал как член редакционной коллегии, Малая Советская Энциклопедия под редакцией Н. Л. Мещерякова. Имелись также словари иностранных слов и много других самых разнообразных справочников. Позади письменного стола в кабинете стояла вращающаяся книжная этажерка. Туда по мере необходимости из шкафа переходили книги, к которым ему необходимо было обращаться, а также книги для прочтения или просмотра.

На книжных полках в узкой комнате хранились сочинения русских и иностранных классиков, литература современных писателей, книги по истории и философии, искусству. Особое место в библиотеке Валериана Владимировича занимала поэзия, которую он не только любил, но и самым непосредственным образом увлекался ею, о чем свидетельствуют написанные им стихи.

Постоянная загруженность Куйбышева политической, государственной и общественной деятельностью не позволяла ему располагать личным временем и предаваться чтению, сколько бы ему хотелось. Однако, хоть и урывками, большей частью по выходным дням, ночами, в отпусках, ему удавалось прочитывать и просматривать все новинки. Тонко восприни-

мая прочитанное, Валериан Владимирович любил в кругу друзей обмениваться своими впечатлениями. Иногда завязывались жаркие споры и дискуссии о становлении современной литературы. Куйбышев часто записывал название заинтересовавшей его книги и просил меня достать ее, чтобы обязательно прочесть.

В гостях у Валериана Владимировича часто бывали писатели и поэты, среди которых М. М. Пришвин, А. С. Новиков-Прибой, М. Шагинян, А. К. Гастев, А. А. Жаров. Нередко бывал у него и художник В. С. Сварог. Любил Валериан Владимирович в свободные от работы вечера бывать у редактора газеты «Экономическая жизнь» М. А. Савельева, с которым был тесно связан дружбой еще с гражданской войны. Любил он также бывать и у редактора газеты «Известия» И. М. Гронского, у которого часто проходили интересные встречи с писателями, работниками печати, артистами, художниками. Эти литературные вечера пользовались большой популярностью у работников искусства. В свое время такие вечера проводились у редактора журнала «Новый мир» В. Полонского, а позже эту традицию и продолжил Иван Михайлович Гронский. На одном из таких вечеров довелось вместе с Валерианом Владимировичем присутствовать и мне. Для Валериана Владимировича люди и книги были источником его знаний, его энергии и активной деятельности на протяжении всей жизни. Это очень хорошо сочеталось в нем с теми замечательными качествами, которыми наделила его природа: пламенным сердцем, смелым характером, любознательностью и жаждой познания. Он был для всех образцом оптимизма и жизнелюбия. Перед моими глазами прошли последние годы его кипучей, искрящейся жизни и деятельности. Это был человек ленинской эпохи, жертвовавший собой не скупясь на благо народа, на дело социалистического строительства.

Публикуется впервые.

М. В. ВОДОПЬЯНОВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Вспоминается челюскинская эпопея, когда благодаря исключительному руководству Валериана Владимировича нам удалось спасти застрявших на льдине челюскинцев. Как сейчас помню, это было 26 февраля в 2 часа ночи — раздается звонок. Товарищ Куйбышев просит меня прийти в Совнарком.

Кремль. В комендатуре уже лежит пропуск. Товарищ Куйбышев очень любезно меня принял. Он подробно расспрашивал меня, знаю ли я путь, не страшно ли мне первым лететь в неисследованных районах. Товарищ Куйбышев разрешил мне лететь в Арктику, но с одним условием, чтобы до Хабаровска я ехал поездом.

— Надо,— сказал Валериан Владимирович,— беречь свои силы для полета в Арктику.

Сейчас я вижу, насколько был прав товарищ Куйбышев. Если бы я выполнил свое намерение и летел в лагерь Шмидта из Москвы, то я бы наверняка «выдохся».

И это вовсе не единичный случай исключительной чуткости и внимания со стороны Валериана Владимировича. 3 раза я был у него, и каждый раз, когда я выходил от товарища Куйбышева, у меня было такое радостное и бодрое настроение, что я готов был лететь куда угодно и когда угодно.

Когда мы работали в Арктике по спасению челюскинцев, товарищ Куйбышев не оставлял нас, непрерывно руководил, давал четкие телеграфные указания. Обласканные приветственными телеграммами, товарищескими советами и указаниями Валериана Владимировича, мы уверенно садились за руль и летели в лагерь Шмидта.

...25 января мы должны были в 3 часа быть у товарища Куйбышева. В 2 с половиной часа дня летчики — Герои Советского Союза собрались в «Правде», чтобы поехать к Валериану Владимировичу на прием. Вдруг нам звонят из Кремля и сообщают, что товарищ Куйбышев заболел. Мы разъехались уверенные, что завтра-послезавтра Валериан Владимирович выздоровеет и мы снова увидим знакомое и любимое лицо. Но, увы... Через несколько часов мы узнали о смерти товарища Куйбышева.

Рабочая Москва, 1935, 27 января.

К. В. УХАНОВ

БЕССТРАШНЫЙ БОЛЬШЕВИК, МУЖЕСТВЕННЫЙ БОРЕЦ

Валериан Владимирович Куйбышев — один из руководителей нашей партии и правительства, крупнейший организатор, строитель нашей социалистической промышленности, обаятельнейший человек и товарищ. Он ушел, надломившись под тяжестью огромной партийной и государственной работы, преданнейший сын нашей великой партии, один из ее талант-

ливых строителей, непоколебимый и стойкий проводник ее генеральной линии на самых ответственных участках социалистического строительства.

Имя Валериана Владимировича неразрывно связано со всей историей пролетарской диктатуры, с ее героической борьбой на фронтах гражданской войны, с ее величайшими победами и достижениями, с ее напряженной и самоотверженной работой над преобразованием страны, крайне отсталой промышленности и убогого сельского хозяйства в страну первоклассной, могучей индустрии и самого крупного и передового социалистического земледелия.

В течение ряда лет мне пришлось работать вместе с товарищем Куйбышевым и под его руководством. Я имел возможность близко наблюдать этого замечательного человека в различные годы и на различных постах — в ВСНХ, ЦКК — РКИ, снова в ВСНХ, в Госплане и Совнаркоме Союза. И всегда прежде всего бросалась в глаза основная черта его — глубочайшая преданность генеральной линии партии, большевистская непримиримость, высокая принципиальность, недюжинные способности государственного деятеля огромного масштаба, конкретное, до деталей, подлинно оперативное руководство любым делом.

Товарищ Куйбышев воспитал и вырастил сотни крупнейших работников и организаторов, с честью выполняющих сейчас ответственную государственную и партийную работу.

Огромную энергию, высокую одаренность и редкий организаторский талант проявил товарищ Куйбышев как руководитель нашей социалистической промышленности, как боевой командарм ее реконструкции. Прочная основа нашей современной индустриальной мощи заложена при его ближайшем участии в руководстве. Работники промышленности хорошо помнят, сколько сил было вложено им в дело организации новых производств тяжелой и легкой индустрии, с какой заботливостью и любовью следил он за стройкой новых заводов, какой широкий отклик находили у него всякий почин и инициатива, как подбирал и берег он кадры хозяйственных и инженерно-технических работников, помогал их росту, вдохновлял их на самоотверженную борьбу и на завоевание новых успехов.

Впервые ближайшим образом мне пришлось работать с товарищем Куйбышевым в годы восстановительного периода, когда партия поручила ему руководство электропромышленностью — этим ведущим участком индустриализации. С приходом товарища Куйбышева электрификация и сильноточная и слаботочная электропромышленность вышли на дорогу

стремительного подъема. Большую и неоценимую помощь, в частности, оказал товарищ Куйбышев в реконструкции ленинградских и харьковских электротехнических заводов и в строительстве электрозавода.

Позже, во время моей работы в Моссовете, я имел возможность лишний раз убедиться в том, что в лице товарища Куйбышева ЦК нашей партии имеет опытнейшего и инициативного проводника гениального плана индустриализации страны в неслыханно короткий срок.

Помню, какое широкое внимание и помощь оказывал товарищ Куйбышев реконструкции завода «Серп и молот» и строительству завода имени Сталина. При ближайшем руководстве товарища Куйбышева была разработана проблема Бобриковского химкомбината и намечены пути реконструкции Подмосковного угольного бассейна.

Товарищ Куйбышев войдет в историю нашей партии как строитель и пламенный борец за социалистическую индустриализацию.

На новом боевом посту в качестве руководителя плановой работы, ближайшего помощника и первого заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Валериан Владимирович в течение почти пяти лет выполняет ответственную государственную работу.

Не случайно... партия поставила именно его на руководство Госпланом. Не случайно, что именно товарищ Куйбышев возглавил в 1932 году вновь созданный при правительстве Комитет заготовок сельскохозяйственных продуктов и в короткий срок сумел создать на этом исключительно важном политическом участке хорошо работающий аппарат. Не случайно, наконец, что на долю товарища Куйбышева выпала перестройка органов советского контроля, выдвинутая на XVII съезде партии...

Товарищ Куйбышев сочетал в себе все лучшие черты, свойственные бесстрашному большевику, мужественному борцу пролетарской диктатуры и строителю социалистического общества.

Простота и скромность — эти качества, отличающие настоящего большевика, сочетались в нем с железной стойкостью и непоколебимостью подлинного ленинца...

За индустриализацию, 1935, 27 января.

Ю. АХУНБАБАЕВ

НАШ ДРУГ

Светлый образ крупного государственного деятеля, непреклонного большевика, чуткого, отзывчивого человека никогда не изгладится из памяти тех, кому посчастливилось встречаться с Валерианом Владимировичем Куйбышевым. Именно таким пламенным борцом за дело коммунистической партии, беспощадным к врагам, всегда справедливым в своих решениях помнят Куйбышева трудящиеся Узбекистана. «Наш друг» — говорят о нем в Ташкенте, в Фергане, Намангане, Андижане, Коканде — везде, где побывал этот неутомимый человек. Тысячи людей, видевших его, говоривших с ним, слышавших его выступления, множат в народе славу о нем как о верном соратнике Ленина. Шаиры[1] слагают о Куйбышеве звонкие песни, наделяя своего героя богатырскими качествами.

Друзья, говорят, познаются в беде. Узбекский народ впервые узнал своего друга в очень тяжелое время. Шел 1919 год. Туркменская республика была объята пламенем гражданской войны. Сужалось кольцо фронтов. В Фергане и в Хиве хозяйничали басмаческие банды. Организация Красной Армии в Туркестане к приезду Валериана Владимировича еще не была закончена. Поэтому с первых дней он, как член Реввоенсовета Туркестанского фронта и заместитель председателя Турккомиссии, занялся разрешением основной в то время задачи — приведением сил революции в боеспособное состояние. До приезда в Туркестан Фрунзе Валериан Владимирович закончил в основном наведение порядка на фронтах и занялся тылом.

Весной 1920 года Куйбышев и Фрунзе сами помогали создавать в районах низовые органы Советской власти, принимали все меры, чтобы часть населения, обманутая басмачами, как можно скорее освободилась от своих заблуждений.

Работать Куйбышеву приходилось в крайне трудной обстановке. Земельный вопрос переплетался тогда в сложный узел с вопросом национальным. Кадры были засорены врагами Советской власти.

---

[1] Шаир (араб.— поэт) — в Средней Азии исполнитель народных дастанов. Дастан — героическая или романтическая поэма значительного объема в литературе и фольклоре народов Востока. Пишется стихами, прозой или прозой со стихотворными вставками; при исполнении декламация чередуется с музыкальными разделами.

Но наш друг четко и последовательно осуществлял указание вождя революции. Он и Фрунзе вовремя оценили борьбу трудового дехканства[1] против бухарского эмирата. Объединив силы революции, эти два пролетарских полководца помогли узбекскому народу вышвырнуть эмира и всю его челядь за кордон.

Узбекская пословица гласит: «Даже по кривой улице ходи прямо». Валериан Владимирович обладал ценным качеством находить прямые пути в решении самых запутанных вопросов. Никогда не действовал сгоряча. Он всегда проверял свои выводы и поступал безошибочно. Правильные решения он искал во встречах с людьми, в гуще народа.

В дни вторичного своего пребывания в Узбекистане, в 1934 году... Валериан Владимирович побывал в 30 районах республики и более чем в 100 колхозах. Он живо интересовался всеми явлениями колхозной жизни, он проверял учет работы сборщика хлопка, правильность начисления трудодней. Знакомился с работой детских яслей и школ ликбеза[2], смотрел, как ремонтируется к полевым работам сельскохозяйственный инвентарь, как содержится рабочий скот. Собирая колхозников, он указывал на возможность повышения производительности труда, показывал на фактах, как выполнение обязательств колхозов перед государством повышает материальное благосостояние колхозников. Помню, как в андижанском колхозе имени Карла Маркса Валериан Владимирович с карандашом в руках подсчитывал на полях колхозного табеля резервы рабочей силы. Вместе с колхозным активом он осмотрел все хозяйство колхоза, ходил на поле, в бригады, долго беседовал с парторгом колхоза.

Во время поездки в район его имени Куйбышев возле станции Серово, выйдя из машины на дорогу, стал собирать хлопок, потерянный возчиками. Потери были в то время огромные, но борьбы с ними совсем не велось. Районные работники, сопровождавшие Валериана Владимировича, почувствовали себя очень неловко.

Куйбышев был беспощаден к саботажникам... Но тут же он говорил, что «ни один волос не должен упасть с головы честного колхозника». И когда в колхозе «Пахтакор» не в меру ретивые работники несправедливо обвинили колхозного табельщика, Валериан Владимирович терпеливо разобрался во всех записях табельщика и установил его невиновность.

---

[1] Дехкане (тадж.) — крестьяне в Средней Азии.

[2] Ликбез — ликвидация безграмотности; в школах ликбеза, с целью ликвидации неграмотности, проводилось массовое обучение населения грамоте — умению читать и писать.

Десятки примеров чуткого, любовного отношения к людям возникают в памяти при одной мысли о Валериане Куйбышеве.

Правда, 1940, 25 января.

А. К. ГАСТЕВ

ЧЕЛОВЕК С ЧИСТЫМ СЕРДЦЕМ

Помню последние разговоры с Валерианом Владимировичем.

Одиннадцатый час ночи. Он у себя в кабинете на квартире. Надо говорить, надо экономно тратить минуты, но говорить все же надо, надо по службе, надо по работе. А на столе несколько килограммов папок-дел, которые он должен тщательно просмотреть, убедиться в точности работы аппарата и оформить как постановления правительства или как очередной документ правительства по регулированию жизни Союза.

И это надо сделать в эту же ночь.

Назавтра уже новые неумолимые дела: комиссии, выступления, деловые заседания с быстрыми репликами, а может быть, внезапный выезд в глубь Средней Азии.

Жизнь жестока. Она требует точности работы над государственным документом, она требует постоянно следить за собой, за своими нервами, она требует готовности к постоянной перемене обстановки.

И не всякий это может. Тут нужна закалка, нужно особое человеческое литье для большевика.

Вот Куйбышев в самарском подполье в дни царизма, в дни войны. Этот Куйбышев, которого мы знаем теперь как члена Политбюро, как первого заместителя председателя Совнаркома, этот Куйбышев работает строгальщиком на самарском заводе. Ему не надо слов о контакте с массами: он сам непосредственно в этих массах, и они его, конечно, принимают за человека своей среды.

Куйбышев — в Средней Азии, в Самаре, в эпоху гражданской войны ведет славные войска Красной Армии против белых банд.

Куйбышев — председатель ЦКК. Он и виду никому не подавал, что, выполняя эту работу в период ожесточенной борьбы с оппозицией, одолевал толстейшие книги строго специального характера.

Куйбышев — председатель ВСНХ, заместитель председателя Совнаркома, завален неимоверной работой, при встречах

в редчайшие свободные минуты поет «По пыльной дороге телега несется...» и читает никому раньше неведомые стихи собственного сочинения...

Да, да. Куйбышев — поэт.

И надо сказать, он был требователен, суров и говорил свои административные слова категорически, скупо и сурово, но, кто бы ни говорил с ним, всегда мог взять от него немалую долю искренней, ободряющей теплоты, обаяния, товарищеского тепла.

Одна мимолетная встреча, случайная, между дел, его приветливое «эй», улыбка, шутка действовали, как неожиданный подарок дружбы.

И хотелось бы от всей души, хотелось бы, чтобы в статуе этого исполина была дана страсть, страсть его беззаветной борьбы за партию, за пролетариат...

Но пусть тот же художник сумеет (он должен суметь!) передать всю простоту чистейшего сердца, детскую наивность и дружбу, которая, как бы она ни повторялась, всегда казалась первой детской дружбой.

Известия, 1935, 26 января.

Д. З. ЛЕБЕДЬ

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ

Он встает перед глазами не только по вчерашнему дню и по ежедневным соприкосновениям с ним в работе СНК Союза, но свежа в памяти и совместная работа с Валерианом Владимировичем в 1923—1927 годах. Его, товарища Куйбышева — председателя Центральной контрольной комиссии и наркома РКИ Союза, знали как работника неизменно скромного, терпеливого и с громадной работоспособностью.

Всегда доступный, чутко и внимательно относящийся к предложениям и мнениям своих товарищей по работе, Валериан Владимирович в то же время был высоко принципиальным и идейно твердым во всей работе. Не случайно враги партии — Троцкий, Зиновьев и компания — в те дни, когда они вели свои атаки на партию, ее ленинские устои и руководство, не раз лицемерно кричали о «необъективности» руководителя ЦКК товарища Куйбышева.

Валериан Владимирович был непримирим к тем, кто пытался ослабить ленинское единство в партии, кто направлял борьбу против руководства партии, против ее ЦК, и в этом сказывался настоящий ленинец.

Громадную работу Валериан Владимирович провел по переделке и улучшению советского аппарата и по экономии средств для индустриализации страны.

В большой работе громадного партийного и государственного значения Валериан Владимирович всегда чувствовал пульс жизни, всегда верно определял практическую сторону и ценность вопросов. Поощряя инициативу своих товарищей в работе и используя ее для интересов партии и страны, он всегда проявлял заботу о работниках, о людях. Громадной напряженностью энергии в работе, уважением к себе коллектива работников товарищ Куйбышев обеспечивал авторитет каждого решения и мероприятия.

Это был человек, преданный до конца дней своих делу борьбы за идеи Коммунистической партии, делу Ленина!

Известия, 1935, 26 января.

В. Я. ЧУБАРЬ

ТОВАРИЩ И ДРУГ

Валериан Владимирович был редкой души человек. Он всегда чутко относился к окружающим его, неустанно боролся за дело освобождения трудящихся и был беспощаден к врагам рабочего класса, к врагам партии Ленина. Он горел на работе, беззаветно отдавая все свои силы делу, которое ему поручалось партией.

Выполняя ответственнейшие поручения на фронтах гражданской войны, ведя руководящую работу в центре пролетарского государства — в Москве, он был тверд и непоколебим в проведении политики партии, в большевистской борьбе за социалистическое развитие страны, за единство и ленинскую чистоту рядов партии.

На посту председателя ЦКК и народного комиссара Рабоче-Крестьянской Инспекции Валериан Владимирович боролся с элементами бюрократизма, перерожденчества и другими болезнями в нашем советском аппарате и в рядах нашей партии, выполняя заветы Ленина об улучшении аппарата, об обеспечении единства партии, ведя беспощадную борьбу с оппортунистами разных видов, троцкистами, зиновьевцами, с правыми уклонистами, со всеми врагами рабочего класса.

Будучи председателем Высшего совета народного хозяйства, товарищ Куйбышев всю свою большевистскую настойчивость направлял на рационализацию производства, на упорядочение хозяйства нашей социалистической промышлен-

ности, на обеспечение большевистских темпов ее развития.

На посту председателя Госплана и заместителя председателя СНК СССР товарищ Куйбышев использовал свой богатый революционный опыт, всю свою большевистскую настойчивость и выдержку для проведения в жизнь генеральной линии партии.

Валериан Владимирович в своей напряженной работе проявлял исключительную бдительность, докапывался до малейших деталей дела, выявлял в каждом вопросе позиции всех заинтересованных учреждений, лиц и организаций, тщательно взвешивал все и принимал решения с полным знанием дела. Это требовало от него колоссальнейшей затраты энергии, времени, но это обеспечивало правильность, большевистскую принципиальность принимаемых решений, а тем самым и громаднейший эффект от проведения этих решений в жизнь.

Партия доверила Валериану Владимировичу руководство советским контролем в период, когда контроль исполнения приобрел особо важное значение в борьбе за действительно большевистское осуществление на деле решений партии и правительства во всех звеньях советского аппарата.

Опыт его борьбы за ленинизм, за дело международного рабочего класса будет использован многомиллионными массами трудящихся. Его жизнь, его беззаветная преданность делу революции будут служить живым примером для нашей молодежи.

Правда, 1935, 26 января.

Г. И. СЕРЕБРЯКОВА

В. В. КУЙБЫШЕВ

В самом начале двадцатых годов мне довелось познакомиться с одним из замечательных людей — Валерианом Владимировичем Куйбышевым. Помню, что Куйбышев готовился тогда к какому-то докладу. С удивлением рассматривала я книги, лежавшие на его письменном столе. Там были помимо томов Ленина и множества современных политических книг статистические отчеты, а также мифы древней Эллады, древнелатинские изречения, несколько сборников поэзии и между ними сочинения Саши Черного и Козьмы Пруткова.

Говоря о каком-то деятеле Антанты, Куйбышев, смеясь, добавил:

Бароны пируют, бароны воюют,
Барон фон Гринвальдус
Сей доблестный рыцарь,
Все в той же позицьи,
Все в той же позицьи на камне сидит.

Позднее мне пришлось не раз видеть Куйбышева, и всегда он чем-нибудь изумлял меня. Впрочем, я знала задолго до личного знакомства от его товарищей, в частности от редактора «Красной нови» А. К. Воронского, о том, что Валериан Владимирович человек многогранный, большой знаток живописи и литературы, обаятельный, необыкновенно простой и скромный в обращении.

Воронский часто посещал Куйбышева, чтобы посоветоваться с ним о том или ином произведении, поступившем в молодой, боевой журнал «Красная новь», и затем подробно и увлеченно рассказывал нам о широте взглядов, познаний одного из руководителей партии.

В конце двадцатых годов мне довелось жить несколько дней на одной даче с Куйбышевым на берегу Черного моря. Он очень много читал и повторял любимое изречение Ильича о том, что отдых для него — работа, а работа — отдых. Снова я убедилась в его живом интересе к искусству и литературе. Очень любил он природу и цветы. Когда мы выходили в море, он, по-юношески оживившись, вызвал нас всех на палубу, чтобы насладиться зрелищем прекрасного заката.

— Как жаль, что все это столь быстротечно,— сказал он,— когда пестрые краски неба потускнели и опустились серые сумерки.

Последний раз мы встретились на литературном вечере, устроенном редактором газеты «Известия» и «Новый мир» И. М. Гронским. Валериан Владимирович был весел и казался здоровее, чем когда бы то ни было. Он подолгу беседовал с писателями, художниками и артистами, которые собрались в этом гостеприимном доме.

Особенно внимателен был Куйбышев к совсем еще молодому и очень талантливому поэту Павлу Васильеву, недавно появившемуся в Москве и сразу же приковавшему внимание любителей самобытной и высокой поэзии.

Показав Васильеву и мне картину какого-то известного мариниста, Куйбышев предложил нам найти сравнение для столь любимого ему моря в предзакатный час. Сам он сказал, сощурив светлые и большие глаза немного навыкате, что ему гладь морская, расцвеченная солнцем, напоминает переливчатый сырец шелк, который ткут на халаты и одеяла узбеки.

Затем Куйбышев попросил Васильева прочесть стихи и слушал их затаив дыхание, с явным восхищением. Помню его спорящим жарко с художником Сварогом, показавшим нам один из набросков карандашом к портрету Ленина. Куйбышев, со знанием секрета мастерства, предлагал ему исправить позу Владимира Ильича, казавшуюся несколько искусственной.

Вскоре после этого счастливого вечера я узнала, что Куйбышев, вернувшись домой с работы, внезапно скончался. Это казалось невероятным, невозможным. Но время было огневое, и коммунисты не щадили своих сил. Они в цветущем возрасте сгорали на посту в борьбе за идею, полные неистребимой любви к жизни.

Серебрякова Г. И. О других и о себе. М., 1971. с. 52—53.

Н. А. РАВИЧ

«У КОММУНИСТОВ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКАКИХ ПРИВИЛЕГИЙ, А ОДНИ ТОЛЬКО ОБЯЗАННОСТИ»

Семь лет спустя, когда я встречался с В. В. Куйбышевым уже в Москве, особенно ярко бросалась в глаза основная черта его характера — скромность, переходящая в застенчивость. Приведу только один пример. В это время В. В. Куйбышев был уже членом Политбюро, председателем ВСНХ — словом, занимал самые высокие посты в государстве. Как-то осенью 1928 года, получив заранее два билета в кинотеатр «Унион», у Никитских ворот, я отправился по поручению Главреперткома вечером смотреть какой-то фильм. Начался проливной дождь. Подъехав к кинотеатру, я увидел перед кассой на улице длинный хвост желающих попасть на сеанс. В очереди стоял высокий мужчина в шляпе с широкими полями и в непромокаемом, довольно старом пальто с поднятым воротником. Я поравнялся с этим человеком и обомлел — это был В. В. Куйбышев.

— Валериан Владимирович, что вы здесь делаете?

— Как видите,— ответил он хмуро, наклонив голову, чтобы вода стекла с полей шляпы,— стою в очереди...

— Ведь есть правительственные места, глупо будет, если вы простудитесь...

— Другие люди стоят за билетами в очереди, почему я должен быть исключением?..

— Ну так вот вам один билет и идите в театр.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— А как вы пройдете?

— У меня есть второй и, кроме того, именной пропуск Главреперткома на служебное место.

Куйбышев потоптался по мокрому тротуару в своих черных, тоже поношенных ботинках и наконец сказал:

— Раз уж так совпало, что у вас действительно есть лишний билет, тогда, пожалуй, пойдем...

Когда мы вошли, он, отряхиваясь, посмотрел на свой плащ и задумчиво проговорил:

— Стал промокать. А ведь когда-то идешь в любой дождь, и ничего... Да, все изнашивается: и люди, и вещи...

После сеанса мы пошли по Никитской улице в сторону Моховой и оттуда к Кремлю.

Валериан Владимирович жил в здании Потешного дворца, в котором когда-то была квартира А. В. Луначарского, до его переезда на другую, в Денежном переулке.

Вечер был сырой, мокрый асфальт блестел после дождя под лучами редких электрических фонарей. Куйбышев закашлялся.

— Вы не простудились?

— Чепуха,— ответил он и перевел разговор на литературные темы.

К моему удивлению, советскую художественную литературу он знал превосходно. Следил он и за ежемесячными литературными журналами. Упомянув о моих вещах, печатавшихся тогда в «Красной нови», он сделал несколько замечаний настолько верных, что я удивился, как это ни А. Воронский, ни я не заметили того, о чем он говорил.

— Валериан Владимирович, неужели у вас хватает времени, чтобы так внимательно следить за художественной литературой?

— Ну, положим, гораздо больше уходит на научную и техническую литературу. Художественная литература — это скорее отдых. А времени, конечно, не хватает. Дни летят с какой-то невероятной быстротой. Да и неудивительно — ведь нам приходится отсталую, разоренную, нищенскую страну превращать в передовую, индустриальную, догонять Запад. Тут спать некогда...

Он задумался и неожиданно сказал:

— А почему бы писателям не взяться за историю фабрик и заводов?

— Я думаю, что это скорее дело историков, чем писателей...

Валериан Владимирович даже остановился.

— Неверно, совершенно неверно. Вы, что же, представляете себе историю фабрик и заводов как техническую историю отдельных предприятий? Предположим, был такой-то завод, на нем работало столько-то людей, было старое оборудование. А потом произвели реконструкцию, поставили новое оборудование, увеличили количество рабочих. Да ведь это чушь! Процесс обновления и расширения предприятий происходит и на Западе. А я говорю об истории рабочего класса в России. Наша партия с первых дней своего существования опиралась на передовых рабочих крупнейших фабрик и заводов России. Они пополняли партийные ряды, шли на фронт, в самое тяжелое голодное время обеспечивали военное производство. И сейчас, когда мы из России нэповской строим страну социалистическую, мы опираемся на них, на передовиков производства. О людях надо писать... Есть целые рабочие династии, которые передают революционные традиции от отца к сыну. Лучше скажите, что еще не все наши писатели понимают важность этой задачи... И потом другое — вот вы, между прочим, по своей работе отвечаете за репертуар театров, клубов и так далее. Есть ли у нас хорошие пьесы для рабочих клубов, для театральной самодеятельности?

— Мало таких пьес...

— Почему?

— Потому что, отдавая свою пьесу в театр, драматург получает авторский гонорар, а в клубах его не платят. Кроме этого, там пьеса может быть хорошо поставлена, о ней будут писать, она может принести известность автору. А при постановке в клубе он ничего этого не имеет. Да еще и пьесы такие писать труднее. В них должно быть всего несколько действующих лиц и минимальное количество костюмов и декораций. Может быть, впоследствии, когда у нас возникнут Дворцы культуры при больших предприятиях, станет более гибкой советская драматургия, изменится гонорарная система... А пока...

Он перебил меня:

— А пока нужно бить во все колокола по этому вопросу. Вы говорили об этом когда-нибудь с Луначарским?

— Говорил, и не раз. Но не так все это просто...

— А простого ничего не бывает, когда строят новое, на все приходится тратить энергию, силы, нервы. Надо этим делом заинтересовать ВЦСПС, да и промышленность привлечь. Наша задача состоит не только в том, чтобы поднять производительность труда и обеспечить рабочих жилищем и

соответствующей уровню жизни заработной платой. Советский рабочий должен расти духовно, иметь культурный отдых. Это именно для него в первую очередь должны служить литература, музыка, театр...

Слушая его, я думал: «Вот удивительный человек. Двенадцатый час ночи, целый день он работал с полной нагрузкой, пошел посмотреть картину, чтобы немного рассеяться. И вот он опять готов уже взяться за новые дела...»

Мы дошли до кремлевских ворот. Он улыбнулся, и лицо его стало таким приветливым и добродушным, что я тоже невольно улыбнулся в ответ.

— Ну вот и поговорили... Надеюсь, мы с вами еще встретимся.

Встретились мы совершенно неожиданно, вероятно через год после этого разговора.

С Николаем Владимировичем Куйбышевым [1], когда он переехал в Москву и стал членом Комиссии военного партийного контроля, мы встречались часто.

Николай Владимирович очень был похож на своего брата Валериана. Та же широкая улыбка, прямота, искренность, та же кристальная честность. Но, конечно, он имел свои специфические черты, отличавшие его от брата. Валериан Владимирович был государственный и партийный деятель большого масштаба, с более широким кругозором и мышлением, охватывавшим всю перспективу развития страны. Кроме этого, если проследить его жизнь день за днем после Октября, то не найдешь ни одной недели, когда бы он не выступал 2—3 раза перед рабочей аудиторией или с докладами на совещаниях.

Однажды вечером Николай приехал ко мне. Поужинали. Против обыкновения, он был невесел... Я спросил, в чем дело.

— Дурацкая жизнь, с утра до вечера в работе. С братом неделями не вижусь — соскучился. Вот что, давай поедем к нему на дачу.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Неудобно. Десятый час вечера. А мы приедем без предупреждения. Тебе удобно — ты брат, а я-то на каком основании вечером ввалюсь? Нет, уж лучше поезжай один.

— А я тебе говорю, что удобно. Ты Валериана не знаешь. Он будет рад. Да и от работы его отвлечем. Наверно, сидит дома над бумагами...

---

[1] *Куйбышев Николай Владимирович* — см. настоящий сборник, Краткие сведения об авторах.

В конце концов я согласился. Вел машину Николай Владимирович блестяще, только, пожалуй, неслись мы слишком быстро. Помнится, ехали мы в Морозовку, хотя впоследствии В. В. Куйбышев имел дачу в Краскове. Уже стемнело, когда мы оказались перед оградой, возле которой стоял домик охраны. Ворота открыли, и мы въехали в большой двор, переходивший в сад. Во дворе стояло несколько неказистых двухэтажных дачек старой постройки. В даче Куйбышевых было темно. Только на втором этаже светилось открытое окно.

Николай вышел из машины:

— Пошли...

— Не пойду. Я лучше здесь посижу. Видишь, уже все спят.— Николай махнул рукой и скрылся в даче. Прошло минуты две-три, и в окне показалась характерная круглая голова Валериана Владимировича с выпуклым лбом и копной вьющихся волос.

— Что же вы сидите? Поднимайтесь наверх!

Комната была скромная. В углу на письменном столе лежали груды бумаг и папок. Скоро на круглом столе появился чай.

Разговор велся о разных вещах и почему-то перешел на Платона Михайловича Керженцева и его книги о научной организации труда.

Валериан Владимирович внимательно слушал, потом сказал:

— Мы, конечно, унаследовали от старого привычки создавать большие бюрократические аппараты. А надо, чтобы административные аппараты были небольшими, гибкими и деловыми. Канцелярия не должна сидеть на шее у производства. И я стараюсь всеми способами сокращать эти аппараты, а людей отправлять на фабрики, заводы, в деревню. Нам не хватает квалифицированных рабочих, инженеров, техников, и это тормозит процесс индустриализации. И всюду во главе должны идти коммунисты. У коммунистов не может быть никаких привилегий, а одни только обязанности. И пока идет борьба за новое, а она будет продолжаться долго, ни о каком «точном распорядке дня» и «гарантированном отдыхе» для коммунистов говорить не приходится. Да и какой настоящий коммунист сможет спокойно отдыхать, когда кругом идет борьба, жизнь бьет ключом, все находится в движении?

Потом подумал и прибавил:

— Это не означает, конечно, что следует работать беспорядочно. План нужен на каждый день и даже на неделю, чтобы работа была продуктивной...

Через несколько минут, вдруг улыбнувшись, он спросил:

— А вы помните наш разговор об истории фабрик и заводов?

Я-то помнил, но как он мог вспомнить о таком мелком факте? Десятки тысяч крупных вопросов, которыми Валериан Владимирович занимался, давно должны были заслонить этот ничтожный эпизод.

Видя мое удивление, он засмеялся.

— У большевиков, батенька мой, память должна быть настоящей, все на бумаге не запишешь. Так вот, говорил я по этому вопросу с Алексеем Максимовичем. Будет «История фабрик и заводов», и писатели будут над ней работать, и вы втянетесь, дорогой мой, дело-то это первостепенной важности...

Равич Н. А. Вечный свет. Портреты. М., 1971, с. 149—162.

Е. Г. КРИГЕР

БОЛЬШЕВИК

Весной 1934 года для меня открылась счастливая возможность встретиться с Валерианом Владимировичем Куйбышевым. Встреча, связанная с редакционным поручением, имела отношение к северной экспедиции академика О. Ю. Шмидта на пароходе «Челюскин».

Никогда не забуду душевного подъема, вызванного общением с человеком большой судьбы, революционером по складу натуры, смелым, решительным, грозным в иные минуты, но удивительно мягким и сердечным во всех случаях, когда люди нуждались в его помощи и участии.

Он был добр, отзывчив, прост. Однако, глядя на него, вы чувствовали: это человек железной воли, высокой целеустремленности, человек, способный выстоять в самой жестокой жизненной буре. Да и вся жизнь его была подобна буре. Он из той породы людей, о которых Гете сказал в свое время:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

Таким был Куйбышев в ранние годы. Таким был в боях за торжество революции. Таким остался до последнего часа.

Всего себя: свое горячее сердце, свой душевный жар и свою доблесть — отдал революции Куйбышев.

И когда мы пытаемся представить себе людей будущего,

их духовный склад, нам следует обратиться прежде всего к великому примеру революционеров-ленинцев, чей жизненный подвиг приблизил нас к временам коммунизма.

Страстно любил жизнь, горячее солнце, высокое синее небо, просторную землю, веселых людей.

А сам еще в юности избрал путь, грозивший страданиями и невзгодами.

Больше всего на свете ценил свободу и независимость.

А сам с восемнадцати лет томился в царских тюрьмах и в ссылках, подвергался преследованиям, побоям, издевательствам, подолгу видел небо только сквозь тюремную решетку. Но, вырвавшись на волю, упорно продолжал дело, за которое грозили ему новые тюрьмы, суды, ссылки.

Был нежно привязан к матери и отцу, но еще мальчиком твердо отстаивал свое право избрать жизненный путь. Покой и благополучие семьи принес в жертву революционному делу. Ради сыновнего чувства ни разу не отвернулся от опасности, навлекавшей на него гонения царских чиновников и жандармов.

Его мать говорила с тревогой:

— Валериан опять в борьбе... Когда это кончится? Когда успокоится его мятежная душа? Как он любит все живое, а сам ушел от жизни!

Иной из интеллигентов старого склада сказал бы:

— Самоотречение.

Как будто правильно. С первых лет сознательной жизни человек отрекся от личного счастья, стал подвижником, страстотерпцем, мучеником. Разве не так?

Нет, не так. Самоотречение — неправильное, жалкое слово для определения жизненного пути Валериана Куйбышева. Он отрекся бы от самого себя, если бы хоть на одно мгновение оказался в стороне от схватки. Все его чувства и помыслы так естественно и полно сливались с революционным делом, что жить для него значило — сражаться.

Личное счастье? Он никогда от него не отказывался. Счастьем для него было участие в борьбе против царя, помещиков и капиталистов, против злобы и грязи старого мира. Счастьем своим он считал принадлежность к партии большевиков. Что значил для него кажущийся, обманчивый покой многих российских интеллигентов? Не камеру с железной решеткой считал Куйбышев самой страшной тюрьмой, а позорное состояние, при котором человек запирает на замок свою вольную мысль, свое стремление к правде.

Человек мира сего, он умел быть жизнерадостным и веселым, умел заразительно смеяться, во весь голос пел люби-

мые песни, писал стихи, обожал детей, был влюблен во все молодое, сильное, яркое, смелое. Потому и стал революционером-большевиком, что горячая кровь текла в его жилах, смелая мысль жила в его сознании. Он верил, он знал, что молодость мира победит, не может не победить. Во всем своем богатстве натура его раскрывалась в те минуты, когда он бывал в среде своих единомышленников, в кругу рабочих, революционно настроенных студентов,— пусть в тюрьме, пусть на этапе, он был весел и бодр, первым затягивал песню, поддерживал уставших, возвращал силы отчаявшимся. Он жил в самом полном и высоком значении этого слова. Разве это самоотречение, разве это отказ от личного счастья? Нет, вопрос о личном счастье Валериан Куйбышев еще смолоду рассматривал так, как рассматривают его коммунисты. Бороться и побеждать!

Тюрьмы и ссылки бессильны были задушить в нем радостное ощущение жизни.

Романтик по натуре, Куйбышев писал стихи за тюремной решеткой. Через несколько лет они возвращались к нему в песнях революционных рабочих. Сестра Куйбышева, Елена Владимировна, пишет в своих воспоминаниях, как однажды на пути в Сибирь Куйбышев прервал печальную песню, которую вполголоса пели его спутники.

— Почему поют скучные песни? — спросил однажды Валериан своего соседа.— Гораздо легче идти под веселые, бодрые песни.

И вдруг:

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.

Эту песню запел юноша, идущий сзади Валериана. Валериан обернулся, удивленно и ласково посмотрел на поющего:

— Откуда ты знаешь это стихотворение?

— Его знает вся молодежь нашей организации. Я переложил слова на музыку, и мы пели эту песню на каждом собрании...

«Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает...» Это стихи Валериана Куйбышева, он писал их когда-то по дороге в Нарым.

Да, в самых тяжких испытаниях Валериан Куйбышев стремился быть веселым и бодрым. Великой опорой было для него сознание своей правоты. Он жил так, как подсказывали ему сердце и разум, иначе жить он просто не мог. Ради ре-

волюционного дела он жертвовал всем, но сама готовность к жертвам только обогащала его натуру.

«Когда уважаешь себя и сознаешь правду своего пути, то всякое горе лишь согнет, но не сломит, а сознание правды опять выпрямит, и опять смело и гордо смотришь вперед!» Вот закон его жизни. Ему он следовал всегда и с отвращением отшатывался от всякого проявления оппортунизма, ненавидел болтунов, прикрывающих красивыми словами свое бессилие и глубоко запрятанную ложь, и потому явные и замаскированные враги партии всегда остро ненавидели этого человека.

По складу своей натуры Куйбышев был отважным бойцом.

Даже в нарымской ссылке, где неволя, казалось бы, могла ослабить политические разногласия среди живших вместе людей, Куйбышев гневно разоблачал происки меньшевиков, был всегда начеку, всегда настороже. Он говорил тогда: «Нельзя доверять работу в библиотеке меньшевикам, они могут запастись вредной литературой, вести агитацию и мешать нам». Эту высокую принципиальность бойца он сохранил до конца своих дней, открыто и смело выступал против врагов революции, с какой бы злобой и бешенством ни сопротивлялись они.

Таким был Куйбышев и другим быть не мог. Еще в детстве ненавидел трусов. Сознательно воспитывал в себе волю, смелость, презрение к опасностям и лишениям. Приучал себя спать на голых досках. Как будто знал, что юность ему предстоит провести в царских тюрьмах. Обливался ледяной водой. Как будто закалял себя для будущей ссылки в Сибирь.

Двенадцатилетним мальчиком Валериан распространял революционные листовки среди солдат. В кадетском корпусе он написал протест против расстрела петербургских рабочих в январе 1905 года, пытался собрать под ним подписи. Но одноклассники подвергли его бойкоту. Валериан остался один, но не сдался, послал протест в Петербург со своей единственной подписью.

Вопреки желанию родителей, которые хотели, чтоб и сын стал офицером, он по окончании кадетского корпуса поступил в Военно-медицинскую академию и целиком отдался революционной работе.

Он жил лишь интересами партии. Ни просьбы матери, измученной бесконечными скитаниями Валериана по царским тюрьмам, ни угрозы царских судов и жандармов, ни страх смерти, ни опасности, подстерегавшие революционера

на каждом шагу,— ничто не могло сломить энергию этого человека. Он нашел свою правду, он мог жить только с этой правдой в сердце. Когда он был арестован на квартире отца в Каинске — в который раз! — и родные сожгли спрятанную им нелегальную литературу, он пришел в отчаяние, узнав об этом на свидании, и сказал, не в силах сдержать своего горя:

— Что вы сделали? Я с таким трудом собирал эти книги.

В них, в этих книгах, было все его богатство. Может быть, в огне погибли строки, написанные Лениным, страницы нелегальных ленинских газет. «Что вы сделали? — повторял Куйбышев на свидании в тюрьме.— Что вы сделали?»

С юных лет Куйбышев гордился тем, что был врагом царя, вельмож и богатеев. Сын офицера, он не хотел пользоваться никакими привилегиями, которые могли бы выделить его из среды простых людей и снискать ему снисхождение царских судей. Радости его не было предела, когда во время разговора с юристом перед судом он узнал, что по происхождению он, Валериан Куйбышев, не дворянин, а лишь почетный гражданин.

— Ну и чему же ты рад? — спросила его мать.

— Тому, что теперь я буду нести наказания наряду со всеми арестованными товарищами, а не буду пользоваться ненужными и обидными для меня льготами.

Чистое сердце, участливость к чужой беде подсказали Куйбышеву такой выход, при котором он мог пожертвовать своими интересами, а часто и своим спасением ради блага других, ради блага революции.

После очередного своего побега из ссылки он приехал в Петербург, где представилась ему возможность вырваться с заграничным паспортом в эмиграцию, к Ленину. О встрече с Лениным он мечтал давно, и вот она стала возможной. Наутро назначен отъезд. О, радость освобождения, радость близкой встречи с вождем! Может быть, это была одна из самых счастливых минут в жизни Куйбышева. В ночь накануне отъезда приходит к Валериану Владимировичу один из товарищей по организации, рассказывает, что одному участнику Московского вооруженного восстания грозит смертный приговор. Человека надо спасти, переправить его за границу, но паспорта, паспорта нет! Ночной пришелец рассказывает об этом в полном отчаянии, он не ждет помощи, просто делится своим горем, ничего не зная о том, что самого-то Куйбышева может спасти от жандармов только отъезд в эмиграцию.

Куйбышев молча слушает пришельца, он думает о своем, прощается с заветной мечтой. Ну что ж! Так тому и быть. Он

вынимает из кармана заграничный паспорт, эту путевку свою к Ленину, и так же молча отдает ее товарищу. Человек, которому угрожает смертный приговор, должен быть спасен. А Куйбышев? Куйбышев подождет!.. Ночной пришелец сначала ничего не может понять, но паспорт в его руках, он бормочет слова благодарности и уходит. А бежавший из ссылки большевик Валериан Владимирович Куйбышев вскоре попадает в руки полиции и высылается на жительство в Каинск.

Он встречается с Лениным позже. После Октябрьской революции он становится одним из виднейших политических руководителей рабоче-крестьянской армии, громит полки генерала Дутова, отражает удары чехословацкого мятежа, руководит операциями 1-й армии, вместе с Фрунзе возглавляет Южную группу Восточного фронта, разбивает полчища Колчака, вместе с Кировым руководит обороной Астрахани, затем перебрасывается на Туркестанский фронт и очищает от врагов Среднюю Азию. В операциях под Астраханью участвует в воздушном бою, берет на себя обязанности стрелка и наблюдателя — руководитель революционной армии, он умел быть простым солдатом.

Мы помним Куйбышева, воплощавшего в жизнь ленинский план электрификации страны. Мы помним Куйбышева во главе объединения ЦКК — РКИ, когда он оберегал партию от происков контрреволюции. Мы помним Куйбышева, осуществлявшего грандиозный план индустриализации страны.

Мы помним бессонные ночи Куйбышева в дни челюскинской эпопеи, когда он держал непрерывную связь с далекими кораблями, брошенными на помощь пленникам Арктики, видел перед собой весь Дальний Восток с его аэродромами, нащупывал план спасательных операций, верил в могущество Советской страны, советских людей, для которых нет ничего невозможного, и, как всегда, оказался прав в этой вере своей.

...Я заметил на Красной площади человека, вот-вот готового заплакать. Глаза у него были воспаленные, красные, он отошел в сторону, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы и как-нибудь справиться с собой, освободиться от необычного, несвойственного ему волнения. То, что все мы знаем об этом человеке, совершенно исключает всякую мысль о слабости его характера, о сентиментальности, об отсутствии самообладания. Часто он шел навстречу опасности, смерть не раз готова была схватить его за горло — в эти минуты он сохранял полное спокойствие... Однажды, сидя в кабине самолета, боровшегося с обледенением, он улыбкой остановил

тревожное движение американца-механика, схватившегося за ремни, чтобы привязать себя к сиденью.

А вот здесь, на Красной площади, он ничего не мог поделать с собой и плакал трудными, мужскими слезами. Этот человек — советский полярник Ушаков. Он плакал на похоронах Валериана Владимировича Куйбышева.

В тот день печаль охватила всю страну. Куйбышева знали и любили на Волге: там он сражался в годы гражданской войны. Его знали, о нем слагали песни в Средней Азии: он помогал дехканам устанавливать свою, Советскую власть. Его знали, у него учились люди, возводившие новые наши заводы и первые наши гидростанции: одно время он возглавлял ВСНХ, а в годы первой пятилетки был председателем Госплана. Смерть Куйбышева оплакивали на зимовках, в северных факториях, в далеких бухтах, где расположены аэродромы полярной авиации. Артиллерийский салют эхом отозвался на островах Ледовитого океана, на кораблях, прокладывавших Северный морской путь, на радиостанциях, сквозь рев ураганов слышавших голос Большой земли.

Отзвуки траурного салюта стучались в двери домов, где живут полярные капитаны, летчики, штурманы, и в двери других домов, где живут люди, спасенные энергией и волей большевиков,— челюскинцы. Голос Красной площади, хоронившей Куйбышева, отзывался в сердцах многих матерей, которые отчаялись увидеть своих детей — моряков погибшего во льдах парохода «Челюскин», но уже прочли в газетах правительственное сообщение за подписью Куйбышева о том, что по суше, по морю и воздухом брошены экспедиции на помощь их детям. Позже они читали новые и новые сообщения, изложенные обстоятельно и подробно, и каждое сообщение увеличивало надежду на спасение отважных моряков.

Под каждым сообщением стояла подпись: В. Куйбышев. Были в мировой печати и другие сообщения, подписанные другими людьми. Была статья известнейшего полярника Р. Ларсена, который категорически заявлял, что средствами авиации челюскинцев спасти невозможно. Было высказывание знаменитого норвежского океанографа Х. Свердрупа — он также недоверчиво относился к принятому Советским правительством плану спасения моряков при помощи самолетов. В швейцарской газете «Фольксштимме» появилась статья «Можно ли спасти потерпевших крушение?». Автор статьи сомневался в этом. Он писал:

«...На льдине плывут к полюсу 104 русских, среди них семь женщин и двое детей, и с нетерпением ждут помощи. Это команда советского парохода «Челюскин», который по-

гиб, раздавленный льдами, и персонал метеорологической станции с острова Врангеля. Положение потерпевших настолько ухудшилось, что уже в самое ближайшее время надо считаться с возможностью новой арктической трагедии. Кажется почти невозможным произвести посадку на битый лед и еще более невозможным подняться с него. Насколько можно предположить, имеется только одна возможность осуществить спасение: дождаться на льду наступления теплого времени, когда находящиеся на льдине сумеют достичь на своих лодках берега или их отыщет на этой льдине ледокол. Спрашивается только: выдержит ли льдина до этого времени?»

Даже иные из виднейших советских полярников высказываются против применения авиации для спасения челюскинцев.

Внимание всего мира было приковано в те дни к рабочему кабинету Валериана Владимировича Куйбышева. Он возглавлял правительственную комиссию, созданную для организации помощи участникам экспедиции О. Ю. Шмидта.

Экспедиция должна была доказать возможность пройти из Мурманска во Владивосток за одну навигацию. В Беринговом проливе ученых и моряков настигла беда: затертый льдами пароход «Челюскин» отнесло в Чукотское море, а там корпус его не выдержал давления льда. Спутники академика Шмидта и экипаж парохода успели высадиться на льдину, но им грозила гибель от стужи и голода.

В кабинет Куйбышева слетались тогда радиограммы и с самой льдины, и из Уэлена, и из дальневосточных авиабаз, и с идущих в ближних водах кораблей. Здесь, в этой комнате, за этим рабочим столом, при свете лампы, горевшей тогда ночи напролет, было сказано последнее слово, было принято окончательное решение.

Люди, работавшие с Куйбышевым, знают, что отличительной чертой этого человека была неиссякаемая энергия, соединенная с оптимизмом, верой в жизнь, верой в человека. Он и сам обладал редкой смелостью и мужеством. Именно такой человек мог решиться на опасную, связанную с большим риском, не имеющую примера в истории освоения Арктики операцию по спасению 104 человек, очутившихся на дрейфующей льдине.

— Авиация! — сказал Куйбышев.

Успехом своим вся операция была обязана этому решению.

Куйбышев принял его сразу и проводил в жизнь упорно, настойчиво, неотступно, несмотря на возражения некоторых

экспертов, несмотря на метели и шквалы, летевшие навстречу, несмотря на дальность и трудность маршрутов, которые приходилось преодолевать самолетам, прежде чем добрались они до Ванкарема.

Однако это отнюдь не было отчаянным предприятием. Работу правительственной комиссии отличали в те дни исключительная продуманность, точность, ясность, обстоятельность. Позже Ляпидевский рассказывал, что при встрече с Куйбышевым его поразило, как превосходно знал этот человек условия Дальнего Севера, его географию, его возможности и ресурсы.

Под руководством Куйбышева комиссия мобилизовала все средства, которыми располагала страна, для успешного проведения операции. Силы были расставлены таким образом, что каждая из спасательных экспедиций, каждый из отрядов, каждое из авиационных звеньев имели в резерве другие ресурсы. Продвигаясь на север, замещая резервами выпавшие звенья, все больше и больше суживая свой фронт вокруг одной точки на земном шаре — ледового лагеря, вся эта громада рано или поздно должна была достигнуть цели и вырвать обитателей льдины из рук смерти.

В самом начале работы комиссии за подписью Куйбышева полетела на восток телеграмма:

«Хабаровск, крайком партии.

Выясните возможность оказания помощи челюскинцам на местных байдарках, шлюпках, возможность переброски из Петропавловска в район Уэлен — Онман собачьего транспорта и обеспечения собак кормом, широкого использования всего местного населения в целях организации размещения челюскинцев».

В те же дни готовились к полету самолеты, находившиеся на мысе Уэлен. В те же дни из Петропавловска вышел пароход «Сталинград» с двумя легкими самолетами, а из Владивостока — «Смоленск» с семью самолетами и «Совет» с двумя самолетами. В те же дни Куйбышев телеграфировал в Хабаровск Доронину, Водопьянову:

«Создавшаяся обстановка требует вашего срочного вылета на Север. Значение ваших многоместных самолетов в деле спасения челюскинцев все возрастает, так как моторы самолета Ляпидевского не совсем в порядке, а самолеты «П-5», «Щ-2» и «У-2» запаздывают в сроках и имеют минимальную пассажирскую кабину. Правительство уверено, что возложенное на вас задание будет выполнено вами с честью. Дорог каждый час. Ежедневно доносите положение дел. Куйбышев».

Слова «дорог каждый час» на подлиннике вписаны карандашом Куйбышева.

В те же дни на двух купленных в Америке самолетах спешили к Чукотке полярник Ушаков и летчики Слепнев и Леваневский. Полярники всех стран ожидали, что Америка окажет помощь в организации спасения экипажа «Челюскина». Америка не оправдала эти надежды. Она ограничилась тем, что продала нам самолеты. Из Америки летели на Чукотку советские летчики.

В те же дни, оторвавшись от камчатского аэродрома, ринулось на Чукотку звено Каманина. Был направлен на Север отряд дирижаблей. Куйбышев телеграфировал в Ленинград С. М. Кирову:

«По сообщению Самойловича, «Красин» может быть отремонтирован за границей за полтора месяца. Непонятно, почему наши мощные верфи в Ленинграде и Кронштадте не могут сделать того, что можно сделать за границей. Уверен, что при напряжении усилий можно отремонтировать в более быстрый, чем полтора месяца, срок. Прошу детально ознакомиться с этим делом и поднять на ноги все партийные организации и массы для срочного ремонта «Ермака» и «Красина»...

Киров поднял на ноги судостроителей. «Красин» был отремонтирован не за четыре месяца, как опасался Самойлович, не за полтора месяца, как предлагали иностранные верфи, а за 18 дней. «Красин» шел к лагерю Шмидта, обогнув Северную Европу.

В эти дни Куйбышев не прекращал и обычной своей работы в Совете Народных Комиссаров.

А время? Как удавалось ему руководить спасением челюскинцев, не поступаясь ни одним часом делового дня в Совнаркоме? Он по-прежнему следил за ходом работ на важнейших новостройках пятилетки, направлял усилия строителей Урало-Кузнецкого комбината, своими советами помогал людям Днепрогэса и свердловского Уралмашзавода, совещался с металлургами, энергетиками, горняками, вдохновлял ученых, стыдил сомневающихся, контролировал каждую цифру нового пятилетнего плана, деятельным своим вниманием охватывал всю громаду великих работ.

Приняв на себя руководство правительственной комиссией по спасению челюскинцев, Куйбышев отказался сократить свой рабочий день в Совнаркоме. Чтобы справиться с колоссальной нагрузкой, он поступил по-своему: расширил рабочий день до предела. А время и без того было рассчитано у него по минутам. Мы помним набросанный его рукою

подсчет: в неделе — 168 часов; дальше колонками стоят часы, предназначенные для работы в РКИ, ЦКК, Совнаркоме, СТО, Политбюро Центрального Комитета партии; отдельной колонкой — комиссии, прием и т. д. Где-то в конце Куйбышев написал было: шесть часов отдыха. Но эта строка зачеркнута его же рукой.

Так он работал всегда. В дни челюскинской эпопеи люди, работавшие с ним, не знали, когда же он спит.

Поздно ночью в кабинете Куйбышева на основе дневных сообщений принимался окончательный план действий на предстоящий день. Куйбышев не знал, что такое усталость. Гигант с глазами ребенка, жизнерадостный, веселый, заразительно бодрый человек, он работал ночами. Потому он верил и в силу людей, которые вели героическую работу там, на Севере.

После двух неудач с неисправным самолетом Ляпидевского кое-кто из экспертов решил было махнуть рукой на этот самолет и на его водителя. Но Куйбышев верил в Ляпидевского. Радости его не было конца, когда в Москву пришло сообщение о том, что Ляпидевский доставил на берег женщин и детей из лагеря Шмидта. Весь день Куйбышев был занят работой в Совнаркоме, он не мог отвлечься ни на минуту. Лишь в 4 часа утра в Главсевморпути раздался телефонный звонок. Говорил Куйбышев. Он был весел необычайно.

— Ляпидевский-то, а? — повторял он.— Как хорошо, черт возьми, что я не послушал экспертов!

Однако он был требователен и настойчив. Одну из телеграмм председателю чрезвычайной тройки он закончил словами: «Не обижайтесь на неизбежные неприятные телеграммы, от которых не зарекаюсь и впредь». Когда тот же Ляпидевский из-за порчи мотора задержал следующие полеты в лагерь, Куйбышев радировал ему:

«Непонятна медлительность в деле вывоза челюскинцев. Правительство требует от вас и всего состава спасения всей экспедиции, а не одного случайного полета. Идеальных условий в Арктике не бывает. Предлагаю возобновить полеты из Уэлена при малейшей возможности... Исполнение доносите».

Позже, встретившись с Ляпидевским в Москве, Куйбышев внимательно посмотрел ему в глаза, улыбнулся и спросил:

— Вы помните мою свирепую телеграмму?

Он обнял летчика, поздравлял, благодарил, но, очевидно, его продолжало мучить подозрение, что Ляпидевского мог обидеть резкий тон радиограммы. При следующей встрече он вдруг снова спросил:

— А вам в самом деле не было обидно получить такую радиограмму?

Наконец рассмеялся и сказал:

— Ничего, ничего, все хорошо, что хорошо кончается.

Самый тон тогдашних сообщений правительственной комиссии характерен для Куйбышева. Подробнейшим образом излагался в сообщениях ход операции, мельчайшие ее детали, продвижение самолетов, кораблей, доставка горючего и снаряжения, состояние погоды и, главное, настроение людей в лагере Шмидта.

Тревоги, связанные с судьбой героев-летчиков, Валериан Владимирович сам переживал необычайно остро. Когда однажды на восемь дней прервалась связь со звеном Каманина, летевшим с Камчатки сквозь штормы и вьюги, Куйбышев не находил себе места. С помощью телеграфа и радио он обшарил весь Дальний Восток, поднял всех на ноги и успокоился лишь после того, как летчики дали о себе первую весть.

Так работал этот человек в трудные, славные дни челюскинской эпопеи. Оптимизм Куйбышева, его несокрушимая уверенность в успехе правильно задуманного предприятия и на этот раз оправдали себя. Советская страна подняла людей из лагеря Шмидта со льдины и бережно перенесла их на берег.

...А через год Куйбышева не стало. На Красной площади стоял полярник Ушаков и плакал, как ребенок.

Евгений Кригер. Дорога к людям. М., 1978, с. 132—144.

О. А. ЛЕЖАВА

КОММУНИСТ, УЧЕНЫЙ С ХАРАКТЕРОМ БОЙЦА И ДУШОЙ ПОЭТА

Если жизнь и деятельность В. В. Куйбышева систематически изучаются и освещаются, то его внутренний мир раскрыт еще недостаточно. Мне хочется хотя бы частично восполнить этот пробел.

Ярче всего раскрывают внутренний мир Валериана Владимировича его стихи и публицистика, часто приближающаяся по эмоциональной насыщенности к стихотворениям в прозе. Поэтическое творчество В. В. Куйбышева привлекает внимание советских литературоведов. В. П. Раков называет стихи молодого В. В. Куйбышева «замечательным образцом революционной лирики». Тема любви к Родине и тема борьбы отмечаются как главное в поэзии Валериана Владими-

ровича. Особенно важно отметить, что, приветствуя революцию («Буря, буря наступает, с нею радость мчится к нам»), он не ожидает, что радость, которую принесет революция,— это будет отдых, успокоение после бури. В последующих двух строках — «Радость жизни, радость битвы пусть умчит унынья след» — слова «радость жизни» и «радость битвы» звучат как синонимы. Радость жизни для В. В. Куйбышева — это не покой, а борьба, которая мобилизует все духовные силы человека, уносит «унынья след». И в канун революции, в феврале 1917 года, отправляясь в последнюю ссылку, он мечтает «о днях грядущего, наполненных борьбой».

Однако видеть в Куйбышеве только борца — это значит понять его внутренний мир только наполовину.

Уже детские и юношеские стихотворения Валериана Владимировича говорят о его ярко выраженной способности сопереживать, о его душевной чуткости. Очень характерен в этом отношении небольшой эпизод, рассказанный сестрой Валериана Владимировича — Еленой Владимировной, когда на крылечке дома Куйбышевых в Кокчетаве знакомая девушка пела печальную песенку о сироте...

Мне довелось уже после смерти Валериана Владимировича беседовать со старым большевиком Григорием Иннокентьевичем Крамольниковым. Он нарисовал мне портрет 13—14-летнего мальчика — воспитанника кадетского корпуса, приходившего по воскресеньям на квартиру, где жила его старшая сестра Надежда и где собиралась революционно настроенная учащаяся молодежь Омска. Г. И. Крамольников был одним из руководителей этой молодежи. Мальчик Воля, как звали его в детстве, не участвовал в разговорах и спорах, не задавал вопросов. Затаив дыхание и широко раскрыв глаза, он внимательно слушал, боясь пропустить хотя бы одно слово. В то время он, вероятно, скорее сердцем, чем умом, почувствовал, что речь здесь идет о том, как сделать жизнь радостной и счастливой для всех. А уже несколько позже начал читать и брать с собой листовки и книжки, посещать рабочие массовки и твердо встал на путь революционной борьбы.

Одна знакомая В. В. Куйбышева по революционным кружкам, знавшая его в 1906—1907 годах, а потом надолго потерявшая его из виду, написала ему в 1921 году: «Конечно, Вы все тот же цельный, темпераментный, не изменяющий курса. Но сохранилась ли в Вас прежняя поэтичность и многообразие души?» Таким сохранился в ее памяти образ 18—19-летнего юноши Валериана.

Характер бойца и душу поэта Валериан Владимирович сохранил до конца жизни.

Черты бойца — вот первое, что я увидела в характере Валериана Владимировича в первые дни знакомства с ним за шахматной доской, в вагоне поезда, мчавшегося из Москвы в Минеральные воды. Шахматистка я была неплохая. Для моих родителей шахматная партия являлась лучшим отдыхом. Хорошим шахматистом был мой дядя Миша — брат мамы — М. С. Ольминский. С юности овладела в какой-то мере этим искусством и я. Даже выиграла в тот раз у Валериана Владимировича — прекрасного шахматиста — одну или две партии. Он, видимо, оценил мою «квалификацию», но тут же заметил мой недостаток: у меня не хватало выдержки продолжать партию, когда она казалась мне безнадежной. А Валериан Владимирович чувствовал себя за шахматной доской и в других спортивных состязаниях, как на настоящем поле боя: чем труднее было положение, тем больше проявлял он упорства и настойчивости в борьбе за победу.

Любил он биллиард, городки, пение, но еще больше — волейбол, где чувствовал ответственность не только за себя, но и за всю команду.

Черты Валериана Владимировича, подмеченные мною сначала в игре,— бойцовский характер и чувство ответственности за общее дело — еще заметнее и во много раз ярче проявлялись у него в работе, и не только революционной, военной, но и в годы «мирного» хозяйственного строительства.

Вспоминается напряженная работа Валериана Владимировича над планом первой пятилетки. Трудно было невероятно. И не только потому, что эта пятилетка была первой, но и потому, что рождалась она в острой борьбе с теми, кто не верил в возможность намеченных темпов индустриализации.

Три варианта контрольных цифр первой пятилетки, составленных в аппарате ВСНХ, возглавляемого Валерианом Владимировичем, он сам забраковал как не отвечающие установленным партией темпам индустриализации.

— Мы не можем допустить,— говорил он,— чтобы партия и правительство получили на рассмотрение пятилетку, проникнутую пессимизмом и неверием. Нельзя,— убеждал он товарищей,— устремлять взор исключительно на блага, которые находятся вне промышленности. Я считаю это ошибочной, ложной установкой. Мы должны обратить свое главное внимание не на приток средств со стороны, а на то, чтобы использовать свои собственные возможности.

И проект контрольных цифр вновь и вновь перерабаты-

вался. Приезжали работники с предприятий, привлекались ученые, и вместе с ними изыскивались новые и новые возможности повышения производительности труда и снижения себестоимости.

В те дни В. В. Куйбышев напоминал командира боевого отряда, готового ради общей победы вызвать огонь на себя, на свой отряд. Для обеспечения жизненно необходимых темпов индустриализации Валериан Владимирович по собственной инициативе брал на себя, на промышленность предельно высокие обязательства.

Об этом говорят и сохранившиеся у меня письма Валериана Владимировича. Их довольно много, так как моя работа в то время была связана с частыми и длительными командировками. Хотя эти командировки были очень интересны, тогда я их порой «проклинала», теперь же «благословляю», так как благодаря им на свет родились письма-рассказы самого Валериана Владимировича, в которых немало и о его переживаниях, связанных с работой. Вот некоторые выдержки из этих писем:

7 октября 1928 года: «...вот что у меня произошло и что волновало меня вчера и сегодня: баланса я свести не могу и, так как решительно не могу пойти на сокращение капитальных работ (сокращение темпа), придется брать на себя задачу почти непосильную в области снижения себестоимости. В понедельник утром буду обсуждать эту тему со своими работниками. Год в этом случае будет страшно тяжелый».

В следующем письме — 12 октября — Валериан Владимирович сообщает, что заболел, но работать продолжает. Целый день у него толпится народ. «И я,— пишет он,— разбитым оставался на ночь, да еще с обязательством к утру свести баланс по контрольным цифрам...»

Через четыре дня — 16 октября: «Сейчас утро вторника, сегодня вечером решающее для контрольных цифр заседание СНК... Вчера я уже выходил на работу, состояние однако пока еще неважное. Не знаю, как-то сегодня буду вести «бои». А «бои» будут большие. Определились уже основные линии; и Госплан и ВСНХ выпустили книжки со своими позициями. Теперь все изучают эти «произведения», спорят по поводу отдельных положений. Однако, несмотря на ясность «позиций», очень трудно предусмотреть, что будет в твоей позиции уязвимым, на какое слабое место посыплются удары. Надо знать все, и мне знать конкретнее, чем кому-нибудь». И далее: «Но это технические затруднения «сражения». Важнее, конечно, реальные затруднения, существующие в нашей экономике. Как ни велики они на деле, но программа стро-

ительства, намеченная нами, должна быть осуществлена — именно для преодоления этих трудностей в будущем».

И в заключение: «Я с совершенно спокойной совестью буду отстаивать свою программу, несмотря на трудности (кстати, часто сильно преувеличиваемые). Мне очень досадно, что я не сумею тебе подробно описать всей этой программы будущего строительства, а она страшно увлекательна. Пятилетний план, например,— это буквально «музыка социализма», это доподлинная программа строительства нового общества».

Далее загрузка Валериана Владимировича и напряжение борьбы все возрастают, и его сообщения о работе становятся заметно короче.

19 октября об этом всего несколько строчек: «...по-видимому, нам предложат дополнительное снижение себестоимости. Ух, трудно будет!»

24 октября: «Интересного так много, что в письме не напишешь. «Бои» проходят рассыпным строем и очень затягиваются...»

Через два дня — 26 октября: «Пишу сегодня мало, так как загрузка чрезмерная: вот уже дня 3—4, как я ухожу из ВСНХ в час-два ночи, а утром опять надо спешить».

Еще через четыре дня — 30 октября: «Пишу тебе не в воскресенье и даже не в понедельник, а во вторник. Причиной этого являются бешеные дни, когда твой образ мелькал передо мной как в кинематографе... а побеседовать с тобой не давали события». Валериан Владимирович сообщает, что по промышленности принято снижение себестоимости на 7% и добавляет: «Я пошел на такой размер снижения, хотя трудно будет дьявольски». Вот так «дьявольски трудно» и в то же время «страшно увлекательно» работалось тогда всем.

Мобилизуя сотрудников на преодоление возникающих трудностей, Валериан Владимирович на одном из партийных собраний в ВСНХ говорил:

— История не дала коммунистам быть спокойными даже тогда, когда имеется успех. Коммунист всегда должен тревожиться — а нет ли возможности этот успех расширить.

Такой тревогой постоянно было наполнено сердце самого Валериана Владимировича, но, как это ни странно, она нисколько не угнетала его, а, напротив, приносила радость, потому что вызывала мобилизацию всех душевных сил, толкала мысль на поиски нового, делала его труд творческим.

Как и всякий творческий труд, работа В. В. Куйбышева никогда не ограничивалась какими-то рамками времени. В 1922 году он писал о себе: «Я весь в происходящей борьбе,

весь без остатка. Все надежды, вера, энтузиазм в ней, в борьбе. Все, что не связано с ней, мне чуждо; я люблю, мне близко только то, что с ней слито...» Таким был В. В. Куйбышев до последнего дня жизни.

Двадцатые и тридцатые годы были временем, требовавшим наиболее полной самоотдачи. И Валериан Владимирович был в буквальном, а не в переносном смысле слова «весь в происходящей борьбе, весь без остатка».

С работы он обычно возвращался в 12, в час, в 2 часа ночи. Субботний вечер использовал, чтобы продумать итоги прошедшей и задачи будущей недели. При этом он планировал не только перечень вопросов, которыми будет заниматься. Непосредственно общаясь с В. И. Лениным, Валериан Владимирович усвоил ленинский стиль работы: каждый вопрос, который ему предстояло решить, он изучал глубоко, всесторонне и во всех деталях. Часто для этого не хватало одного субботнего вечера. В письмах Валериана Владимировича встречаются такие сообщения: «...несмотря на то, что мне работалось очень хорошо, я не кончил всего, что мне нужно для следующей недели. Вот и остался я в Москве. По-видимому, пробуду здесь и воскресенье за своим письменным столом».

Порой в письмах проскальзывают строки, говорящие о чрезвычайной загруженности работой: «Эти 6—7 дней были совершенно сверхъестественного напряжения. Все дни я был занят с утра до поздней ночи, иной раз без обеда, без перерыва».

В разгар работ по спасению челюскинцев меня не было в Москве, но моя сестра — Нина Андреевна — хорошо помнит, как Валериан Владимирович, возвращаясь поздно вечером на дачу, всю ночь напролет проводил у телефона: получал срочные донесения, связывался с участниками спасательных экспедиций, принимал решения и отдавал распоряжения.

В дни, когда удавалось уехать на дачу, Валериан Владимирович брал с собой портфель, туго набитый бумагами. Часто в воскресенье к нему приезжали ближайшие сотрудники и они вместе занимались. Располагались с бумагами на террасе и работали, пока Валериан Владимирович не почувствует, что нужна передышка. Тогда раздавался его клич: «Пошли на волейбол». И все, в том числе и мы и наши гости, спешили на волейбольную площадку. Играли азартно, увлеченно полчаса-час. И снова за работу. Зимой для отдыха делали короткую пробежку на лыжах.

В дни отпуска Валериан Владимирович любил знакомить-

ся с новыми районами, любил дальние прогулки, как пешие, так и верхом на лошади. Но отключиться от мыслей о работе никогда не мог.

Весной 1928 года он отдыхал в Сочи. Не прошло и недели, как он начал обдумывать содержание статьи, которую хотел назвать «Основные пути технической революции в промышленности». «В статье,— писал он,— мне хочется поставить перед каждой отраслью промышленности основные проблемы, революционизирующие всю технологию, повышающие темпы развития и т. д. Материалы для такой статьи у меня имеются, а на работе я не смогу этого сделать, несмотря на крайнюю надобность такой обобщающей статьи».

Когда у Валериана Владимировича появлялись свободные часы, он стремился провести их и интересно и с пользой.

Как-то, когда мы жили летом в Краскове, он предложил пройти пешком в Коренево на опытную станцию. Там мы провели несколько часов, ходили по полям, слушали рассказы профессора А. Г. Лорха. Валериан Владимирович задавал Александру Георгиевичу много вопросов. Его отличало какое-то особенное умение слушать. Он как бы весь превращался в слух, что очень хорошо отразила фотография, на которой запечатлен его разговор с профессором Прянишниковым.

В другой раз по предложению Валериана Владимировича пошли в воскресенье в сельскую лавочку — «посмотреть, чем торгуют, послушать, о чем говорят».

Валериана Владимировича всегда тянуло к людям. Он пользовался каждой возможностью познакомиться с новыми людьми, узнать, чем они живут, что их волнует. Показателен в этом отношении эпизод, рассказанный В. Н. Сидоровой — секретарем ВСНХ. Как-то, руководя узким совещанием, В. В. Куйбышев заметил, что Варвара Николаевна часто посматривает на часы. На вопрос Валериана Владимировича: «Вы куда-нибудь торопитесь», она проговорилась, что сегодня ее день рождения и у нее должны собраться родственники и друзья. Казалось, Валериан Владимирович пропустил ее слова мимо ушей; когда же совещание закончилось, а время приблизилось к десяти часам, он предложил:

— А теперь, товарищи, едем к Варваре Николаевне, отметим ее день рождения.

И через 15 минут к членам семьи и гостям Варвары Николаевны присоединились В. В. Куйбышев, М. Л. Рухимович, В. И. Межлаук, С. С. Лобов [1].

---

[1] *Рухимович Моисей Львович* (1889—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1913 г. В Октябрьскую революцию — председатель Харьковского ВРК. В дальнейшем предсе-

Человек очень многогранный, обладающий широким диапазоном интересов, Валериан Владимирович быстро находил общий язык и с пионерами, и с учеными, и с поэтами, писателями, актерами. Об этом рассказывают многие из опубликованных воспоминаний.

В своих личных планах на месяц В. В. Куйбышев обычно записывал: «Раз в десять дней выступать перед широкой аудиторией». Правда, в отдельные слишком напряженные периоды приходилось отступать от этого правила, но чуть станет полегче — он спешил получить путевку для выступления. После выступлений возвращался домой возбужденный, делился своими впечатлениями, извлекая из портфеля или из карманов кучу записок, перечитывал их и рассортировывал — по каким запискам надо принять меры, какие передать в соответствующие учреждения, а над какими надо еще подумать.

Иногда дело не ограничивалось записками, завязывалась переписка. Так, врач Василевская из Ленинграда начинает письмо к Валериану Владимировичу от 28 апреля 1930 года словами: «Уважаемый товарищ Куйбышев, пишу Вам в связи с вашим выступлением на Московской областной конференции ВАРНИТСО[1]. Я полагаю, что, говоря о двух полюсах интеллигенции, Вы имели в виду не только инженерно-технические кадры, но в равной мере, скажем, и врачей... Я отношу себя к той группе, которая работает с воодушевлением, кто всей душой связался с рабочим классом». Далее Василевская рассказывает о своей работе с 1917 года, о том, что «воспитала сына и дочь — партийцев» и о своем решении вступить в партию.

Сохранилось большое письмо к В. В. Куйбышеву работницы московской трикотажной фабрики Афониной, написанное в 1934 году. Она прежде всего благодарит Валериана Вла-

---

датель ВСНХ УССР, заместитель председателя ВСНХ СССР, нарком путей сообщения РСФСР, нарком оборонной промышленности СССР. Член ЦК, Оргбюро ЦК, ЦИК СССР.

Межлаук Валерий Иванович (1893—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1917 г. Участник борьбы за Советскую власть в Харькове, Казани, Донбассе. Начальник Главметалла, заместитель председателя ВСНХ, 1-й заместитель председателя Госплана, заместитель председателя СНК, председатель Госплана, нарком тяжелой промышленности СССР. Член ЦК ВКП(б), ЦИК СССР.

Лобов Семен Семенович — см. настоящий сборник. Краткие сведения об авторах.

[1] ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР.

димировича за то, что он принял действенные меры по ее первому письму: в пятидневный срок были сняты с работы виновники хищений. Далее рассказывает о себе: из воспитательного дома она была отдана крестьянам, работала в Москве домработницей, теперь имеет семилетнее образование, работает браковщицей. Летом была в деревне на уборочной; дает совет — не отвлекать колхозников на сдачу хлеба, пока не убран весь урожай с поля.

Сохранилось много и других писем к Валериану Владимировичу, авторы которых — знакомые и незнакомые — делятся своими мыслями, вносят предложения, просят совета.

Как-то, не помню по какому поводу, Валериан Владимирович бросил фразу: «Ну, воспитатель я никакой!» Да, в упрощенном понимании этого слова он не был воспитателем. Я не помню случая, чтобы он «морализировал», кого-то «наставлял», «учил», «отчитывал» и т. д.

Но в то же время его влияние на людей было очень велико. Боролся он не только за пролетарскую революцию, а потом за развитие социалистической экономики, но и за людей, за их мировоззрение, сознательность, активность, бодрость духа и увлеченность. Боролся не только своими статьями и выступлениями. Человек чуткой, отзывчивой души, он умел к каждому найти свой подход, свой метод воздействия. Поясню эту мысль на нескольких примерах.

В 1929 году Валериану Владимировичу довелось в дни отпуска познакомиться с работой геологической партии, производящей изыскания на медь в Карелии. В письме он так характеризовал руководителя этой партии: «Инженер, производящий изыскания на медь, меня не знал, поэтому работа партии предстала передо мной так, как она есть, без прикрас. На тяжелые мысли навела она меня. Работает инженер без увлечения: найду — ладно, не найду — тоже ладно, не чувствуется ни нужного темпа, ни сознания важности дела. Медь под Ленинградом! Ведь ты подумай только, какая это замечательная вещь!.. И ведь молодой, чертов сын, всего тричетыре года, как кончил горный институт, а такое олимпийское спокойствие».

Валериан Владимирович так крепко ругнул молодого геолога, что я подумала: наверно, потребует отстранить его от работы. Нет, Валериан Владимирович решил поступить иначе: «Думаю,— пишет он,— вызвать ленинградцев, власти Карелии, этого инженера и закрутить дело крепко».

Приехав в Москву, он рассказал, что так и сделал и что в атмосфере общей заинтересованности результатами разведки активизировался и равнодушный геолог.

Так бывало всегда: своей увлеченностью Валериан Владимирович заражал всех, кто с ним работал.

Другой пример. Как-то Валериан Владимирович узнал о неблаговидном поступке одного товарища. Вечером на даче, когда за столом собралась большая компания, и в том числе этот товарищ, Валериан Владимирович подозвал к себе дочку Галю, обнял ее за плечи и попросил спеть его любимую песню об иностранных моряках, которые тянутся к нашей Родине, как к светлому маяку. Когда Галя кончила песню, Валериан Владимирович, сдерживая волнение, сказал:

— Как больно было бы узнать этим морякам, что у нас есть люди, которые стараются побольше урвать от государственного пирога.

Эта песня и слова В. В. Куйбышева произвели сильное впечатление на товарища, которого он имел в виду. Исправив ошибку, он больше не повторял ее.

Много воевал Валериан Владимирович с оппозицией, с нарушителями партийной дисциплины, но к суровым мерам прибегал, только имея дело с закоренелыми врагами партии. В остальных случаях был чуток, мягок и принимал все меры, чтобы вернуть человека на правильный путь. Случайно сохранившаяся записка рассказывает именно о таком отношении Валериана Владимировича к людям. В записке этой, написанной, видимо, во время какого-то заседания, А. К. Гастев обращается к В. В. Куйбышеву:

«Тов. Куйбышев! В Харькове есть коммунист Рожицын. Не можете ли его перекинуть в Москву? Он хочет работать в ЦИТе».

На обороте этой же записки ответ В. В. Куйбышева:

«Из Украины Рожицына я полагаю взять даже полезным: у него есть очень серьезные теоретические уклоны, и здесь, в Москве, он скорее выправится».

Три разные жизненные ситуации, и в каждой из них чуткость, доброжелательность, искреннее желание помочь подсказали Валериану Владимировичу наиболее правильный подход к человеку.

Бывали, конечно, в его жизни и такие случаи, когда приходилось всенародно осудить человека за грубую ошибку, чтобы она никого не ввела в заблуждение. Так было, например, в апреле 1919 года, когда по призыву В. И. Ленина «поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту» В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе напряженно искали и приводили в действие все новые и новые резервы. В эти горячие дни в самарской газете «Коммуна» и в армейской газете «Революционная армия» появился отчет

корреспондента РОСТа о беседе с В. В. Куйбышевым. Сочинив несколько успокоительных фраз, будто бы принадлежавших В. В. Куйбышеву, корреспондент закончил статью словами:

«Самарцы могут быть спокойны: Красная Армия их в обиду не даст».

Статья эта возмутила Валериана Владимировича до глубины души. Через два дня в газете «Революционная армия» появилась его гневная отповедь незадачливому корреспонденту. Заключительную фразу статьи он назвал перлом обывательщины.

«В этой статье,— писал В. В. Куйбышев,— что ни слово, то «золото». У Красной Армии, дерущейся с лютым врагом рабочих и крестьян всего мира — Колчаком, нет будто бы другой цели, как заботиться о «спокойствии самарцев». Быть покойным, когда происходит решительная схватка с ожесточенным и напрягающим все свои силы врагом,— не удел пролетария. Бездеятельность в такое время недопустима, спокойствие преступно и еще в десять раз преступнее звать к спокойствию и преуменьшать грозящую опасность».

С большевистской прямотой разоблачал Валериан Владимирович и лживые утверждения корреспондента о полном благополучии в армии.

«Ложь,— писал он,— что мы уже создали для армии человеческие условия. Ложь, что у нас нет разутых и раздетых. Стыдно говорить это перед лицом страданий, переживаемых армией...»

Прибегать к столь суровым мерам Валериану Владимировичу приходилось редко.

Вниманием, чуткостью, доброжелательностью и одновременно непримиримостью к недобросовестности, мещанству, эгоизму он завоевывал сердца людей. Об этом говорят не только опубликованные воспоминания о нем, но и письма к нему от тех, с кем ему доводилось общаться.

Вот, например, теплые, искренние письма 1920—1921 годов от И. И. Слепченко, бывшего рабочего трубочного завода, одного из организаторов Красной гвардии в Самаре, перебравшегося вместе с В. В. Куйбышевым на Туркестанский фронт, а затем уехавшего с товарищами работать в Баку. Здесь работа у него не заладилась, и он с горечью пишет об этом В. В. Куйбышеву, добавляя, что может быть это зависит еще и от того, что он до сего времени работает по присущему ему «инстинкту рабочего, почти совершенно не знакомого с марксизмом». И. И. Слепченко называет Валериана Владимировича учителем, «которого я из всех моих товарищей больше всего люблю».

Другой рабочий — А. Никишин, тоже участник гражданской войны, сделал такую надпись на своей фотографии, подаренной Валериану Владимировичу в 1920 году:

«Товарищу Валериану, которого узнал Сашка в Астрахани и с которым уже не мог расстаться. Тов. Валериану, которого Сашка бесконечно любил как человека, который умел подтягивать всех колеблющихся и празднoболтающих и заставлял их служить рабоче-крестьянской революции...»

Подарил свою фотографию В. В. Куйбышеву и рабочий Василий Федорович Наумов, воевавший вместе с ним в 4-й и в 11-й армиях. В надписи на обороте фотографии он тоже называет Валериана Владимировича товарищем и учителем.

Интересным документом, говорящим о безграничном доверии товарищей к В. В. Куйбышеву, является лаконичная записка еще одного участника гражданской войны — Федора Зубкова: «Товарищ Куйбышев,— спрашивает он,— не нужен ли я тебе в Туркестане? До осени можешь мною располагать, посылай хоть к черту на рога...»

Теплотой и доверием проникнуты письма и многих других товарищей Валериана Владимировича. Все это, может быть, и небольшие, но очень важные штрихи к характеристике его духовного облика.

* * *

О жизни и деятельности Валериана Владимировича Куйбышева написано немало, причем чем дальше, тем полнее раскрывается его вклад в науку, в теоретическую разработку основных проблем социалистического строительства. «Выдающийся деятель ленинского типа, Куйбышев,— пишет о нем заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Д. Антонюк,— обладал глубокими познаниями в области марксизма-ленинизма, широким научным кругозором. Основываясь на учении В. И. Ленина, он обогатил теорию и практику строительства социализма в СССР. Его литературное наследие превышает 3 тысячи статей, речей, докладов, брошюр, книг. В них был поставлен ряд новых крупных научных проблем в области социалистической индустриализации страны, народнохозяйственного планирования, экономической роли государства, а также размещения производительных сил, организации труда и других. Государственная и партийная деятельность В. В. Куйбышева была неразрывно связана с наукой. Он неустанно следил за последними достижениями научно-технической мысли у нас и за рубежом. По поручению ЦК пар-

тии он направлял деятельность самой массовой в то время организации советских ученых — Всесоюзной ассоциации работников науки и техники, являлся редактором Большой Советской Энциклопедии»[1].

Другой ученый — академик Т. Хачатуров подчеркивает, что предметом постоянной заботы В. В. Куйбышева было повышение научного уровня руководства во всех звеньях экономики. Его перу принадлежат многочисленные труды по планированию, вопросам повышения производительности труда, социалистическому соревнованию, хозяйственному расчету и многим другим направлениям экономической науки и хозяйственной практики. Валериан Владимирович стоял у истоков рождения новых для того времени отраслей машиностроения — энергетического, транспортного, авиационного и других. Много сделал он и для создания технической основы преобразования сельского хозяйства на социалистических началах. Строительство крупнейших тракторных и комбайновых заводов обеспечило сельскохозяйственное производство прочной базой для его широкой механизации. Однако Куйбышев смотрел дальше. Уже тогда он выдвигал мысль о создании системы машин для комплексной механизации труда в сельском хозяйстве[2].

Директор Уральского филиала ЦНОТхим В. И. Аверьянов в статье «Совершенствовать организацию социалистического соревнования» указывает на вклад В. В. Куйбышева в разработку комплексного подхода к социалистическому соревнованию как к сложному общественному явлению, которым можно и нужно управлять на научной основе. Он приводит слова В. В. Куйбышева из книги «Первый этап пятилетки и социалистическое соревнование» (1929 г.): «Если рабочий — участник социалистического соревнования — показывает, чего он может достичь на данном станке, на данной машине, рационализируя свою работу, то инженер и техник должны показать, что может дать их руководство по наилучшему, наиболее эффективному использованию оборудования всего цеха и завода, по наилучшему использованию сырья, топлива, материалов и т. д. Социалистическое соревнование среди инженерно-технического персонала должно явиться соревнованием революционной технической мысли на деле, показом преодолевающей консерватизм и рутинерство»[3].

---

[1] Известия Советов народных депутатов СССР, 1978, 6 июня.
[2] См.: Правда, 1978, 6 июня.
[3] *Куйбышев В. В.* Избранные произведения. М., 1958, с. 140; Химическая промышленность, 1978, № 4, с. 4.

Наибольший вклад внес В. В. Куйбышев в разработку проблемы комплексного, системного, программного подхода к развитию социалистической экономики. Размышляя о перспективах комплексного освоения природных богатств Сибири, академик А. Г. Аганбегян писал о программе создания Урало-Кузнецкого комплекса: «Это была продуманная программа... Управление организацией комплекса практически осуществлял тогдашний председатель Госплана СССР В. В. Куйбышев... Эффективные методы управления в значительной степени обеспечили успех» [1].

В статье «Система программ», посвященной сложнейшей проблеме перебазирования на Восток главной топливно-энергетической базы страны, академик Аганбегян называет ряд новых комплексов, еще только проектируемых, а также уже создающихся на Востоке страны. «Такой сдвиг,— пишет он,— продолжает традицию, заложенную Урало-Кузнецкой программой... Со времени Урало-Кузнецка у нас выработан подход, в основе которого — общегосударственная целевая программа... органически сочетающая технико-экономические аспекты с социальными, с рациональным природопользованием. Такой подход к крупным программам провозглашен на XXVI съезде КПСС. Мы пользуемся им все увереннее и шире... Второе, главное, условие, обеспечивающее успех гигантскому маневру в перемещении производительных сил на Восток,— управление программами. На XXVI съезде КПСС говорилось, что должны быть конкретные люди, отвечающие за их реализацию. Здесь у нас тоже есть опыт. Урало-кузнецкой программой руководило Бюро Совнаркома во главе с В. В. Куйбышевым. И программа блестяще осуществилась. Потом этот опыт забыли. Сейчас открываем заново» [2].

Валериан Владимирович предвидел величие и грандиозность предстоящих задач. Еще в феврале 1932 года в докладе о второй пятилетке на XVII конференции ВКП(б) он указывал на все возрастающую связь между всеми элементами хозяйства, превращающегося с полной победой социализма в «единый народнохозяйственный комплекс» [3].

Большую статью, посвященную вкладу В. В. Куйбышева в науку о социалистическом планировании, написал директор НИЭИ при Госплане СССР доктор экономических наук В. Кириченко. «В 30-е годы,— пишет автор,— с особой

---

[1] Знание — сила, 1978, № 8, с. 3.
[2] Советская Россия, 1981, 13 декабря.
[3] *Куйбышев В. В.* Избранные произведения, с. 378.

ясностью проявились новые грани незаурядной личности В. В. Куйбышева: наряду с известными партии и народу качествами политического и хозяйственного организатора, страстного публициста раскрылись его способности как теоретика. Его работы о хозяйственных планах, об организации планирования и выполнения планов стали крупным вкладом в науку о социалистическом планировании, в разработку его методологии... Многие их положения сохраняют свою актуальность и по сей день, служат важными ориентирами в решении сегодняшних злободневных вопросов...»[1] Используя современную терминологию, автор считает возможным сделать вывод, что в работах В. В. Куйбышева содержится «постановка проблемы программно-целевого подхода в планировании, которая широко обсуждается в кругу экономистов и плановиков сегодня».

Далее автор рассматривает подход В. В. Куйбышева к вопросу о рычагах выполнения плана, отмечает, что Валериан Владимирович неоднократно подчеркивал мысль, что составление плана — начало планирования. Важно разработать методы и систему конкретных экономических и организационных мер по реализации плановых замыслов. Сущность плана в том и состоит, что он должен показать не только то, что нужно достичь, но также показать, как это сделать, каковы рычаги выполнения плана и как должно развертываться выполнение его во времени и пространстве. Главное в борьбе за план В. В. Куйбышев видит в пробуждении творческой активности масс. В заключение автор пишет: «Важнейшие положения, сформулированные В. В. Куйбышевым, о значении социалистического планирования, об использовании при разработке планов комплексного и целевого подхода, творческого почина миллионов масс трудящихся не утратили своего значения и сегодня и используются в практике народнохозяйственного планирования».

* * *

Глубоко партийный, принципиальный и требовательный, последовательный и неутомимый боец партии, Валериан Владимирович Куйбышев был человеком в лучшем понимании этого слова, человеком с характером бойца и душой поэта.

Публикуется впервые.

[1] Плановое хозяйство, 1978, № 6, с. 27—37.

В. В. КУЙБЫШЕВ

ОТЕЦ

Так уж случилось, что родился я в самарской тюрьме в то время, когда по России прокатилась волна буржуазно-демократической революции.

Мать моя, Прасковья Афанасьевна Стяжкина (партийная кличка Пантеска), была профессиональной революционеркой, членом партии большевиков с 1908 года, опытным конспиратором-подпольщиком. Находясь на нелегальном положении под разными фамилиями, она вела подпольную работу в Петрограде, Уфе, Казани, Златоусте, Самаре. Преследуемая царскими властями, она неоднократно арестовывалась, ссылалась и, как правило, бежала. В 1910—1911 годах была направлена в Италию слушательницей партийной школы в Болонье.

Последний раз мать была арестована в сентябре 1916 года накануне Поволжской партийной конференции. Вместе с Куйбышевым, Бубновым, Андронниковым и другими товарищами она была приговорена царским судом к пяти годам ссылки.

7 февраля 1917 года осужденные в кандалах были отправлены по этапу в Сибирь, в Туруханский край. Но мама была оставлена в тюрьме, так как ожидала рождения ребенка.

Она и я обязаны жизнью революционным рабочим, которые ворвались в тюрьму, чтобы освободить политических заключенных. Это произошло как раз в день моего рождения — 16 марта 1917 года.

Наше положение было критическим. Мама и я были при смерти. Вызвали врача. Нас нельзя было перевозить, поэтому мы еще десять дней находились в тюремной камере.

Таким образом, моя биография началась с десятидневного тюремного стажа. Потом больница. Доктор Близнянская, которая нас выходила, говорила позже, что мы спаслись чудом...

Потом мама работала в посольствах СССР в Италии, Англии, Германии. Я ездил с ней. В Берлине в 1925—1927 годах она сотрудничала с легендарным разведчиком Рихардом Зорге — была его шифровальщицей. Но об этой ее сверхсекретной работе я узнал значительно позже.

* * *

Я помню отца в домашней обстановке в Кремле, по выходным дням на даче в Красково, а затем в Морозовке и во времена летних отпусков в Крыму в Мухалатке и последний раз в 1934 году в Маевке около Ялты.

На плечи отца была возложена колоссальная ответственность. Трудно даже перечислить все его государственные и партийные должности и обязанности.

Он обладал поразительной работоспособностью, был предельно сосредоточен, деловит и оперативен во время работы. Он умел в сложной, запутанной проблеме четко выявить главное, отделить сущность проблемы от второстепенных деталей. Умел ценить и рационально расходовать каждую минуту, о чем, в частности, свидетельствуют его программы-планы на следующий день, которые он обычно составлял на листочке накануне вечером.

В. В. Куйбышев был блестящим оратором и талантливым организатором. Он умел вдохновить и повести за собой людей. Вместе с тем он был чрезвычайно эрудированным человеком. Он редактировал Большую Советскую Энциклопедию, занимался литературной деятельностью — писал стихи и рассказы. Некоторые из них печатались в журналах и газетах еще до революции. А потом на литературную деятельность у него уже не было времени.

Из революционных и лирических стихов, написанных Куйбышевым, некоторые посвящены моей маме. Но особенно нравится мне стихотворение «На разведке», написанное им экспромтом, под впечатлением эпизода, который рассказал ему брат Николай, только что вернувшийся с фронта.

Отец продуктивно работал и очень интересно и всегда активно отдыхал. При фантастической занятости ему каким-то образом удавалось выкраивать время для театра, музыки, спорта, книг. Он восхищался певицей Максаковой и актрисой Бабановой, хохотал до слез на пьесе Погодина «Квадратура круга». Успевал следить за новой художественной литературой. На прочитанных или просмотренных книгах ставил галку красным карандашом. Беллетристику отец читал обычно перед сном, если было время. Кроме русских классиков, которым он отдавал предпочтение, на ночном столике у его кровати я видел О. Бальзака, А. Дюма, Д. Лондона, С. Цвейга.

В. В. Куйбышев был блестящий рассказчик. Часто с друзьями он вспоминал и с юмором или с грустью бурные годы своей молодости. Его слушали с захватывающим ин-

тересом, иногда стенографировали. Так в 1931 году родились «Эпизоды из моей жизни». Эта небольшая книга в простой и увлекательной форме раскрывает периоды подполья, революции и гражданской войны. Она ярко отражает дух того времени, полного решающих событий и необыкновенных встреч.

Еще будучи мальчиком, ложась спать, я иногда расспрашивал отца о том, как он воевал. Валериан Владимирович, сидя у моей кровати, рассказывал о разных событиях гражданской войны. Эти рассказы почти стерлись в моей памяти. Запомнился только рассказ об изнурительном обходном походе наших частей в тыл белогвардейских позиций по безводной песчаной пустыне Туркестана в Закаспии.

Отец рассказывал, что в этом походе красноармейцев жестоко мучала жажда. Запасы же воды были ничтожны, ее приходилось экономить. Страдания от жары были чрезвычайно сильны, но тем не менее изможденные части тихо подошли с тыла к позициям белых на станции Айдин, откуда их никак не ждали. Разведка противника обнаружила подход наших частей, но командующий не поверил ее донесению, настолько невероятно было появление красных со стороны пустыни.

Дождавшись рассвета, наши части внезапно атаковали. Станция с боем была взята, был захвачен штаб противника, много пленных и богатые военные трофеи. Остатки разгромленных частей белых с командующим вместе бежали в горы. Если бы станцию взять не удалось, то наши войска неминуемо погибли бы в безводной пустыне.

Отец много ездил по стране и часто рассказывал о том, что ему удалось увидеть или услышать, о встречах с людьми, о своих впечатлениях. Не обходились иногда эти поездки и без курьезных случаев.

Во время пребывания в Карелии они решили вдвоем с М. Ф. Фельдманом, его секретарем, совершить, по словам отца, увлекательное путешествие по Карелии на мотоцикле. И вот на глухой дороге, когда отец сидел за рулем, на крутом повороте они налетели на камень и оба через голову вылетели в придорожную канаву. Перевернутый мотоцикл лежал на дороге, а его задранное колесо продолжало бешено вращаться.

Еще лежа в канаве, они сначала засмеялись, а затем стали громко хохотать. Отделались легкими ушибами и синяками. Мотоцикл тоже сильно не пострадал. Вдоволь насмеявшись и подтрунивая друг над другом, они продолжили свой путь по живописным дорогам Карелии, твердо усвоив

себе, как говорил смеясь отец, что это не только страна тысячи озер, но и не меньшего количества камней на дорогах.

Круг интересов отца был чрезвычайно широк. Валериан Владимирович увлекался фотографией, хорошо стрелял, ходил на лыжах, играл в биллиард, плавал. Объездил верхом на лошади весь Алтай, который очень любил и где бывал неоднократно. Управлял машиной и мотоциклом, ездил на велосипеде, который потом подарил мне. Этот велосипед марки «Дюркопп» долгие годы надежно служил мне. Недавно я передал его в Музей В. В. Куйбышева в Кокчетаве вместе с кожаным портфелем, письменным приборм и другими личными вещами отца.

Очень любил отец шахматы и играл в них превосходно. За этим любимым занятием и запечатлел его художник В. Сварог, картина которого и сейчас висит в нашей квартире. Научил отец и меня играть в шахматы.

С особым увлечением и, я сказал бы, с азартом играл отец в волейбол. Для него это был веселый и активный отдых. Еще по дороге на дачу, в машине, перед выходным днем, составлялись команды — кто с кем будет играть. Обычно отец брал меня в свою команду, и когда мне удавалось вытащить трудный мяч или сделать точную передачу, то лучшей наградой я считал веселый взгляд или одобрительный возглас отца. На площадке было весело и оживленно. И даже тогда, когда игра носила упорный характер, она сопровождалась смехом и шутками играющих. Отец по-юношески радовался, когда наша команда выигрывала, и с гордостью говорил: «Мы им накепали».

В 1930—1933 годах жил с отцом в Кремле, в большой квартире с длинной анфиладой комнат со сводчатыми потолками. В эти годы я закончил школу-семилетку и по совету отца поступил в ФЗУ Авиазавода № 1. Отец хотел приучить меня к труду и приобщить к рабочей среде. В ФЗУ я учился, работал и стал квалифицированным слесарем. Там же я всерьез увлекся боксом и регулярно ходил на тренировки в спортклуб «Крылья Советов».

Отец был страстным энтузиастом физической культуры и комплекса ГТО, введенного в 1931 году. Он был горд тем, что я стал одним из первых значкистов ГТО. Но на мои занятия боксом отец смотрел как на дело несерьезное. Иногда, когда я приходил вечером домой с тренировки, он с ехидцей спрашивал, почему на этот раз я пришел без синяка под глазом? Он говорил мне, что бокс напоминает ему петушиные бои в Бухаре, когда летят перья и разбиваются вкровь носы.

Я возражал ему, говоря, что на бокс можно смотреть по-разному, и приводил три различных определения бокса: благородное искусство самозащиты, обмен мыслями при помощи жестов, мордобой. Я убеждал его в том, что первое и второе определения представляют сущность бокса.

Отец смеялся и говорил, что вернее третье определение. Тогда я призывал в свою поддержку таких авторитетов, как А. В. Луначарский, Н. И. Подвойский, Джек Лондон. Но наши споры на эту тему обычно кончались его предложением: «Давай лучше бороться!» Бороться он любил, а я, естественно, одолеть его не мог.

Несколько лет тому назад я разговаривал с ныне уже покойным А. И. Микояном. Он, улыбаясь, вспоминал, что иногда они с моим отцом и товарищами допоздна работали в кремлевском кабинете над вторым пятилетним планом. Они сильно уставали. И тогда отец, чтобы разрядиться, неожиданно предлагал Микояну: «Давай бороться!» И тащил его на ковер. Маленький Микоян недолго сопротивлялся. Отец скоро, под общий хохот, укладывал его на лопатки. Затем они умывались холодной водой и продолжали работать.

Осенью 1934 года в Москву для выступлений в показательных соревнованиях приехал известный французский спортсмен Жюль Ладумег — олимпийский призер, обладатель четырех мировых рекордов в беге на средние дистанции.

На эти соревнования я уговаривал пойти отца. К моей великой радости, несмотря на свою постоянную крайнюю занятость, он согласился пойти на стадион!

22 сентября 1934 года из ложи почетных гостей стадиона «Динамо» мы видели прекрасный бег Ладумега на дистанцию 1500 метров. Поражала легкость его бега, огромный шаг и спринтерский финиш. Все это очень понравилось отцу. А после забега к нам в ложу пришел и сам Ладумег. Стройный, длинноногий, по-юношески застенчивый. Они познакомились, и отец через переводчика расспрашивал о Пьере Кубертене, об Олимпийских играх. Настроение было у всех немного праздничное, отец шутил. На прощание Ладумег подарил отцу значок своего парижского легкоатлетического клуба, а я подсунул Ладумегу программу, и он с улыбкой оставил на память свой автограф.

Затем начался футбол, и отец заторопился на работу... У нас до сих пор сохранились фотографии, напоминающие об этом не совсем обычном дне, проведенном на стадионе «Динамо».

Еще будучи мальчиком, я любил бывать в кабинете отца. Это была большая комната, заставленная шкафами с редки-

ми книгами в тисненых переплетах, энциклопедиями, атласами, альбомами. Отец любил географические карты. На одной из стен висела огромная подробная карта Европейской части Союза, где Кольский полуостров упирался в потолок, а Кавказ — в пол.

В кабинете отца были мягкие кожаные кресла, со спинок которых я прыгал, как с трамплина, на диван. На полу лежал большой пушистый ковер. На письменном столе стояли несколько телефонов, большая настольная лампа, мраморный письменный прибор, в стенку которого были вмонтированы авиационные часы, барометр и термометр.

Как-то в отсутствие отца я мастерил что-то в кабинете и, разрезая картон бритвой, наискось прорезал зеленое сукно на его письменном столе. Натянутое сукно разошлось, и зияла большая дыра. Я был в замешательстве. Что делать? Ни починить, ни скрыть содеянного я не мог. Валериан Владимирович обнаружит порез, как только войдет в кабинет и взглянет на письменный стол... И я стал ждать нахлобучки или «выволочки».

Но вот вечером вернулся отец — усталый, со своим неизменно перегруженным портфелем — и тяжелыми шагами прошел в кабинет. Прошло еще часа два, но отец ни слова не сказал о разрезанном сукне. Затем за ужином мы сидели, смотрели друг на друга, думали об одном и том же и молчали. Мне было стыдно, и, видя это, отец, вероятно, решил, что и этого вполне достаточно и говорить собственно не о чем. И он был прав! Ибо его гипнотическое молчание было куда более действенным, чем любой строгий выговор. На следующий день испорченное мной зеленое сукно было заменено на новое, коричневое.

Отец любил русскую классическую и народную музыку и руководил моим музыкальным развитием. Началось с того, что он научил меня играть на балалайке и деревянных ложках. Первый мой мотив был «Светит месяц, светит ясный, светит бледная луна...». А однажды он предложил мне пойти в Большой театр на оперу «Кармен» с М. Максаковой в заглавной роли. Я впервые пошел в Большой театр и впервые слушал оперу. Эта опера Бизе с удивительно прекрасной музыкой, безусловно одна из лучших опер в мире, произвела на меня тогда очень сильное впечатление. Придя домой, я излил отцу свой восторг. Тогда он посоветовал мне пойти на оперы Дж. Верди «Риголетто» и «Травиата». Затем последовали оперы, балеты и симфонии П. И. Чайковского.

Получалось так, что мы с отцом сравнительно редко бывали вместе в театрах и на концертах. Но каждый раз он

интересовался моим впечатлением, осведомлялся о солистах и других подробностях. С отцом же мы были только на пьесах «Любовь Яровая», «Бронепоезд 14-69», «Дни Турбиных», на комедии «Квадратура круга».

Отец был человеком ярким, искрящимся юмором и весельем, увлекательным собеседником. Не помню его унылым или скучающим. К нему тянулись люди.

Очень интересно проходили воскресные обеды с друзьями. За столом у нас собирались ученые, изобретатели, литераторы, художники, музыканты. Велись беседы, споры, декламировались стихи, под гитару пелись песни, слышались шутки, смех. Помню, отцу на этих встречах с друзьями оказывалось всеобщее почтение и внимание. Когда он начинал говорить, все невольно замолкали, и это происходило естественно, без какого-либо подобострастия или лести.

В разное время у отца в гостях, помню, бывали полярные исследователи О. Ю. Шмидт и Г. А. Ушаков, профессор Визе, писатели М. Горький и А. Новиков-Прибой, поэты И. Уткин и А. Жаров, его ближайшие сотрудники по работе — В. Межлаук, Г. Смирнов, К. Розенталь, И. Краваль, М. Фельдман, М. Дейч, полярный летчик Б. Г. Чухновский, старые большевики Ф. Рабинович и Ф. Голощекин, брат отца — командарм Николай Владимирович, его сестры — Елена и Галина.

Большим другом отца был известный художник Василий Сварог, который выполнил несколько отличных портретов Валериана Владимировича в масле, акварелью и карандашом. Сварог был и хорошим музыкантом. Он превосходно играл на гитаре, подпевая себе низким баритоном. Его кареглазая жена Лариса обладала красивым голосом и пела русские романсы и неаполетанские песни, такие, как «Санта-Лючия», а особенно хорошо «Гвоздики». Отец очень любил их слушать.

Среди поэтов, с которыми встречался отец, был и Александр Жаров. Однажды он прислал отцу в подарок серию пластинок с английскими фокстротами. Но они ему, как я заметил, не понравились. Надо сказать, что мой отец любил все русское — русский уклад жизни, сибирские пельмени, вяленую воблу, хлебный квас, игру на балалайке, мандолине, в городки, русские танцы и пляски, сам с азартом плясал вприсядку.

А что до фокстротов — не нравились они ему. И расправлялся с ними весьма своеобразно: подходя к радиоле, он как бы нечаянно ронял пластинку на пол с возгласом: «Ах, опять выпала! Опять расколол — какая жалость!» И, лука-

во улыбаясь, ставил другую пластинку, например Шаляпина «Как во городе было во Казани» или арию князя Игоря.

Конечно, отец не всегда был в благодушном и веселом настроении. Он был в меру строг и требователен, умел очень убедительно и остро осадить или высмеять лгуна, хитреца, нахала. Иногда он был просто суров.

Мне довелось невольно быть свидетелем одного делового свидания. Пришел с докладом директор крупного комбината. Отец молча слушал его. И только, иронически улыбаясь, сверлил взглядом. Этот взгляд был красноречивее всяких слов — он давал понять, что отец не верит всему сказанному и явно недоволен. И было по всему видно, что собеседник прекрасно это понимает, но найти убедительных аргументов и доказательств не может. Вероятно, их просто не было.

И еще одна характерная черта — отец не любил людей навязчивых. Всегда общительный и душевный, открытый и доступный, он как-то неловко себя чувствовал в разговоре с ними. Сам всегда тонко чувствуя грани и рамки дозволенного в общении с людьми, отец сторонился тех из них, которые не понимали этого. Но делал это всегда очень тактично, корректно, не желая обидеть человека.

* * *

Валериан Владимирович Куйбышев умер внезапно, в расцвете творческих сил. Ему не было еще 47 лет, и смерть его была для всех ошеломляющей неожиданностью.

Это тяжелое известие застало нас с мамой в Ленинграде. Я только что вернулся из плавания на пароходе «Буг», который потерпел аварию у берегов финского острова Нерва. Нас спасли эпроновцы, и ледокол «Ермак» отбуксировал покалеченный «Буг» в Ленинград. Потом мне говорили, что отец называл меня в период этих спасательных работ «мой маленький челюскинец».

Мы с мамой понеслись в Москву и успели увидеть отца, лежащего в утопающем в цветах Колонном зале Дома союзов. Прощаясь с ним, мы в последний раз дотронулись до его охладевшей руки...

На следующий день состоялись похороны на Красной площади, которая была целиком заполнена народом.

Он покоится за Мавзолеем В. И. Ленина в Кремлевской стене между С. М. Кировым и А. М. Горьким. Каждый год 25 января и 6 июня мы, родные и близкие, приходим сюда, чтобы возложить цветы.

Но память о нем храним не только мы. В стране имеется большое количество музеев В. В. Куйбышева, и самым

лучшим из них следует назвать музей в Кокчетаве, основанный в 1948 году его сестрой Еленой Владимировной, которая и по сей день является бессменным его директором. Там же, в Кокчетаве, в 1974 году воздвигнут 16-метровый памятник В. В. Куйбышеву из бронзы и гранита, и я счастлив, что мне как архитектору довелось стать одним из его авторов.

Публикуется впервые.

Н. В. КУЙБЫШЕВ

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

25 января 1935 года. 14 часов 40 минут. Телефонный звонок.

— Николай, приезжай скорее на квартиру, Валериан Владимирович умер.

С дрожью в голосе сообщает мне об этом секретарь Валериана Максимов.

...Он лежит одетым на кушетке, в позе спящего человека. Его тело еще не покинула теплота угасшей жизни. Хотелось разбудить его, тормошить, кричать.

Валериана, любимого брата, друга и учителя, уже не стало. Перестало биться сердце испытанного большевика-ленинца, крупнейшего политического и государственного деятеля, вся жизнь которого с юношеских лет и до смерти была безраздельно отдана революции, строительству социализма, борьбе за счастливую жизнь трудящихся. Не стало кристально чистого, предельно скромного человека, внимательного и заботливого руководителя, общительного и жизнерадостного товарища.

* * *

...24 января 1935 года — день отдыха. Как обычно, этот день Валериан провел на даче, в 45 верстах от Москвы по Ленинградскому шоссе, около дома отдыха «Морозовка». Накануне вечером он звонил мне, чтобы справиться, приеду ли я на дачу. Как назло, я на сей раз на дачу не поехал, чем и лишил себя возможности провести с ним этот предпоследний день его жизни.

Этот день отдыха Валериан провел обычно. На дачу он приехал, как всегда, поздно вечером накануне. Как всегда, он привез с собой портфель, туго набитый материалами, чтобы ночью пару часов поработать над ними.

В дни отдыха Валериан отсыпался за всю прошедшую шестидневку. Вставал он в эти дни часов в 12 дня. В выходной день не только отдыхал, но и разгружал свой пузатый портфель. Между работой он с часок гулял, играл в шахматы с кем-либо из приятелей. Иногда отправлялся в дом отдыха «Морозовка» сыграть пару партий в бильярд.

Так было и в последний день отдыха. В этот день на дачу заглянул старинный друг Валериана Филипп Голощекин. С ним Валериан сыграл в шахматы и в бильярд. Играл Валериан всегда с азартом. Игра его захватывала. Нужно было видеть сияющую физиономию и горящие глаза Валериана после удачного исхода игры, чтобы понять, как он переживал ее. После этого Валериан осыпал побежденного противника шутками и сообщал о своих победах не присутствовавшим при игре товарищам. Если же он терпел в игре поражение, он смущенно улыбался, ерошил на голове волосы и уверял, что поражение случайное, что стоит ему постараться — и он врагу «накепает».

Часов в 7 вечера Валериан вместе с женой своей Ольгой Андреевной уехал в Москву. На следующий день он хотел к 10 часам утра быть на работе и потому решил ночевать на городской квартире.

Валериан ложился спать очень поздно, в 3—4 часа утра. На этот раз Валериан решил лечь спать в 12 часов ночи, объяснив жене, что хочет быть завтра свежим и бодрым. Ему предстояло с утра провести ряд совещаний, к 5 часам быть на заседании партгруппы VII съезда Советов, а позднее и на самом съезде.

25 января он встал в 9 часов утра, а к 10 часам уже был в своем служебном кабинете в Совнаркоме СССР. Он провел намеченные совещания, принял ряд товарищей с докладами.

В 2 часа дня Валериан прервал занятия, заявив, что часов в 10 вечера, после заседания съезда Советов, он вновь будет в кабинете, чтобы продолжать работу.

В это же время Валериан сказал своему секретарю Максимову, что он себя неважно чувствует и решил сейчас пойти домой отдохнуть до начала заседания партгруппы съезда Советов. Жил товарищ Куйбышев в Кремле, в пяти минутах ходьбы от здания Совнаркома.

Проводив Валериана из кабинета, Максимов позвонил его личному секретарю Небаеву, сообщил о самочувствии Валериана и посоветовал пойти навстречу ему.

Товарищ Небаев встретил Валериана во дворе Кремля. Он шел обычной походкой и издали казался совершенно здоровым. Лишь подойдя вплотную, Небаев заметил, что Ва-

лериан бледен и на его лице обильно выступили капли пота. На предложение вызвать врача Валериан ответил отказом, заявив, что отдохнет дома и все пройдет. Так, без помощи, обычной походкой он дошел до дома, поднялся на третий этаж в свою квартиру, снял шубу, взял из спальни подушку, перенес ее в кабинет на кушетку, снял сапоги и лег.

На вторичное предложение вызвать врача Валериан сказал, что он чувствует лишь сильную слабость и уверен, что полежит и все пройдет. Однако он все же согласился, чтобы Небаев съездил за врачом Волковым, прикрепленным для постоянного наблюдения за здоровьем Валериана.

Когда через 15—20 минут приехал врач, Валериан был уже мертв. Он умер спокойно... Видимо, его сердце перестало биться, когда он был в бессознательном состоянии.

Так неожиданно, преждевременно, тихо умер человек, закаливший себя в героических битвах за жизнь миллионов, в напряженной и неустанной борьбе с врагами и трудностями, в бурной политической и государственной работе.

Валериан работал, не считаясь с состоянием здоровья. Он работал дни и ночи даже в тех случаях, когда бывал болен. Он никогда не хотел серьезно лечиться, как бы стыдясь отвлекать свое внимание и время от возложенной на него партией работы.

Валериан любил жизнь. Он был энтузиастом новой, социалистической жизни. С юношеским восторгом он говорил о новых людях нового общества.

В этой связи нелишне упомянуть об исключительной любви Валериана к детям. Он любил играть с детьми и в шалостях с ними находил большое удовлетворение. В детях он видел будущее, он их всегда рассматривал как продолжателей наших дел. Симптоматично, что одним из последних документов, подписанных Валерианом за несколько часов до смерти, было постановление Совнаркома СССР об укреплении материальной базы пионерского лагеря «Артек». Для заботы о детях, о школах и детских учреждениях Валериан всегда находил время, нашел он его и в последний день своей жизни...

Известия, 1936, 25 января.

ОБРАЗ В. В. КУЙБЫШЕВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

А. М. Горький

А. МУХТАР

РАССКАЗ О ТОМ, КАК АЛИМТАЙ ПОЕХАЛ УЧИТЬСЯ В МЕДРЕСЕ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

В тот год Ачила еще никто не называл бува. Молодым и красивым ходил он по Чинар-кишлаку, гордый оттого, что устроил судьбу своего старшего сына, отправив его учиться в медресе. Ачил-кузнец не знал, что его сорвиголова сын, главарь всех кишлачных сорванцов, недолго постигал в Бухаре книжную премудрость. В первое же лето его жизни в медресе случилось такое, из-за чего в один прекрасный день он покинул город с караваном богатого купца-казаха. Короче говоря, Алима сманила дочь купца, тем самым изменив его судьбу.

Он встретил девушку в караван-сарае, куда приходил просто так, поразвлечься. Девушка стояла рядом с одногорбым верблюдом, обутая в красные сапожки, в бархатной безрукавке поверх белого шелкового платья. Она поигрывала прутиком и улыбалась. Алим впервые в жизни видел открытым лицо незнакомой девушки. Он не успел опомниться, как она, беззастенчиво оглядев его с ног до головы и, очевидно, довольная впечатлением, которое произвела, сказала:

— Ну, чего уставился, муллавача?

Серебряные подвески на ее лбу и груди зазвенели от легкого движения плеч. Семнадцатилетний Алим был и сам достаточно хорош собой: черноглазый и чернобровый, с лицом белым, как молоко, и со смуглым румянцем на щеках. Он и без того за словом в карман не лез, а внимание девушки придало ему смелости.

— Как тебя зовут? — спросил он, не теряя времени.

— Приходи в базарный день, скажу.

Вряд ли стоит говорить, что Алим приходил во все дни: и базарные, и небазарные. Во дворе караван-сарая и на базаре в шерстяном ряду, где торговал купец, Алим бывал чаще, чем в своей мрачной каменной келье в медресе. Незнакомая раньше радость поселилась в его сердце, напрочь лишив покоя. Глаза его ничего не видели, кроме красоты девушки, уши ничего не слышали, кроме ее голоса. А в довершение всего девушку звали Джамал, что значит — красавица.

— Только пророк мог осмелиться дать тебе такое имя,— сказал муллавача.

Девушка была догадливой и не стала выяснять, почему пророк.

— Да, конечно,— согласилась она.— Моя мама — пророк, но об этом знаем лишь я и она.

— Теперь и я знаю.

— А еще что ты знаешь?

— Что еще? Если есть рай, а в раю гурии, то ты одна из них. Газели Саади написаны о тебе...

— Тогда мне тебя очень жаль, муллавача...

— Почему?

— Мы-то ведь не в раю... И Хайяма я люблю больше Саади.

Девушка оказалась сведущей не только в книжной премудрости, но и в житейских делах, и их беседе, казалось, не будет конца.

Как ни быстро развивались любовные события, товар купца был продан быстрее, и Джамал с караваном покинула город.

Она не очень удивилась, хотя и очень обрадовалась, обнаружив Алима в караване, уже довольно далеко ушедшем в степь.

— Вай-байау, как это ты...— больше ничего она не могла сказать, потому что заплакала. Неожиданные слезы на глазах такой девушки — лучшее подтверждение искренности ее чувств, тем более что она не замедлила дать и другие доказательства этому. Короче говоря, не прошло много времени, как Алим вошел зятем в семью купца Элекбая и имя его переделали на казахский манер, прозвав Алимтай.

Элекбай едва мог написать свое имя, ему это стоило немалых трудов. Но он был неглуп и понимал, что невежество не лучшее украшение человека. По степным обычаям он давал своим детям полную свободу, охотно разрешал учиться, но при этом требовал, чтобы они умели наживать богатство и помогали ему в его торговых делах. Исключением оказался Алимтай. Не потому, что тесть проникся уважением к его учености. Просто профессия, которую Алимтай себе выбрал, хоть и не сулила прямых выгод, но открывала кое-какие возможности.

Семья купца-скотовода постоянно жила в Кукчетау. Алимтаю больше, чем знание персидского и арабского языков, которые он изучал с детства, пригодилось знание русского, приобретенное во время странствий по базарам и площадям

Бухары. Знание русского языка помогло ему стать учителем в начальной школе для казахов.

Тесть охотно простил Алимтаю полное пренебрежение к торговле, сообразив, что в этих делах он и сам не промах. А то, что зять учитель и приобрел много русских образованных друзей, льстило самолюбию и к тому же сильно подняло его авторитет в купеческой гильдии. Среди друзей Алимтая был даже сын начальника гарнизона.

Валериан учился в кадетском корпусе в Омске и приезжал к родителям на каникулы. Они подружились с Алимтаем как-то сразу, едва познакомившись. Не было дня, чтобы их не видели вместе.

Алимтаю нравилось бывать в доме начальника гарнизона, и он нередко засиживался там далеко за полночь, даже тогда, когда кончались каникулы и друг его уезжал. Душой дома была мать Валериана — Юлия Николаевна, тоже учительница. По вечерам в уютной гостиной собиралась молодежь. Много спорили о литературе, о реформе Столыпина. Говорили о Толстом-художнике и о его учении — непротивлении злу насилием. Алимтай еще не очень свободно владел русским языком и с большим напряжением прислушивался к разным мнениям. А когда гости расходились, оставался и просил Валериана объяснить то, чего не понял. Часто при этом присутствовала Юлия Николаевна. Она не скрывала своей особой любви к старшему сыну, почти обожания, хотя нередко, вмешиваясь в беседу, говорила:

— Валерий, мне кажется, что ты становишься слишком радикален.

Но даже в этих вскользь оброненных замечаниях чувствовалось восхищение его умом, и только беспокойство матери за благополучие сына мешало ей согласиться с его взглядами.

— По-моему, ты злоупотребляешь доверием Алимтая,— говорила она, когда гость уходил.

На это Валериан обычно отвечал:

— Ты плохо его знаешь. Это же узбекский эфенди. Пока он сам не поймет, его ни в чем убедить нельзя. Редкий ум, острый, глубокий.

В отсутствие Валериана Алимтай продолжал бывать в его доме, рассказывал Юлии Николаевне о своих учительских делах, Юлия Николаевна охотно делилась с ним опытом, открывала тайны детской психологии. Оба они скучали без Валериана и любили посидеть вдвоем в его комнате. Однажды она достала из комода, покрытого скатертью из зеленого бархата с золотыми кистями, шкатулку и показала Алимтаю

золотую медаль — этой медалью ее наградило земство за бескорыстный и благородный труд.

Во время шумных молодежных сходок в гостиной нередко появлялся отец Валериана. Всегда подтянутый и внешне строгий, он обычно приходил к концу вечера, садился в глубокое кресло и внимательно слушал. Его не стеснялись и спорили так же горячо. Как-то он как бы невзначай сказал:

— Не забывайте, господа, одного: любовь к родине святое чувство. Идея монархии заключается в том, что, служа царю, мы служим отечеству.

Валериан спросил:

— А если идея изжила себя, что делать тогда, отец?

— Прежде всего удостовериться, действительно ли она себя изжила или это иллюзия молодого воображения.

Алимтай ждал, что Валериан возразит отцу. Но друг его промолчал. Алимтай вообще никогда не слышал, чтобы Валериан спорил с родителями.

Джамал первое время довольно терпеливо относилась к тому, что муж частенько приходил домой далеко за полночь. Но как-то, когда он, тихонько раздевшись, прилег рядом, думая, что жена спит, она сказала:

— Мне надоел твой кадет. Еще раз придешь так поздно, будешь спать один на кошме. Понял?

Алимтай понял. Джамал была для него самым близким и родным человеком.

К Элекбаю захаживали купцы. Особенно частым гостем был сосед Гаврила, крупный конезаводчик. Его табуны заполнили всю степь. Купцы подолгу засиживались за столом, тоже спорили, кричали, но как непохожи были их шумные попойки на вечера в доме начальника гарнизона.

Гости за столом тестя объедались мясом, выпивали, прикидываясь друзьями, а днем готовы были утопить друг друга за копейку. Слушая их разговоры, Алимтай узнавал, кто из городских чиновников и гарнизонного интендантства берет взятки, кто из жен и мужей изменяют друг другу и с кем. Купцы поносили и отца Валериана Владимира Яковлевича — начальник гарнизона не брал взяток, а поставки армии лошадей, скота, зерна были выгодны. Подвыпив, Гаврила приставал к Алимтаю.

— С кадетом дружбу ведешь, в господский дом ходишь, а какая тебе от этого выгода? — спрашивал он.

— Смотря по тому, кто какую ищет,— отвечал Алимтай.

— Ты какую?

— Я никакой...

— Вот те раз,— Гаврила недоуменно разводил руками, а гости, притихнув, слушали.— А может, это ты подряд тестю устроил? Похлопотал бы и за меня. Все-таки сосед.

Алимтай подозрительно посмотрел на тестя. Тот суетливо разлил гостям водку, сказал:

— Совсем плохо говоришь, Гаврила.

— Это почему же плохо? Он у меня весь ремонт [1] забраковал, цена, видишь, неподходящая. Что, он свои деньги платит? А у тебя отару овец взял... Паршивенькая отара. Ничего. Я до него доберусь. Я не таких к рукам прибирал. Я с него белые перчатки сыму...

Алимтай не понимал, что имел в виду Гаврила, но видел, что он ненавидит отца Валериана.

Когда гости, рыгая от сытости, расходились, Алимтай долго не мог уснуть. Было ощущение, что ему наплевали в лицо. Джамал успокаивала мужа, сознавая, что и сама виновата в том, что заставила его провести вечер с чужими ему людьми.

Однажды тесть пришел расстроенный. Интенданты по приказанию начальника гарнизона отказались принять истощенных овец.

— Скажи, зачем он притесняет бедного казаха? — спросил тесть Алимтая.

— А зачем ты продаешь дохлых овец? Разве солдаты не люди? Сам бы ты таких овец есть не стал,— ответил Алимтай.

Элекбай обиделся.

— Правильно говорит Гаврила, плохой человек, глупый человек.

Алимтай понял, что Владимир Яковлевич нажил еще одного врага.

А лето выдалось беспокойное. Из России доходили слухи о жестоких реформах Столыпина. В Кукчетау привозили партии ссыльных. Алимтай часто не ночевал дома. Он не расставался с приехавшим на каникулы Валерианом. О своих ночных похождениях Алимтай не рассказывал даже жене, но Джамал больше не упрекала его.

Город спал. Только в камышах Капакуля кричала самка куропатки. Над рекой Килчиксай клубился предутренний туман. В этот час, когда ночь шла на убыль, а рассвет еще не настал, из проулка на городской окраине вышли мужчи-

[1] Ремонт — так называют конское поголовье, покупаемое для нужд армии.

на и женщина. Заброшенная тропинка в зарослях камыша привела их на обрывистый берег. Скрытый туманом, внизу шумел глубокий омут. На плече мужчина нес какой-то узел. На берегу он сбросил узел и развернул его на влажной от росы траве. Потом они стали собирать и складывать туда камни.

Гаврила Афанасьевич вышел из дома по нужде. В исподнем белье он постоял у плетня и уже собирался уйти, как вдруг услышал негромкие голоса и, оглядевшись, увидел в рассветных сумерках неясные силуэты над обрывом. Перекрестившись, он побежал за Элекбаем. Они прилегли за плетнем. Оба дрожали от предутреннего холода и любопытства.

Мужчина, увязав узел, с трудом поднял его и бросил с обрыва. Элекбай и Гаврила переглянулись, услышав всплеск воды. У Элекбая мурашки пробежали по спине. А Гаврила снова перекрестился, потирая обожженный крапивой зад.

— Япрай! Володимир Якоблевич! — сказал Элекбай.

— Сдурел, сосед? — спросил Гаврила.

— Сам сдурел! — обиделся Элекбай.

Мужчина со своей спутницей прошли по берегу и скрылись в камышах. Теперь и Гаврила разглядел, что это был начальник гарнизона с женой.

Гаврила и Элекбай разошлись не сразу. Стояли по обе стороны плетня, разделявшего их дворы.

— Эх, узнать бы, что они кинули,— сказал Гаврила.

— Как узнаешь? Глубоко. Течение сильное.

— Да, прошлый год конь у меня там потонул. Три дня искал, не нашел.

— Плохое сделали. Хорошее так не делают,— сказал Элекбай.

— Это точно, сосед,— подтвердил Гаврила и потер руки.— Теперь, Владимир Яковлевич, никуда от нас не денешься. Теперь мы тебя прижмем.

Во двор вошел вернувшийся из города Алимтай. Ни тесть, ни Гаврила его не видели, а он слышал их разговор и, хотя ничего не понял, решил предупредить друга.

Владимир Яковлевич с женой вернулись, когда дом еще спал. Юлия Николаевна продрогла и была бледна. За эту ночь она состарилась на несколько лет. Она заглянула в комнату сына. Кровать была по-прежнему не разобрана, значит, Валериан еще не пришел.

— Ты уверен, что ротмистр ни о чем не догадался?

— Сейчас ни в чем нельзя быть уверенным, дорогая.

— Надо поговорить с Валерианом. Боже, наш мальчик — революционер! Смерть, в лучшем случае — каторга. Володя, поговори с ним, его надо спасти.

— Поговорю, конечно, поговорю,— Владимир Яковлевич устало присел на диван.

Что же все-таки произошло? Почему начальнику гарнизона пришлось совершить таинственную ночную прогулку и сбросить с обрыва какой-то узел?

Все началось с того, что накануне перед вечером на улицах, площадях и в казармах появились листовки. В них сообщалось, что в России восстали некоторые воинские части, экипажи кораблей. Листовки кончались призывом: «Не стрелять по братьям-рабочим! Долой самодержавие!» Такого события в Кукчетау еще не бывало. Городовые и жандармерия шарили по чердакам, срывали листовки со стен домов и телеграфных столбов. Начались обыски в бараках, где жили ссыльные.

Жандармский ротмистр пригласил к себе начальника гарнизона. Сам по себе факт исключительный, и Владимир Яковлевич объяснил его особыми полномочиями, видимо, полученными начальником жандармского управления.

Когда он вошел в кабинет ротмистра, тот поднялся ему навстречу и не садился, пока не сел Владимир Яковлевич.

— Простите, но вынужден был вас побеспокоить,— сказал ротмистр.— Надеюсь, вы знаете о листовках, найденных в казармах?

— Знаю и жду, что вы объясните, как они туда попали.

— Признаться, я бы хотел получить объяснение от вас. Как ни прискорбно, но и вам придется принять участие в поисках,— ротмистр достал две пачки листовок, перевязанные золотыми нитками, и положил их на стол.— Эти еще не успели разбросать. Обратите внимание на нитки. Согласитесь, не совсем обычная вещь для нашего убогого города.

Владимир Яковлевич узнал нитки. Узнал сразу. Из них были сплетены кисти зеленой бархатной скатерти, которой был накрыт комод в комнате сына. Что знал ротмистр?

— Спокойствие во вверенных нам владениях — наш общий долг перед его величеством государем императором, не правда ли?

— Вы меня убедили. Дайте мне эти пачки. Я проведу расследование среди офицеров,— сказал Владимир Яковлевич и протянул руку к листовкам.

Ротмистр почтительным прикосновением отвел его руку.

— Простите, Владимир Яковлевич, но листовки останутся у нас. Вы же напишете письменное объяснение...

— Письменное объяснение вам? Вы забываетесь, ротмистр. Я вам не подчинен и ничего писать не буду. Я пришел по вашему приглашению, питая некоторое уважение к учреждению, которое вы возглавляете. Не советую вам превышать свои полномочия.

— Вам известны мои полномочия?

Владимир Яковлевич, не дослушав и не попрощавшись, вышел, сел в ожидавшую его пролетку и поехал домой, то и дело торопя кучера, преданного ему солдата:

— Гони, Пахом, гони!

Вот так случилось, что близко к рассвету, не дождавшись сына, Владимир Яковлевич переоделся в штатский костюм и вместе с Юлией Николаевной, связав в узел скатерть, пошел к обрывистому берегу Килчиксая.

Рассказ Алимтая взволновал Валериана. Они просидели в саду, не сразу решившись войти в дом. В комнате Валериана сиротливо поблескивал оголенный комод. Валериан присел на кровать, но тут же вскочил и побежал в комнату горничной.

— К нам никто не приходил? — спросил он.

— Когда, Валериан Владимирович? — горничная спросонья удивленно посмотрела на молодого хозяина.

— Ну сейчас, ночью, вечером?

— Нет, вроде бы никого не было...

Валериан вернулся к себе. Алимтай спросил:

— Что говорят?

— Никого не было,— ответил Валериан.— Это отец! Больше некому.

— Но как он догадался? — спросил Алимтай.

— Прокламации, разбросанные в казармах... были из пачек, перевязанных нитками. Ну да теперь все равно, следы заметены. Ну, ладно. Я скоро уезжаю. Плохо, если у отца начнутся неприятности.

— Я буду начеку,— сказал Алимтай.

— Спасибо, друг. Что бы такое подарить тебе на память? Ага, вот что,— Валериан достал из комода книжку,— «Граф Лев Николаевич Толстой». «Николай Палкин»,— прочитал он.— Возьми на память. Только пусть на глаза посторонним не попадает.

— Николай? Какой Николай? — переспросил Алимтай, беря книгу.

— Тот самый! — Валериан ткнул пальцем вверх.

— Нынешний?

— Нет, прежний. Но это один черт.
— Палкин? Николай Палкин! — Алимтай захохотал.
— Бери книгу. Она мне очень дорого обошлась.
— За сколько же ты ее купил?
— Эх ты... эфенди узбекский, разве за деньги такую книгу купишь? В кадетском корпусе я должен был перейти в шестой класс с двенадцатью баллами. Когда же у меня в матраце нашли книгу, мне поставили семь баллов. Понял теперь, какая у книги цена?
— А как же она снова у тебя, если ее нашли?
— Выкрал из комнаты взводного офицера. Он прибежал ко мне: «Как ты смел?» А я спросил его: «А как вы смели?» Теперь мы квиты.
— Правда, квиты?
— Пока...
Они спустились к завтраку. Из дверей столовой вышел Владимир Яковлевич.
— Доброе утро,— сказал он и внимательней, чем обычно, посмотрел на Валериана.
— Доброе утро, отец.
— Доброе утро, Владимир Яковлевич.
Чисто выбритый, как всегда, подтянутый офицер — слуга царя и отечества — мог бы сказать сыну, что не одобряет его действий, не намерен принимать в них участие, что путь, избранный им, ведет либо на виселицу, либо на каторгу. Сын мог бы ответить: прости, папа, жить иначе не в моих силах. Вместо этих несказанных слов они лишь посмотрели друг другу в глаза. Молчаливая сцена длилась мгновение, но и мгновения хватило, чтобы они поняли друг друга и сын успел оценить великодушие отца.
Было слышно, как на крыльце крикнул денщик:
— Пахом! Подавай!
Владимир Яковлевич направился к выходу.
— Валериан, ответь мне прямо,— спросил немного погодя Алимтай.— Скажем, не было бы у тебя отца-дворянина, офицера, короче, не было бы у тебя защитника, ты все равно был бы таким? Ну, понимаешь, ты бы все равно был революционером?
— А почему ж нет? Ты же революционер, а твой отец, насколько я знаю, не дворянин и не офицер...
— Какой я революционер? Я просто делаю то, что ты мне поручаешь.
— Значит, ты смелее, чем я.
— Какой я смелый? Я невежественный... Я ничего не понимаю,— тихо сказал Алимтай.

— Чего же ты не понимаешь?

— Прежде всего тебя... Какая тебе польза от того, что ты взбудоражил весь город, поднял на ноги жандармов и полицию? Ну а вдруг беда? Объясни мне, ради чего ты рискуешь жизнью? Видишь, какой я темный? Сразу задал столько вопросов...

— Поверь мне, у меня вопросов не меньше... Я знаю одно: если в жизни нет цели, которая выше и дороже собственного благополучия, если ты ради этой цели не готов рисковать самой жизнью, значит, тебе и твоей жизни грош цена. А если такая цель есть, то ничего не страшно, даже поражение...

Все, что Владимир Яковлевич не сказал сыну в то памятное обоим утро, он написал ему в письме. Он сообщил сыну, что впервые в жизни поступил против совести, изменив присяге, что сделал это ради его спасения. Он признавал право сына самому решать свою судьбу, но прежде просил взвесить все возможные последствия. Отправив письмо, Владимир Яковлевич со все возрастающим волнением ждал ответа.

Вместо ожидаемого письма, вернувшись со службы, Владимир Яковлевич застал дома сына. Валериан приехал не один.

— Знакомься, папа,— сказал он.— Моя невеста.

— Катерина,— сказала девушка.

— Бывшая гимназистка. Мы решили вместе начать новую жизнь. Построим дом, разведем кур, уток и прочую живность.

— Ваше решение делает вам честь,— ответил Владимир Яковлевич.— Он уловил в словах сына иронию и понял, эта ирония и есть ответ на его письмо.

Когда молодые вышли, Юлия Николаевна спросила:

— Что ты об этом думаешь? Может быть, женитьба действительно поможет мальчику остепениться?

— Нет, Юлия, нет... Все зашло, кажется, слишком далеко.

С приездом Валериана и его невесты напряжение в доме возросло.

Как-то Владимир Яковлевич всю ночь проходил по кабинету. Ближе к рассвету он присел на диван и даже задремал, уронив голову на грудь. Он не услышал, как в кабинет вошла Катя. Только когда она негромко позвала: — «Владимир Яковлевич!» — он вздрогнул, поднял голову.

Катя стояла в дверях. Владимир Яковлевич подумал: «Она намного старше Валериана».

— Я знаю, что вы не спали всю ночь. Вы волнуетесь.

— Да. Признаюсь, мне казалось, что я мог рассчитывать на большую откровенность сына.

— Конечно. Но ради вашего спокойствия, ради спокойствия Юлии Николаевны... Поверьте, меньше всего он хотел вас обидеть! Ваши представления о сыне...

— Простите, но откуда вам известно, каким я представляю себе своего сына?

— Он показывал мне ваши письма. Я его друг. Вы всего лишь догадываетесь, кто ваш сын. На самом деле все зашло гораздо дальше, чем вы думаете. Прочтите вот это,— девушка протянула вырезку из газеты.

В кабинете было недостаточно светло, и Владимир Яковлевич подошел к окну. Статья была посвящена надвигающимся революционным событиям и заканчивалась призывом: «Опирайтесь на молодежь, господа!» Героем статьи был молодой человек, выступивший на митинге железнодорожников в Омске с речью о роковом воскресенье.

— Этот молодой человек ваш сын, Владимир Яковлевич,— сказала Катя, когда он кончил читать и вопросительно посмотрел на нее.

— Что это за газета?

— Это нелегальная газета.

— А кто вы такие?

— Социал-демократы России. Почему вы не спросите, кто автор статьи?

— Вы?

— Ну разве мне под силу так написать? Статья одного из умнейших людей, Владимира Ильича Ульянова.

— Что ж, выбор судьбы — дело самого Валериана. Я не стану ему мешать. Вы действительно его невеста?

— Нет. Просто так легче для конспирации. Валериан едет в Петербург.

— Когда?

— Завтра. Вернее, уже сегодня. Внешний предлог. Он действительно будет учиться в Военно-медицинской академии...

Владимир Яковлевич знал, что значит сейчас ехать в Петербург...

Мухтар А. Чинара.
Роман в легендах,
рассказах и повестях.
Дружба народов, 1970,
№ 2, с. 28—35.

Б. М. КЕРБАБАЕВ

ТОВАРИЩ КУЙБЫШЕВ ТОЖЕ ИДЕТ С НАМИ!

Из помещения станционного телеграфа вышли командующий фронтом, командарм, начальники штабов; засуетились адъютанты, в разные стороны побежали ординарцы... Командующие о чем-то негромко разговаривали, то и дело с нетерпением посматривая в сторону Ашхабада.

Стоя неподалеку, Артык с улыбкой смотрел на нервно ежившегося Тыжденко.

— Алеша, что с тобой? Мерзнешь?

— Да и на самом деле пронизывает насквозь этот ветер.

— Я не теплее тебя одет.

Тыжденко признался:

— Нелегко оставаться спокойным. Ведь он член Туркестанского ЦИК и Реввоенсовета, член Средазбюро ЦК...

— Я знаю, что едет товарищ Куйбышев, но не едет же он, чтобы ругать нас?

— Я тоже думаю, что его приезд только поднимет дух бойцов, ускорит путь к победе. Но все же робеешь перед большим человеком.

Когда поезд подошел со стороны Ашхабада и остановился у перрона, Артык тоже взволновался. Командующие и начальники штабов вошли в штабной вагон. Связисты тотчас же потянули телефонный провод в помещение телеграфа. Артык скользнул взглядом по окнам вагона. В одном из них он увидел человека во френче с широким лбом и немного поредевшими волосами, который смотрел на горы. Артык узнал Куйбышева — за несколько дней до этого он видел его портрет в газете.

Немного погодя Иван Тимофеевич Чернышов вышел из вагона с веселым выражением лица. Заметив Артыка и Тыжденко, он подошел к ним, поздоровался и стал расспрашивать о полке.

Улучив момент, Артык спросил его:

— Товарищ командующий, а что, товарищ Куйбышев разговаривает с людьми, как вы с нами, или только приказывает?

Чернышов с улыбкой посмотрел на него:

— Это ты сам увидишь, когда он заговорит с тобой.

— Со мной?

— Да...

Слушая доклады начальников штабов, Куйбышев долго не выходил из вагона. Артык ждал его, думал, о чем он

спросит и что ответить на его вопросы, и все-таки почувствовал себя застигнутым врасплох, когда увидел, что Куйбышев в сопровождении командующих едет к его полку.

Приподнявшись на стременах, Артык скомандовал:

— По-олк, смирно!

Куйбышев одобрительно посмотрел на ровный фронт туркменских джигитов, на ахалтекинских коней. Артык подъехал к нему с рапортом.

— Вольно! — сказал Валериан Владимирович и поздоровался с Артыком за руку.

Он беседовал запросто, как знакомый человек, называл по имени командира и комиссара. Окружавшие невольно улыбались его шуткам. Посмотрев в его большие глаза, Артык подметил в них силу и широту души и подумал, что в тяжелых положениях такой человек не растеряется, будет действовать обдуманно, мудро. И он понял, что с такими вождями Красная Армия никогда не будет побеждена.

— Товарищ командир,— обратился к нему Куйбышев,— правительству известно, что красноармейцы Закаспийского фронта прошли в тяжелых боях больше тысячи верст по безводным пустыням и трудным дорогам. До Красноводска еще верст двести пустыни, вероятно, будет еще немало тяжелых боев. Не чувствуется ли усталости в вашем полку?

— Товарищ член рев... воен...

— Называйте меня просто по имени.

— Товарищ Куйбышев, у нас есть поговорка: «В ножнах сабля ржавеет». Наши джигиты, когда нет боев, больше устают. Наши дехкане отдыхают только после того, как соберут весь урожай.

— Значит, вы верите, что мы скоро победим?

— Никто в этом не сомневается.

— Возьмете меня с собой в это наступление? — уже шутливо спросил Куйбышев.

— Товарищ Куйбышев! Мы знаем, что вы с нами, видим вас. Зачем же вам самим переносить трудности и опасности похода?

— Это мне не впервые. Я хочу своими глазами видеть, как сражается Красная Армия и туркменские джигиты в ее рядах.

Эта фраза не была случайной. Через несколько дней Куйбышев сел на коня и отправился в поход вместе с кавалерийским полком Артыка. Его присутствие поднимало боевой дух бойцов. В каждой части красноармейцы радостно говорили: «Товарищ Куйбышев тоже идет с нами!»

Как ни укрепляли деникинцы Ахча-Куйму и Перевал свежими резервами и дальнобойными орудиями, получив крепкий лобовой удар по линии железной дороги и опасаясь нового обхода, они оставили обе станции без боя.

Следя за номерами телеграфных столбов, Куйбышев остановил коня на двести седьмой версте между Ахча-Куймой и Перевалом, в 30 метрах от железнодорожной насыпи, спешился и сделал несколько шагов из стороны в сторону. Кругом были пески, никаких следов, никаких примет. Сняв фуражку, Куйбышев склонил голову. Артык и все окружавшие его обнажили головы.

...Куйбышев попрощался с 26 комиссарами, предательски схваченными и расстрелянными по приказу английских интервентов и зарытыми в этом, отныне незабываемом месте. Затем поднял голову, обвел присутствующих затуманенным взглядом и сказал:

— Партия, Советское правительство и народ доведут до конца дело, за которое боролся Шаумян со своими товарищами. Скоро Красная Армия и в Баку водрузит красное знамя!

В молчании двинулись дальше.

Артыку навсегда запомнился день, когда его полк подходил к Айдину. Подтягивались красноармейские полки, близился час атаки, но ординарцы, посланные на рассвете для того, чтобы связаться с пехотой, все еще не возвращались. Землю покрывал густой туман. Куйбышев высказал предположение, что пехота стоит где-нибудь, ожидая ординарцев с приказом, а ординарцы заблудились. Взяв с собой Артыка с несколькими джигитами, он сам выехал на розыски.

Когда Куйбышев находился с его полком, Артык ничего не боялся. Но как в таком тумане, с двумя десятками джигитов охранять его жизнь от всякой неожиданности? Даже в схватке на саблях с чеченским офицером Артык так не волновался, как в этот рассветный час. Но решительность члена Реввоенсовета и его спокойствие придали уверенность Артыку.

Куйбышев установил связь с пехотой. Тем временем погода прояснилась и уже можно было определить позиции белых, наблюдать движение бронепоезда, наметить направление главного удара. Чтобы показать пехоте удобный путь для атаки, Куйбышев послал к ней своего ординарца.

Как стало известно позднее, деникинский командующий фронтом не поверил донесению разведки, что красноармейская пехота находится в четырех верстах от Айдина, приказал «арестовать паникеров». Но еще до выполнения этого

приказа с первыми лучами солнца загрохотала красная артиллерия — Красная Армия пошла в атаку.

Сражение было ожесточенным. Куйбышев в разгар боя появлялся то среди конницы, то среди пехоты: он мчался на своем коне туда, где угрожала опасность. Артык не отставал от него ни на шаг. Каждую минуту он готов был своим телом, как щитом, прикрыть Куйбышева от пуль врага.

В сумерках деникинцы бежали, оставив в Айдине много пленных, оружия и снаряжения.

Кербабаев Берды.
Решающий шаг. Роман.
М., 1950, с. 724—728.

В. И. КРАСИЛЬЩИКОВ

ВЕСЬ БЕЗ ОСТАТКА

...Что пожелать? Заразитесь от нас ликующей радостью и действуйте... Будьте бодры и радостны. Жизнь идет. Живи, робята!

Валериан

Тысяча девятьсот двадцатый год.

Гражданская война в Средней Азии приближается к развязке. Но войска молодой Советской республики никак не могут овладеть Красноводском. Это прочный бастион интервентов и контрреволюции.

Трудно или просто невозможно развернуть боевые действия в пустыне, предпринять широкий маневр в сплошных движущихся песках, когда ветер выдувает даже насыпь из-под шпал.

Бои завязываются на узенькой полоске вдоль железной дороги Красноводск — Ашхабад. Здесь есть вода и, значит, возможна какая-то жизнь. Жестокие схватки идут за каждый разъезд, за каждую водокачку, за каждый колодец. Небольшая станция Кизыл-Арват уже несколько раз переходила из рук в руки: то она у нас, то ее снова забирают деникинцы.

Красноводск по-прежнему остается у белых.

Чтобы решительно ускорить военные действия, по предложению Фрунзе, командующего Туркестанским фронтом, из Ташкента в Закаспий направляется член Реввоенсовета Куйбышев.

Валериан Владимирович приехал в Кизыл-Арват, недавно отбитый у противника, когда штаб Закаспийского фронта разрабатывал план дерзкой обходной операции.

Решили пройти по пустыне 100 километров и занять станцию Айдин. Пройти надо было большой группой войск — с пехотой, с конницей, с артиллерией, чтобы не только перерезать железную дорогу, но и надежно запереть белых на участке между Айдином и Кизыл-Арватом.

И вот после тщательной подготовки длинный-предлинный караван тронулся на зорьке в путь.

Упираясь в стремена и слегка приподнимаясь в седле, Куйбышев молча смотрит на проходящие мимо роты, эскадроны, батареи, на растянувшийся обоз. В тишине утра не слышны голоса людей — только скрип колес да изредка громыхнет котелок или лопата. Лица сумрачные, сосредоточенные на чем-то своем, отдельном и в то же время на общем, на одном...

«Кажется, не забыли ничего? Снаряды, патроны, продукты, медикаменты, перевязочные средства, запас воды. Да! Вода особо. К сожалению, приходится и ее нести с собой — в специальных кожаных мешках на вьюках. Да что вода! Корм для коней, для верблюдов и тот пришлось взять! Нормы питания урезаны до предела, и все же вон какой обозище!»

Двуколки, телеги, фургоны громыхают и громыхают мимо. И конца-краю им не видно.

«А все же пищи, воды, кормов смогли взять лишь на дорогу туда — лишь на четыре дня. Если не удастся внезапно обрушиться на дивизию, занимающую Айдин, все погибнут. И я. Да, и я погибну. На обратный путь просто не хватит ни воды, ни пищи, ни кормов. Без пищи бы еще куда ни шло, а вот без воды здесь пропадешь».

А телеги все скрипели и скрипели мимо, уходя вперед, вперед, туда, где серое небо сливалось с серыми барханами.

Куйбышев тронул коня и поспешил в голову колонны...

...Хряп, хряп, хряп — мерно скрипит песок под копытами. И в такт ему поскрипывает ссохшееся седло.

Неподвижна вокруг песчаная равнина. Неподвижны, замерли, затаились одинаково нависшие, одинаково пологие барханы — не отличишь один от другого. Затаились впереди — к ветру, затаились сзади — от него, затаились слева и справа. Будто и не было семи часов похода, будто все ты на том же самом месте, только станция с поселком, с корявыми саксаулами, с водокачкой провалилась куда-то в глубь земли.

Солнце палит, нет не палит, а прожигает заблестевшие солью спины бойцов, прожигает неотступно. Командир вто-

рой батареи, у которого все приборы всегда в полной исправности, говорит, что по Цельсию уже 60.

Не пьешь — плохо и пьешь — плохо: жажда остается, усталость прибавляется. Но все же хочется пить, пить бы и пить все равно что: теплую воду, холодную воду, квас, молоко, чай — только бы пить. А на каждого три стакана воды в день. Люди могут воздержаться — лошади не стерпят, им не объяснишь, а их 4 тысячи — лошадей, и каждую надо напоить, иначе не дойти.

Кажется, от горизонта до горизонта растянулся отряд. Вот бы сейчас припасть к прохладному источнику под березой и пить, пить, пить!

Но... По-прежнему одинаковы, по-прежнему безлики и неподвижны волны барханов. «Хряп, хряп, хряп»,— скрипит песок под копытами: сыпучий увал, вязкий гребень, пологий спуск навстречу ветру с Каспия. Опять подъем на увал, опять вздох коня на гребне, опять медленный спуск. А впереди, докуда хватит глаз, под неподвижным выгоревшим небом затаившиеся барханы — море барханов. И кажется, ни до чего тебе не дойти, да и нет ничего там, за мглистым пышущим маревом,— ни людей, ни Каспия, ни жизни. Вот бы встретить прозрачный студеный ключ!.. Но ведь карта ясно говорит, что ничего подобного здесь не встретишь... Мало ли что говорит карта... А вдруг?.. Ну хоть колодец, плохонький, заброшенный колодец с тепленькой водой!.. Хоть ведро воды! Хоть стакан!

Журчит песок под копытами, журчит, струится...

Истомленный зноем всадник вглядывается в расплавленное марево — и вот за колыхнувшимися волнами барханов открывается море. Нет, это не море — это Иртыш. И не Иртыш, а родная Чаглинка — и на берегу ее он, юный Воля Куйбышев, сын воинского начальника в заштатном сибирском городке Кокчетаве, приехавший на побывку воспитанник Омского кадетского корпуса.

С детства мечтал он о далеких походах и славных баталиях. Очень рано любимым героем стал Суворов. Мальчик прочитал о нем все, что удалось найти, и старался сделаться похожим на великого полководца; спал на голых досках, обтирался холодной водой, подкладывал под голову шинель. Так что дома его шутя звали «наш Суворов». И вот наконец мечта, казалось бы, начинает сбываться: блестящие успехи в кадетском корпусе, блестящее будущее офицера в перспективе. Но почему все меньше и меньше читающий кадет Валериан Куйбышев думает о карьере Суворова? Почему

другие судьбы волнуют сердце, другие герои на уме? Чернышевский, Герцен, Салтыков-Щедрин...

«Кто борется с природою,— прочитал он однажды у Писарева,— тот обогащает и самого себя и всех окружающих людей; кто обирает людей дозволенными и недозволенными средствами, тот разливает вокруг себя бедность и страдание, которые непременно, рано или поздно, тем или другим путем, доберутся и до него самого... Теперь всеми сделанными открытиями пользуется ничтожное меньшинство, но только очень близорукие мыслители могут воображать себе, что так будет всегда. Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала».

Может быть, именно эта мысль заставила юношу по-настоящему задуматься, критически оценить окружающее, пересмотреть свое отношение к жизни. Может быть, попав в корпус, он быстро перерос тесные рамки дворянской, кастовой, ограниченности и, как все здоровое, сильное, смелое в поднимающейся России, уже видел дальше, глубже, шире остальных. А может, просто время наступало предгрозовое и не видел ничего только тот, кто не хотел видеть. Кто знает? Одно можно сказать твердо: «престол и отечество» начинали терять еще одного слугу.

Надежды подполковника Куйбышева на то, что сын пойдет по его пути, не оправдывались: еще не закончив корпус, в 1904 году шестнадцатилетний Валериан вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию и сразу же примкнул к большевикам-ленинцам.

Наступил новый, 1905 год.

Всю страну потрясло Кровавое воскресенье — 9 Января. И Куйбышев получает от Омской партийной организации первое серьезное задание: ему поручают выступить перед рабочими-железнодорожниками. Он взволнованно говорит о расстреле мирной демонстрации в Петербурге, о том, что без борьбы ничего не добьешься, по-юношески страстно призывает подписать составленный им протест.

Запомнилась радость первой победы — пусть маленькой, но победы: вот он стоит, совсем еще юный, почти мальчик, и смотрит, как бывалые, тертые нелегкой жизнью люди не очень ловко, но решительно ставят свои подписи...

За первым заданием — второе, третье, еще серьезнее, еще ответственнее. И вот он уже в Петербурге, студент Военно-медицинской академии. Но это лишь внешняя сторона его жизни: Валериан Куйбышев все больше и больше уходит в революционную работу, отдает себя ей.

Год шел 1905-й — первая русская революция... Семнадцатилетний юноша развозит по районам нелегальную литературу. В конспиративной квартире он получает ящики с бомбами, приходящие из Финляндии, и переправляет их на центральный склад. Отсюда оружие и боеприпасы расходятся по всей стране, особенно много отправляют в Москву: большевики готовят вооруженное восстание.

Однажды ноябрьским вечером он вместе с курсисткой Агатой Яковлевой должен был перенести два ящика бомб. На квартире рабочего они распаковали эти ящики и увешали себя бомбами. За поясом, на груди, на спине, в карманах — всюду был тяжелый прохладный груз. Часть бомб уложили в портфель, остальные увязали в свертки.

Выйдя на улицу, Агата оглядела Куйбышева с ног до головы и, улыбнувшись, шепнула:

— Вы, кажется, располнели...

— По-моему, у вас нет оснований завидовать мне...

Вскоре он заметил, что позади них идет полицейский. Неужели выследил?

Они свернули в переулок — полицейский за ними.

Портфель и свертки немилосердно оттягивали руки, а перекладывать было нельзя: полицейский мог тут же заинтересоваться: что это за портфель такой тяжелый у молодого человека, что за свертки?

Изменили путь еще раз — полицейский не отстает, снова завернули за угол — снова идет по пятам.

Бомбы давят грудь, ноют оттянутые руки, натруженные плечи; каждый шаг причиняет боль, идти дальше становится не под силу. А полицейский все идет и идет за ними... Что же делать? Руки вот-вот сами разожмутся, и тогда... Куйбышев опять осторожно оглянулся. Что такое? Полицейского нет. Вот он, зашел в один из домов. А вот и спасение:

— Извозчик! Пожалуйста!..— И Куйбышев назвал адрес.— Уф! Никогда еще не испытывал такого наслаждения от того, что сижу. Но что такое с вами, Агата? Почему вы так мрачны?

— Вы сознаете, что сделали? Ведь вы же громко назвали адрес склада. Теперь полицейский немедленно позвонит по телефону — и провалимся не только мы, но и весь склад!

— Н-да-а... Пожалуй, вы правы... Как же быть? Давайте не повезем бомбы по указанному адресу.

— Нет. Товарищи погибнут. И мы должны с ними погибнуть...

При воспоминании обо всем этом Валериан Владимирович невольно улыбается и, словно очнувшись, оглядывается по

сторонам: кругом по-прежнему неподвижные, мертвые барханы. Кто это сказал, что они пересыпаются с места на место? Не может быть. Все так же кажется, что от горизонта до горизонта растянулся темной змейкой на желто-сером песке караван людей, орудий, повозок, верблюдов... Ветер метет в лицо колючие песчинки.

Как давно и как, в сущности, недавно все это было: детство, юность!

И все еще продолжая оставаться во власти воспоминаний, он вздыхает: «Да, хорошо, что тогда так благополучно все кончилось. А ведь думал — провалил склад. Стреляться даже хотел с отчаяния... Хорошая была вперед наука».

Все так же мерно похрустывает под копытами песок. Все так же идут люди — вперед, вперед, идут навстречу неподвижным барханам, навстречу жизни, а может быть, смерти. Идут и день, и ночь, и второй день, и вот уже вторая ночь пути. Только короткие привалы, короткие передышки — и снова в путь, в путь...

Успех дела в быстроте: если деникинцы обнаружат отряд и подготовятся к обороне, то гибель всех неизбежна.

Поплескивает вода в кожаных мешках на вьюках, фыркают верблюды, всхрапывают кони, изредка слышится ругань: опять кто-то заснул на ходу.

Сон наваливается неотвратимо, как болезнь. Валериан Владимирович встряхивает головой, трет уши, и вот уже как бы сквозь пелену, сначала расплывчато, а потом все яснее, отчетливее встают одна за другой картины.

Вот он видит себя в подпольных кружках Омска, в Каинске, в Барабинске, в Петропавловске. Потом вдруг все исчезает, перебивается: арест на партийной конференции в Омске, тюрьма, суд. Потом снова арест, снова тюрьма, но уже другая, снова суд. Нелегальная работа. Жизнь революционера-профессионала в Тамбове, в Вологде, в Харькове и в Петербурге. Работа в больничной кассе. Избрание в Петербургский комитет большевистской партии — руководство пропагандистской работой. Высылка на три года в Иркутскую губернию. Организация политических ссыльных. Марксистские кружки. Рукописный журнал. Работа среди местных крестьян. Борьба с оборонцами, защита ленинского лозунга превращения империалистической войны в войну гражданскую. Побег. Работа в Самаре на крупнейшем военном заводе под именем Иосифа Андреевича Адамчика...

Вот, чувствуя ладонью луку седла, понимая, что спит и не может ничего поделать, Валериан Владимирович продолжает видеть себя во сне: в девятом году он арестован, а по-

том заключен в одиночную камеру томской тюрьмы. Рослый и плотный, он с трудом умещается на шатком стульчике, порывисто встает, делает шаг к окну, резко поворачивается, шагает и тут же останавливается — теперь уже перед дверью. Нетерпеливо поводит плечами: так хочется шагать и шагать — размашисто, самозабвенно, мерить землю — всю, а вместо этого...

Нет! Так нельзя! Нельзя жить впустую. Даже здесь! Надо что-то делать. Но что? Что можно здесь делать?

А Ленин?!

Разве можешь ты его представить впавшим в уныние? Или опустившим руки? Как он, говорят, работает! На свободе и в тюрьме, в изгнании и на родине — всюду, всюду одно и то же: зарядка, работа, зарядка. Сколько же им сделано уже! Сколько нам еще надо сделать! Ты уже прочитал здесь медицинскую книгу и книгу по астрономии... Да! Надо так же, как всегда. Он раскрыл тетрадь для занятий алгеброй и на странице, исписанной математическими формулами, вывел: «Расписание дня. Вставать в...» — занес руку, но остановил ее, подумал: «Пожалуй, буду в восемь часов», помедлил и черканул: «Полвосьмого»! Так-то оно лучше. Теперь далее: полчаса на умывание, оправку, гимнастику — все это до восьми часов. Затем полчаса на чай. От половины девятого до половины десятого занятия правом. Потом прогулка. Потом два часа занятия немецким языком. На обед полчаса. На чтение час. Снова прогулка, чай и два часа занятия правом. Два часа чтения. Полчаса на гимнастику, обтирание холодной водой, и в одиннадцать — спать...

— Товарищ член Реввоенсовета! Валериан Владимирович!..— Это подскакал командир первой батареи.

Куйбышев ответил ему, смущенно протер глаза, осмотрелся: уже начинает светать. В сероватой мгле идут и идут люди, едут конные, тянется по барханам обоз...

Хрустит песок — хрустит где-то далеко, далеко внизу, под плывущей спиной коня. Широкая эта спина из темной почему-то становится белой-белой. Да это и не спина — это снежная дорога. И не по пустыне идут бойцы, а по завьюженной дороге сквозь тайгу движется партия политических. Сначала издали, а потом все ближе, все ясней чуть хрипловатый, но все еще звонкий юношеский голос грустно выводит:

Динь-бом, динь-бом —
Слышен звон кандальный,
Динь-бом, динь-бом —
Путь сибирский дальний...

«Дальний,— откликаясь, перекатывается жесткое, сухое эхо,— да-альний... да-а-альний...»

В полдень ссыльные остановились отдохнуть. Развели костер, затрещали смоляные ветки, упругое пламя взметнулось прямо вверх — в безветрие, обдавая жаром, наполняя истомой и негой тела сгрудившихся вокруг него людей.

Вдруг... бабах! — точно из пушки ударили рядом.

Все невольно вздрогнули и обернулись. Нет, ничего особенного, все по-прежнему неподвижно в этом седом безмолвии, только снег сухими струями сыплется с вековой сосны. Ссыпался весь — оголил черные разлапистые ветки, и все. Тишина, спокойствие, неподвижность.

— Дерево лопнуло,— со вздохом пояснил зачем-то юркий смуглолицый ссыльный, заросший жиденькой мальчишеской бородой (это он пел в пути), и зябко закутался в подпаленную шинель.— Не выдержало дерево.

— Морозище! — в тон ему вздохнул кто-то.

— Ох, Сибирь, Сибирь, Сибирь — дивная планета: двенадцать месяцев зима, остальное лето.

— Пропадем мы здесь, хлопцы!

— Все, как есть, пропадем.

— Полно! — Вперед выступил рослый плотный человек. Да, конечно, это был он, он — Валериан Куйбышев. Он был в добротном полушубке, но шапку-ушанку не завязал: чистые румяные щеки его как будто не мерзли.— Полно вам! Я сибиряк и больше всего люблю Сибирь. Да вы знаете, что это за край?! — Говорил он уверенно, убежденно, и его невольно стали слушать.— Это же еще Герцен понял! Драгоценная жемчужина России. Напрасно смеетесь, господин конвойный! Русские цари превратили Сибирь в каторгу, поэтому она пугает. На нее смотрят лишь, как на подвал, набитый золотом, мехами и другим добром, но занесенный снегами и абсолютно не пригодный для жизни.

— А что, не так, что ли? — перебил смуглолицый юноша-бородач.

— Нет! Не так. Мертвящее русское правительство все делает палкой — не умеет сообщить тот жизненный толчок, который бы увлек Сибирь вперед со сказочной быстротой. Вот увидите, что здесь будет, когда лучшие сыны народа хлынут сюда... Распашут богатейшие черноземы, настроят дорог, поднимут прямо из тайги города, заводы... Движение, тепло и свет от еще невиданных, небывалых электростанций победят оцепенение, холод, мрак...

— Когда все это будет, Валериан?

— Скоро. Очень скоро! Когда мы отберем Россию у царя.

— Ну, ты там! Полегче!.. Подымайсь!.. Становись!.. Шагом арш!

И снова впереди только завьюженная, прерывающаяся нить дороги, а по сторонам тайга, погребенные под снежными завалами черные деревья — деревья, деревья без конца, без надежды — глухая, все заслонившая, все поглотившая стена.

— Ну-ка, борода, запевай.— Куйбышев толкнул соседа.

Смуглолицый на ходу повернулся, вопросительно поднял блестящие глаза-сливы:

— Опять «Динь-бом»?

— А другие знаешь?

— Другие?..— Он иронически усмехнулся,— дескать, по меньшей мере странно ждать от человека в его положении других песен, но тут же насторожился, как бы прислушиваясь к чему-то давно-давно забытому, а может быть, и похороненному.— Другие?! — внезапно откинулся, распрямился, вывел высоко, звонко, задиристо:

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.
Радость жизни, радость битвы
Пусть умчит уныныя след,
Прочь же, робкие молитвы!
Им уж в сердце места нет...

«Откуда он знает мое стихотворение? — взволнованно и удивленно думал Валериан Владимирович, молча шагая рядом с певцом.— Я ж написал это в тюрьме когда-то, почти забыл...»

А смуглолицый юноша между тем весь отдался песне, шагал и шагал, продолжая с увлечением, самозабвенно:

Будем жить. Любовь? Чудесно!
В бурю любится сильней.
Ярче чувства, сердцу тесно
Биться лишь в груди своей...

Когда он умолк, Куйбышев спросил:

— Откуда ты знаешь эти стихи?

— Ну как же! У нас их все пели — вся организация. Я вот музыку подобрал. Конечно, неважнецкая, зато слова-а!.. Правда?

«Ссылки, тюрьмы...— уже проснувшись, подумал Валериан Владимирович, уперся в стремена, потянулся и поудобнее уселся в седле.— Сколько их было! И наяву помнятся,

и во сне снятся. И еще будут сниться — пока жив, пока есть память. А Сибирь, действительно... Мы еще взбодрим в ней такую цивилизацию, какой земля и не видела. Дайте срок... Странно! Быть может, завтра меня уже не будет, а думаю совсем, совсем не о себе. Странно...» И опять подумал о Сибири.

И опять вспомнилось — на этот раз, как в шестнадцатом году, после побега из ссылки, он работал в самарской партийной организации и поступил на трубочный завод фрезеровщиком. Пришел он, не умея обращаться со станком, и его учили товарищи-большевики. А через некоторое время они же просили его:

— Ты не очень-то нажимай, а то нам всем из-за тебя норму увеличат — заработок снизят...

Зимой семнадцатого года перед ссылкой Куйбышева в Туруханский край начальник самарской тюрьмы узнал, что Валериан Владимирович — сын подполковника и даже окончил кадетский корпус. Старый служака покачал головой и вздохнул:

— Жаль, жаль, был бы теперь офицером.

На это один из заключенных, улыбаясь, заметил:

— Ничего! У нас он будет генералом.

Едва ли в то время даже сам шутник подозревал, какая большая доля правды в его шутке. Сразу же после Февральской революции Куйбышев возвращается в Самару и борется здесь за установление Советской власти. От самарской организации он едет на VII Всероссийскую конференцию РСДРП(б), на которой впервые встречается с Лениным.

Изо дня в день подвергаясь смертельной опасности, Валериан Владимирович возглавляет борьбу за Советскую власть в Самаре, торжественно провозглашает эту власть, руководит первыми ее шагами в обстановке жесточайшей борьбы и даже покушений. А когда город занимают белогвардейцы, Куйбышев в последний момент уходит с частями Красной Армии. Став политкомиссаром и членом Реввоенсовета 1-й и 4-й армий, он участвует в тяжелых кровопролитных боях, проводит отступление в исключительно сложной обстановке лета 1918 года. Наконец желанная победа вырвана у врага — первая победа!.. Куйбышев и его товарищи тут же телеграфируют Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

«Взятие Симбирска — моего родного города,— отвечает Ленин,— есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. По-

здравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Председатель Самарского ревкома, член Реввоенсовета Южной группы Восточного фронта, исполняющий обязанности командующего 11-й армией под Астраханью, член Реввоенсовета армий Туркестанского фронта и член Комиссии ВЦИК — Совнаркома РСФСР по делам Туркестана — вот дальнейшие этапы бурной и многогранной работы Куйбышева во время гражданской войны. И теперь он здесь, в трудном походе по пустыне.

«Неловко как-то,— вдруг подумал Валериан Владимирович, оглядывая уже хорошо видных ему при свете только что взошедшего солнца бойцов.— Неловко: люди идут, а я еду и даже сплю...» Он спрыгнул с коня и пошел рядом с ними.

Что же было потом? Потом... Об этом рассказывает сам Валериан Владимирович:

«...В конце четвертых суток мы очутились около безлесной песчаной горы, за которой находилась станция Айдин. Нам нужно было обойти гору и выйти на линию железной дороги.

Была ночь, часов 12. Удар мы решили нанести на рассвете.

Таким образом, у нас оставалась еще пара часов для передышки. Мы остановились бивуаком, подкрепили свои силы последними остатками воды и пищи и только что начали собираться в последний поход, как вдруг увидели спускавшихся с горы конных разведчиков неприятеля. Их было человек пять. Ничего не подозревая, они спустились до половины горы. Нам ничего не оставалось делать, как отправить им вслед кавалерийскую разведку, которая перехватила бы их и не дала возможности противнику обнаружить нас. Десять лихих разведчиков помчались наперерез разведке неприятеля. Мы с большим напряжением наблюдали в бинокли эту сцену и, к ужасу своему, увидели, что разведка неприятеля заметила погоню и быстро начала удаляться за гору. У них были, конечно, все преимущества: свежие лошади давали им возможность уходить со значительно большей быстротой, чем шла наша погоня. Расстояние между ними росло, и в конце концов разведка неприятеля скрылась из наших глаз.

Настроение отряда сильно поколебалось. Противник не будет уже застигнут врасплох. Он будет иметь возможность подтянуть силы из Красноводска, с одной стороны, с передовых позиций — с другой, и дать нам сильный отпор. А это

значило нашу гибель. Тем не менее не оставалось другого пути, и первое, что надо было сделать,— это немедленно взорвать путь и телеграфную связь как впереди станции Айдин, так и в тылу. Немедленно две группы разведчиков были направлены для выполнения этих задач. Я поехал с группой разведчиков, которая была направлена в тыл противника. До линии железной дороги мы домчались в течение трех часов. Было совершенно очевидно, что разведка противника, обнаружившая наш отряд, могла достигнуть своего штаба значительно раньше...»

И все же, несмотря ни на что, станция Айдин была взята в срок, а вскоре разгромлена вся Красноводская группировка белых. Валериан Владимирович Куйбышев стал командующим вооруженными силами Туркестана и полпредом РСФСР в Бухаре, несущим мир и ленинскую дружбу народам Средней Азии.

Что бы ни делал этот замечательный человек: готовил первомайскую демонстрацию в Нарыме или вызволял из гибельной ссылки в Максимкин Яр больного Свердлова, спасал незнакомого товарища, не раздумывая отдав ему собственный заграничный паспорт, или смеялся в лицо избивавшим его жандармам,— все он делал вдохновенно, талантливо, широко, отдавая себя целиком делу, за которое взялся.

...8 марта 1921 года с волнением, с чувством гордости за себя, за своих товарищей, за свой народ слушает Валериан Владимирович Ленина:

— Мы,— говорит Ильич,— в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет.

Вместе с большинством делегатов X съезда партии Куйбышев проголосовал за важнейшие решения: о замене продразверстки продналогом, о новой экономической политике, о единстве партии. Еще раньше был разработан план ГОЭЛРО — план электрификации России. Все это было переходом к мирному строительству.

И в том же году Валериан Владимирович Куйбышев становится начальником Главэлектро. Он практически руководит строительством первенцев социалистической энергетики — Волховской, Каширской, Кизеловской и Шатурской станций.

Успех за успехом приносит первому в мире государству трудящихся хозяйственное строительство. Все важнее поручения партии Валериану Куйбышеву. 1923 год — он во главе объединенного контрольного органа ЦКК — РКИ, создан-

ного XII съездом. 1926-й — назначен председателем Высшего совета народного хозяйства СССР. 1930-й — председатель Госплана СССР.

Пятилетние планы создаются под его руководством. Днепрогэс, Магнитка, первые тракторные заводы, Урало-Кузнецкий комбинат и другие гиганты Сибири — это воплощение его мечты и его бессонные ночи. Ради них он работает по 16 часов в сутки. Им он отдает все силы души, всю кровь сердца, все здоровье. Нечеловечески загруженный огромной, сверх всяких возможностей работой, он еще выкраивает за счет отдыха по два часа в день, чтобы учиться.

Вот его расписание на очередную неделю занятий: «1-й день — история+беллетр. 2-й день — эк. геогр.+ нем. яз. 3-й день — матем.+беллетр. 4-й день — история+нем. яз. 5-й день — матем.+беллетр. 6-й день — Маркс+нем. яз.».

С тем же самоотверженным размахом, с таким же самозабвенным увлечением он одновременно работает на постах заместителя председателя Совнаркома СССР, заместителя председателя Совета Труда и Обороны СССР, работает как член Политбюро ЦК ВКП(б), как председатель правительственной комиссии по спасению челюскинцев...— работает, работает, работает...

Как-то в Артеке один пионер спросил его:

— А вы что любите, товарищ Куйбышев?

— Я больше всего люблю пионеров.

— Нет, что вы любите делать?

— Что я люблю делать? Все люблю делать, каждую работу... Вот игру в шахматы люблю... В бильярд играть люблю. И крабов ловить люблю. Все, все люблю!

До конца жизни он был прежде всего работником, беззаветно влюбленным в свое дело, страстно любящим свой труд. Он и умер как труженик — придя с работы.

И, подводя итог его жизни, лучше сказать о нем его же словами:

«Я весь в происходящей борьбе, весь без остатка. Не только приемлю ее всю, с ее грубостью, жестокостью, беспощадностью ко всему, что на пути, не только приемлю, но и сам в ней весь, всем своим существом, всеми помыслами. Все надежды, вера, энтузиазм в ней, в борьбе. Все, что не связано с ней, чуждо мне, я люблю, мне близко то, что с ней слито...»

Партия шагает в революцию.
Рассказы о соратниках В. И. Ленина.
2-е изд. М., 1964, с. 237—250.

И. М. ДУБИНСКИЙ-МУХАДЗЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСНХ

Август, 3, 1926 год.

«Несмотря на то, что уход тов. Куйбышева означает огромный ущерб для работы ЦКК — НК РКИ СССР, все же Президиум ЦКК находит, что, принимая во внимание чрезвычайную важность для партии и страны развития промышленности и руководства ею, кандидатура тов. Куйбышева на пост председателя ВСНХ СССР является наиболее подходящей».

Совсем недавно, несколько дней назад, председателем ВСНХ был Феликс Дзержинский. Человек, самый близкий Валериану Владимировичу. Был...

Смерть всегда кажется безжалостной, преждевременной. Эта особенно. Скорее насильственная, чем естественная. Хотя ни пули, ни яда, боже сохрани, никаких окутанных тайной злодеяний не было. Только...

День в день, месяц назад, Феликс Эдмундович пишет другу:

«Дорогой Валериан!

...Мы из этого паралича не вырвемся без хирургии, без смелости, без молнии. Все ждут этой хирургии. Это будет то слово и дело, которого все ждут. И для нашего внутреннего, партийного положения — это будет возрождение... Нам нужно во что бы то ни стало сплотить все силы около партии. Хозяйственники играют тоже большое значение. Они сейчас в унынии и растерянности. Я лично и мои друзья по работе — тоже «устали» от этого положения невыразимо.

...Кроме вопросов управления, нам надо серьезно, не так, как сейчас, поставить и разрешить вопросы

о дисциплине труда

о кооперации

о частнике и спекуляции

о местничестве.

У нас сейчас нет единой линии и твердой власти. Каждый комиссариат, каждый зам и пом и член в наркоматах — своя линия. Нет быстроты, своевременности, правильности решений.

Я всем нутром протестую против... тех, кто наверняка поведут и партию и страну к гибели, т. е. Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Шляпникова. Как же мне, однако, быть? У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управ-

лении на практике страной и хозяйством, если возьмем потерянный темп, ныне отстающий от требований жизни...
3.VII.26 г.

Твой Ф. Дзержинский».

Значит, еще 17 дней. От 3 до 20 июля.

Один из очевидцев — чешский коммунист, работник Коминтерна Богумир Шмераль напишет назавтра в «Правде»: «Дзержинский часто судорожно прижимал левую руку к сердцу. Позже он обе руки начал прижимать к груди, это можно было принять за ораторский жест...»

Вмешивается председательствующий. Для того чтобы осведомиться, сколько времени еще нужно Дзержинскому. Не отнимая руки от сердца, Феликс Эдмундович отвечает: «10—15 минут». Голоса (все происходит на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК): «Без ограничения времени!»

Дзержинский. Вы свидетели уже не один день, как меньшинство желает вывести из равновесия большинство, и я не буду на такие реплики обращать внимания, ибо, чем мы больше обращаем внимания на эти выходки, тем больше мы этим даем возможность оппозиции нашу деловую работу дезорганизовать. (Голоса: «Верно!»)

Вывести Феликса Дзержинского из равновесия, сбить они не в силах. Все «похоронщики революции» сообща. Он скажет все. Договорит до конца... Тихонько выйдет из зала. Приляжет на диван в комнатушке за сценой. Попросит держать его в курсе прений. Через два с половиной часа возьмет портфель, медленно пошагает домой. Доберется. Упадет на пол у самой кровати. Врачи констатируют смерть. 20 июля в 15 часов 40 минут.

Какое-то время Куйбышеву терпеть Пятакова в ВСНХ. По должности — заместителя председателя. По делам — умелого, ловкого пакостника. Терпеть — и собирать новых работников. Они придут в разное время. Несхожие между собой. По жизненному пути, характеру, возрасту. Большевики из первых, участники всех трех русских революций. Делегаты комсомола. Ученые с именами многоговорящими. Заводские практики. Вчерашние студенты-вузовцы. Все вместе — опора Валериана Владимировича. Стратеги и тактики баталий гигантских за свою отечественную промышленность. За страну индустриальную, крепко стоящую. Независимую.

Пятеро, самых близких, Куйбышевым в первую очередь призванных, тоже очень разные. Семен Лобов. Петербургский потомственный рабочий. С завода Розенкранца, «Красного выборжца» впоследствии. В своем Петрограде много

лет глава совнархоза и Северо-западного промышленного бюро ВСНХ.

Иосиф Косиор. Тоже из рабочего старинного рода. Только с южнодонецких заводов. Потом ссыльный поселенец на Енисее. После побега — нелегальный партийный организатор в Москве. В начале гражданской войны — рядовой красногвардеец. Ближе к концу — командарм на Южном и Северокавказском фронтах. На Кавказе оставаться Косиору долго. Возвращать к жизни грозненские нефтяные промыслы.

Еще другой «нефтяной король». Главный, бакинский. Александр Серебровский. В Петербурге дореволюционном он слесарь. На Китайско-Восточной железной дороге — путевой обходчик. В Одессе, Иваново-Вознесенске, Уфе, Москве — рабочий механических мастерских. Разные фамилии, «виды на жительство», занятия. Единственно неизменное — большевик. С 1903 года. Со времени зарождения большевизма как политического течения, как самостоятельной партии.

Долгая беседа «обо всем» с Лениным. Летом девятьсот девятого в Париже. Серебровский только что бежал с каторги. Приговорен к 15 годам за «антиправительственную деятельность в армии».

— Сколько вам лет, Александр Павлович? Двадцать пять? Поступайте учиться...— советует Ильич.

Инженер Серебровский защищает диплом в Бельгии. Большевик Серебровский защищает свою Октябрьскую революцию в Петрограде. Руководит Красной гвардией... Неожиданный ночной вызов к Ленину весной двадцатого. «Вы назначены председателем Бакинского нефтяного комитета. На сборы сегодняшняя ночь. Мандат уже заготовлен».

Оживает Баку. Первые пароходы с нефтяным товаром прорывают блокаду, являются в Константинополь. Дерзкий, неслыханный вызов американской «Стандард ойл», английской «Шелл». Бушуют страсти на мировом нефтяном рынке. Грозовые тучи в Москве. Будущие лидеры «треста уклонов» требуют обуздать «купца Серебровского». Телеграмма Ильича: «Действуйте смело и решительно... Вы знаете, какую я выдерживаю атаку со стороны известных Вам лиц по поводу «бакинской вольницы», но я верю Вам, знаю Вас и потому не обращаю внимания на все эти нападки».

Орден Трудового Красного Знамени номер один — Серебровскому. Нефтяной король Америки Рокфеллер приглашает на деловое свидание «нефтяного короля» из Баку...

Моисей Рухимович. Харьковчанин. Как бы единый в двух лицах. Флегматичный, замкнутый студент технологического института и едва ли не главный трибун революционного под-

полья, руководитель нелегальных кружков на заводских окраинах. В Октябрьские дни председатель Харьковского губернского ревкома. Политический комиссар на фронтах. Управляющий донецким угольным трестом, всеми южными металлургическими заводами.

Валерий Межлаук. Два университетских диплома. Факультеты юридический, филологический. Преподаватель русского языка и литературы. Обстоятельствами открытый талант военачальника. В продолжение пристрастие к металлургии — производству смелому, по-умному рискованному. С реакцией мгновенной, собранностью предельной.

По извечному закону природы вокруг деревьев могучих, твердо утвердившихся в глубину ушедшими корнями — молодая буйная поросль. Вся устремленная в будущее. Коммунисты — выпускники Института красной профессуры. По приказу Куйбышева каждому начинать с должности самой скромной. И жезл маршала в ранце солдата. Геннадий Смирнов в неполных 32 года будет председателем Госплана СССР. Захар Сушков — начальником крупных строительств. Константин Розенталь — заместителем наркома.

А официально аккредитованному при Президиуме ВСНХ представителю ЦК комсомола Василию Воробьеву...

Письмо из Рязани Василия Ивановича Воробьева, директора комбината химического волокна. 10 февраля 1969 года.

«Осенью 1925 года было принято решение об учреждении института представителей комсомола в хозяйственных органах. Задачей этих представителей являлась защита интересов рабочей молодежи в трудоустройстве, охране труда и профессионально-техническом образовании.

Я был назначен первым представителем ЦК ВЛКСМ в ВСНХ. Председателем Президиума ВСНХ был Ф. Э. Дзержинский, которому я был представлен секретарем ЦК ВЛКСМ Н. П. Чаплиным.

После смерти Дзержинского председателем Президиума ВСНХ стал В. В. Куйбышев. Я шел на первый прием к Валериану Владимировичу с глубоким внутренним волнением и известной робостью. Но все мои волнения быстро исчезли, и беседа стала протекать в совершенно непринужденной обстановке. Простота, душевность, обаяние Валериана Владимировича меня пленили. Впоследствии мне приходилось много раз присутствовать на заседаниях Президиума. Посчастливилось бывать и на узких совещаниях в кабинете Куйбышева. На одном из таких совещаний были И. В. Косиор, А. П. Серебровский, В. И. Межлаук, И. А. Краваль. Мне сильно понравились отношения между столь высокими

командирами промышленности. Обсуждали крупные вопросы, а обращались друг к другу просто, тепло, называли Куйбышева Валерианом, а он в свою очередь называл по имени других товарищей. К этой простоте и теплу взаимоотношений располагал Валериан Владимирович, и это, конечно, не означало снижения с его стороны необходимой требовательности.

Мне приходилось встречаться с Валерианом Владимировичем также в личной жизни среди его близких товарищей. Никогда он не подавлял своим присутствием, тем более не подчеркивал своего высокого положения.

В узком кругу, да и на вечерах отдыха Валериан Владимирович любил петь, особенно старые революционные песни и чаще всего «По пыльной дороге телега несется». Играли в городки, в шахматы. Всегда с огромным увлечением. В городки постоянным партнером Куйбышева был редактор «Торгово-промышленной газеты» Соловьев. Выиграть у них было почти невозможно, а хотелось!

Вернусь к первой встрече. Я тогда же почувствовал, что при исключительно большом и теплом внимании со стороны Валериана Владимировича к молодежи, ее нуждам мне легко будет в отделах и управлениях ВСНХ выполнять поручения ЦК комсомола по вопросам труда и образования рабочей молодежи.

Так оно и было в действительности. Делу подготовки квалифицированных рабочих для промышленности придавалось все больше внимания. В ВСНХ республик, в главках и трестах были созданы отделы профтехобразования.

Завершалось восстановление промышленности, осуществлялась ее реконструкция, приближалась героическая первая пятилетка. Валериан Владимирович в беседах и на заседаниях Президиума ВСНХ подчеркивал, что новый период, в который вступает промышленность, потребует огромного количества специалистов с высшим и средним техническим образованием. Потребует квалифицированных рабочих, обладающих хорошими профессиональными навыками и теоретическими знаниями.

В сентябре 1927 года ВСНХ созвал Всесоюзное совещание по профессионально-техническому образованию. В своем вступительном слове В. В. Куйбышев говорил о взятом партией курсе на быструю индустриализацию страны, сформулировал требования промышленности к высшей и средней школе, обещал всемерную поддержку техническим вузам и научно-исследовательским институтам. Для успешного руководства промышленными предприятиями, говорил Валериан

Владимирович, нам потребуются крупные организаторы, культурные, обладающие солидными знаниями, из людей рабочего класса. Куйбышев обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой создать в Москве Всесоюзную промышленную академию. На первый курс было принято более ста слушателей.

По рекомендации Валериана Владимировича в Промакадемию был принят и я. Он мне посоветовал идти на химический факультет. Слушателям нашего факультета Валериан Владимирович не раз рассказывал об огромных планах химизации народного хозяйства, о необходимости быстро развивать производство искусственного волокна — дело в те годы совсем незнакомое, неслыханное.

Сам Куйбышев дружил, часто встречался с основателем русской биохимии А. Н. Бахом. Нередкими гостями председателя ВСНХ были знаменитый физик А. Ф. Иоффе, минералог и непревзойденный знаток Урала А. Е. Ферсман, нефтяник И. М. Губкин, энергетики Г. О. Графтио, А. В. Винтер. Из Калуги приезжал К. Э. Циолковский с неизменным круглым футляром для заветных чертежей. Нам, молодым, он казался рассеянным стариком, человеком, безнадежно ушедшим в свои несбыточные мечтания. Куйбышев, наоборот, относился к нему необыкновенно внимательно, не жалел своего времени. Постоянно спрашивал: «Чем вам помочь? Что для вас можно сделать?»

По окончании Промакадемии (мне тогда было 24 года) весной 1930 года я был направлен на строительство Могилевской фабрики искусственного шелка (Могволокнострой). Какое это было замечательное время, незабываемые годы первой пятилетки! Воля масс, все преодолевающие людские руки творили почти невозможное. В августе на голом болотистом месте началось строительство. Земляные работы выполнялись вручную, грунт отвозился на грабарках, вся «механизация» ограничивалась укосинами, бетоно- и растворомешалками. Но уже в ноябре некоторые корпуса были подведены под крышу, а ровно через год — в тринадцатую годовщину Октября — получены первые нити советского искусственного шелка.

Газеты «Правда» и «Комсомольская правда» опубликовали наш рапорт о пуске Могволокностроя и просьбу к правительству присвоить фабрике имя Валериана Владимировича Куйбышева. С тех пор фабрика в Могилеве (ныне называется завод) достойно носит свое доброе имя».

Еще свидетельства о тех годах неповторимых. Записки людей бывалых. Не очевидцев, не свидетелей — участников первостепенных.

На Брянском заводе, под Екатеринославом. Инженер Иван Бардин. Пока только инженер. До избрания в Академию наук еще пять лет.

«В воздухе определенно чувствовались новые веяния. Воздвигался Днепрострой. Реконструировались старые домны. Серьезно заговорили о проектировании и постройке коксовых печей. Перед инженерами, перед строителями, перед людьми, желавшими видеть страну обновленной, культурной, мощной, счастливой, открывались увлекательнейшие перспективы, о которых давно мечтали русские инженеры. Я взволновался. Я не мог оставаться равнодушным и быть в стороне.

Наряду с другими заводами ВСНХ намечал расширить и реконструировать также и наш Брянский. Мы вошли с ходатайством, чтобы коксовые печи строились и у нас. Конкурентов было много, но наше ходатайство было удовлетворено.

Технически строительство новых коксовых печей представляло для нас, инженеров, большой интерес. Коксовый газ шел на отопление домен. Это было ново и незнакомо. Ведь мы, старые русские инженеры, учились и работали в те годы, когда коксовая техника в России была слишком примитивной. Поэтому начатое в 1927 году строительство печей было само по себе интересно и своим техническим новшеством. Тут и большой проект, и незнакомые до сих пор масштабы, и новый строительный процесс. Мы, инженеры, изголодались по интересной работе, мы были утомлены застойным однообразием технической мысли и с большой горячностью приступили к строительству, вкладывая душу в это замечательное дело.

К этому времени уже появились и первые ласточки из Кузбасса и с горы Магнитной. Началась организация Гипромеза. Наша техническая мысль зашевелилась. Инженеры должны были дать ответ стране — готовы ли они работать.

Приближался и крутой поворот в моей жизни. Я меньше всего об этом подозревал. Никакого особого значения знакомству с председателем ВСНХ Куйбышевым не придавал. Просто в его приезд на Брянку откровенно поговорили с ним о том о сем. Но что за этим последует вызов в Москву, предложение взять на себя строительство гигантского металлургического комбината в Сибири...»

В Харькове Степан Бирман. В прошлом не очень далеком — председатель Будапештского Совета рабочих

депутатов, крупный хозяйственник, руководитель «Югостали».

«В мае 1927 года у нас в «Югостали» собрались директора и руководящие работники заводов южной металлургии. Приехал Валериан Куйбышев. У нас уже был выработан план действий. Постройка новой большой механизированной доменной печи на Макеевском заводе — первой современной домны в Союзе; постройка новых доменных печей на Енакиевском и Юзовском заводах; новой мартеновской печи в Макеевке; постройка новых современных коксовых печей; установка 13 мощных импортных газовоздуходувных машин; сооружение нового грандиозного трубопрокатного цеха и мощной электростанции в Мариуполе.

С огромным вниманием знакомился Куйбышев с этим планом, просиживая с нами до поздней ночи. Затем он отправился на заводы, чтобы на месте проверить целесообразность нового строительства. Он увлекся перспективами, которые сулил этот план, размахом его, казавшимся исключительно грандиозным. Со смелой решительностью Валериан Владимирович дал свое согласие на проведение этого плана, заранее зная, что в правительстве придется основательно повоевать — с председателем Совнаркома Рыковым особенно.

Школа ли подполья, гражданской войны, особенности ли характера — не берусь судить, но за Куйбышевым прочная репутация руководителя, охотно принимающего на себя все бремя ответственности. Первые проекты Магнитки, Кузнецка, «Запорожстали», «Азовстали», Криворожского завода — все с его благословения».

У Бардина встреча с Куйбышевым в Брянске под Екатеринославом. У Бирмана — в Харькове. Большая поездка председателя ВСНХ. В сущности, с зимы прошлого, 1926 года. От Волхова, Ленинграда до крайнего юга. Все Приднепровье, Донецкий бассейн, Мариуполь, Николаев.

«Я решил объехать предприятия металлургии и машиностроения,— говорит Валериан Владимирович луганским паровозостроителям,— чтобы увидеть нужды каждого отдельного завода, чтобы при составлении будущих планов развития этих отраслей промышленности быть в состоянии своим личным наблюдением исправлять возможные дефекты и ошибки. Я объехал уже 20 предприятий металлургических и отчасти машиностроительных. Я буду еще на пяти заводах, кроме вашего.

Поездка дала мне очень много материалов, для того чтобы в будущем дать соответствующий толчок для развития металлургии и машиностроения. В результате объезда я с боль-

шим правом и настойчивостью буду предлагать правительству обратить особое внимание именно на эти отрасли, потому что нужды, недостатки, нехватки, которые я видел на всех заводах, доказали мне, что нужно во что бы то ни стало с ними справиться, иначе мы не пойдем вперед и будем отставать по всему хозяйству в целом...

После личного ознакомления с состоянием заводов у меня есть достаточно основания настаивать на том, чтобы в будущем году этим отраслям промышленности придать значительно более быстрый рост, ассигновать на них значительно больше средств».

И в продолжение, в развитие — реплика Куйбышева лидерам троцкистско-зиновьевской оппозиции на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК (июль — август 1927 года): «Тот, кто не был на месте, кто не посещал заводов, кто не заглядывал туда, вниз, где творится наша будущая экономика, тот не может себе представить, какой огромный творческий процесс происходит на каждом заводе, на каждом предприятии».

После Пленума снова по стране. Иваново-Вознесенск — текстильный край. Потом Нижний Новгород. Оттуда бросок за Уральский хребет. В Свердловск, на партийную конференцию с докладом о деятельности ЦК.

Обгоняя Куйбышева, туда же, в Свердловск, прибывают особо доверенные эмиссары оппозиции Белобородов и Мрачковский. В прошлом популярные уральские работники. Если не они, то кто?

Никто! Голый король, всего только голый король... Доклад Валериана Куйбышева, восторженно принятый конференцией уральских коммунистов,— торжество строгой правды над эффектным вымыслом, над хитрой клеветой.

Оппозиция. Стране угрожает кулацкая опасность... Государственные предприятия СССР имеют несоциалистический характер. Плохо работают, а прибыль их не идет в карман рабочих.

Куйбышев. Социальная природа промышленности зависит отнюдь не от качества работы предприятий, а от формы собственности, от того, кто владеет средствами производства. Общественная собственность, власть в стране рабочего класса, в последние годы значительно увеличившего свою численность, неизмеримо окрепшего, определяют новый тип отношений между участниками производства. Прибавочный продукт государственной промышленности хотя и не идет рабочему непосредственно, но в конечном счете поступает всем трудящимся, всем членам общества.

В нынешнем, 1927 году цензовая (крупная) промышленность обобществлена на 98%, оптовая торговля — на 96, а вся промышленность (включая кустарную) — на 87,7, торговля (вместе с розницей) —на 84%. Обобществленный сектор уже определяет собой общее направление и развитие...

Октябрьская социалистическая революция доказала, что пролетариат нашей страны в силах свергнуть буржуазию и осуществить рабочую диктатуру. Военная победа в гражданской войне доказала, что пролетариат вместе с крестьянством в силах отстоять завоевания революции. Теперь, восстановив разрушенное хозяйство, пролетариат и крестьянство должны доказать, что они в силах не только догнать, но и перегнать капиталистический мир, что они в силах успешно построить социалистическое общество.

Меркой стало уже не прошлое России, а будущее СССР. Начиная с 1927/28 года мы, так сказать, покидаем берега прошлого и вступаем в такую полосу развития, подобия которого нет ни в прошлом у нас, ни в истории других стран. Мы вступаем в период переустройства, реконструкции всего общественного уклада на новой технической базе при новых социально-экономических отношениях.

Намерение Валериана Владимировича на Урале задержаться подольше. Объехать заводы древесной металлургии, добраться до Березников и Соликамска — своими глазами увидеть залегания калиевых руд. Время не позволяет. 2 декабря открывается XV партийный съезд. Съезд подготовки наступления социализма по всему фронту.

Впервые в истории становится невозможным определить сроки и темпы великих социалистических преобразований. Сроки неслыханно сжатые. Темпы небывало быстрые. Наших советских пятилеток!

В канун решающего наступления партия изгоняет из боевых порядков безнадежных, неисправимых «похоронщиков» революции. С Троцкого, Зиновьева начиная. Новые силы, новые люди входят в Политбюро. Валериан Куйбышев в том числе. 19 декабря 1927 года на Пленуме Центрального Комитета.

Пять дней спустя передовая статья в «Правде». Подпись: В. Куйбышев. Вроде как бы заключение ко всем делам, наблюдениям, встречам в десятом году от Октября.

«Сегодня мы подводим итоги десятилетней работы наших советов народного хозяйства — органов управления советской промышленностью...

Десять лет — немалый период в истории промышленности любого государства. Для нашей же страны это десятилетие

составило буквально целую историческую эпоху. Оно вошло в ее историю не только принципиально новой главой. Мы с полным правом можем констатировать, что те темпы, которые показало развертывание промышленности при диктатуре пролетариата, являются единственными в своем роде, являются такими образцами бурного подъема, каких не знала еще история человечества. Немногие представляли себе, что в такой сравнительно небольшой срок, как шесть лет мирного хозяйственного строительства, можно не только подойти к довоенному уровню, но и тем более выйти за его рамки.

В чем же лежит объяснение того, что жизнь превзошла даже самые оптимистические предположения о возможностях развития промышленности в первое десятилетие?

...Рабочий класс явил на протяжении этих десяти лет такую творческую энергию, такое самопожертвование, сознание исторической ответственности и волю к победе на хозяйственном фронте, которые не могли не вывести и вывели наш Союз в кратчайший срок на путь возрождения и расцвета промышленности.

...Если поступательное развертывание промышленности оказалось неизмеримо более успешным, нежели это вначале думалось, то это произошло также и потому, что в основе нашего хозяйствования лежала плановость. И тут мы недооценивали всех преимуществ советского строя, не в полной мере представляли себе, каким мощным орудием мы владеем в деле преодоления и подчинения стихии интересам целого. Больше того, мы смело можем сказать, что на первых порах далеко не всюду метод планового подхода к разрешению проблем хозяйственного строительства применялся и осуществлялся среди работников промышленности.

Этим орудием мы только теперь *начинаем* овладевать, мы еще не всегда умело пользуемся им, но с каждым годом это умение становится все большим и большим...

В своем докладе на XI съезде партии В. И. Ленин говорил: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем». Нужно ли теперь, когда это «ускорение движения» становится фактом, доказывать, что в наших условиях — в условиях экономики нашей стра-

ны — этот путь является единственным, обеспечивающим устойчивость и постепенное развертывание промышленного развития страны?

...Истекшее десятилетие подводит нас к новому периоду, который будет обозначать все возрастающий удельный вес промышленности в советском народном хозяйстве. Индустриализация страны, являющаяся основным стержнем всей нашей хозяйственной политики, предопределяет громадную роль, а вместе с тем и накладывает исключительную ответственность...»

Дубинский-Мухадзе И. М. Куйбышев. М., 1971, с. 241—254.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Апин Антон Янович (1872—1946) — рабочий-плотник, латыш, член партии с 1903 года, при царизме за революционную работу отбывал каторгу, потом был в ссылке. В период учредиловщины в Самаре вел подпольную работу. Впоследствии был на партийной и советской работе.

Артюхина Александра Васильевна (1889—1969) — советский партийный и профсоюзный деятель, Герой Социалистического Труда, член партии с 1910 года. Была рабочей, активная участница рабочего движения, подвергалась арестам и ссылкам, с 1917 года на партийной и советской работе. С 1924 года заместитель заведующего, заведующая Отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б). В 1924—1931 годах редактор журнала «Работница», кандидат в члены и член ЦК ВКП(б). В 1926—1930 годах член Оргбюро ЦК и кандидат в члены Секретариата ЦК. Член ЦКК — РКИ, председатель ЦК профсоюзов рабочих хлопчатобумажной промышленности, директор ряда текстильных фабрик в Москве.

Ахунбабаев Юлдаш (1885—1943) — советский государственный деятель, член партии с 1921 года. В 1920—1921 годах председатель Маргиланского союза бедноты, затем председатель Маргиланского союза Кошчи (союз батраков и бедноты). Активный участник борьбы с басмачеством. В 1925—1938 годах председатель ЦИК Советов Узбекской ССР, затем председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Бардин Иван Павлович (1883—1960) — советский металлург, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, один из руководителей строительства Кузнецкого металлургического комбината; с 1937 года на руководящих постах в черной металлургии, затем директор Института металлургии АН СССР, директор ЦНИИ черной металлургии. Лауреат Ленинской и Государственной премий. Депутат Верховного Совета 1—5-го созывов.

Бауэр Яков Янович (1886—1958) — латышский рабочий, член партии с 1905 года, неоднократно арестовывался и ссылался. В 1917—1918 годах активный участник борьбы за установление Советской власти в Самаре, в последующие годы на ответственной партийной и советской работе. С 1926 года в аппарате ЦКК, в 1929 году председатель ЦКК — РКИ Западных областей, с 1934 по 1938 год член КСК, затем работал в Латвии.

Бах Алексей Николаевич (1857—1946) — советский ученый, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, основатель школы советских биохимиков. В 1918 году основал Центральную химиче-

скую лабораторию при ВСНХ РСФСР, бессменный директор Физико-химического института им. Л. Я. Карпова. С 1928 года возглавил Всесоюзную ассоциацию работников науки и техники, один из организаторов и директор Института биохимии АН СССР. Президент Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева, секретарь Отделения химических наук АН СССР. Лауреат Ленинской и Государственной премий. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Бешенковская Мария Соломоновна (1897—1964) — работница, член партии с 1914 года, перед захватом Самары белогвардейцами и после освобождения была заведующей клубом коммунистов, участница гражданской войны, в 1920 году заведующая женотделом райкома, затем на партийной работе в Ставрополе, Москве, Самаре, Татарии, Ленинграде.

Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — советский полководец, герой гражданской войны, Маршал Советского Союза, член партии с 1916 года. С 1921 года военный министр ДРВ, главком Народно-революционной армии, помощник командующего войсками Украинского ВО, командующий Особой Дальневосточной армии, Дальневосточным фронтом. Кандидат в члены ЦК, член ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Большаков Иван Пудович (род. в 1896 г.) — учитель, член партии с 1920 года, участник гражданской войны, член Забайкальского губкома РКП(б), инструктор Дальневосточного крайкома, с 1931 года на партийной работе в Туркмении, первый секретарь Ашхабадского горкома, затем на партийной работе в Восточной Сибири, преподаватель истории в школе. Делегат XI съезда РКП(б).

Брицке Эргард Викторович (1877—1953) — советский химик и металлург, академик АН СССР, профессор Рижского политехнического института, Московского института народного хозяйства, работал в МВТУ и Военной академии химзащиты, затем директор научного института по удобрениям, действительный член ВАСХНИЛ, лауреат Ленинской и Государственной премий.

Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1940) — советский партийный, государственный и военный деятель, член партии с 1903 года, активный участник революций 1905—1907 и 1917 годов. Впоследствии член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), заведующий агитпропом ЦК, секретарь ЦК РКП(б), начальник ПУ РККА, член РВС СССР, Оргбюро ЦК ВКП(б), редактор газеты «Красная звезда», нарком просвещения РСФСР. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Бутягин Юрий Павлович (род. в 1882 г.) — служащий, техник-инженер, член партии с 1902 года, участник революций 1905 и 1917 годов, участник гражданской войны, в 1922—1924 годах начальник и комиссар АХО штаба РККА, в дальнейшем на хозяйственной работе.

Веселый Артем (Кочкуров Николай Иванович) (1899—1939) — русский советский писатель, член партии с 1917 года, участник Октябрьской революции и гражданской войны, был чекистом, автор ряда пьес, повестей, романов и рассказов.

Вишневский Всеволод Витальевич (1900—1951) — русский советский писатель, член партии с 1937 года, участник Октябрьской революции и гражданской войны, редактор журнала «Краснофлотец», участник Великой Отечественной войны, редактор журнала «Знамя», корреспондент «Правды», автор киносценариев, пьес, очерков.

Водопьянов Михаил Васильевич (1899—1980) — член партии с 1934 года, участник спасения челюскинцев, один из первых Героев Советского Союза, генерал-майор авиации, участник гражданской и Великой Отечественной войн, член Союза писателей СССР, Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Гай Гая Дмитриевич (1887—1937) — член партии с 1918 года, видный советский полководец периода гражданской войны, наркомвоенмор Армении, преподаватель Военной академии имени М. В. Фрунзе, начальник кафедры истории войн и военного искусства Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского, профессор.

Гастев Алексей Капитонович (1882—1941) — участник революционного движения в России, член партии с 1931 года, один из зачинателей научной организации труда в СССР, директор Центрального института труда при ВЦСПС, заместитель и председатель Совета по НОТ при НК РКИ, в 1932—1936 годах председатель Всесоюзного комитета стандартизации при СТО СССР.

Горячев Павел Иванович (1895—1968) — Герой Советского Союза, член партии с 1916 года, участник первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. После войны работник МВД.

Гронский Иван Михайлович (род. в 1894 г.) — в революционном движении с 1912 года, член партии с 1918 года, участник Февральской и Октябрьской революций 1917 года, первой мировой и гражданской войн. С 1925 по 1934 год в редакции газеты «Известия», с 1928 года ее главный редактор. Был редактором журналов «Новый мир» и «Красная нива». В 1932 году председатель оргкомитета Союза писателей СССР. В настоящее время персональный пенсионер союзного значения, живет в Москве.

Груздев (Логинов) Семен Иванович (1886—1935) — рабочий — портной, член партии с 1908 года, активный участник революционного движения, неоднократно арестовывался, участник гражданской войны, бежал из «поезда смерти» и был на партийной работе на Дальнем Востоке. После гражданской войны на хозяйственной работе по специальности швейника, директор фабрики головных уборов имени Самойлова в Ленинграде. Автор большого количества статей-воспоминаний.

Губкин Иван Михайлович (1871—1939) — советский геолог, создатель советской нефтяной геологии, академик АН СССР, член партии с 1921 года. Председатель Особой комиссии по изучению Курской магнитной аномалии, ректор Московской горной академии, Московского нефтяного института, начальник Государственного геологоразведочного управления ВСНХ, председатель Совета по изучению производительных сил АН СССР, президент 17-й сессии Международного геологического конгресса, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Гуковский Алексей Исаевич (1895—1969) — советский историк, профессор, доктор исторических наук, преподавал историю СССР в вузах Москвы, Горького, Вологды. Автор ряда учебных пособий.

Дубинский-Мухадзе Илья Моисеевич (род. в 1911 г.) — член партии с 1942 года, советский писатель, участник Великой Отечественной войны, печатается с 1935 года. Автор ряда произведений о советских партийных и государственных деятелях.

Иванова Анна Андреевна (род. в 1893 г.) — рабочая, член партии с 1911 года, после 1917 года работала в Томске в комиссии по борьбе с контрреволюцией, в органах ЧК — ГПУ в Сибири, Финляндском торгпредстве, с 1928 года в аппарате ЦКК ВКП(б), затем в Наркомате тяжелой промышленности и Министерстве угольной промышленности.

Икрамов Акмаль Икрамович (1898—1938) — советский партийный и государственный деятель, один из организаторов Коммунистической партии Узбекистана, член партии с 1918 года. Заведующий отделом и секретарь ЦК КП Туркменистана, секретарь Ташкентского обкома партии, секретарь, затем 1-й секретарь ЦК КП Узбекистана, секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), член ЦК ВКП(б), член ЦИК и кандидат в члены Президиума ЦИК.

Иоффе Абрам Федорович (1880—1960) — советский физик, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, член партии с 1942 года. С 1918 года руководитель физико-технического отдела Государственного рентгенологического и радиологического института, затем директор Физико-технического института АН СССР, директор Физико-агрономического института, директор лаборатории полупроводников, с 1955 года директор Института полупроводников АН СССР. Лауреат Ленинской и Государственной премий. Почетный член многих академий наук и научных обществ мира.

Калинин Степан Андрианович (1890—1975) — член партии с 1917 года, участник первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. Командующий Приволжским и Харьковским военными округами, генерал-лейтенант.

Каменев Сергей Сергеевич (1881—1936) — советский военный деятель, член партии с 1930 года, в годы гражданской войны командовал Восточным фронтом, затем был Главнокомандующим вооруженными силами Республики. Впоследствии инспектор, начальник штаба, главный инспектор, начальник Главного управления РККА, член Реввоенсовета СССР. В 1927—1934 годах заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя РВС СССР, с 1934 года начальник Управления ПВО и член Военного совета при НКО СССР.

Кербабаев Берды Мурадович (1894—1974) — туркменский советский писатель, один из зачинателей туркменской советской литературы, академик АН Туркменской ССР, народный писатель Туркменской ССР, член партии с 1948 года, автор поэм, романов, повестей, пьес.

Клементьев Василий Григорьевич (1883—1967) — член партии с 1918 года, активный участник гражданской и Великой Отечественной войн, был заместителем командующего 18-й армией, генерал-майор.

Кобозев Петр Алексеевич (1878—1941) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1898 года, участник революции 1905—1907 годов, член Рижского комитета РСДРП. С ноября 1917 года — чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР в Западной Сибири и Средней Азии, возглавлял борьбу с Дутовым, нарком путей сообщения РСФСР в 1918 году, председатель ЦИК Туркестанской АССР, член комитета РКП(б) Туркестанского края, председатель РВС Восточного фронта, член РВС республики, член Турккомиссии, член коллегии НК РКИ, член Дальбюро и председатель Дальневосточного ревкома. С 1923 года — ректор Межевого института, профессор, заведующий кафедрой Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

Корицкий Николай Иванович (1894—1965) — кадровый офицер, участник империалистической, гражданской и Великой Отечественной войн, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, работал в ней преподавателем, генерал-майор.

Коротков Сергей Ксенофонтович (1908—1961) — новатор колхозного производства, дважды Герой Социалистического Труда, член партии с 1936 года. Заместитель председателя Чувашского ЦИК, нарком земледелия Чувашской АССР, заместитель председателя СНК Чувашской АССР, первый секретарь Вурнарского райкома ВКП(б) Чувашской АССР. Делегат съездов Советов, XIX — XXI съездов КПСС, депутат Верховного Совета СССР 1, 3, 5-го созывов.

Косарев Владимир Михайлович (1881—1945) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1898 года. После Февральской революции — председатель Томского Совета, Омского Совета, член Уральского комитета РКП(б), секретарь Рогожского райкома партии в Москве, член Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б), председатель Новониколаевского (Новосибирского) губисполкома, с 1923 года работал в ЦКК, с 1928 года в легкой промышленности. Делегат VIII, XIII — XV съездов партии.

Косиор Иосиф Викентьевич (1893—1937) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1908 года, рабочий-металлист, участник Октябрьской революции, гражданской войны. Председатель треста «Грознефть», правления треста «Югосталь», заместитель председателя ВСНХ СССР, председатель правления треста «Востокосталь». Начальник Главного управления топливной промышленности, заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. С 1933 года уполномоченный СНК СССР по Дальневосточному краю. Делегат XIV — XVII съездов партии, член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР.

Красильщиков Владимир Ильич (род. в 1924 г.) — член партии с 1950 года, советский писатель, прозаик, кинодраматург, автор ряда очерков о деятелях партии, печатается с 1950 года.

Кригер Евгений Генрихович (род. в 1906 г.) — русский советский журналист, очеркист, член партии с 1942 года. Закончил Бакинский театральный техникум, был актером, с 1926 года сотрудничает в газетах и журналах. В годы Великой Отечественной войны военный корреспондент «Известий». Автор многочисленных очерков, сборников, киносценариев.

Кузьмичев Григорий Трофимович (1879—1957) — рабочий трубочного завода, член партии с 1911 года, участник гражданской войны, после нее член Самарской губернской КК, председатель правления Союза металлистов в Самаре, член Самарского губисполкома. Кандидат в члены ЦИК СССР 2-го и 3-го созывов. Окончил Академию красных директоров. В 1928—1930 годах директор завода.

Куйбышев Владимир Валерианович (род. в 1917 г.) — сын Валериана Владимировича Куйбышева, член партии с 1947 года, закончил фортификационный факультет Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева, участник Великой Отечественной войны, окончил Московский архитектурный институт в 1947 году, кандидат архитектурных наук, доцент Государственного Центрального ордена Ленина института физической культуры. Автор проектов и построек жилых и общественных зданий, специалист в области спортивных сооружений и Олимпийских комплексов, автор памятника В. В. Куйбышеву в городе Кокчетаве. В настоящее время живет в Москве.

Куйбышев Николай Владимирович (1893—1938) — брат Валериана Владимировича Куйбышева, советский военачальник, комкор, член партии с 1918 года. Участник гражданской войны, награжден четырьмя орденами Красного Знамени. Член Высшей военной инспекции, комендант и комиссар Кронштадта, начальник Высшей стрелковой школы «Выстрел», командующий Туркестанским фронтом, начальник Командного управления РККА, помощник командующего войсками МВО. Командующий войсками СибВО, ЗакВО. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Куйбышева Галина Владимировна (1901—1982) — сестра Валериана Владимировича Куйбышева, член партии с 1939 года, окончила машиностроительный факультет Промакадемии, работала инженером на одном из заводов города Куйбышева, в отделе машиностроения Госплана СССР, в Министерстве электропромышленности. Была научным редактором БСЭ.

Куйбышева Елена Владимировна (род. в 1892 г.) — сестра Валериана Владимировича Куйбышева, член партии с 1940 года, основатель и в настоящее время директор Республиканского мемориального музея В. В. Куйбышева в городе Кокчетаве Казахской ССР.

Кутяков Иван Семенович (1897—1942) — советский военачальник, комкор, член партии с 1917 года, активный участник гражданской войны, награжден пятью орденами Красного Знамени. После гражданской войны окончил академию, командовал крупными военными соединениями, в 1936—1937 годах был заместителем командующего войсками Приволжского военного округа.

Лавренев Борис Андреевич (1891—1959) — русский советский писатель, драматург, участник первой мировой и гражданской войн, автор стихов, рассказов, повестей, драм, публицистических статей, памфлетов, фельетонов.

Лебедь Дмитрий Захарович (1893—1937) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1909 года. Один из руководителей борьбы за Советскую власть в Екатеринославе (Днепропетровске) в 1917 году, редактор журнала «Власть Советов» при Наркомвнуделе в Москве, заместитель председателя Екатеринославского губкома партии, губисполкома во Владимире.

В 1920 году секретарь ЦК КП(б)У, председатель ЦКК КП(б)У, заместитель наркома РКИ СССР, член Президиума ЦКК ВКП(б), заместитель председателя СНК РСФСР. Делегат X — XVII съездов партии, кандидат в члены и член ЦК ВКП(б).

Леваневский Сигизмунд Александрович (1902—1937) — советский летчик, один из первых Героев Советского Союза, член партии с 1934 года, участник Октябрьской революции и гражданской войны, служил в армии, в авиации с 1925 года, участник спасения челюскинцев. Погиб при перелете в США через Северный полюс.

Ледовская Валентина Алексеевна — накануне первой русской революции вместе с Валерианом Владимировичем входила в революционный кружок учащихся в Омске. Встречалась с В. В. Куйбышевым также в городе Каинске (ныне город Куйбышев) Новосибирской области.

Лежава Андрей Матвеевич (1870—1937) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1904 года. Революционную работу начал в 1894 году, был заключен в Петропавловскую крепость и сослан в Сибирь. После Октябрьской революции на руководящей хозяйственной и партийной работе: председатель Центросоюза, заместитель наркома внешней торговли, нарком внутренней торговли, заместитель председателя СНК РСФСР, председатель треста Союзрыба. В 1930—1937 годах начальник Главного управления субтропических культур СССР. Делегат X, XIII—XVII съездов партии. Член ЦКК, ВЦИК и ЦИК СССР.

Лежава Ольга Андреевна (род. в 1901 г.) — жена Валериана Владимировича Куйбышева, член партии с 1928 года. Окончила Сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева, агроном в Костромской губернии. С 1927 по 1942 год работала в НИИ лубяных волокон и одновременно (без отрыва от производства) окончила Московский текстильный институт, получила степень кандидата технических наук. С 1942 по 1952 год работала в Министерстве текстильной (потом легкой) промышленности, с 1953 года снова в ЦНИИЛВе. С 1957 года на пенсии. Автор ряда книг и статей. В настоящее время живет в Москве.

Леплевский Георгий Моисеевич (1889—1939) — член партии с 1917 года, активный участник революций 1905—1907 и 1917 годов, делегат 2-го и 3-го Всероссийских съездов Советов, в 1918—1920 годах заместитель председателя губисполкома и горсовета Самары, затем член и председатель Малого Совнаркома РСФСР, председатель АФК СНК СССР. В 1934—1938 годах заместитель прокурора СССР.

Лобов Семен Семенович (1888—1937) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1913 года, рабочий-металлист, в октябре 1917 года член Петербургского комитета РСДРП, в 1918 году член Президиума Петроградской ЧК, Саратовской ЧК, член Самарского губкома РКП(б), председатель Башкирской ЧК, наркомвнудел Башкирской республики. В 1924—1926 годах — председатель Севзаппромбюро, член Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), член Президиума ВСНХ СССР. С 1926 года председатель ВСНХ РСФСР, начальник Главэнерго ВСНХ СССР, заместитель председателя ВСНХ СССР. Позднее заместитель наркома снабжения СССР, нарком лесной промышленности СССР. Делегат XI — XVII съездов партии, кандидат в члены и член ЦК ВКП(б).

Логинов Михаил Григорьевич (1882—1960) — член партии с 1902 года, рабочий, участник революций 1905—1907 и 1917 годов, активный участник создания отрядов боевых дружин и формирования Красной гвардии. Впоследствии на хозяйственной работе.

Любимов Исидор Евстигнеевич (1882—1937) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1902 года, делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, в 1907—1910 годах член МК РСДРП. После Октябрьской революции председатель исполкома Иваново-Вознесенского совета. В 1919—1920 годах член РВС Туркфронта, член Президиума ТурЦИКа и заместитель председателя ЦК КП(б)Туркестана, председатель СНК Туркреспублики. Позднее работал на Украине, был председателем Главхлопкома, членом Средазбюро ЦК РКП(б), председателем правления Центросоюза. С 1930 года заместитель наркома внешней и внутренней торговли и торгпред в Германии, нарком легкой промышленности СССР. Делегат X, XIV — XVII съездов партии. Кандидат и член ЦК ВКП(б).

Ляпидевский Анатолий Васильевич (род. в 1908 г.) — советский летчик, один из первых Героев Советского Союза, генерал-майор авиации, член партии с 1934 года, участник спасения челюскинцев, Великой Отечественной войны. После войны главный контролер Госконтроля СССР, заместитель министра авиационной промышленности, директор завода. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва, член ЦИК СССР.

Митрофанов Алексей Христофорович (1879—1941) — рабочий, член партии с 1903 года, делегат V (Лондонского) съезда РСДРП. С 1916 года в Самаре, редактор газеты «Приволжская правда», член городского и губернского комитетов партии, ревкома и губкома. Делегат 5—7-го съездов Советов, VIII съезда партии. Член ВЦИК и Президиума ВЦИК, Коллегии НКЗ. Позднее редактор газеты «Голос трудового крестьянства», журнала «Красный пахарь», заведующий Сельскохозяйственной академией НК РКИ, член правления Сельского союза. В 1925—1930 годах в ЦК РКП(б) — руководитель группы по изучению проблем партийного строительства, с 1936 года директор Московского ветеринарного зоотехнического института. На XIII, XIV и XV съездах партии избирался членом ЦК ВКП(б).

Мухтар Аскад (род. в 1920 г.) — узбекский советский писатель, член партии с 1954 года, в 1957—1969 годах секретарь правления Союза писателей Узбекистана, редактор журналов «Шарк Юлдузи», «Гулистан». Автор большого количества поэм, стихов, рассказов, литературно-критических статей, переводов.

Никитин Иван Иванович (1880—1957) — рабочий, член партии с 1917 года, в революционном движении с 1905 года, участник обороны Самары и Симбирска, начальник отряда и комендант пароходов и пристаней. В дальнейшем на советской работе.

Петерс Яков Христофорович (1886—1938) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1904 года, участник революций 1905—1907 и 1917 годов, член Петроградского ВРК, делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК, член коллегии и заместитель председателя ВЧК, председатель Ревтрибу-

нала. Затем член Туркбюро ЦК РКП(б), член коллегии ОГПУ. Делегат XII—XVII съездов партии, член ЦКК, Президиума ЦКК, председатель МКК, член КПК при ЦК ВКП(б).

Петровский Григорий Иванович (1878—1958) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1897 года, член екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», потом комитета РСДРП. Участник революции 1905—1907 годов, депутат IV Государственной думы, комиссар Якутской области, делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, с ноября 1917 по март 1919 года нарком внутренних дел РСФСР. Затем председатель Всеукраинского ВРК, председатель ВУЦИКа, один из председателей ЦИК СССР, заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1940 года заместитель директора Музея Революции СССР. Был кандидатом и членом ЦК и Политбюро ЦК КП(б)У, кандидатом в члены ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б).

Пылаев Георгий Николаевич (1894—1937) — советский партийный деятель, член партии с 1912 года, участник революций 1917 года, гражданской войны, один из руководителей восстановления Донбасса. Председатель Свердловского окрисполкома и член бюро окружкома партии. В 1927—1934 годах на партийной работе в Ленинграде, член бюро обкома ВКП(б). С 1934 года уполномоченный КСК по Донецкой области. Делегат XIII—XVII съездов партии. Избирался членом ЦКК и КСК.

Равич Николай Александрович (1899—1976) — русский советский писатель, член партии с 1919 года, участник Октябрьской революции, гражданской войны. В 1921—1926 годах на дипломатической работе. Автор пьес на историко-революционные и современные темы, киносценариев, мемуаров, романов, очерков, критических статей.

Рудзутак Ян Эрнестович (1887—1938) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1905 года, рабочий, член Рижского комитета РСДРП, участник революций 1917 года. Председатель Московского СНХ, член Президиума ВСНХ, председатель ЦК профсоюза рабочих транспорта, Турккомиссии, Туркбюро РКП(б), член Президиума и генеральный секретарь ВЦСПС. В 1922—1924 годах председатель Средазбюро ЦК РКП(б). Член советской делегации на Генуэзской конференции в 1922 году. Секретарь ЦК РКП(б), нарком путей сообщения СССР, заместитель председателя СНК и СТО СССР, председатель Комитета по химизации народного хозяйства. В 1931 году председатель ЦКК и нарком РКИ СССР. Делегат IX—XVII съездов партии, был членом ЦК, Оргбюро и Политбюро ЦК. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Рыскулов Турар Рыскулович (1894—1938) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1917 года, участник Октябрьской революции в Туркестане, нарком здравоохранения, председатель ЦИК Туркестана, председатель Краевого бюро мусульманских коммунистических организаций, член Президиума Туркестанского крайкома РКП(б), заместитель наркомнаца РСФСР, председатель СНК Туркестанской АССР, член Средазбюро ЦК РКП(б). В 1924—1925 годах заместитель заведующего Восточным отделом Коминтерна, представитель Коминтерна в Монголии. В 1926—1937 годах заместитель председателя СНК РСФСР. Делегат XII, XV—XVII съездов партии, был кандидатом в члены ЦК, членом ВЦИК.

Савельев Максимилиан Александрович (1884—1939) — советский партийный деятель, журналист, академик АН СССР, член партии с 1903 года, редактор большевистского журнала «Просвещение», член редакции «Правды», член Киевского комитета партии, член Нарвского райкома РСДРП(б), заведующий редакцией газеты «Рабочий путь», член редакции газеты «Экономическая жизнь», редактор газеты «Коммунист» ЦК КП(б)У, «Торгово-промышленной газеты», газеты «Известия». Один из организаторов ВСНХ и член его Президиума, секретарь Туркестанского крайкома РКП(б), председатель Промиздата. С 1921 по 1931 год — заместитель заведующего Истпартом при ЦК ВКП(б), в 1936—1939 годах заместитель директора Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Делегат VII (Апрельской) Всероссийской конференции, VI, VII, XV—XVII съездов партии. В 1930—1934 годах кандидат в члены ЦК ВКП(б).

Серебровский Александр Павлович (1884—1938) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1903 года, рабочий. Участник революций 1905—1907 и 1917 годов; в период гражданской войны на военно-хозяйственных должностях, участник борьбы за установление Советской власти в Грузии, председатель «Азнефти», правления Всероссийского нефтесиндиката, заместитель председателя ВСНХ. С 1926 года начальник «Главзолота» и член коллегии Наркомфина СССР. С 1931 года замнаркома тяжелой промышленности. Делегат XIII—XIV, XVII съездов партии. Кандидат в члены ЦК, член ЦИК СССР.

Серебрякова Галина Иосифовна (1905—1980) — русская советская писательница, член партии с 1919 года, участница гражданской войны, автор романов, очерков, киносценариев, воспоминаний о людях эпохи.

Слепнев Маврикий Трофимович (1896—1965) — советский летчик, один из первых Героев Советского Союза, полковник, член партии с 1934 года, участник 1-й мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, участник спасения челюскинцев. Начальник Главной инспекции ГВФ, начальник академии ГВФ, работник Главного штаба ВМФ. Был членом ЦИК СССР.

Стриевский Константин Константинович (1885—1938) — советский государственный деятель, член партии с 1902 года, рабочий, участник революций 1905—1907 и 1917 годов. После революции на военно- и административно-хозяйственной работе. В 1923—1927 годах председатель Союза металлистов, Московского СНХ, Московского областного совета профсоюзов, в 1930—1932 годах председатель ВСНХ РСФСР, нарком легкой промышленности РСФСР. С 1934 года председатель ЦК Союза рабочих тяжелого машиностроения. Делегат XII—XVII съездов партии. Кандидат и член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Тимошков Сергей Прокофьевич (1895—1972) — член партии с 1919 года, участник гражданской и Великой Отечественной войн, позднее на военно-педагогической работе, кандидат военных наук, доцент, генерал-майор.

Трофимов Александр Васильевич (1887—1942) — рабочий, член партии с 1905 года. После Октябрьской революции член коллегии Пермской губчека, активный участник гражданской войны, работал в ОГПУ в Москве, с 1923 по 1931 год — в аппарате ВСНХ,

Туманов Алексей Тихонович (1909—1976) — советский ученый в области материаловедения, член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, член партии с 1932 года. С 1938 года был начальником Всесоюзного НИИ авиационных материалов, с 1967 года членом редакции БСЭ.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — советский военный деятель, Маршал Советского Союза, член партии с 1918 года, участник 1-й мировой и гражданской войн. Затем начальник Военной академии РККА, командующий войсками ряда округов, помощник начальника и начальник штаба РККА, с 1931 года заместитель председателя РВС СССР, начальник вооружений РККА, с 1934 года замнаркома обороны, с 1936 года 1-й замнаркома обороны и начальник управления боевой подготовки. С 1934 года кандидат в члены ЦК ВКП(б).

Уханов Константин Васильевич (1891—1937) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1907 года, рабочий. В Октябрьские дни 1917 года член Симоновского ВРК, с 1918 года председатель Рогожско-Симоновского райсовета, затем директор завода «Динамо», председатель правления Электротехнического треста, председатель Исполкома Моссовета, Московского облисполкома, заместитель наркома снабжения СССР. С 1934 года нарком местной, затем легкой промышленности РСФСР. Делегат X съезда партии. С 1923 года член ЦК. Был членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР.

Ушаков Георгий Алексеевич (1901—1963) — советский исследователь Арктики, доктор географических наук, работал в Главсевморпути, Главном управлении гидрометеослужбы АН СССР. Руководитель целого ряда полярных и высокоширотных экспедиций.

Фельдман Михаил Федорович (1899—1978) — член партии с 1920 года, участник гражданской войны, сотрудник ВЧК — ОГПУ. С 1928 по 1934 год работал в аппарате ВСНХ, Госплана СНК СССР в должностях ученого секретаря, заведующего секретариатом В. В. Куйбышева, управляющего делами Госплана СССР, в 1934—1938 годах на оперативной работе в экономическом отделе ОГПУ — ГУГБ. До 1948 года в Народном комиссариате лесной промышленности СССР. С 1949 по 1972 год сотрудник Государственного института проектирования городов.

Фролов Прокопий Павлович (1882—1943) — рабочий, член партии с 1905 года, участник революций 1917 года, член Самарского Совета, участник гражданской войны. С 1921 года член губисполкома, член президиума горсовета, член пленума губпрофсовета, член губернской КК и краевой КК.

Хатаевич Мендель Маркович (1893—1937) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1913 года, в 1918 году председатель Самарского горкома, член губкома, в дальнейшем на партийной работе в армии. С 1921 года секретарь Гомельского, Одесского губкомов, в аппарате ЦК ВКП(б), секретарь Татарского обкома, 1-й секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП(б), секретарь ЦК КП(б)У. С 1933 года 1-й секретарь Днепропетровского обкома; 2-й секретарь ЦК КП(б)У. Делегат VIII—XVII съездов партии. Член Центральной ревизионной комиссии, кандидат в члены и член ЦК. В 1932—1937 годах — член Политбюро ЦК КП(б)У, член ВУЦИК и ЦИК СССР.

Ходжаев Файзулла (1896—1938) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1920 года, в 1917 году член ЦК младобухарской партии, с 1920 года — председатель Туркестанского центрального бюро младобухарцев-революционеров, председатель ревкома, председатель Совета народных назиров (комиссаров) и член ЦК КП Бухары. С 1922 года — член Средазбюро ЦК РКП(б), член РВС Бухарской группы войск. С 1925 года председатель СНК Узбекской ССР, один из председателей ЦИК СССР, член ЦК КП(б)Уз. Делегат XII—XVII съездов партии.

Чубарь Влас Яковлевич (1891—1939) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1907 года, участник революций 1905—1907 и 1917 годов, комиссар ВРК в Главном артиллерийском управлении, член Совета рабочего контроля, на ответственных хозяйственных должностях на Украине. С 1923 года председатель СНК УССР, заместитель председателя СНК и СТО СССР, с 1937 года нарком финансов СССР. В 1920—1934 годах член Политбюро ЦК КП(б)У. Делегат XI—XVII съездов партии, кандидат в члены и член ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б). Был членом ВУЦИК, ВЦИК, ЦИК СССР и его Президиума. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Шамшин Петр Иванович (1896—1976) — член КПСС с 1917 года, после Октябрьской революции член Президиума Самарского губисполкома. С 1918 по 1926 год в Красной Армии на различных должностях. В последующем работал в ЦКК ВКП(б) и на руководящей хозяйственной работе.

Шателен Михаил Андреевич (1866—1957) — советский электротехник, член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда, принимал активное участие в составлении плана ГОЭЛРО, с 1929 года президент Главной палаты мер и весов СССР, член Международного комитета мер и весов. Лауреат Государственной премии СССР.

Шмидт Отто Юльевич (1891—1956) — советский ученый, математик, геофизик, астроном, государственный и общественный деятель, академик АН СССР, Герой Советского Союза, член партии с 1918 года. После Октябрьской революции член коллегий ряда наркоматов, один из организаторов высшего образования, науки и издательского дела. В 1923—1956 годах профессор МГУ, в 1930—1932 годах директор Арктического института, в 1932—1939 годах начальник Главсевморпути, в 1939—1942 годах вице-президент АН СССР. Автор теоретических трудов, участник экспедиций в северных широтах, член ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Шойхет Мотля Эльевна (род. в 1892 г.) — член партии с 1911 года, в Октябрьские дни 1917 года выполняла поручения партии в Петрограде, участница гражданской войны. Окончила Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, работала на Украине и в Москве, была членом партколлегии, работала в Московском комитете партии, в Моссовете.

Шумяцкий Борис Захарович (1886—1938) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1903 года, рабочий, участник революций 1905—1907 и 1917 годов, член бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б), председатель Центросибири, зампред Сибревкома и член Сибббюро ЦК РКП(б), член Дальбюро

ЦК РКП(б) и председатель Совета Министров Дальневосточной республики. С 1921 года член РВС 5-й армии, полпред СССР в Иране, с 1926 года член бюро Ленинградского губкома ВКП(б), член Средазбюро ЦК ВКП(б). С 1930 года председатель Союзкино, с 1933 года начальник Главного управления кинопромышленности и зампред Комитета по делам искусств при СНК СССР. Делегат VI и XVI съездов партии, 3-го конгресса Коминтерна.

Элиава Шалва Зурабович (1883—1937) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1904 года, участник революций 1905—1907 и 1917 годов, участник гражданской войны, председатель Турккомиссии, полпред РСФСР в Турции и Персии, член Кавбюро ЦК РКП(б), Заккрайкома РКП(б), наркомвоенмор Грузинской ССР, председатель СНК Грузии. С 1931 года заместитель наркома внешней торговли СССР, с 1936 года — заместитель наркома легкой промышленности СССР. Был кандидатом в члены ЦК ВКП(б), членом ЦИК СССР.

Юзефович Иосиф Сигизмундович (1890—1952) — деятель советского и международного профсоюзного движения, член партии с 1919 года, рабочий-кожевенник. Член Московского центрального бюро профсоюзов, секретарь Совета кожевников. С 1918 года ответственный секретарь, с 1924 года председатель ЦК профсоюзов кожевенной промышленности, ответственный секретарь и редактор журнала «Международное рабочее движение». С 1933 года председатель ЦК профсоюза рабочих водного транспорта. В 1938—1949 годах в издательстве «Советская Энциклопедия», Институте истории АН СССР, Совинформбюро. Делегат XIII—XVII съездов партии, 4, 6, 7-го конгрессов Коминтерна, 1—5-го конгрессов Профинтерна. В 1928—1937 годах член Исполнительного бюро Центрального совета и секретариата Профинтерна. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

Ярославский Емельян Михайлович (1878—1943) — советский партийный деятель, историк, публицист, академик АН СССР, член партии с 1898 года. В 1903 году член Петербургского комитета РСДРП, участник революции 1905—1907 годов, делегат 1-й конференции РСДРП, 1-й конференции военных и боевых организаций РСДРП. С 1917 года — член ВРК, комиссар Кремля, Московского военного округа. В 1919—1922 годах — председатель Пермского губкома, член Сибирского областного бюро ЦК РКП(б). В 1921 году — секретарь ЦК партии, с 1931 года — председатель Всесоюзного общества старых большевиков, редактор «Исторического журнала», заведующий кафедрой истории ВКП(б) в ВПШ при ЦК ВКП(б). Делегат VIII—XVIII съездов партии. Член ЦК, ЦКК, КПК, ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕНИНСКИМ ПУТЕМ

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ЛЮДЯМ

ОБРАЗ В. В. КУЙБЫШЕВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

О ВАЛЕРИАНЕ КУЙБЫШЕВЕ

Воспоминания, очерки, статьи

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *В. Н. Светцов*
Младший редактор *Н. И. Коршикова*
Художник *Е. М. Габриелов*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

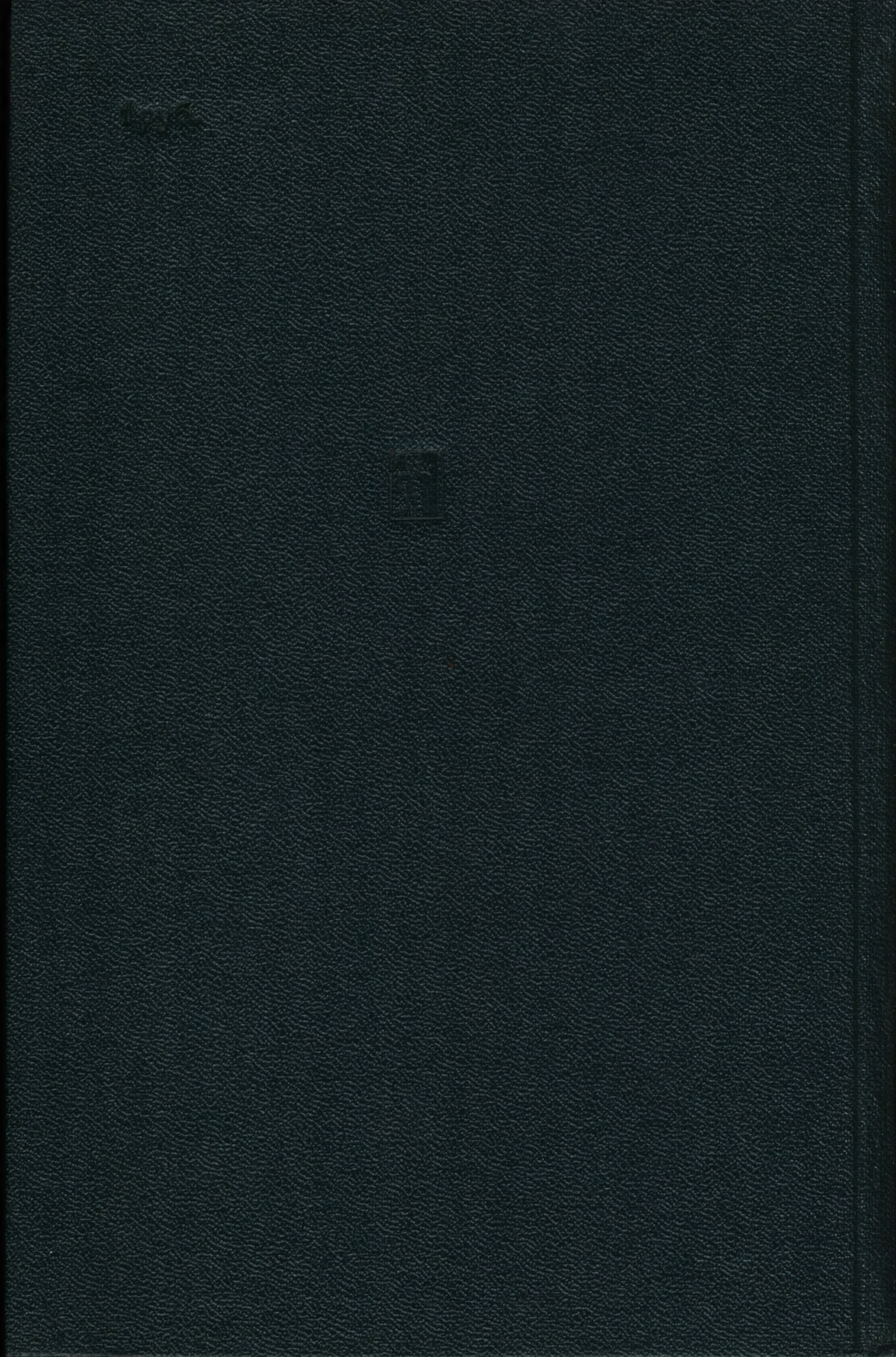
ИБ № 5127

Подписано в печать с матриц 09.04.84. А00067. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 17,75. Условн. кр.-отт. 19,11. Учетно-изд. л. 19,53. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 4381. Цена **1 руб.**

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Москва Совнаркому Цека
Свердлову Ногину
Самарскій Губернскій Револю-
ціонный Комитетъ после
взятія Самары переехал
Симбирск лицѣ председателя
Куйбышева товарища Дубинского
членов Егорова Струппе и
возобновил свою деятельность

О ВАЛЕРИАНЕ
КУЙБЫШЕВЕ
Воспоминания,
очерки,
статьи